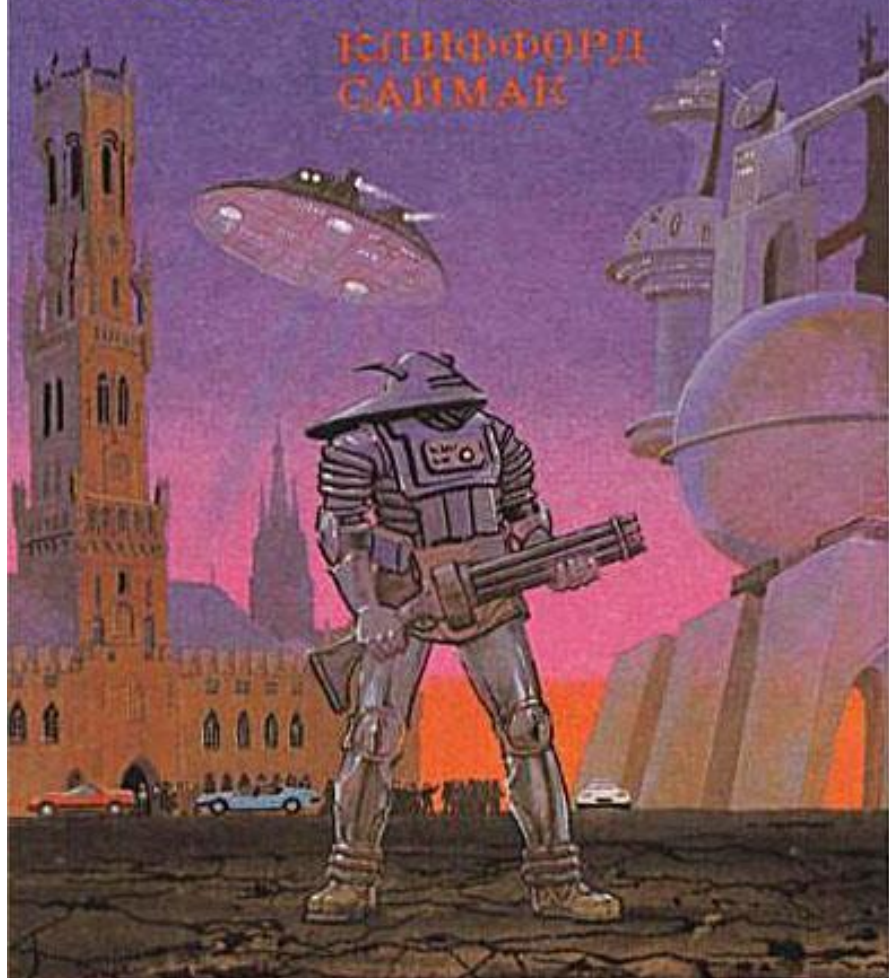

ПОСЕТИТЕЛИ

КЛИФФОРД
САЙМАК

Клиффорд Саймак

Том 5

Собрание сочинений

ТПО «ИНТЕРФЕЙС»

Клиффорд Саймак

ПОСЕТИТЕЛИ

Фантастические произведения

ТПО „ИНТЕРФЕЙС“
Москва
1993

84.7 США
С 14

Клиффорд Саймак

С 14 Посетители: Фантастика, Т. 5 / Сост. Д.М. Исаков. — М., ТПО „Интерфейс“, 1993. — 448 с., ил.

В книгу входят фантастические произведения популярного американского писателя Клиффорда Саймака.

Автор проекта и составитель *Д. Исаков*

Иллюстрации *В. Голубева*

Обложка *Е. Мешкова*

Портрет К. Саймака работы *М. Никитенко*

Технические редакторы *В. Шибяев, О. Батова*

Компьютерная графика *Д. Исакова и О. Батовой*

С 4702010201- 08
К 27 (03)- 92 Без объявл.
ISBN 5-7016-0009-2

© ТПО „ИНТЕРФЕЙС“, 1993
© Исаков Д. М.
© Худ. Голубев В. Н.
© Худ. Мешков Е. А.
© Худ. Никитенко М. В.

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

1

Виккерс проснулся очень рано, потому что после завтрака собирался отправиться в Нью-Йорк — накануне вечером позвонила Энн и сообщила, что кое-кто хочет там с ним встретиться. Он пытался уклониться.

— Знаю, что нарушаю твои планы, Джей, но, думаю, этой встречей пренебрегать не стоит.

— У меня нет времени на поездку. Работа в полном разгаре, и я не могу ее бросить.

— Речь идет об очень важном деле, — сказала Энн, — небывало важном. И в первую очередь хотят переговорить с тобой. Тебя считают самым подходящим из писателей.

— Реклама?

— Нет, не реклама. Речь идет совсем о другом.

— Напрасные хлопоты. Я не хочу ни с кем встречаться, кто бы это ни был,

Виккерс повесил трубку и пошел на кухню готовить себе завтрак.

Он жарил яйца с беконом и гренки, краем глаза наблюдая за капризным кофейником, когда позвонили в дверь.

Он запахнул халат и пошел открывать.

Звонить мог разносчик газет. Виккерса не было дома, когда следовало расплачиваться с юношей, и он мог зайти, увидев свет на кухне. Или сосед, странный старик по имени Гортон Фландерс, переехавший сюда около года назад и заходивший поболтать в самое неожиданное и неудоб-

ное время. Это был учтивый изысканный, хотя и несколько потрепанный жизнью человек. С ним приятно было посидеть, но Виккерс предпочел бы принимать его в более подходящее для себя время.

Кто другой мог зайти так рано?..

Он открыл дверь и увидел девчушку в вишневом купальном халатике и шлепанцах. Ее волосы были всклокочены со сна, но глаза ярко блестели. Она мило улыбнулась.

– Здравствуйте, мистер Виккерс. Я проснулась и не могла заснуть, а потом увидела свет у вас на кухне и подумала, вдруг вы заболели.

– Я прекрасно себя чувствую, Джейн, – сказал Виккерс. – Вот готовлю себе завтрак. Может, откушаешь со мной?

– О, да! – воскликнула Джейн. – Я так и думала, что вы пригласите меня поесть, если завтракаете.

– Твоя мама, наверное, не знает, что ты здесь?

– Мама с папой еще спят, – отвечала Джейн. – У папы сегодня выходной, и они вчера очень поздно вернулись. Я слышала, как они пришли и мама говорила папе, что он слишком много пьет, и еще она сказала ему, что никогда-никогда не пойдете ним, если он будет так много пить, а папа...

– Джейн, – сурово прервал Виккерс, – мне кажется, что твои папа и мама были бы очень недовольны, услышав тебя.

– О, им безразлично. Мама все время говорит об этом, и я слышала, как она сказала миссис Тейлор, что почти готова развестись. Мистер Виккерс, а что такое «развестись»?

– Мгм, не знаю, – сказал Виккерс. – Что-то я не припомню такого слова. И все же не стоит повторять мамины слова. Послушай-ка, ты здорово замочила шлепанцы, пока шла через лужайку.

– На улице очень мокро. Сильная роса.

– Проходи, – пригласил Виккерс. – Я принесу полотенце, хорошенько вытрем ноги, позавтракаем, а потом сообщим маме, где ты находишься.

Она вошла, и он закрыл за ней дверь.

– Садись на этот стул, а я пошел за полотенцем. Боюсь, как бы ты не простудилась.

– Мистер Виккерс, а у вас есть жена?

– Нет... я не женат.

– Почти у всех, кого я знаю, есть жены, – сказала Джейн. – А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?

– Право, не знаю. Наверное, не встретил.

– Но ведь девушек так много.

– Девушка у меня была. Но давно, очень давно...

Он не вспоминал о ней уже много лет. Долгие годы он подавлял в себе самую мысль о ней, но независимо от его желания она упрямо жила в глубине его памяти.

И вот все вернулось.

И девушка, и заветная долина, словно открывшаяся в волшебном сне... Они вместе идут по этой весенней долине; на холмах дикие яблони в розовой кипени цветов, а воздух наполнен пением птиц. Легкий ветерок рябит воду ручья, гуляет по траве, и, кажется, весь луг струится, словно озеро в пенящихся барашках волн. Но кто-то наложил чары на эту долину, ведь когда он позже вернул-

ся туда, она исчезла, вернее, на ее месте он нашел совсем другую долину. Та, первая – он отчетливо помнил – была совершенно иной.

Двадцать лет назад он гулял по той долине, и все эти годы он старался не вспоминать о ней. И вот то время вернулось, причем вернулось совсем не потускневшим, как будто все было только вчера.

– Мистер Виккерс, – услышал он голос Джейн, – мне кажется, ваши гренки сгорели.

2

Когда Джейн ушла и Виккерс вымыл посуду, он вдруг вспомнил, что целую неделю собирался позвонить Джо насчет мышей.

Он набрал номер телефона Джо и, когда услышал его голос, сказал:

– У меня мыши.

– Что?

– Мыши, – повторил Виккерс. – Эдакие маленькие зверьки. Они разгуливают по всему дому.

– Странно. Ваш дом отлично построен. В нем не должно быть мышей. Вы хотите, чтобы я вас избавил от них?

– Думаю, это необходимо. Я поставил мышеловки, однако хитрые животные не обращают на них внимания. Я взял кошку, но она сбежала, не прожив и двух дней.

– Это уже совсем странно. Обычно кошки любят дома, где водятся мыши.

– Кошка была какая-то чокнутая, ее словно околдовали – она ходила буквально на цыпочках.

– Кошки – странные животные, – согласился Джо.

– Сегодня я еду в город, – сообщил Виккерс. – Можете зайти, пока меня не будет?

– Конечно. Последнее время почти не приходится травить мышей. Я заеду часов в десять.

– Тогда я оставлю входную дверь открытой.

Виккерс повесил трубку и подобрал с порога газету. Бросив ее на стол, он взял свою рукопись и прикинул на вес, будто вес мог говорить о ценности написанного, о том, что он даром времени не терял и сумел выразить все, что хотел, выразить достаточно ясно, чтобы мужчины и женщины, которые будут читать эти строки, именно так, как нужно, поняли его мысль, спрятанную за безликим строем типографских знаков,

«Жалко день терять, – сказал он себе, – Следовало остаться дома и засесть за работу. Эти встречи нужнее всего литературным агентам». Но Энн очень настаивала, даже после того, как он сказал ей, что у него неисправна машина. По правде говоря, здесь он немного погрешил против истины, ибо знал, что Эб наладит ее в любую минуту.

Он глянул на часы. До открытия гаража оставалось около получаса. За работу садиться уже не имело смысла. Взяв газету, он вышел на крыльцо. И тут вспомнил о малышке Джейн, ее милой болтовне и похвалах его кулинарным способностям.

«У вас есть жена? – спрашивала Джейн. – А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?»

И он ответил: «Девушка у меня была. Но давно, очень давно...»

Ее звали Кэтлин Престон и жила она в большом кир-

пичном доме на вершине холма, в доме с колоннами, широкой лестницей и ложными окнами над входом. Это был старый дом, построенный во времена первых переселенцев, когда страну только начали обживать. Он был свидетелем многих событий и все так же возвышался над окрестными землями, хотя, изъеденные оврагами, они утратили былое плодородие.

Виккерс был тогда так молод, что сейчас сама мысль об этом причиняла ему боль, а потому не понимал, что девушка, жившая в старинном доме своих предков, вряд ли могла принять всерьез юношу, чей отец владел умирающей фермой, на полях которой родилась чахлая пшеница. А быть может, виной всему ее родители – девушка была тоже слишком юна и мало знала жизнь. Быть может, она ссорилась с родными, и в доме слышались резкие слова и лились чьи-то слезы. Этого он так и не узнал; между той прогулкой по заветной долине и его следующим визитом Кэтлин успели отослать в какое-то учебное заведение на Востоке, и с тех пор он ее больше не видел.

В поисках прошлого он бродил по долине, пытаясь пробудить в себе ощущения того дня и той прогулки. Но яблони отцвели, иначе звучала песнь жаворонка, и былое очарование отступило в какую-то недостижимую даль. Колдовство исчезло.

Лежавшая на коленях газета скользнула на пол. Виккерс поднял ее и пробежал глазами. Новости были столь же невеселы, как и накануне. Холодная война затянулась. Вот уже лет тридцать один кризис следует за другим, одни слухи сменяют другие, и люди привыкли, зевая, читать обо всем этом. Студент какого-то колледжа в Джорджии

побил мировой рекорд по глотанию сырых яиц; одна из самых соблазнительных кинозвезд собиралась в очередной раз выйти замуж; рабочие-сталелитейщики готовились к забастовке.

Была в газете и длинная статья о пропаже людей, которую он прочел лишь до половины. Если раньше такие исчезновения были единичными, то теперь, не оставляя никаких следов, исчезало сразу по нескольку семей из одной деревни. Как правило, это были бедняки. Так что, казалось, именно бедность служила причиной массовых исчезновений. Но объяснить, каким образом это происходило, не могли ни автор статьи, ни опрошенные им соседи пропавших.

В глаза бросился заголовок:

«МНЕНИЕ УЧЕНОГО:
СУЩЕСТВУЮТ И ДРУГИЕ МИРЫ».

Он прочел начало:

БОСТОН, МАССАЧУСЕТС (Ассошиэтед Пресс). Возможно, нашему миру предшествует опережающий его на секунду мир, в то время как еще один мир на секунду отстает от нашего...

Нечто вроде беспрерывной цепи миров, следующих один за другим. Такую теорию выдвигал доктор Винсент Олдридж.

Виккерс уронил газету, задумчиво глядя на цветущий сад. Этот крохотный уголок земли дышал покоем, словно находился в другом измерении. Золотое утреннее солнце, шуршащая на ветру листва, цветы, птичий гомон, солнечные часы, деревянная ограда, старая, безмолвно умирающая ель, которая из всех сил старается не терять связи с травой, цветами, своими собратьями...

Никакие людские волнения не имели здесь власти; время текло мирно, лето следовало за зимой, луна сменяла солнце и было ясно, что жизнь – это бесценный дар, а не право, которое одному человеку надо оспаривать у другого...

Виккерс глянул на часы – пора было отправляться в путь.

3

Эб, владелец гаража, одернул грязный комбинезон и прищурился от дыма сигареты, зажатой в уголке испачканного смазкой рта.

– Знаете, Джей, – произнес он. – Я не стал ремонтировать вашу машину.

– Я собирался в город, – сказал Виккерс, – но раз машина не готова...

– Я подумал, что она вам больше может не понадобится, и не стал ничего делать. К чему напрасная трата денег?

– Но старушка совсем неплохо бегают, – обиделся Виккерс. – И хотя у нее потрепанный вид, она мне еще послужит.

– Что говорить, бегать она еще может. Но лучше купить новенький вечмобиль.

– Вечмобиль? Довольно странное название.

– Вовсе нет, – возразил Эб. – Машина на самом деле вечная, поэтому ее так и называют. Вчера ко мне приходил один тип, все рассказывал о ней и предложил стать агентом по продаже этих вечмобилей. Я, конечно, согласился, а этот тип сказал, что я правильно сделал, потому что вскоре других машин в продаже не будет.

– Минуточку, – сказал Виккерс. – Хотя ее и называют вечномобилем, она не может быть вечной. Ни одна машина не может быть вечной. Прослужит лет двадцать-тридцать, но не больше...

– Джей, – перебил Эб, – мне этот тип сказал так: «Купите машину и пользуйтесь ею всю жизнь. Вы можете завещать ее своему сыну, он – своему, и так далее. У нее гарантия – навсегда. Если что-то выходит из строя, они ее ремонтируют или дают вам другую. Вечно все, кроме скатов. Они лысеют, как обычно, и их придется покупать. Окраска тоже не вечная. Гарантия – десять лет. Если она испортится раньше, то машину перекрасят бесплатно».

– Может, оно и так, но я как-то мало во все это верю. Не сомневаюсь, что можно сделать автомобиль гораздо выносливей сегодняшних. Но какой здравомыслящий предприниматель станет создавать вечный автомобиль? Он же разорится. Да и такая машина будет слишком дорога.

– Вот тут-то вы и ошибаетесь, пятнадцать сотен и ни цента больше. Никаких запчастей, никаких неприятных сюрпризов. Пятнадцать сотен – и она ваша.

– Надо думать, красотой она не отличается?

– Я красивее машины не видел. Вчерашний тип приехал на ней, и я ее хорошенько рассмотрел. Окраска может быть любого цвета, на ней куча хрома, нержавеющейки, самые последние новинки, а вести ее – мечта. Конечно, к ней надо привыкнуть. Я хотел поднять капот, чтобы посмотреть двигатель, но тот тип сказал, что двигатель никогда не барахлит и не выходит из строя, так что даже доступ к нему не нужен. «А куда заливается масло?» – спросил я. И

знаете, что он мне ответил?.. – «Не надо никакого масла, нужен только бензин».

На лице Эба появилась самодовольная улыбка, и он произнес:

– Через пару дней я получу первую дюжину вечмоби-лей. Вам оставить один из них?

Виккерс отрицательно покачал головой.

– Я совсем на мели.

– Да, вот еще что, – добавил Эб, – эта компания много дает за старые машины. За вашу, например, я бы мог дать тысячу долларов.

– Она не стоит этого, Эб.

– Знаю, но тот тип мне сказал: «Давайте им больше, чем стоят их машины. О цене не беспокойтесь, мы с вами договоримся». Конечно, если вдуматься, так дела обычно не ведутся, но это их идея, и я им мешать не буду.

– Я подумаю.

– Вы заплатите только пятьсот долларов, а остальное будете вносить частями. Этот тип разрешил мне так де-лать. Он сказал, что пока их интересует не столько полу-чить, сколько продать.

– Что-то все это мне не очень нравится, – сказал Вик-керс. – Вдруг откуда ни возьмись, появляется фирма и предлагает совершенно новую модель автомобиля. Да о ней должны были бы кричать все газеты. Доведись мне выпускать в продажу новый автомобиль, я бы заклеил афишами всю страну, поместил броскую рекламу в жур-налах, привлек телевидение, расставил на дорогах реклам-ные щиты.

– Вы знаете, я тоже подумал об этом, – согласился Эб.

– Я и сказал тому типу: «Послушайте, вы хотите, чтобы я продавал этот ваш вечмобиль. Как я его буду продавать, если нет никакой рекламы, и никто никогда о нем ничего не слыхал». А он ответил: «Они рассчитывают, что качество автомобиля будет говорить само за себя, что нет лучшей рекламы, чем слухи, что они предпочитают не тратиться на дорогую рекламную кампанию, а снизить цену на машину. Они сказали, что клиент не должен платить за рекламную кампанию.

– Не понимаю.

– Конечно, это все довольно странно, Но, по-моему, те, кто делает эти автомобили, ничего не теряют. Будьте покойны, они не сумасшедшие. А если ничего не теряют они, то сколько же зарабатывают компании, которые за две-три тысячи долларов продают свой железный лом, выходящий из строя после второй поездки? Дрожь пробирает, когда подумаешь об этом.

– Когда получите машины, – сказал Виккерс, – я зайду глянуть на них. Может, и сговоримся.

– Хорошо, – обрадовался Эб. – Вы говорили, что едете в город... С минуты на минуту придет автобус. Он останавливается на углу, возле аптеки. Водители у них отличные, так что через два часа будете в Нью-Йорке.

– Действительно, я как-то не подумал об автобусе.

– Вы уж простите меня за машину, – извинился Эб. – Если бы я знал, что она вам понадобится, то непременно отремонтировал бы ее – там ничего серьезного. Но мне сначала хотелось узнать, что вы скажете на мое предложение? Зачем вводить вас в лишний расход?

Аптека, казалось, стояла не на своем месте. Но когда Виккерс подошел ближе, он понял, почему у него возникло такое ощущение.

Не так давно скоростижно скончался старый Ганс, сапожник, и его лавочка, стоявшая рядом с аптекой, несколько недель была закрыта. Теперь ее снова открыли. Во всяком случае, ее витрина была чисто вымыта, чего старый Ганс никогда не делал. В витрине лежали какие-то предметы. Виккерс так спешил рассмотреть их, что, лишь вплотную подойдя к магазину, заметил свежую вывеску: «Технические новинки».

Виккерс остановился перед витриной. На черной бархатной полосе лежали только три предмета: зажигалка, бритвенное лезвие и электрическая лампочка. И ничего больше. Ни ярлыков, ни рекламы, ни цен. В этом, впрочем, не было никакой нужды. Виккерс знал, что всякий, кто увидит витрину, поймет, чем торгует магазин.

Виккерс услышал негромкое постукивание. Он обернулся и увидел Гортон Фландерса, совершавшего свой утренний моцион. На нем был несколько потертый, но тщательно вычищенный, как обычно, костюм. В руке он держал элегантную эбеновую трость. Виккерс знал, что ни у кого в Клиффвуде не хватило бы духа ходить с тростью по улицам.

Фландерс в знак приветствия поднял трость и подошел взглянуть на витрину.

— Итак, они и здесь открывают свой филиал, — сказал он.

— Похоже на то, — ответил Виккерс,

— Очень странная фирма. Меня она очень заинтересовала. Я вообще весьма любопытен.

– Я не заметил ничего особенного.

– О, боже! – воскликнул Фландерс. – Вокруг происходит столько удивительного. Возьмите историю с углеводами. Весьма таинственная история. Вы так не считаете, мистер Виккерс?

– Я как-то не задумывался над этим, У меня очень много работы...

– Что-то назревает. Уверяю вас.

Мимо них, вниз по улице, проехал автобус и, затормозив, остановился возле аптеки.

– Боюсь, мне придется вас покинуть, мистер Фландерс, – заспешил Виккерс. – Я еду в город. Вернусь к вечеру. Всегда рад видеть вас у себя.

– Благодарю вас, – ответил Фландерс. – Всенепременно зайду.

4

Все началось с бритвенного лезвия, которое никогда не затуплялось. Потом появилась зажигалка, безотказно работавшая без кремния и бензина. Затем пришел черед лампочки, которая могла гореть вечно, если только ее не разбивали. И, наконец, наступила очередь вечмобиля. Сюда же, несомненно, следовало отнести появление синтетических углеводов,

«Что-то назревает», – сказал ему Фландерс, когда они стояли перед лавочкой старого Ганса.

Виккерс уселся возле окна в середине автобуса и принялся размышлять, пытаясь во всем этом разобраться.

Бритвенные лезвия, зажигалки, лампочки, синтетические углеводы и теперь вечмобили – между их появлением

явно существовала какая-то связь. Обнаружив ее, найдя этот общий знаменатель, можно было понять, почему появились именно эти пять предметов, а не какие-то другие, например, шторы, ходули, волчок, самолет и зубная паста. Лезвия необходимы были ежедневно, как и лампочки, зажигалки нужны для курящих, синтетические углеводы позволили преодолеть кризисную ситуацию и спасли от голода миллионы людей,

«Что-то назревает», – говорил Фландерс. Вечмобиль будет работать, не требуя смены масла, после вашей смерти перейдет к вашему сыну, а от него – к его сыну, и если прадед купит такую машину, то старший сын его старшего сына унаследует ее. Машина будет служить из поколения в поколение.

Но появление вечмобиля означало гораздо больше. Когда не пройдет, как закроются все автомобильные заводы и большинство гаражей и ремонтных мастерских. Это нанесет серьезный удар сталелитейной, стекольной, текстильной и, наверно, еще дюжине других отраслей промышленности.

Можно было не придавать значения вечному бритвенному лезвию, электрической лампочке, зажигалке, но теперь пришло время задуматься. Сотни тысяч людей лишатся работы и, вернувшись домой, скажут родным: «Ну, вот и все. Я потерял работу». И повседневная жизнь многих семей будет продолжаться в молчаливом отчаянии, в гнетущей атмосфере страха. Глава семьи станет покупать все газеты, жадно изучая предложения о работе, потом начнет с утра уходить из дома; меряя шагами длинные улицы, он будет обивать пороги крупных компаний, а лю-

ди, сидящие там за окошками или за столами, будут отрицательно качать ему головой. В конце концов глава семьи с тяжелым сердцем переступит порог одной из небольших контор под вывеской «Синтетические углеводы» и со смущенным видом, какой может быть у квалифицированного рабочего, который никак не может найти работу, выдает: «Мне не везет, а деньги кончаются. Я хотел бы спросить...» И человек, сидящий за столом, кивнет ему: «Ну, конечно, конечно, сколько у вас детей?» После этого он напишет что-то на листке бумаги и протянет его просителю.

— Обратитесь вон в то окошечко, — скажет он. — Очевидно, на неделю вам этого хватит, потом приходите снова.

Глава семьи, взяв листок, станет бормотать слова благодарности, но человек из «Синтетических углеводов» остановит его:

— Помилуйте, для того мы и существуем, чтобы помогать таким, как вы.

И глава семьи подойдет к окошечку, служащий прочтет записку и выдаст ему банки. Содержимое одних банок будет иметь вкус картошки, других — вкус хлеба, третьих — кукурузы или зеленого горошка.

Такие сцены можно наблюдать постоянно.

Деятельность компании по производству и распространению синтетических углеводов не имела ничего общего с благотворительностью — это мог подтвердить всякий, кому доводилось иметь с ней дело. Служащие компании никогда не унижали вас, если вы обращались за помощью. Они относились к вам, как к уважаемым клиентам, и просили

приходить снова, а если вы больше не появлялись, шли к вам домой узнать, в чем дело, устроились вы на работу или постеснялись прийти вновь. Они не жалели времени, чтобы побороть ваше смущение, и после их ухода вы ощущали уверенность, что, получая помощь, оказываете фирме немалую услугу. Благодаря синтетической пище были спасены миллионы людей, а теперь, когда грозят остановиться автомобильные заводы и свернуть производство смежные предприятия, поле деятельности компании расширится беспредельно. К тому же многое говорит за то, что вечмоби́ли не являются новинкой этой таинственной фирмы.

«Нет сомнения, — думал Виккерс, — что со всеми этими вечными бритвенными лезвиями, зажигалками, электрическими лампочками и автомобилями стоят одни и те же люди». Это вовсе не мешало существованию разных компаний. Однако Виккерс отнюдь не собирался заниматься их поисками.

Автобус немного наполнялся, а Виккерс по-прежнему в одиночестве сидел у окна. Позади него болтали две женщины, и ему невольно пришлось слушать их разговор.

— Мы состоим членами клуба фантазеров, — хихикнув, сказала одна из них. — Там столько интересных людей.

— Я тоже хотела было вступить в такой клуб, — перебила вторая, — но Чарли сказал, что все это — сплошной треп. Он говорит, что мы живем в Америке, живем без малого в двухтысячном году от рождества Христова и нет никаких оснований не радоваться этому. Он считает, что наша страна — лучшая в мире, да и лучшего времени никогда не было. Мы живем с таким комфортом, какой до нас никому

и не снился. И Чарли говорит, что все эти слухи – коммунистическая пропаганда, и уж он-то сумел бы показать тем, кто их распускает, попадись они ему в руки. Он так и сказал...

– О, я об этом ничего не знаю, – в свою очередь перебила первая женщина. – Но то, что мы занимаемся, так увлекает; конечно, довольно нудно читать все эти древние истории, но в конечном счете получаешь удовлетворение. На прошлом собрании кто-то так и сказал, что все усилия будут вознаграждены. Однако мне не удастся сделать ничего путного. У меня, наверное, котелок совсем не варит. Я не очень люблю читать и не все понимаю – мне надо объяснять, но некоторые довольны. Один мужчина из нашей группы жил в Лондоне во времена какого-то Сэмюэля Пеписа¹. Я не знаю, кто такой Пепис, но, думаю, большая знаменитость. Глэдис, а вы знаете, кто такой Пепис?

– Понятия не имею, – ответила женщина по имени Глэдис.

– Этот мужчина все время твердит о Пеписе. Пепис написал, надо думать, большую книгу, так как речь там идет о самых разных вещах. И наш, этот из клуба, тоже вроде ведет дневник. Страшно интересно. Мы просим его читать свои записи на каждом собрании. Просто удивительно. Кажется, будто он на самом деле жил там.

Автобус остановился у железнодорожного переезда, и Виккерс глянул на часы – через полчаса он будет в Нью-Йорке.

¹ Сэмюэль Пепис – известный английский хронист времен Реставрации (1633-1703). – *Прим. перев.*

«Теряю даром время, – подумал он – Что бы Энн ни замышляла, роман свой не брошу. Не стоило отлучаться даже на день».

Позади него продолжала верещать Глэдис:

– А вы слышали о новых домах, которые сейчас начали строить? Прошлым вечером я предложила Чарли сходить посмотреть на них. Наш дом потерял вид, надо заново все красить и ремонтировать. Но Чарли сказал, что эти новые дома – сплошное надувательство. Там что-то нечисто. И еще он сказал, что слишком долго занимался бизнесом, чтобы клюнуть на такую аферу. А вы, Мэйбл, видели эти дома или, может, читали о них?

– Я рассказывала вам о нашем клубе, – не унималась Мэйбл. – Один из его членов, по всей вероятности, уже живет в будущем. Вы не находите это удивительным? Только представьте себе человека, который утверждает, что живет в будущем...

5

Перед дверью Энн остановилась.

– А теперь прошу тебя, Джей, запомни: его фамилия Кроуфорд. Не Крохэм, а Кроуфорд и никак иначе.

Виккерс униженно пробормотал;

– Я сделаю все, что в моих силах.

Она подошла к нему, подтянула галстук и щелчком сбила с отворота пиджака несуществующую пылинку.

– Потом пойдем и купим тебе новый костюм.

– У меня есть еще один...

На дверях висела табличка «Североамериканское исследовательское бюро».

– Одного не пойму, – возмутился Виккерс, – что общего между мной и этим бюро?

– Деньги, – сказала Энн. – У них они есть, а тебе они нужны.

Она открыла дверь, и он послушно последовал за ней, подумав, что Энн не только красивая, но и весьма способная женщина. Слишком способная. Она знала толк в книгах и цену издателям, угадывала вкусы читателя и разбиралась во всех тонкостях писательской профессии. Она сама могла найти первый путь и направить тех, кто ее окружал. Для нее не было большего наслаждения, чем слышать одновременно звонки трех телефонов или отвечать сразу на дюжину писем. Она вынудила его приехать сюда и, по всей вероятности, заставила Кроуфорда из Североамериканского бюро принять его.

– Мисс Картер, можете пройти, – сказала секретарша. – Мистер Кроуфорд ждет вас.

«Она покорила даже секретаршу», – подумал Виккерс.

6

Джордж Кроуфорд был человеком столь могучего сложения, что кресло, в котором он восседал, казалось игрушечным. Он сидел, сложив руки на животе, и говорил ровным бесстрастным голосом, лишенным всякого выражения. Виккерс подумал, что вряд ли встречал когда-либо человека более неподвижного. Кроуфорд не только не двигался, но даже и не пытался этого делать. Он высился в кресле, похожий на громадную статую, и не столько говорил, сколько шептал, еле шевеля губами.

– Я познакомился с некоторыми вашими произведениями, мистер Виккерс, и нашел их превосходными.

– Счастлив узнать это.

– Три года назад я ни за что бы не поверил, что примусь за чтение художественной литературы и буду беседовать с настоящим писателем. Но сегодня нам необходим человек вашего плана. Я говорил с моим административным советом, и мы пришли к выводу, что вы – именно тот, кто нам нужен,

Он замолчал и своими маленькими голубыми глазками в упор уставился на Виккерса.

– Мисс Картер сообщила мне, – продолжил Кроуфорд, – что вы весьма заняты в данный момент.

– Совершенно верно.

– У вас очень важная работа?

– Надеюсь, да.

– Однако то, что я хочу предложить вам, гораздо важнеей.

– Это смотря на чей взгляд.

– Я вам не очень нравлюсь, мистер Виккерс.

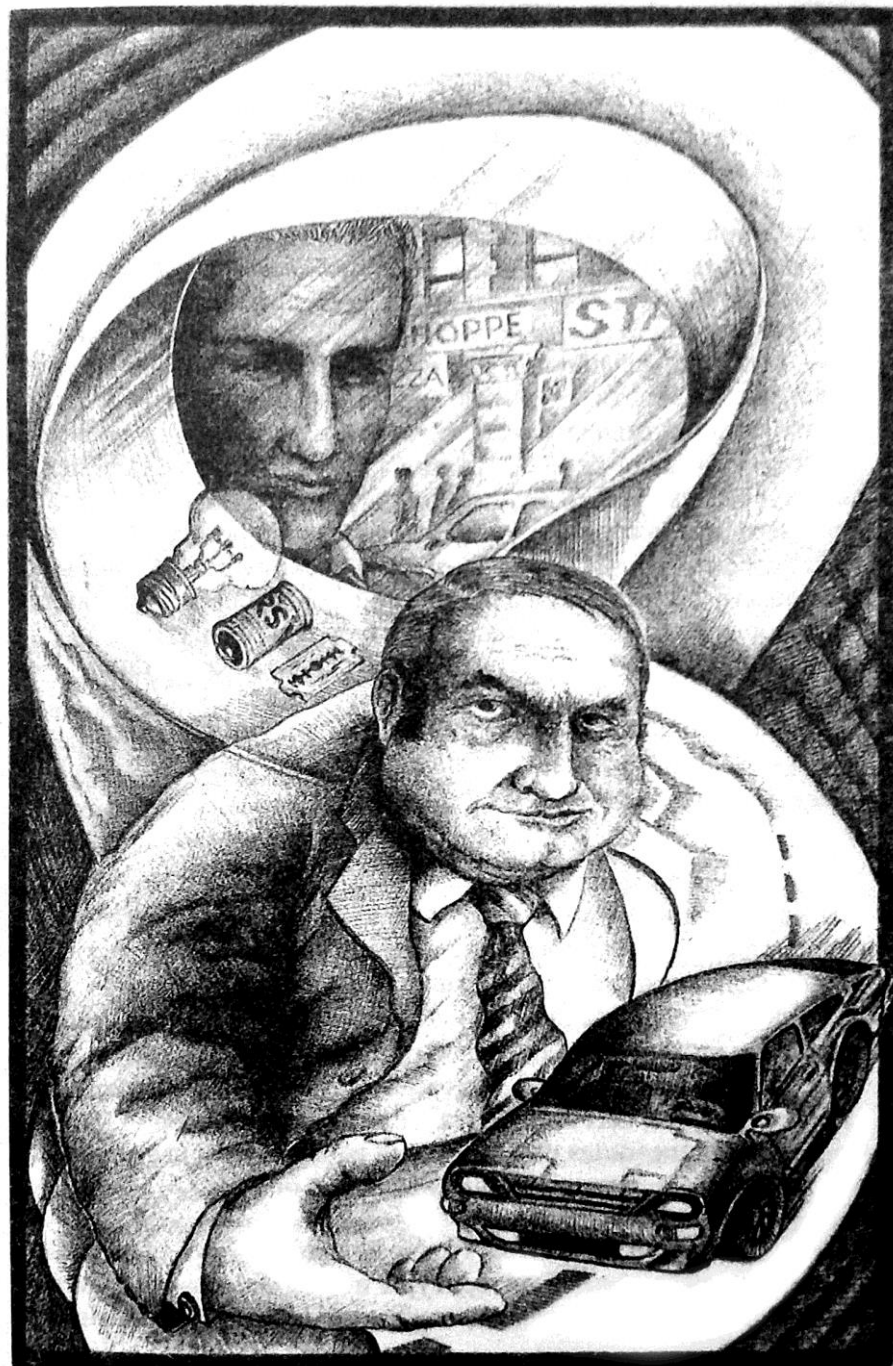
Он не спрашивал, а констатировал, и Виккерса это разозлило.

– Я еще не составил о вас определенного мнения, – ответил он. – Тем более, что меня совершенно не интересует ваше предложение.

– Прежде чем продолжать беседу, я хотел бы вас предупредить, что она носит сугубо конфиденциальный характер.

– Мистер Кроуфорд, – ответил ему Виккерс, – я не любитель грошовых тайн.

– Это не грошовая тайна, – впервые голос Кроуфорда утратил свою бесстрастность. – Речь идет о мире, стоящем на краю пропасти.

Виккерс удивленно взглянул на него. «Бог мой, – подумал он, – Эта туша говорит вполне серьезно. Ему действительно кажется, что мир стоит на краю пропасти».

– Вы слышали о вечномobile? – спросил Кроуфорд.

Виккерс утвердительно кивнул.

– Мне сегодня предлагали его купить.

– А вы знаете, что существуют вечные бритвенные лезвия, зажигалки и электрические лампочки?

– Да, я знаю такое лезвие, и оно лучше всех тех, которые я когда-либо покупал. Не думаю, что оно вечное, но пока я не правил его. А когда оно затупится, непременно куплю себе такое же.

– Если вы не потеряете свое лезвие, вам никогда не понадобится покупать другое, мистер Виккерс. Оно действительно вечное, как и машина, которую вам предлагали. Возможно, вы слышали и о домах?

– Я не в курсе дела.

– Речь идет о сборных домах, – пояснил Кроуфорд. – Их продают по пятьсот долларов за полностью обставленную комнату. Вам дают хорошую скидку за ваш старый дом и предоставляют рассрочку на оставшуюся сумму. Рассрочка эта значительно превосходит то, что может позволить себе нормальное кредитное общество. Обогрев домов и кондиционирование воздуха в них производится с помощью солнечной батареи, которая на порядок лучше всех тех, что существовали до сих пор. Я мог бы рассказать и еще кое о чем, но, думаю, этого достаточно, чтобы вы получили общее представление о сложившейся ситуации.

– Мне кажется, дома – это хорошая идея. Долгие годы

мы говорим о дешевом жилье. Быть может, это и есть то самое решение.

— Идея в самом деле хорошая, — согласился Кроуфорд, — и я бы стал ее самым горячим приверженцем, не повлекуи она за собой гибель энергетической промышленности. Солнечная установка дает тепло, свет, энергию для работ по дому. Стоит вам купить этот дом, и у вас отпадет нужда в электроснабжении. Эти дома лишат работы тысячи плотников, маляров, каменщиков, и они попадут в лапы людей из «Синтетических углеводов». В конце концов погибнет и лесная промышленность.

— Мне понятно, когда вы говорите об энергетической промышленности, но как это может отразиться на строителях и лесной промышленности? Для строительства домов всегда будет необходимо дерево, как будут нужны и плотники для его обработки.

— В этих домах действительно используется дерево, и кто-то производит все связанные с ним работы. Но мы пока не знаем, кто этим занимается.

— Неужели нельзя навести справки? — удивился Виккерс. — Ведь это не так сложно. В торговых книгах должны быть записи. Наконец, где-то имеются заводы и фабрики.

— Компания существует, — признал Кроуфорд. — Но это торговая фирма. Мы были там и обнаружили лишь склады, где хранятся готовые конструкции до высылки покупателю. Наши поиски предприятий-производителей не увенчались успехом. Они вписаны в накладные одной компании, название и адрес ее нам неизвестны. Но никто и никогда не продал этой компании и щепки. Она не приобрела ни у кого ни одного гвоздя. У нее нет ни одного слу-

жащего. Фирма указывает, где расположены ее фабрики, эти местности существуют, но там нет никаких предприятий. И, если мы не ошибаемся, никто не переступал порога компании с тех пор, как мы взяли ее под наблюдение.

— Невероятно! — воскликнул Виккерс.

— Конечно, — согласился Кроуфорд. — Строительные материалы, из которых делаются дома, где-то надо производить.

— Мистер Кроуфорд, позвольте задать вам один вопрос. Почему все это вас так интересует?

— Видите ли, я еще не решил, стоит ли вам говорить об этом.

— Понимаю, но все же мне хотелось бы получить от вас ответ.

— Я должен возвратиться несколько назад, чтобы вы правильно поняли мои намерения. Наши цели, если хотите — наша организация могут показаться смешными, если не знать их предыстории...

— Вы кого-то боитесь... — перебил Виккерс. — Вы не хотите признавать этого, но вы находитесь во власти какого-то животного страха.

— Как ни странно, я охотно это понимаю. Но речь идет не обо мне лично, а о мировой промышленности.

— Вы думаете, что те люди, которые делают и продают дома, производят и вечмобили, и зажигалки, и лампочки...

Кроуфорд кивнул в знак согласия.

— И углеводы... Стоит задуматься, и цепенеешь от ужаса. Кто-то уничтожает нашу промышленность и отнимает работу у миллионов людей, потом делает поворот на сто восемьдесят градусов и кормит эти миллионы людей.

Кормит их без анкет, бумагомарания и прочих бюрократических штучек, которые всегда были отличительной чертой благотворительных организаций.

– Политический заговор?

– Больше того. Мы уверены, что ведется сознательное и хорошо организованное наступление на нашу экономику в мировом масштабе, налицо намеренная попытка подорвать социальную и экономическую основу нашего образа жизни и, следовательно, нашей политической системы. Наш образ определяет капитал, будь он частный или государственный, и заработная плата, которую получают рабочие за свой повседневный труд. Устраните эти два фактора, и вы подорвете само основание нашего организованного общества.

– Вы сказали: «Мы уверены». Кого вы имеете в виду?

– Североамериканское бюро.

– Североамериканское бюро?

– Я чувствую, что заинтересовал вас, – заметил Кроуфорд.

– Просто я хочу знать, с кем имею дело, чего вы ждете от меня и о чем идет речь...

Кроуфорд не спешил с ответом.

– Именно это я и хотел сказать вам, когда предупредил о конфиденциальности нашей беседы.

– Не рассчитывайте, что я стану давать какие-то клятвы, – поспешил вставить Виккерс.

– Вернемся немного назад, – сказал Кроуфорд, и займемся историей. Тогда станет ясно, кто мы такие и чем занимаемся. Вспомните о незатупляющемся бритвенном лезвии. Новость о нем распространилась с невероятной

быстротой, и буквально каждый мужчина приобрел себе такое лезвие. Вам известно, что нормальный человек бреется одним лезвием пять-шесть раз. Затем выбрасывает его и берет другое. Это означает, что он постоянно покупает новые лезвия. Следовательно, производство бритвенных лезвий — очень выгодное дело. В этой отрасли были заняты тысячи людей, продажа лезвий давала некоторый заработок тысячам торговцев, кроме того, производство лезвий стимулировало выпуск определенных сталей. Иными словами, эта отрасль промышленности была одним из экономических факторов, который наряду с тысячами других схожих факторов формировал мировую промышленность в том виде, как мы ее понимаем. И что же случилось?

— Я, конечно, не экономист, но могу предположить: теперь никто не покупает бритвенных лезвий. Их производство вылетело в трубу, не так ли?

— Ну, все это происходит несколько медленнее, чем вы думаете, — сказал Кроуфорд. — Крупная отрасль промышленности — сложный механизм, который мгновенно не умирает. Даже если сбыт постепенно уменьшается, и ничего нельзя сделать. Но вы правы; именно сейчас предприятия, выпускающие бритвенные лезвия, терпят крах... Затем появилась зажигалка. Казалось бы, мелочь, но в мировом масштабе она перестает быть мелочью. Происходит то же самое, что и с производством лезвий. Затем приходит очередь электрических лампочек. И опять мы наблюдаем тот же процесс. Три отрасли промышленности приговорены к смерти, мистер Виккерс. Эти три отрасли уничтожены. Вы сказали, что я боюсь, и я признаю это. Мы

испугались после появления электрических лампочек. Ведь если кто-то может уничтожить три отрасли промышленности, то почему бы ему не уничтожить полдюжины, дюжину сотню отраслей, а то и всю промышленность в целом? Мы объединились и за словом «мы» скрывается промышленность не только Соединенных Штатов Америки, но и всего Американского континента, ряда стран Европы и Азии. Конечно, нашлись скептики, кое-кто отказался присоединиться к нам, но наша деятельность находит поддержку в деловых кругах во всем мире, Как я уже говорил, я хочу, чтобы все это осталось между нами.

— В настоящий момент, — сказал Виккерс, — у меня нет никакого желания говорить с кем-либо на эту тему.

— Мы объединились, — продолжал Кроуфорд, — и в наших руках, как вы можете себе представить, сосредоточена значительная власть. Кое-что мы уже предприняли, кое-где нажали и кое-чего добились. Во-первых, ни одна газета, ни один журнал не рекламирует эти предметы и не публикует никакой информации о них. Во-вторых, ни один уважающий себя магазин не продает этих лезвий, зажигалок, лампочек.

— Вот почему они открыли свои собственные магазинчики!

— Конечно.

— Эти магазинчики множатся как грибы. Один из них открылся в Клиффвуде.

— Да, они открыли собственные магазинчики и стали практиковать новый вид рекламы: наняли тысячи мужчин и женщин, которые ходят и говорят каждому встречному: «Вы слышали об этих потрясающих товарах, которые не-

давно появились в продаже?.. Нет?.. Позвольте вам рассказать...» Принцип вам ясен. Нет лучше рекламы, чем реклама, построенная на личном контакте, но стоит она баснословно дорого. Мы поняли, что нам противостоят творческие, активные умы, располагающие практически неограниченным капиталом. Мы начали расследование. Пытались этих людей загнать в их логово, разузнать, кто они, как ведут дела и каковы их намерения. Но, как я уже сказал, наши усилия ни к чему не привели.

– Быть может, есть законные пути? – спросил Виккерс.

– Мы думали о них, но этих людей невозможно прижать. Налоги? Они их платят. Больше того, они делают это с охотой. Чтобы никто не лез в их дела, они платят даже сверх положенного. Корпоративные правила? Они скрупулезно их выполняют. Социальное обеспечение? Они выплачивают громадные суммы, представляя длинные списки служащих, однако эти списки, по нашему убеждению, фиктивны. Но вы же не явитесь в Фонд социального обеспечения со словами: «Послушайте, тех людей, за которых они платят взносы, не существует». Есть и другие средства воздействия, но они вряд ли что-то изменят. Мы запутались в законодательных дебрях, и даже наши юристы не знают, как поступить.

– Все это очень интересно, мистер Кроуфорд, но все же я не пойму, куда вы клоните. Вы сказали, что речь идет о заговоре против мировой промышленности с целью разрушить наш образ жизни. Но ведь вся история экономики содержит тысячи примеров жесточайшей конкуренции. Может, это тоже ее проявление?

– Вы забыли об углеводах, – возразил он.

– Вы правы, – признался Виккерс, – углеводы не оставляют камня на камне от моего предположения.

Из-за неблагоприятных погодных условий над отдельными странами нависла угроза голода. Конгресс Соединенных Штатов рассматривал вопрос о помощи с политических позиций – кому помогать и как, и вообще помогать ли. А в утренних газетах появилось сообщение о том, что одна лаборатория синтезировала углеводы. В статье не говорилось, что лабораторию эту никто не знает. Это стало известно позже. Лаборатория возникла из небытия буквально за одну ночь. Даже крупные дельцы, Виккерс сейчас вспомнил об этом, не поверили случившемуся, обозвав создателей синтетических углеводов шарлатанами.

Но это не были шарлатаны. Может быть, фирма и вела свои дела каким-то непонятным образом, однако отныне с ней следовало считаться. Через несколько дней после первого сообщения стало известно, что продукты ее производства не поступают в продажу, а раздаются бесплатно всем нуждающимся, которые по тем или иным причинам не имеют возможности заработать себе на пропитание. Продуктами снабжались не только голодающие, но и те, кто постоянно жил на грани голода; то есть та значительная часть человечества, которая хотя и не вымирает из-за отсутствия пищи, но подвержена болезням и отстает в своем развитии по причине постоянного ее недостатка.

Словно по мановению волшебной палочки, в самых разных уголках земного шара возникли тысячи контор фирмы, и бедняки потекли туда рекой. Отдельные люди пользовались случаем безо всяких оснований получать бесплатное питание, но служащие контор как бы не замечали этого.

Сами по себе синтетические углеводы не являлись полноценным пищевым продуктом. Но это было лучше, чем ничего, и во многих случаях деньги, сэкономленные на углеводах, помогали купить кусок мяса, которое давно исчезло со стола.

— Мы серьезно изучали вопрос об углеводах, — продолжал Кроуфорд, — и снова ничего не нашли. Мы убеждены, что их никто не производит, однако они существуют. В конторы они поступают со складов, но на них не может храниться более двухдневного запаса. Мы не обнаружили даже следов фабрик и транспортных средств, кроме транспорта, который доставляет углеводы в конторы. А вот откуда продукция поступает на склады — неизвестно. Такое впечатление, что они туда вообще не поступают. Как в старой сказке Готторна о горшке, в котором никогда не кончалось молоко.

— А вы сами не можете производить углеводы?

— Я понял вашу мысль, — кивнул Кроуфорд. — Но мы не в состоянии это делать, как не в состоянии производить вечмоби́ли или незатупляющиеся бритвенные лезвия. Наши инженеры и химики уже давно заняты изучением этого вопроса, но ни на шаг не продвинулись в решении проблем.

— А что произойдет, когда безработным понадобится еще кое-что, кроме пищи? — спросил Виккерс. — Когда их семьи окажутся в лохмотьях и возникнет нужда в новой одежде? Когда их выбросят на улицу?

— Думаю, что могу ответить на ваш вопрос. Появится еще одно филантропическое общество, которое даст им одежду и кров. Уже продаются дома по пятьсот долларов

за комнату, и это чисто символическая цена. Почему бы не давать их даром? И почему бы не продавать одежду за десятую или за двадцатую часть ее стоимости? Костюм за пять долларов, платье за пятьдесят центов...

— А вы не пробовали прогнозировать, какую следующую новинку они готовят?

— Мы пытались это сделать, и были уверены в скором появлении автомобиля. Как видите, так оно и случилось. Думали мы и о домах. Теперь очередь за одеждой.

— Пища, одежда, жилье, средства передвижения — четыре основные потребности человека.

— Кроме того, они располагают горючим и источниками энергии, — добавил Кроуфорд. — Когда достаточное количество людей поселится в новых домах, снабжаемых солнечной энергией, придется распрощаться с обычными отраслями энергетической промышленности.

— Но кто же эти деятели? — спросил Виккерс. — Вы говорите, что не знаете их. Но есть ли хоть какое-то предположение?

— Ни малейшего. У нас имеются списки персонала и членов их административных советов. Но мы не можем найти этих людей.

— Может быть, это русские?

Кроуфорд отрицательно покачал головой.

— Нет, они тоже обеспокоены, хотя у них пока ничего подобного не наблюдается,

В первый раз Кроуфорд шевельнулся. Он снял руки с живота, схватился за ручки своего массивного кресла и встал.

— Кажется, вы не поняли, какая роль во всем этом отводится вам? — спросил он.

– Не понял.

– Мы не можем сразу, без какой-либо подготовки заявить: «Люди! Перед вами союз мировых промышленных держав, борющихся за сохранение вашего образа жизни». Мы не можем сказать им о сложившейся ситуации. Нам рассмеются в лицо. Нельзя просто так объяснить людям, что вечный автомобиль и дом по пятьсот долларов за комнату обернутся для них катастрофой. Мы не можем сказать этого прямо, но им необходимо это узнать. Мы хотим, чтобы вы написали об этом книгу.

– Не вижу... – начал Виккерс, но Кроуфорд прервал его на полуслове.

– Вы напишите так, словно сами обо всем узнали, вы наметьте на хорошо информированные источники, не называя их. Мы предоставим вам материалы, но все должно исходить от вас.

Виккерс медленно поднялся и протянул руку за шляпой.

– Спасибо, что вы думали обо мне, – сказал он, – но меня не интересует ваше предложение,

7

Энн Картер сказала Виккерсу:

– В один прекрасный день, Джей, я так разозлюсь, что разобью тебе голову. И тогда, может быть, узнаю, чем она набита.

– Мне нужно написать книгу, чем я и занят в настоящий момент. Ты имеешь что-нибудь против?

– Твоя книга может и подождать. А вот эта, о которой шла речь, – нет.

– Давай, давай. Скажи, что я швырнул на ветер миллион долларов, ты ведь именно так считаешь?

– Ты мог получить с них кругленькую сумму и заключить с издателем такой договор, что пальчики оближешь.

– И отложить в сторону мое самое великое произведение. Остыть и, вернувшись к книге снова, понять, что душа к ней уже не лежит.

– Любая книга, которую ты пишешь, – твоё самое великое произведение. Джей Виккерс – ты жалкая тень писателя. Согласна, ты неплохо пишешь, и твои чертёвые книги хорошо расходятся, хотя иногда мне непонятно почему. Если бы ты не получал за это деньги, ты не написал бы и строчки. Скажи мне откровенно, зачем ты пишешь?

– Ты ответила сама – ради денег. Раз ты так считаешь, значит так оно и есть.

– Ну, ладно, я – лицо заинтересованное.

– Боже мой, мы ругаемся так, будто давно женаты.

– Кстати, то, что ты никогда не был женат, доказывает, какой ты эгоист. Бьюсь об заклад, ты никогда и не думал о женитьбе.

– Думал однажды, – вздохнул Виккерс, – но это было очень давно.

– Ну-ну, урони голову на руки и порыдай. Уверена, что будет впечатляющее зрелище. Вот почему в твоих романах встречаются душераздирающие любовные сцены.

– Энн, во хмелю на тебя накатывает злость.

– Приходится пить, ты сам меня толкаешь на это. Как ты сказал: «Спасибо, что вы подумали обо мне, но меня не интересует ваше предложение».

– У меня было предчувствие, что тут дело нечисто, – упорствовал Виккерс.

– Весь ты в этом, – сказала Энн.

Она взяла бокал с вином и осушила его до конца.

– Под предлогом какого-то предчувствия ты не хочешь признать, что отказался от лучшего предложения в твоей жизни. Предложи мне такую сумму, я бы плюнула на все предчувствия.

– Не сомневаюсь, – сказал Виккерс.

– Вот уж этого тебе не следовало говорить. Плати и пойдем. Провожу тебя до автобусам и чтоб глаза мои тебя больше не видели,

8

Громадный плакат занимал почти все пространство необъятной витрины:

ДОМА НА ЛЮБОЙ ВКУС

500 долларов за комнату

БОЛЬШАЯ СКИДКА ЗА ВАШ СТАРЫЙ ДОМ

Через витрину виден был пяти- или шестикомнатный домик, его окружал небольшой, хорошо спланированный сад с лужайкой и солнечными часами. К дому примыкал гараж с флюгером в виде утки. На ровно подстриженном газоне стояли два белых садовых стула и круглый столик, а на дорожках сверкал новенький автомобиль.

Эн и сжала руку Виккерса и предложила:

– Зайдем?

– Это, должно быть, то, о чем говорил Кроуфорд.

– У нас есть еще время до отхода нашего автобуса.

– А почему бы и нет? Может, присматривая дом, ты перестанешь говорить гадости.

– Будь это возможно, я бы поймала тебя на слове и вышла за тебя.

– И превратила бы мою жизнь в ад...

– Конечно, – нежно сказала Энн, – а зачем же еще выходить замуж за тебя?

Дверь захлопнулась за ними, сразу оборвав шум улицы, и они направились к дому, ступая по толстому зеленому паласу, который пружинил под ногами, словно лужайка.

Продавец увидел их и пошел навстречу.

– Мы проходили мимо, – произнесла Энн, – и решили зайти. Этот дом так привлекает и...

– Это отличный дом, – заверил их продавец, – и его владельцы пользуются многими преимуществами.

– В витрине написано, что комната в нем стоит пятьсот долларов. Это правда? – поинтересовался Виккерс.

– Все спрашивают одно и то же. Люди не верят своим глазам.

– Так это верно? – продолжал настаивать Виккерс.

– Конечно, – ответил продавец. – Пятикомнатный дом стоит две с половиной тысячи долларов, десятикомнатный – пять. Но пока на десятикомнатные дома желающих мало.

– Что вы понимаете под словом «пока»?

– Дело в том, сэр, что эти дома можно расширять. К примеру, вы покупаете пятикомнатный дом, а через некоторое время замечаете, что вам нужна еще одна комната – мы приезжаем, производим изменения, и ваш дом становится шестикомнатным.

– Переделки стоят дорого? – спросила Энн.

– Отнюдь, те же пятьсот долларов за каждую новую комнату. Все остальное мы берем на себя.

– Эти дома – сборные? – снова переспросила Энн.

– Кажется, их так называют, хотя это не совсем соответствует истине. Когда говорят о сборных домах, имеют в виду дома, которые собираются из отдельных конструкций; такая сборка занимает восемь-десять дней. В результате вы получаете только оболочку – без отопления, без каминов, словом, без внутренностей.

– Меня интересует эта дополнительная комната, – прервал Виккерс. – Вы сказали, что в случае необходимости вас следует вызвать и вы присоедините ее.

Продавец как-то сжался.

– Не совсем так, сэр. Мы не присоединяем ее. Мы трансформируем дом. У вас по-прежнему остается удобный дом, планировка которого отвечает самым последним достижениям домостроения. Иногда требуется полная трансформация дома, меняется расположение комнат и тому подобное. Конечно, – добавил продавец, – если вы хотите целиком трансформировать дом, лучше обменять его на новый. За все эти операции мы берем чисто условную плату в размере одного процента в год, не считая, разумеется, стоимости дополнительных комнат.

Он с надеждой посмотрел на них и спросил:

– Может быть, у вас уже есть дом?

– Крохотный коттедж в долине, – ответил Виккерс, – ничего особенного.

– Какова его цена, по вашему мнению?

– Пятнадцать-двадцать тысяч, но не думаю, что смогу продать его за эту цену.

– Мы вам дадим двадцать тысяч, после оценки экспертами. Наши эксперты не очень придирчивы.

– Но, – возразил Виккерс, – мне не нужен дом больше чем из пяти-шести комнат. Он не будет стоить дороже двух с половиной – трех тысяч...

– О, это не имеет никакого значения, – заверил его продавец. – Разницу мы вам выплатим наличными.

– Ну, это уже совершенная бессмыслица!

– Вовсе нет. Мы готовы выплачивать нашим покупателям всю стоимость домов, чтобы как можно шире знакомить людей с нашей продукцией. Иными словами, мы выплачиваем им разницу, убираем ваш старый дом и возводим для вас новый. Все очень просто.

Энн обратилась к Виккерсу:

– Скажи, что тебя это не интересует. Дело выглядит слишком выгодным, а потому ты, конечно, отказываешься.

– Простите, мисс, – сказал продавец, – я не понял.

– У нас свои счета, – успокоил его Виккерс.

– А!.. Я уже говорил, что владелец дома пользуется рядом преимуществ.

– Расскажите нам о них, пожалуйста, – сказала Энн. – Это интересно.

– Охотно. В доме установлен солнечный генератор. Вам известно, что это такое?

Виккерс утвердительно кивнул и произнес:

– Установка, преобразующая солнечную энергию в электрическую.

– Совершенно верно, – сказал продавец. Однако наш генератор значительно превосходит все установки такого рода. Он круглый год снабжает дом электроэнергией. Вы перестаете нуждаться в коммунальных услугах. Более то-

го, генератор производит громадное количество энергии, значительно больше, чем вам может понадобиться.

– Чудесно, – сказала Энн.

– Дом полностью оборудован. В нем устанавливается холодильник с морозильной камерой, стирально-сушильная и посудомоечная машины, мусородробилка, тостер, вафельница, радиоприемник, телевизор и прочая аппаратура.

– За особую плату, конечно? – обронил Виккерс.

– Вовсе нет. Все те же пятьсот долларов за комнату.

– А кровати, – спросила Энн, – кресла и остальная мебель?

– Увы, – ответил продавец, – мебель вы должны покупать сами.

– А столько стоит разборка старого и установка нового дома? – спросил Виккерс.

Продавец с достоинством расправил плечи.

– Поймите, речь идет о честном предложении. Никакого обмана. Вы покупаете дом или даете распоряжение о его плате по пятьсот долларов за комнату. Наши бригады специализированных рабочих разбирают ваш дом и устанавливают новый. В указанную нами цену входит абсолютно все. Никаких дополнительных платежей. Правда, иногда покупатели хотят сменить место жительства. В этом случае нам всегда удастся договориться с ними о приемлемом обмене их старого владения на новое. Я полагаю, вы хотите остаться там же – в долине. Очень красивое место.

– Не уверен, – произнес Виккерс.

– Я кое-что упустил, – продолжал продавец. – Наши

дома не требуют окраски. Они построены из материала, который никогда не меняет своего цвета. К тому же у нас большой выбор приятных оттенков.

— Простите, что мы отняли у вас время, — сказал Виккерс, собираясь уходить. — Мы не клиенты, а просто прохожие.

— Но у вас есть дом?

— Да, есть.

— Мы готовы заменить его на новый и выплатить вам кругленькую сумму...

— Я это уже слышал, — сказал Виккерс, — но...

— Мне кажется, — перебил его продавец, — что вы должны уговаривать меня, а не я вас.

— У меня есть дом, который мне нравится. Откуда мне знать, будет ли мне хорошо в вашем новом доме?

— Но, сэр, я же объяснил...

— Я привык к своему дому. Привык, и он платит мне тем же. Я очень привязался к нему.

— Джей Виккерс! — воскликнула Энн. — Так привыкнуть к дому за три года? Послушать тебя, так можно подумать, что речь идет о розовом замке.

Виккерс продолжал упорствовать:

— Я его чувствую, я его знаю. В столовой скрипит одна половица, и я иногда специально наступаю на нее, чтобы услышать ее скрип. В виноградной лозе над террасой живут два снегиря, а в подвале поселился сверчок. Я искал его, но не нашел — он оказался хитрее меня. А теперь я ни за что не трону его, он стал частью моего дома и...

— В наших домах вас никогда не будут беспокоить сверчки. Материалы, из которых сделан дом, содержит

инсектициды. Вас никогда не будут беспокоить комары, муравьи, сверчки в любая другая живность.

— Но сверчок мне вовсе не мешает, — возразил Виккерс. — Об этом-то я и толкую. Более того, я уверен, что не могу жить в доме, где не могут водиться сверчки. А вот мыши — дело другое.

— Уверяю вас, — заявил продавец, — мышей в наших домах не бывает.

— У меня их тоже не будет. Я вызвал специального человека, и он уничтожит их.

— Я еще хочу спросить вас, — обратилась Энн к продавцу, — вы говорили о стиральной машине, холодильнике и других вещах...

— Разумеется.

— Но вы ничего не сказали о плите...

— Разве? — удивился продавец. — Как я мог о ней забыть? Конечно, мы устанавливаем и плиту.

9

Когда автобус прибыл в Клиффвуд, уже начало темнеть. Виккерс купил газету и перешел на другую сторону улицы, где находилось единственное в городе приличное кафе.

Он заказал ужин и только развернул газету, как услышал пронзительный голосок:

— О, мистер Виккерс!

Он отвел газету в сторону. Перед ним стояла Джейн — девчушка, с которой он завтракал утром.

— А, Джейн, добрый вечер, — сказал он. — Что ты тут делаешь?

– Мы с мамой пришли купить мороженого, – Джейн влезла на стул и уселась напротив него. – А где вы были целый день, мистер Виккерс? Я приходила к вам домой, но там был один человек, и он не хотел меня пускать. Он сказал, что травит мышей. Зачем он травит мышей, мистер Виккерс?

– Джейн, – раздалось над головой.

Виккерс поднял глаза. Рядом стояла элегантная цветущая женщина и улыбалась ему.

– Она вам не мешает, мистер Виккерс?

– Нисколько, ведь она так мила.

– Я – миссис Лесли, – произнесла женщина с достоинством. – Мать Джейн. Мы с вами давно уже стали соседями, а познакомиться как-то не доводилось.

Она присела к столу.

– Я прочла несколько ваших книг, и они мне очень понравились. Но прочла далеко не все – ужасно мало времени.

– Благодарю вас, миссис Лесли, – сказал Виккерс.

«А она ведь решит, – подумал он, – что я благодарю ее за то, что она соизволила прочесть мои книги».

– Я давно собиралась зайти к вам, – призналась миссис Лесли. – Мы организуем клуб фантазеров, и ваше имя – в моем списке.

Виккерс отрицательно покачал головой.

– Я ограничен во времени. И придерживаюсь нерушимого правила – ни в чем не принимать никакого участия.

– Но, – возразила миссис Лесли, – мы там будем заниматься тем же, чем и вы.

– Спасибо, что подумали обо мне.

Она смущенно улыбнулась.

– Вы считаете нас сумасшедшими, мистер Виккерс?

– Нет, ни в коем случае.

– Тогда взрослыми детьми?

– Ну, если вы именно так формулируете свою мысль, я соглашусь с вами. Ваша затея мне в самом деле кажется ребячеством.

«Вот я и совершил промашку, – подумал Виккерс. – Теперь она представит дело так, будто это мои слова, а не ее. Все соседи будут знать, что это я назвал идею организации этого клуба ребячеством».

Но слова Виккерса, казалось, не задели ее.

– Я согласна с вами; у делового человека, почти лишнего досуга, действительно может сложиться такое впечатление. Однако специалисты считают, что наш клуб – прекрасное средство занять себя вне дома.

– Не сомневаюсь.

– Нужно много работать. Когда вы выбираете эпоху, в которой хотели бы жить, надо все о ней читать, все выискивать и день за днем вести дневник; со всеми подробностями, а не одной-двумя фразами описывать свое ежедневное воображаемое времяпровождение, чтобы всем было интересно это слушать.

– В истории было много увлекательных эпох.

– Как приятно это от вас слышать, – воскликнула миссис Лесли. – Вы не можете указать мне одну из них? Например, какую бы эпоху выбрали бы вы сами, мистер Виккерс?

– Простите меня. Я никогда не задумывался над этим.

– Но вы же сказали, что их много.

– Конечно. И все же, если хорошенько подумать, наша эпоха не менее увлекательна, чем другие.

– Но сейчас ничего не происходит.

– Напротив, именно сейчас происходит много интересного.

Виккерс испытывал жалость к этим взрослым людям, которые притворялись, что живут в другом веке, и во всеуслышание заявляли, будто не могут жить в своем времени. Желанием хоть на мгновение окунуться в затхлое очарование чужой жизни они прикрывали свою внутреннюю пустоту.

Он вспомнил разговор двух женщин, сидевших позади него в автобусе. Какое удовлетворение можно получить от воображаемой жизни во времена Пеписа. Жизнь самого Пеписа была заполнена скитаниями, самыми разными встречами. Крохотные таверны, где можно получить кусок сыру и кружку пива, представления, сборища, разговоры далеко за полночь и, наконец, множество всяких работ, столь же неестественных для этих фантазеров.

Их движение стало бегством от действительности, но от чего именно? Может, от неуверенности в себе? Они жили в повседневном напряжении, которое не оставляло их в покое ни на минуту, хотя и не перерастало в страх. Возможно, их мучило постоянное неосознанное сомнение, а такое состояние духа не могли компенсировать никакие ухищрения технологической эпохи.

– Мороженое нам уже, наверное, упаковали, – заторопилась миссис Лесли, положив в сумочку перчатки. – Буду рада видеть вас как-нибудь вечером у НДС, мистер Виккерс.

Он встал из-за стола вместе с ней и пообещал:

– Непременно зайду при случае.

Он знал, что никуда не пойдет, а она не хотела, чтобы он приходил, но такова была обязательная формула вежливости.

– Пойдем, Джейн, – сказала миссис Лесли. – Я очень рада, что наконец познакомилась с вами, мистер Виккерс.

Не дожидаясь ответа, она удалилась.

– Дома сейчас все хорошо, – успела шепнуть Джейн. – Мама с папой помирились.

– Рад за тебя, – сказал Виккерс.

– Папа обещал больше не ухаживать за женщинами, – добавила Джейн.

– Счастлив слышать это.

Мать окликнула ее через зал.

– Мне надо идти, – сказала девочка, сползла со стула и бегом бросилась за матерью. Прежде чем скрыться за дверью, Джейн обернулась и помахала Виккерсу рукой

«Бедняжка, – подумал он. – Что ее ждет? Будь у меня такая дочь...» Он тут же прогнал эту мысль. У него не было дочери. У него была полка с книгами, его ждала рукопись – его надежда и возможный успех. И вдруг все показалось ему таким ничтожным, включая и его лишенный смысла успех. «Книги и рукописи, – думал он, – можно ли только на этом строить жизнь?»

Перед ним, как и перед каждым сейчас, стояла проблема, как жить дальше. Долгие годы мир находился в страхе перед возможной войной. Вначале была безысходность, бегство от окружения и от себя, потом чувство обреченности притупилось, оставив какую-то саднящую ранку в

глубине души, его перестали замечать, сжились с этой ноющей болью...

«И ничего странного нет в появлении фантазеров», – подумал он. Виккерс и сам жил вне действительности со своими книгами и рукописями.

10

Он поискал ключ под цветочным горшком на террасе, но его там не оказалось. И он вспомнил, что оставил дверь открытой, чтобы Джо мог попасть в дом.

Виккерс повернул дверную ручку и вошел, на ощупь в темноте добрался до стола и зажег лампу. Под ней лежал клочок бумаги, на котором размашистым почерком было написано:

Джей, я все сделал и проветрил дом. Плачу сотенную за каждую пойманную мышь.

Джо.

Он услышал шорох и, повернувшись, заметил, что на террасе кто-то покачивается в его любимом кресле-качалке. Зажженная сигарета выписывала в темноте замысловатые кривые.

– Это я, – раздался голос Гортон Фландерса. – Вы уже поужинали?

– Я перекусил в поселке.

– Жаль, я принес бутерброды и пиво. Я думал, вы будете голодны, и, знал вашу любовь к стряпне...

– Спасибо, – поблагодарил Виккерс, – пока я сыт. Может поедим попозже.

Бросив шляпу на стол, он вышел на террасу.

– Я занял ваше место, – забеспокоился Фландерс.

– Ничего страшного, – ответил Виккерс.

– Какие новости? У меня дурная привычка не заглядывать в газеты.

– Ничего нового. Все те же разговоры о войне.

– Они не прекращаются уже добрых тридцать лет. Но пока все дело ограничивалось локальными конфликтами. Правда, мировая война могли вспыхнуть по меньшей мере раз двенадцать.

– Я как-то никогда об этом не задумывался, мистер Фландерс. Однако, полагаю, никому не хочется воевать.

– Так-то оно так, да не всегда стремление к миру позволяет предотвратить войну. Сколько раз великие державы оказывались перед выбором – начать войну или уступить. И они всегда уступали. Однако так происходит лишь последние тридцать лет. Вам не кажется, мистер Виккерс, что появился какой-то новый фактор?

– Я, пожалуй, не вижу никакого нового фактора. Человек остался человеком. Люди не всегда воевали, а в 1945 году они закончили самую страшную в истории войну.

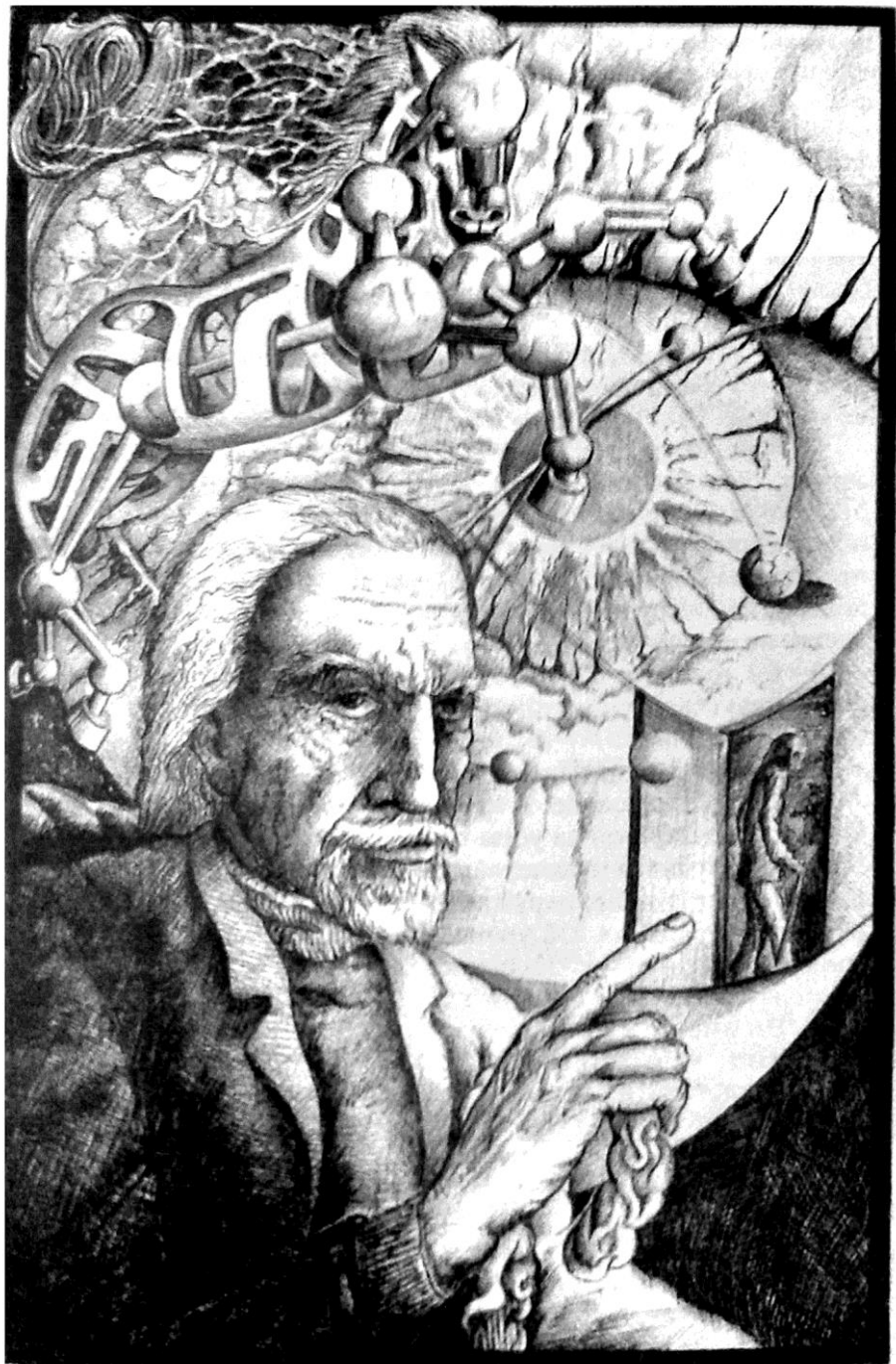
– С тех пор возникало немало поводов, вспыхивали местные конфликты, но не мировая война. Как вы думаете, почему?

– Мне трудно сказать.

– А я считаю, что все дело в появлении нового фактора.

– Может быть, это страх, – заметил Виккерс, – страх перед новыми ужасными видами оружия.

– Может, и так, – согласился Фландерс, – но страх удивительное чувство. Он в равной мере может и вызвать вой-

ну, и помешать ей. Однако не думаю, мистер Виккерс, что страх является единственной причиной поддержания мира.

— Вы полагаете, что существует некий психологический фактор?

— Не исключено, как не исключено и вмешательство.

— Вмешательство? Чье?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Но эта мысль одолевает меня уже давно, я одержим этой мыслью, и не только в связи с последними событиями. Столетие назад с нашим миром что-то произошло. До тех пор наблюдался медленный прогресс, почти не менялся образ мыслей. И вдруг человечество стало стремительно развиваться. Люди изобрели автомобиль, телефон, кино, летательные аппараты, появились радио, телевидение... Не прошло и четверти века, как классическая физика уступила место новым формам мышления. Столкнувшись с атомами и электронами, человеческий разум принял свое невежество как должное. Появились такие науки, как атомная физика, квантовая электроника. Физики вдруг набрались храбрости и заявили, что не знают, почему электроны ведут себя именно так, а не иначе.

— Вы хотите сказать, — прервал его Виккерс, — произошло нечто, что сбilo человека с пути истинного? Но так случается не впервые. Был Ренессанс и была промышленная революция.

— Я не утверждаю, что это произошло впервые. Я только сказал, что это было. Тот факт, что нечто подобное уже происходило, только доказывает наличие некой закономерности. Значит, мы — свидетели какого-то явления. Но

кто же пришпорил выдохшуюся лошадь цивилизации и заставил ее галопом рвануться вперед, да так, что она, не выказывая усталости, не снижает скорости уже добрую сотню лет?

— Вы говорите о вмешательстве, — сказал Виккерс. — И дали волю своей фантазии. Может, вы думаете, что это какие-нибудь марсиане?

Фландерс отрицательно покачал головой:

— Нет, не марсиане. У меня возникла более общая идея. — Он указал сигаретой на усеянное звездами ночное небо. — Там должны находиться неисчерпаемые источники знания. Повсюду в этом пространстве, окружающем нашу Землю, должны жить разумные существа. Об уровне развития их науки мы можем только догадываться. Какая-то честь знаний, которыми они располагают, может оказаться полезной людям Земли.

— Вы имеете в виду пришельцев?

— Нет, — ответил Фландерс. — Я считаю, что источник знания ждет нас на месте. Ждет, пока мы сможем добраться до него.

— Но звезды слишком далеко...

— Не исключено, что нам не понадобятся ракеты. Нам не придется летать, а мы сможем попасть туда с помощью разума...

— Телепатия?

— Возможно, что это ближе к действительности. Разум, который исследует и ищет; разум, который пытается вступить в контакт с другим разумом. Если телепатия существует, то расстояние роли не играет — полмили или световой год, какая разница? Разум не подчиняется физическим

законам, а следовательно, может путешествовать со сверхсветовой скоростью.

Виккерс смущенно засмеялся — он почувствовал, как по затылку ползут невидимые мурашки.

— Вы шутите, — произнес он.

— Возможно, — согласился Фландерс. — Наверное, я — просто эксцентричный старик, любящий побеседовать с человеком, который не очень смеется над его словами.

— А имеются ли какие-либо доказательства применимости и пользы знаний, о которых мы говорили? Ведь они могут оказаться чуждыми для вас, потребуют иной логики мышления, будут касаться иных проблем и использовать иные понятия, которые мы не в состоянии осмыслить.

— В основном вы правы, — сказал Фландерс. — придется прибегнуть к какому-то отсеvu. Но среди плевел окажутся и зерна. Так, например, если будет обнаружено средство, исключющее трение, появятся вечно работающие машины, появятся...

— Минуточку, — нервно воскликнул Виккерс. — К чему вы клоните? Почему вы говорите именно о вечно работающих машинах? У нас они уже появились. Утром я говорил с Эбом...

— А! Вечмобиль... Именно его я и имел в виду, мистер Виккерс.

11

Еще долго после ухода Фландерса Виккерс сидел в своем кресле и курил, рассматривая кусочек неба между оградой и крышей террасы... Он видел бесчисленные блески звезд и думал, как трудно, да и вообще возможно

ли оценить между ними расстояние и время, необходимое для его преодоления.

Фландерс был старым человеком, и его потертый пиджак, деревянная трость и изысканная манера речи наводили на мысль о былых временах. Знал ли он о том, что накоплено на далеких звездах?

Подобные разговоры мог вести любой читатель. Что он еще сказал? Что-то о вмешательстве. Но все его рассуждения носят отвлеченный характер. Фландерс ищет в них убежище от действительности. Туманные рассуждения помогают ему забыть об унылом существовании.

«Вот и я начал фантазировать, — подумал Виккерс. — Что я знаю о жизни этого эксцентричного старика?»

Он встал с кресла и пошел в гостиную. Выдвинул стул, уселся перед рабочим столом, поглядел на пишущую машинку, стоявшую с немым укором — останься он дома на целый день, и рукописи прибавилось бы еще namного.

Виккерс взял несколько страниц, хотел было их перечитать, но почувствовал, что потерял к ним интерес, и вдруг испугался — неужели ушло вдохновение, заставлявшее его писать каждый день. Он не мог противиться потребности освободить свой мозг от накопившихся мыслей и тем самым вновь обрести ясность мышления. Он воспринимал необходимость писать как неизбежное покаяние, после которого снова можно было спокойно жить.

Он отказался писать книгу для Кроуфорда, сказав, что она не интересует его. Это было правдой, ибо он мечтал вернуться домой к своей рукописи, оставшейся на столе.

Но рукопись была не единственной причиной отказа — на него подействовало еще какое-то нехорошее предчув-

ствие. Но Энн только подняла его на смех. А у него на самом деле было предчувствие, более того, ощущение опасности, страха, словно рядом стоял его двойник и умолял как можно быстрее уйти отсюда.

Рассуждая логически, он не должен был ощущать страха. У него не было никаких причин отказываться от предложения Кроуфорда; деньги оченьгодились бы, а Энн получила бы хорошие комиссионные. Отказ противоречил здравому смыслу. И все же он отказался без малейшего колебания.

Он положил страницы поверх стола, встал и задвинул стул.

Шорох скользящего по ковру стула словно послужил сигналом – в темном углу послышался топот, кто-то пробежал в другой угол. И все стихло – только через открытую дверь доносилось шуршание виноградной лозы, которая, качаясь, задевала за накомарник, натянутый вокруг террасы. Затем лоза перестала качаться, и стало совсем тихо, сверхъестественно тихо, словно весь дом замер, ожидая, что произойдет дальше.

Виккерс медленно повернулся и окинул взглядом комнату. Он поворачивался очень осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума и в то же время не показаться кому-то смешным.

Мышей быть не могло. Джо гарантировал. Кто же тогда мог бегать из угла в угол?

Ничто не нарушало тишины. Даже не тишины, а какого-то мертвого оцепенения: казалось, кто-то, сдерживая дыхание, затаился во тьме.

Двигая только глазами – ему чудилось, стоит повер-

нуть голову, как хруст шейных позвонков навлечет на него опасность, – Виккерс осматривал комнату, внимательно вглядываясь в темные углы, куда не доставал свет лампы. Он осторожно завел руки за спину, чтобы ухватиться за край стола, опереться на что-нибудь твердое. Пальцы его правой руки наткнулись на металлический предмет, и он угадал в нем пресс-папье, которое снял с рукописи, когда сидел за столом. Он схватил его и зажал в руке – теперь он был вооружен.

Кто-то притаился в углу возле желтого кресла, и, хотя глаз это существо не имело, Виккерс чувствовал его пристальный взгляд. Существо еще не знало или не хотело знать, что его заметили, но долго такое положение длиться не могло.

– Вот тебе! – крикнул Виккерс и с силой метнул пресс-папье в угол.

И тут же послышался звон катящихся по полу металлических предметов.

12

Перед Виккерсом была груда обломков: разбитые крохотные радиолампы, перепутанные провода, потрескавшиеся кристаллы, помятый металлический корпус, в котором помещалась вся эта таинственная, совершенно неизвестная ему механика.

Он подвинул к себе настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть собранные с пола предметы, и нерешительно трогал их пальцами.

Оказывается, вовсе не мыши разгуливали ночью по дому. И кошка боялась этого незнакомого предмета, обходившего мышеловки.

Судя по всему, это было какое-то электронное устройство. «Электронный шпион, — догадался Виккерс, — который движется, слушает, наблюдает за мной, записывает все, что видит и слышит, а потом кому-то передает добытую информацию. Но кому? И зачем? А может, это что-то совсем другое, и его присутствие объясняется очень просто, а может, и вовсе необъяснимо. Будь это электронный соглядатай, мне не удалось бы застигнуть его врасплох. Ясно одно: шорохи и шаги, которые месяцами слышались по ночам — отнюдь не мышиная возня.

Однако всякий шпион ведет наблюдения, стараясь ни чем не выдать своего присутствия. Тем более подобное устройство. Его нельзя было бы обнаружить, не пожелай оно открыться.

Не пожелай оно открыться... Он сидел за столом, потом встал, отодвинул стул, и только тогда услышал топот. Если бы оно не побежало, он никогда и не заметил бы его. Да и для бегства не было причин: в комнате было темно, светила лишь настольная лампа, к тому же этот соглядатай находился у него за спиной.

Теперь Виккерс был уверен, что устройство сознательно обнаружило себя, сознательно побежало по комнате, привлекая к себе внимание, и не пыталось скрыться, когда его заметили.

Он снова сел, на лбу выступил холодный пот, но он даже не поднял руки, чтобы стереть его.

Оно хотело, чтобы его заметили... Оно хотело, чтобы он узнал о нем. Конечно, не оно само хотело этого, а организация или человек, которые стояли за всем этим и поместили эту штуку в его дом. Несколько месяцев шпион гу-

лял по дому, слушал, наблюдал, теперь настало время сказать ему, что за ним наблюдали.

Но кто и для чего?

Виккерс подавил растущее чувство панического страха и заставил себя оставаться на месте.

«Это явно связано с событиями сегодняшнего дня, — подумал он. — Сегодня что-то произошло; те, кто наблюдал за мной, решили, что пора вести меня в курс дела».

Он перебрал в памяти все события дня.

Соседская девочка, которая зашла позавтракать.

Воспоминание о прогулке двадцатилетней давности.

Газетная статья о множественности миров.

Вечмобиль.

Беседа двух женщин в автобусе.

Кроуфорд и его рассказ о загнанном в угол мире.

Дома по пятьсот долларов за комнату.

Миссис Лесли и организованный ею клуб.

Мистер Фландерс, утверждающий, что мир от войны оберегает какой-то новый фактор.

Мышь, которая оказалась электронным соглядатаем.

Но это было не все. Сам не зная почему, Виккерс был уверен, что упустил кой-то важный факт, который следовало поставить в один ряд с сегодняшними событиями.

Был Фландерс, который говорил, что интересуется магазинчиками, что его заинтриговала история с углеводами, что он уверен в развитии каких-то событий,

А вечером, сидя на террасе, старик рассуждал о запасах знаний в иных звездных мирах, о факторе, который предохранял мир от войны, и о факторе, который может помочь вывести человечество из тупика, указав ему путь даль-

нейшего развития. Фландерс подчеркнул, что его рассуждения носят общий характер.

Но были ли они столь общими?

Или Фландерс знал значительно больше, чем говорил?

А если знал, то что именно?

Виккерс отодвинул стул, встал и взглянул на часы — было два часа ночи.

«Тем хуже, — подумал он. — Пришло время объяснить-ся. Даже если придется выломать дверь и вытряхнуть Фландерса из постели в ночной рубашке (он был уверен, что Фландерс спал не в пижаме), я должен узнать все».

13

До дома Фландерса было еще далеко, когда Виккерс заметил неладное. Во всех окнах от подвала до чердака горел свет. По саду двигались люди с фонарями, посреди улицы о чем-то спорили несколько мужчин, на террасах домов видны были женщины и дети в наскоро наброшенных халатах. Все это выглядело так, будто они ждут ночного парада, который вот-вот прошествует по улице.

Возле ограды стояла группа людей; свернув к ним, Виккерс узнал знакомые лица. Среди них были Эб, Джо и владелец аптеки Вик. Они поздоровались.

— Что случилось? — поинтересовался Виккерс.

— Исчез старик Фландерс, — сообщил Вик.

— Служанка поднялась к нему ночью, чтобы дать лекарство, — пояснил Эб, — но Фландерса в комнате не оказалось. Они поискали его, а потом пошли за помощью.

— Уже начали поиски?

— Только вокруг дома, — ответил Эб, — но теперь надо

расширить круг и организовать систематическое прочесывание местности.

Владелец аптеки добавил:

– Мы думали, что он решил прогуляться по саду и у него случился приступ, поэтому вначале искали только здесь.

– Мы обшарили весь дом сверху донизу и каждый ярд в саду, – сказал Джо. – И никаких следов.

– Может, он решил пройтись? – предположил Виккерс.

– Какой здравомыслящий человек станет гулять после полуночи? – возразил Джо.

– Мне кажется, он был немного не в своем уме, – заметил Эб. – Я ничего не хочу сказать плохого, скорее наоборот. В жизни не встречал человека вежливее, чем он, но было в нем что-то странное.

Подошел мужчина с фонарем.

– Ну что, начнем?

– Конечно, шериф, – откликнулся Эб. – Мы в вашем распоряжении. Ждали, пока вы все организуете.

– Ладно, в темноте много не сделаешь, но через пару часов рассветет. Сейчас организуем несколько поисковых групп. Часть из них прочешет город – все улицы и переулки, а остальным, пожалуй, следует отправиться к реке.

– Мы согласны, – ответил за всех Эб, – скажите, что делать, и начнем.

Шериф поднял фонарь повыше и посмотрел на них:

– А! Джей Виккерс? Рад вас видеть здесь. Нам нужны все мужчины.

И тут Виккерс солгал, сам не зная почему.

– Я услышал шум и решил узнать, в чем здесь дело.

— Кажется, вы хорошо знали этого старика? Лучше, чем остальные.

— Он заходил поболтать со мной почти каждый день.

— Знаю. Мы заметили это. Ни с кем другим он особенно не разговаривал.

— Нас интересовали одни и те же темы, — объяснил Виккерс. — Мне кажется, он чувствовал себя очень одиноким.

— Его служанка сказала, что он заходил к вам вчера вечером.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Он ушел сразу после полуночи.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении, в его словах?

— Ну-ну, шериф, — вмешался Эб, — уж не думаете ли вы, что Джей имеет к этому какое-то отношение?

— Нет, не думаю. — Шериф опустил фонарь и добавил: — Если хотите, направляйтесь к реке, разделитесь там на две группы и пройдите вниз и вверх по течению. Не думаю, что вы что-нибудь обнаружите, но кто знает? Возвращайтесь к рассвету. Тогда мы возьмемся за дело всерьез.

Потом повернулся, поднялся на кирпичный тротуар и удалился, размахивая фонарем.

— Наверное, — сказал Эб, — нам тоже пора. Я спущусь вниз по реке с одной группой, а Джо с другой пусть идет вверх по течению, согласны?

— Я согласен, — ответил Джо.

Они миновали ограду, прошли по улице до перекрестка и направились к мосту. Там остановились.

— Отсюда мы пойдем в разные стороны, — скомандовал Эб. — Кто пойдет с Джо?

Несколько человек подошли к Джо.

– Ну вот, – сказал Эб, – остальные за мной.

Они спустились к берегу реки, где стоял холодный и влажный туман, в темноте слышался плеск воды. Какая-то ночная птица прокричала где-то на другом берегу.

– Мы найдем его, Джей? – спросил Эб.

Виккерс помедлил с ответом.

– Нет, не думаю. Не могу сказать почему, но почти уверен, что не найдем.

14

Виккерс вернулся домой только к вечеру. Открыв входную дверь, он услышал телефонные звонки и поспешил снять трубку.

Звонила Энн Картер,

– Я пытаюсь поймать тебя с самого утра. Прямо-таки извелась. Где ты был?

– Искал человека.

– Джей, мне не до шуток

– А я не шучу. Пропал один мой сосед – старик. Я участвовал в его поисках.

– Нашли?

– Нет.

– Жаль, – сказала Энн. – А что, симпатичный человек?

– В высшей степени.

– Может, вы его еще найдете?

– Возможно, что это тебя так взволновало?

– Помнишь, о чем говорил Кроуфорд?

– Он о многом говорил.

– Я имею в виду прогноз на будущее. Помнишь?

— Боюсь, что нет.

— Он сказал, что очередь за одеждой. Платья за пятьдесят центов.

— Теперь припоминаю.

— Так вот, это произошло.

— Что произошло?

— В продажу поступили такие платья. Правда, не по пятьдесят центов, а по полтора доллара.

— Ты уже купила?

— Нет, Джей, мне стало страшно. Я шла по Пятой авеню и увидела в витрине табличку, совсем скромную табличку, где было написано, что здесь за полтора доллара можно купить модельное платье. Джей, ты когда-нибудь видел на Пятой авеню платья за полтора доллара?

— Нет, никогда.

— Это было такое красивое платье, — говорила Энн. — Оно все переливалось. И это были не блески и не нити, блестела сама ткань.словно живая. А цвет... Джей, это было самое красивое платье, которое я когда-либо видела, и я могла купить его всего за полтора доллара. Но не решилась. Я вспомнила слова Кроуфорда и у меня по спине поползли мурашки.

— Жаль, — усмехнулся Виккерс. — Успокойся и возвращайся туда завтра утром, может, оно еще не продано.

— Но речь идет совершенно о другом, неужели ты не понимаешь, Джей? Подтверждаются слова Кроуфорда. Значит, он говорил всерьез и заговор действительно существует, и мир находится в отчаянном положении.

— А что же ты хочешь от меня?

— Не знаю, Джей. Я подумала, что тебя это заинтересует.

– Меня это очень интересует, – ответил Виккерс.

– Джей, что-то происходит.

– Успокойся, Энн. Конечно, что-то происходит.

– Но что, Джей? Кроуфорд явно не все сказал.

– Я сам не знаю что, но что-то небывалое. Это выше нашего понимания. Мне надо поразмыслить над этим.

– Джей, – в ее голосе уже не было прежней тревоги, – мне стало лучше. Я рада, что поговорила с тобой.

– Пойди завтра утром в магазин и купи охапку этих полуторадолларовых платьев. Только приходи пораньше, пока не собралась толпа.

– Какая толпа? Не понимаю.

– Послушай, Энн. Как только эта новость станет известна, Пятую авеню запрудит такая толпа любителей дешевых распродаж, какой ты никогда не видела.

– Ты прав, Джей. Ты позвонишь мне завтра?

– Позвоню,

Они попрощались, и Джей повесил трубку. Некоторое время он постоял на месте, размышляя, что делать дальше. Следовало приготовить обед, сходить за газетами, просмотреть почту.

Он вышел наружу и по дорожке дошел до почтового ящика. Перебрал пачку лежавших там писем, но уже стало темно, и трудно было разобрать отправителей. «Перспекты, – подумал Виккерс, – и счета, месяц только начался, а их уже целая куча».

Он вернулся в дом, зажег настольную лампу и положил письма перед собой. Здесь все еще лежали обломки, подобранные с пола прошлым вечером. Глядя на них, он не поверил, что все случилось только накануне; ему казалось,

что с того момента, как он швырнул пресс-папье и разбитые детали градом посыпались на пол, прошло уже очень много времени.

Он стоял на том же месте, что и вчера, и чувствовал — разгадка совсем рядом, но не знал, где ее искать.

Снова зазвонил телефон. Это был Эб:

— Ну, что скажете?

— Не знаю, что и думать, — ответил Виккерс.

— Он определенно в реке. Где ж ему еще быть? Я сказал об этом шерифу. Завтра с восходом солнца они начнут тралить реку.

— Не знаю, — усомнился Виккерс, — может, вы и правы, но не думаю, что он умер.

— Почему?

— По правде говоря, у меня нет никаких оснований считать, что он жив. Я сказал бы — просто предчувствие.

— Я звоню вам, чтобы сообщить о получении вечмоби-лей. Они прибыли после обеда. Все же вам нужна такая машина.

— По правде говоря, Эб, я серьезно о ней не думал, но, возможно, заинтересуюсь.

— Я подгоню вам одну завтра утром. Посмотрите, попробуйте. Может, она вам понравится.

— Ладно, — согласился Виккерс.

— Тогда договорились. До завтра.

Виккерс вернулся к столу и взял письма. Счетов не было. В шести конвертах оказались проспекты, а на седьмом адрес был написан угловатыми печатными буквами.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал тщательно сложенный белый лист.

Виккерс развернул его.

Дорогой Виккерс!

Надеюсь, поиски моей персоны не слишком вас утомили.

Я прекрасно понимаю, что мои действия причинят некоторые хлопоты милым жителям нашего славного городка, но я уверен – они все проделают не без удовольствия.

Я полагаюсь на вас и убежден, что вы не скажете о письме соседям. Уверяю вас, что нахожусь в здравом уме и мои действия продиктованы необходимостью.

Пишу вам по двум причинам. Во-первых, успокоить вас по поводу моей судьбы, а во-вторых, позволю себе во имя нашей дружбы дать вам совет, хотя вы и не спрашивали его.

Мне кажется, что вы слишком поглощены вашей работой и вам следует несколько дней отдохнуть. Возможно, пребывание в стране вашего детства и прогулки по местам, где вы бродили мальчишкой, помогут вам разобраться в сложившейся ситуации и на многое откроют глаза.

Искренне ваш

Гортон Фландерс

15

«Не поеду, – подумал Виккерс. – Незачем мне возвращаться в страну моего детства. Нечего там делать после стольких лет».

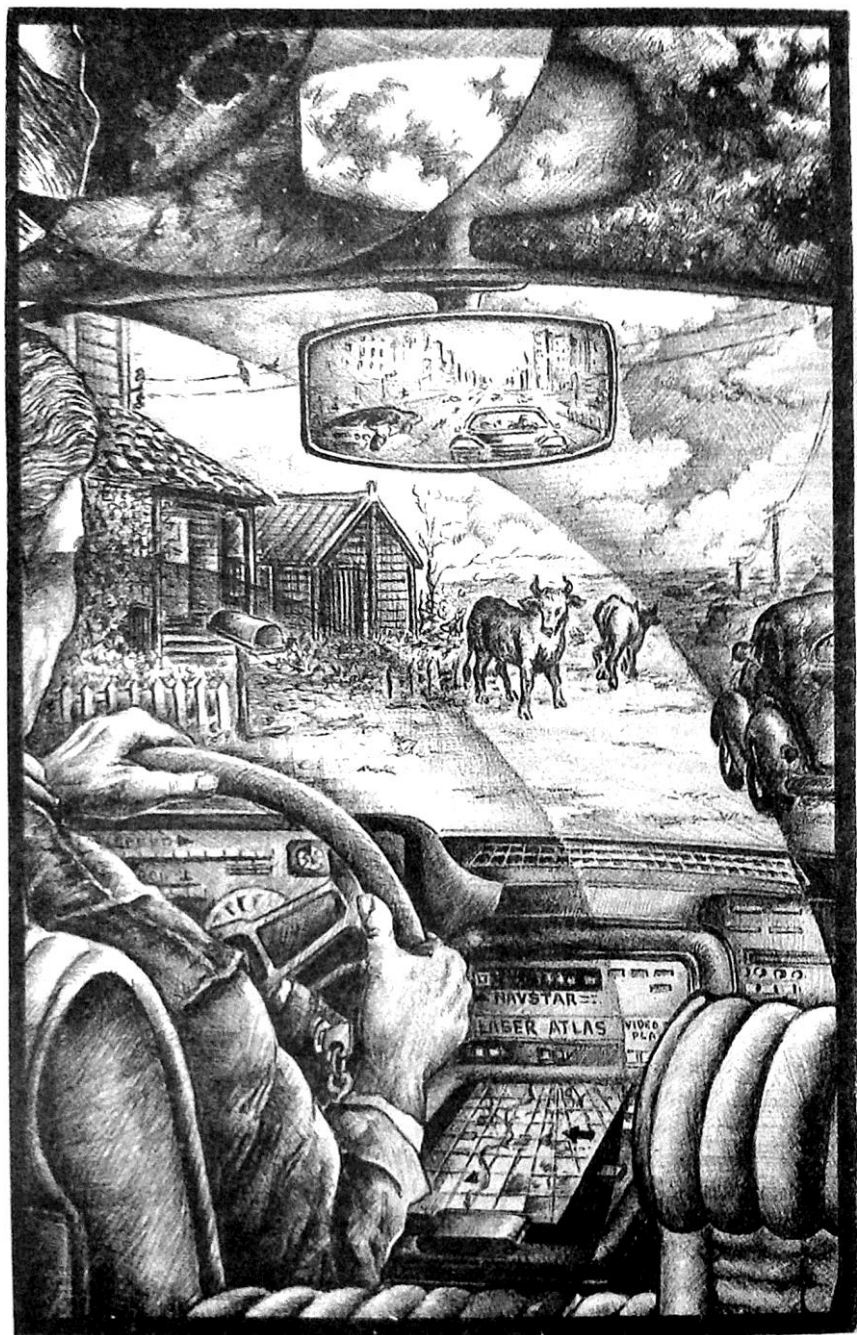
Однако стоило ему закрыть глаза, и прошлое тут же

всплывало перед его мысленным взором: желтоватая глина залитых дождем полей; белые от пыли дороги, петляющие по долинам и перевалам; почтовые ящики на верхушках покосившихся столбов; тощий скот, бредущий по выбитой копытами дороге; запаршивевшие собаки, которые выскакивали из конуры и долго лаяли вслед каждому проезжавшему мимо фермы автомобилю.

«Если я вернусь, все начнут спрашивать, зачем я приехал и как идут мои дела, думал он. — Буду слышать: «Жаль твоего отца — хороший был человек». Как обычно, будут сидеть на перевернутых ящиках возле единственного деревенского магазинчика, жевать свой табак, сплевывать на тротуар, искоса поглядывать на него и говорить: «Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну».

И я пойду на кладбище и постою несколько минут со шляпой в руках перед могильной плитой, прислушиваясь к шороху ветра в соснах, растущих у ограды, и думая, что мог бы совершить что-то такое, чем бы они гордились и о чем могли бы рассказать соседям — но, увы...

Я снова пойду по знакомым с детства дорогам, остановлю машину возле ручья, перелезу через ограду из колючей проволоки, найду омут, в котором ловил голавлей, но ручей окажется струйкой воды, омут — ямой, и уже не будет унесенного весенним разливом дерева, на котором я так любил сидеть. А холмы покажутся мне одновременно и чужими и знакомыми, и я буду силиться понять, что же изменилось, и чем больше стану думать об этом, тем сильнее охватит меня тоска одиночества. И тогда останется одно — бегство. Я до отказа выжму педаль акселератора, вцеплюсь в руль и постараюсь забыть обо всем.

А потом обязательно доберусь до большого кирпичного дома с колоннами и ложными окнами. Медленно проеду мимо и увижу, что ставни давно не закрываются, со стен осыпалась штукатурка, а розы, которые росли вдоль решетки, погибли суровой снежной зимой.

Не хочу туда возвращаться, — сказал он себе. — Ни за что не хочу...

А если...

Ведь многое может проясниться и стать на свои места, как считал Фландерс.

Но что я должен увидеть?

А вдруг там, в стране моего детства, существует какой-то тайный символ, на который прежде я не обращал внимания и который поможет во всем разобраться?

А может, эти домыслы не имеют под собой никакой почвы? Существует ли связь между Гордоном Фландерсом, с его потертым костюмом и смешной тростью, и тем, о нем говорил Кроуфорд, описывая загнанное в угол человечество?»

Доказательств такой связи не было.

Однако Фландерс исчез и написал ему письмо.

«Разобраться, — писал Фландерс, — открыть глаза». Может, он имел ввиду его писательское мастерство. Ведь писатель должен наблюдать жизнь взглядом, который не застилают ни предрассудки, ни тщеславие, а у него просто притупилась острота зрения.

Виккерс сжал рукопись в руке и ласково провел большим пальцем по ее обрезу. «Как мало сделано, — подумал он. — Сколько работы еще предстоит». За последние два дня не прибавилось ни строчки. Два дня впустую.

Чтобы написать хорошую книгу, надо спокойно сидеть на месте, собравшись с мыслями, отгородиться от мира сплошной стеной, пропускающей этот мир небольшими, тщательно отобранными порциями, годными для анализа и изображения с безошибочной ясностью и точностью.

«Спокойно», – сказал он себе. Но как можно оказаться спокойным, если тебя мучают тысячи вопросов и разрывают сомнения?

Полуторадолларовые платья, полуторадолларовые платья в магазине на Пятой авеню!

Существовало что-то, что он упустил. Еще раз...

Сначала была девчушка, которая пришла позавтракать с ним, затем он прочел газету. Потом он пошел за машиной, и Эб рассказал ему о вечмобиле; его машина оказалась неотремонтированной, и он отправился на остановку автобуса, а там встретился Фландерс, и они вместе рассматривали витрину нового магазина, и Фландерс сказал... Минутку... Он отправился на угол, к аптеке, чтобы сесть в автобус...

На слове «автобус» Виккерс запнулся: что-то здесь было... Он вошел в автобус и уселся возле окна. Рядом с ним всю дорогу никого не было. Так, в одиночестве, он и доехал до города.

«Вот оно», – подумал он и в тот же момент почувствовал одновременно и облегчение и ужас. Как он мог забыть? Теперь Виккерс знал, что надо сделать.

Он вернулся к столу, открыл верхний левый ящик и методично перебрал его содержимое. Он обшарил и другие ящики, но не нашел того, что искал.

«Тетрадь где-то лежит, не может быть, чтобы я выбросил ее».

Вероятно, на чердаке, в одном из ящиков.

Он взобрался вверх по лестнице и зажмурился от резкого света голый лампы, подвешенной к потолку. Воздух на чердаке был холодный, а стропила напоминали зубы чудовищной, готовой вот-вот сомкнуться челюсти, и от этого ему стало не по себе. Виккерс добрался до ящиков, задвинутых под самую крышу. В котором же из трех лежит нужная тетрадь?

Он начал с ближайшего и, разобрав его до половины, под парой старых охотничьих сапог, которые ему так и не удалось отыскать прошлой осенью, нашел эту свою старую записную книжку.

Он открыл ее, перелистал и остановился на нужной странице.

16

Наверное, прошли годы, прежде чем Виккерс обратил внимание на один странный факт. Но, даже обратив на него внимание, он вначале не задумывался над ним. Потом занялся наблюдением всерьез.

Целый месяц он скрупулезно вел записи. И когда подозрения подтвердились, пытался убедить себя в том, что у него просто разыгралось воображение. Но записи неумолимо показывали – за фактами что-то крылось.

Дела обстояли намного хуже, чем ему казалось вначале – подобными фактами изобиловали многие периоды его жизни, и по мере накопления данных его все больше и больше поражало, что прежде он ничего не замечал, хотя это должно было броситься в глаза с самых первых дней.

Все началось с того, что в автобусе рядом с ним никто

не садился. Жил он тогда в старом семейном пансионе на окраине города, недалеко от конечной остановки. Он ездил на работу по утрам и всегда занимал в автобусе свое любимое место. На остановках в автобус входили люди, но рядом не садились. Его это мало трогало, более того, даже устраивало, ибо можно было, опустив шляпу на глаза и поудобнее устроившись, подремать или помечтать, не думая ни о каких правилах приличия. Правда тогда он не очень заботился и об их соблюдении – слишком рано начинался рабочий день.

Люди входили в автобус, усаживались рядом с другими пассажирами, с которыми так же не были знакомы, как и с ним. Они садились рядом с другими людьми, пока оставались свободные места. И место рядом с ним занимали лишь тогда, когда приходилось выбирать – сесть или остаться стоять.

Вначале он думал, что от него разит потом или дурно пахнет изо рта. Он стал ежедневно принимать ванну и пользоваться мылом с гарантированным запахом свежести, тщательно чистить зубы и употреблять специальные пасты.

Но ничего не изменилось. Он по-прежнему в одиночестве доезжал на своем сидении до места.

Внимательно изучив себя в зеркале, Виккерс пришел к выводу, что и одежда здесь ни при чем, ибо в те времена одевался не без элегантности. Тогда он решил, что у него дурные манеры, перестал дремать а автобусе с надвинутой на глаза шляпой и стал весело и любезно улыбаться всем подряд. Боже, как он старался – растягивал рот до самых ушей.

Целую неделю он был предельно любезен, улыбка не сходила с его лица, Окружающие видели в нем делового молодого человека, начитавшегося Дойла Карнеги, члена какого-нибудь молодежного инициативного комитета. Но пока были свободные места, рядом с ним по-прежнему никто не садился. Его утешало лишь то, что, когда выбора не было, они все же предпочитали не стоять.

Потом он заметил и другое.

Его коллеги часто подходили друг к другу, по несколько человек собирались вокруг чьего-нибудь стола, чтобы поболтать, похвастаться своими успехами в гольфе, рассказать сальный анекдот и посетовать на службу «в этой лавочке». Однако никто никогда не подходил к его столу. Он пробовал сам подходить к другим столам, но с его приближением группа тут же рассыпалась по местам. При попытках затеять беседу коллеги проявляли особую корректность, но неизменно оказывались чрезвычайно занятыми, и Виккерс быстро уходил. Он критически оценил свои способности в умении поддержать разговор, и они показались ему вполне удовлетворительными. Он не играл в гольф, но знал множество сальных анекдотов, читал все последние книги и видел лучшие фильмы тех лет. Постиг внутренние интриги и мог не хуже других посплетничать о начальстве. Он читал газеты и даже пару еженедельников, мог рассуждать о политике. Короче говоря, способен был достойно поддержать любой разговор. Но с ним никто не хотел беседовать.

То же самое происходило в обеденный перерыв. И так было везде, где бы ни появлялся, теперь он это знал точно.

Виккерс все заносил в тетрадь, расписал каждый день и вот, через пятнадцать лет, здесь, на пустом и враждебном чердаке, сидя на ящике, перечитывал свои записи. Уставшись в одну точку, он вспоминал сейчас о том периоде своей жизни, о своих чувствах тех дней, когда он заметил отчужденность. Вот и вчера, когда он ездил в Нью-Йорк, рядом с ним никто не сел.

Пятнадцать лет назад он не нашел ответа на мучивший его вопрос.

Теперь все началось сначала.

Может, что-то в нем было не как у людей? Может, чего-то не хватало в характере, не располагало к дружбе с ним.

Однако дело было не только в одиноких поездках в автобусе или обособленности на службе. Были моменты, которые трудно описать. Так, чувство одиночества, которое он постоянно испытывал, происходило от ощущения своего «отличия» от окружающих. Именно оно заставляло его сторониться людей и, наверное, люди, чувствуя это, сторонились его. Тут было и неумение завязать дружбу, и повышенное чувство собственного достоинства, и нежелание подчиняться общепринятым обычаям.

Именно поэтому он выбрал для местожительства этот изолированный от мира городок, ограничил до минимума круг знакомых и начал карьеру писателя, человека-одиночки, который излагает на бумаге свои подавленные эмоции и тайные мысли, ибо так или иначе он должен высказаться.

Он построил свою жизнь на этой своей странности и, быть может, благодаря ей к нему пришел скромный успех.

Он нашел место в жизни, а теперь вереница событий нарушила его привычное существование.

Вечмоби́ли и искусственные углеводь. Кроуфорд и его истории о загнанном в угол человечестве — все это вызывало у него смутное ощущение каких-то общих связей и вынуждало сыграть свою роль в происходящих событиях.

Виккерса раздражала собственная уверенность в том, что ему предстоит сыграть эту неясную роль: у него не было никаких оснований для такой уверенности.

Так было всегда, даже в самых незначительных делах, теперь он понимал это. Его угнетало малоприятное ощущение, что некая истина сама откроется ему, стоит только протянуть руку, и в то же время он боялся, что никогда не осмелится протянуть ее достаточно далеко.

Было глупо сознавать свою правоту, не зная, нечему ты прав, но он знал, что был прав, отвергая предложение Кроуфорда, хотя по логике вещей его следовало принять; как с самого начала знал, что не удастся отыскать Горгона Фландерса. Пятнадцать лет назад он оказался лицом к лицу с проблемой, которую решил, не отдавая себе отчета в побуждениях, вызвавших именно такое решение: он отошел от людей. Он отступил, укрылся и на некоторое время обрел мир и спокойствие. Но теперь интуиция — чувство, граничащее с предвидением, подсказало ему, что его затворничеству пришел конец. Ему некуда отступать, даже если бы он этого захотел. Однако удивительнее всего, что ему и не хотелось отступать, хотя места среди людей для него не существовало тоже. Он больше не мог скрываться от человечества.

В одиночестве сидел он на чердаке и слушал, как ветер свистит в черепице.

Кто-то колотил во входную дверь, выкрикивая его имя, но прошло несколько мгновений, прежде чем Виккерс услышал стук. Он встал с ящика, и записная книжка, выскользнув из рук, упала на пол исписанными страницами кверху,

– Кто там? – хотел спросить он. – Что случилось?

Но голос отказал ему.

– Джей, – крикнул кто-то. – Джей, где вы?

Спотыкаясь, он спустился вниз в гостиную. За дверьми стоял Эб.

– Что случилось, Эб?

– Послушайте, Джей, – заспешил Эб, – вам надо уматывать отсюда.

– Зачем?

– Говорят, что вы прикончили Фландерса.

Виккерс ухватился за спинку кресла.

– Я не спрашиваю вас, так ли это на самом деле, – сказал Эб. – Я уверен, вы этого не делали. И поэтому решил спасти вас.

– О чем вы говорите? – не понял Виккерс.

– Все собрались в пивной, – объяснил Эб, – и набираются храбрости, чтобы линчевать вас.

– Кто же?

– Все ваши друзья. Кто-то настроил их против вас. Не знаю, кто. У меня не было времени разузнать это. Я сразу же бросился сюда.

– Но я любил Фландерса. Только я и любил его. Я был его единственным другом.

– У вас мало времени, – настойчиво повторил Эб. – Вам надо уматывать.

– Куда я поеду? У меня нет машины.

– Я пригнал вам вечмобиль. Никто не узнает, что вы воспользовались им.

– Я не хочу скрываться. Они обязаны выслушать меня. Обязаны!

– Вы с ума сошли! Ведь не шериф же явится с ордером на арест. К вам ворвется толпа, вас и слушать не станут.

Эб пересек комнату и крепко схватил Виккерса за руку.

– Уезжайте, черт подери! – воскликнул он. – Я рискую своей шкурой, предупреждая вас. Вы не должны отказываться от возможности бежать.

Виккерс высвободил руку.

– Хорошо, я еду.

– Как у вас с деньгами?

– Есть немного.

– Вот еще. – Эб вытащил небольшую пачку ассигнаций.

Виккерс взял их и сунул в карман.

– Бак заправлен полностью, – наставлял Эб. – Смена скоростей автоматическая. Управление, как в обычном автомобиле. Я не выключил двигатель.

– Не хотелось бы поступать так, Эб.

– Знаю, что вам неохота уезжать. Но, если вы не уедете, жители нашего городка станут убийцами, так что у вас нет выбора. Идите, – он подтолкнул Виккерса к двери, – пора ехать.

Виккерс быстро прошел по дорожке, слыша позади шаги Эба. Машина стояла у ограды, Эб оставил дверцу открытой,

– Садитесь. Поезжайте налево и выскочите на авто-страду.

– Спасибо, Эб.

– Ну, скорее.

Виккерс выжал сцепление и нажал на акселератор. Машина тронулась с места и покатилась, быстро набирая скорость. Вскоре он выехал на автостраду и повернул на запад.

Милю за милей он ехал вперед, рассекая тьму лучами фар. Он вел машину в каком-то оцепенении, потрясенный происходящим: его, Джея Векерса, хотели линчевать соседи, и он бежал от них. Эб сказал, что кто-то подбил их на это, но он не знал, кто. Зачинщик должен был ненавидеть его, но стоило подумать об этом, как Векерс тут же понял, кто это был. Он снова ощутил чувство страха, испытанное при разговоре с Кроуфордом, когда отказался писать книгу.

– Что-то назревает, – сказал ему Гортон Фландерс, когда они стояли перед магазином новинок.

За этими словами действительно что-то крылось

Налицо были предметы первой необходимости, которые производились несуществующими фирмами. Налицо была организация бизнесменов, страшащихся какого-то неумолимого врага. Налицо был Гортон Фландерс с его непонятным фактором, удерживающим мир от войны. Налицо были фантазеры, которые бежали от повседневной реальности, забавляясь игрой в прошлое. И наконец, налицо был он сам, силою удивительных обстоятельств держащий путь на запад.

В полночь он уже знал, что делает и куда направляется.

Веккерс держал путь туда, куда советовал ехать Гор-

тон Фландерс. Он возвращался туда, куда поклялся никогда не возвращаться.

Он направлялся в страну своего детства.

18

Люди выглядели именно такими, какими он их себе представлял. Они сидели на ящиках перед единственным магазинчиком, жевали табак и, искоса поглядывая на него, говорили:

– Жаль твоего отца, Джей. Хороший был человек.

И еще они говорили:

– Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну.

И еще они говорили:

– Ты поедешь к своему дому?

– Сегодня же, – отвечал Виккерс.

– Там все переменилось. Все стало иначе с тех пор, как там никто не живет.

– Никто не живет?

– Никто. Хозяйство захирело. Заработков нет. Теперь есть углеводы, многие бросили свои фермы. У одних земли отняли банки, другие продали свои фермы почти задаром. Из полей сделали пастбища – поставили загородки и выпускают туда скот. Никто ничего не сеет. На западе закупают скотину на откорм, все лето она пасется здесь, а осенью ее забивают.

– У нашей фермы такая же судьба?

Они кивали головой.

– Уж так получилось, сынок. Парень, который купил ферму после твоего отца, так и не смог свести концы с

концами. И не он один. Были и другие. Ты помнишь хозяйство старика Престона?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Его постигла та же участь. А у него было хорошее хозяйство, одно из лучших в округе.

— Там кто-нибудь живет?

— Никого. Кто-то забил досками окна и двери. Непонятно, зачем.

Из магазина вышел хозяин и присел на ступеньки.

— Где теперь живешь, Джей?

— На востоке, — ответил Виккерс.

— Надеюсь, дела идут хорошо?

— На еду хватает.

— Уже неплохо. Сегодня стыдно сетовать на жизнь тому, кто ест досыта,

— А что за машина у тебя? — спросил кто-то.

— Это новая модель, — ответил Виккерс. — Я ее только что купил. Вечмобиль.

И они говорили:

— Мы никогда не слыхали о такой марке.

И они говорили:

— Она, небось, стоит кучу денег.

И они спрашивали:

— А сколько бензина она жрет?

Он сел в машину и поехал по пыльной захиревшей деревне со старыми автомобилями у ворот, с ее методистской церковью на холме, с ее дряхлыми жителями, с ее собаками, спящими в тени сиреневых кустов.

На воротах, у въезда на ферму висела цепь с висячим замком, поэтому Виккерс оставил машину на обочине шоссе и четверть мили до дома прошел пешком. Дорога на ферму заросла травой, доходившей до колен, и лишь местами видны были следы колой. Необработанные поля, вдоль изгородей разросшийся Кустарник – истощенные постоянным возделыванием одной и той же культуры, заросшие сорняками, земли.

С шоссе постройки казались такими же, какими он их помнил. Они уютно жались друг к другу, скрывая в себе доброе семейное согласие, но, когда он подошел ближе, стали видны следы запустения. Двор, окружавший дом, зарос травой, сорняки скрыли цветочные клумбы, от пышных кустов роз у крыльца осталось несколько хилых веток. Сливовые деревья в углу возле изгороди совсем одичали, да и самой изгороди почти не осталось. Часть стекол была выбита, скорее всего местными мальчишками. Задняя дверь оказалась открытой и хлопала на ветру.

Он продрался сквозь заросли кустарника, обошел дом, удивляясь тому, сколь живучи следы былой жизни. Он различил на задней стене дома отпечатки своих ладоней, которые оставил в свежей глине десятилетнем мальчуганом: на подоконнике подвального окна виднелись царапины от поленьев, которые он сбрасывал вниз, чтобы топить старую дровяную печь. Возле дома он нашел старую ванночку, в которой его мать каждую весну высаживала настурции; ее почти съела ржавчина. На переднем дворе по-прежнему стояла рябина. Виккерс пошел в ее тень, глянул сквозь листву на небо, погладил гладкую кору

ствола и вспомнил, как мальчишкой, его распирало от гордости, что он вырастил дерево, какого не было ни у одного из соседей.

Он не стал открывать дверь, было достаточно осмотреть дом снаружи. Он знал, что внутри увидит множество навевающих печаль вещей: и дыры в стенах от крюков, на которых висели картины, и след на полу, где когда-то стояла печь, и стертые ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, все еще хранившие следы любимых людей. Стоит войти в дом, как сердце его наполнится горечью при виде распахнутых шкафов и опустевших комнат.

Виккерс обошел и другие строения. Несмотря на такое же запустение, они меньше будоражили его память. Птичник давно обрушился, в свинарнике дуло изо всех щелей, а в глубине сарая, где хранились машины, он нашел старую сноповязалку.

В коровнике было прохладно и темно, но он больше всего напоминал ему дом. Стойла были пусты, между балками висела паутина, в которой запутались соломинки, но до сих пор тут ощущался острый запах животных.

По приставленной доске он поднялся на чердак. Из-под ног с писком метнулись мыши. Мешки для зерна лежали стопкой, чтобы не загромождать проход, на крючке висела старая упряжь, и тут в конце прохода он увидел предмет, который буквально приковал его к месту. Это был детский волчок, помятый и выцветший детский волчок. Но Виккерс помнил его блестящим и ярким. Когда он пускал его, волчок со свистом крутился на полу. Он получил его в подарок на рождество. Это была его любимая игрушка.

Он поднял с пола этот старый кусок металла и с

неожиданной нежностью сжал его в ладонях. Волчок был частью его прошлого, немой и лишённой смысла для всякого, кроме того мальчугана, каким он был когда-то.

Волчок был расписан цветными полосками, свивавшимися в спираль, и стоило его запустить, как они сходились в одной точке – полоска бежала и исчезала, за ней исчезала другая, затем третья.

Он мог часами смотреть, как появляются и исчезают полоски, пытаясь понять, куда они уходят. Ведь должны же они были куда-то уходить. Не могли они быть здесь в эту секунду и исчезнуть в следующую. Они должны были куда-то уходить.

И они действительно куда-то уходили!

Теперь он вспомнил. Держа этот старый волчок в руках, он вернулся в один из дней своего детства, словно и не было долгих последующих лет.

За полосками можно было последовать, уйти туда, куда уходили они, но для этого надо бы быть совсем юным и иметь богатое воображение.

Место это походило на сказочную страну, хотя и выглядело слишком реальным, чтобы действительно оказаться ею. Там была аллея, словно сотканная из стеклянных нитей, там были птицы и цветы, деревья и бабочки. Он сорвал цветок и, крепко сжимая его в руке, двинулся по аллее. Увидел небольшой домик, приютившийся среди кустов, испугавшись, попятился и вдруг снова очутился дома – волчок валялся на полу, но в руке у него был зажат цветок.

Он пошел к матери и все рассказал ей. Она вырвала цветок из его рук, словно испугалась. Ее можно было понять – на дворе стояла зима.

Отец расспросил его обо всем, взял волчок и ушел с ним, а на следующий день, когда он захотел поиграть с любимой игрушкой, отыскать ее не удалось. И еще долго Джей втихомолку оплакивал эту утрату.

И вот волчок, старый выцветший волчок снова оказался у него в руках и, хотя от ярких красок не осталось и следа, это был волчок его детства.

Виккерс спустился с чердака, с нежностью прижимая к груди свою старую игрушку, подальше унося ее от этого неуютного места, где она пробыла так долго.

«Забвение», – решил он, но это было нечто большее – блокировка памяти, которая заставила его забыть и волчок, и путешествие в сказочную страну. Долгие годы он не вспоминал о них и даже не знал, что воспоминание хранится в его памяти. Но теперь вместе с волчком вернулось и воспоминание о том дне, когда он последовал за цветной спиралью и оказался в сказочной стране.

20

Он решил, что не будет останавливаться у дома Престонов, только медленно проедет мимо и посмотрит на него. Он уже заглянул в пустую раковину своего нереального детства и ему не хотелось вспоминать еще и о пустоте своей юности.

Нет, он не остановится у дома Престонов. Он медленно проедет мимо, бросит взгляд на дом, а потом наберет скорость и уедет, и их разделят многие мили.

«Я не останавлиюсь», – говорил он себе.

Но все же остановился.

Он сидел в машине, смотрел на дом и вспоминал, как

гордо тот выглядел и какая гордая семья жила в нем, и гордость ее была столь велика, что она не могла позволить себе породниться с местным парнем, уроженцем бедной фермы, на полях которой росла лишь чахлая пшеница.

Но дому не удалось сохранить свой гордый вид. Кто-то захлопнул ставни и набил сверху длинные доски, закрыв глаза гордому дому, осыпалась штукатурка с величественных колонн, облупилась краска со стен, башенный кем-то камень разбил полукруглое окно над входной дверью. Осела ограда, двор зарос дикой травой, а красная кирпичная стена между оградой и верандой исчезла под буйной порослью диких вьюнков.

Виккерс вылез на машины, миновал полуразрушенную ограду и приблизился к веранде. Поднявшись по ступенькам, он увидел, что доски пола совсем сгнили.

Он остановился там, где когда-то они стояли вдвоем, где впервые поняли, как неистребима их любовь. Хотел восстановить ощущение тех мгновений, но оно не вернулось. Прошло слишком много времени, миновало слишком много лет, но только боль по-прежнему щемила грудь. Он пытался представить себе, как в ту ночь выглядели луна, поля, двор, на которые он смотрел с веранды, как лунный свет отражался от белых колонн, как дурманил тонкий запах роз, впитавший в себя жар солнца. Он помнил все, но не мог оживить и ощутить свои воспоминания.

Позади дома размещались конюшни, по-прежнему окрашенные в белый цвет. За конюшнями и амбарами начинался спуск в ту долину, по которой они гуляли во время последней встречи.

Он помнил ту заветную долину с ее цветущими ябло-

нями и пением жаворонков. Долина оказалась заколдованной в первый раз, но во второй – чары ее развеялись. Может, на третий раз волшебство вернется.

Он убеждал себя, что сошел с ума и гонится за призраком, но ноги упрямо несли его вперед, мимо конюшен и амбаров, к спуску в долину. Однако прежде чем начать спуск, он остановился и посмотрел вперед. Долина не была той заветной долиной, однако он вспомнил ее, как вспомнил лунный свет на колоннах, – ведь долина, как и колонны, все так же оставалась на прежнем месте, и деревья росли там, где прежде, и так же среди лугов змеился ручей.

Он хотел вернуться, но не мог – его неудержимо влекло вниз. Он увидел заросли диких яблонь, которые давно отцвели, и только жаворонки по-прежнему взлетают из-под ног прямо в небо.

Наконец он повернул назад. Все выглядело так же, как и второй раз. Третье посещение ничем не отличалось от второго. Она, только она своим присутствием делала обычную долину волшебной. А может, чары существовали лишь в его воображении.

Два раза он попадал в сети волшебных чар, два раза в жизни он покидал родную землю.

Два раза. Один раз благодаря девушке и их любви. Второй раз ему помог волчок.

Нет, волчок помог в первый раз.

Да, волчок.

Стоп! Не спеши!

Ты ошибаешься, Виккерс. Ты идешь по неверному пути.

Не сходи с ума, куда ты рвешься?

Директор магазина стандартных цен, к которому обратился Виккерс, казалось, понял его.

— Знаю. Понимаю, что вы ищете. Когда я был мальчишкой, у меня был точно такой же волчок, но теперь их не делают. Не знаю даже, почему. Появилось много новых игрушек, в том числе и механических. Но нет ничего похожего на волчки.

— Особенно хороши были большие волчки, — сказал Виккерс. — С ручкой, на которую надо было нажимать. И тогда волчок с гудением разгонялся.

— Помню, именно такой у меня и был в детстве. Я мог часами сидеть и смотреть, как он крутится.

— Вы смотрели, куда убегают полоски?

— Не помню, следил ли я за убегающими полосками. Я просто смотрел, как он вращается, и слушал как он гудит.

— А меня всегда интересовало, куда уходят полоски. Вы помните? Они совершали полный круг и исчезали, достигнув вершины волчка.

— Скажите, а куда они уходят?

— Не знаю, — пожал плечами Виккерс.

— Дальше по улице, в одном или двух кварталах отсюда, есть еще один магазин стандартных цен, — сказал директор. — У них большой выбор, может, вы найдете там ваш волчок.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Спросите и в скобяном магазине на той стороне улицы. У них тоже есть игрушки, но мне кажется, они хранят их в подвале и достают только к рождеству.

Продавец скобяного магазина сказал Виккерсу, что

знает, о чем идет речь, но не видел ни одного волчка уже несколько лет. В другом магазине стандартных цен волчков тоже не оказалось.

— Нет, — ответила жевавшая резинку продавщица, нервным движением задвигая за ухо карандаш, — нет, не знаю, где вы можете найти волчок.

Она даже толком не представляла, о чем идет речь. Она могла предложить другие игрушки для мальчишек. Например, игрушечные ракеты...

Он вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, стал рассматривать людей, гулявших в этот послеполуденный час по улицам маленького городка Среднего Запада. Здесь были женщины в пестрых платьях и в строгих костюмах, школьники, только что окончившие занятия, деловые люди, сидевшие за традиционной чашечкой кофе. Взглянув вверх по улице, он увидел толпу зевак вокруг его машины, оставленной у магазина стандартных цен. «Пора, — подумал он, — бросить монету в счетчик автомобильной стоянки».

Он порылся в кармане в поисках десятицентовой монеты. В кармане лежал один десятицентовик, четверть доллара и один пятицентовик. При виде монет Виккерс забеспокоился, сколько же у него осталось денег. Он вытащил бумажник и обнаружил в нем лишь две долларовые бумажки.

В Клиффвуд он вернуться не мог, во всяком случае сейчас.

Он оказался выброшенным на улицу. А деньги нужны, чтобы сиять номер в гостинице, поесть, купить бензин. Но прежде всего надо было купить гудящий волчок с яркими полосками.

Он в нерешительности стоял посреди тротуара, думая о волчке. Вопреки здравому смыслу ему казалось, что все должно получиться. Получилось же в детстве...

А что могло произойти, не заberi отец у него волчок? Решился бы он отправиться еще раз в сказочную страну? Кого бы он там встретил и что нашел в домике, приютившемся среди кустарника?

Проникал ли кто-нибудь еще в сказочную страну, разглядывая вращающийся волчок? И если такие люди были, что с ними случилось? Он был уверен, что директор магазина стандартных цен не был из их числа.

Почему только ему довелось найти путь в сказочную страну? А может быть, и та заветная долина была в этой стране? Не прошли ли они с той девушкой через еще одну невидимую дверь? Ведь долина, память о которой он пронес через все эти годы, была совсем не такой, как та, где он побывал сегодня утром.

Существовала лишь одна возможность ответить на все эти вопросы, но ему был нужен волчок.

«Волчок, — думал он. — Его следует добыть во что бы то ни стало».

Но у него же есть волчок! Нужно только выправить ручку, отмыть в керосине ржавчину и заново выкрасить. И ведь его волчок лучше любого нового. Он уже позволил ему однажды перейти в удивительный мир. Ему хотелось думать, что его волчок был особенным, обладал тайными свойствами, каких не могло быть ни у какого другого волчка.

Довольный, что вспомнил о волчке, который бросил в отделение для перчаток в машине, он направился к скобяной лавке.

– Мне нужна краска. Самая яркая. Красная, зеленая, желтая. И кисточки, – сказал Виккерс и подумал, что в этот момент продавец смотрит на него как на сумасшедшего.

22

Он позвонил Энн из гостиничного номера за ее счет, потому что после обеда у него в кармане осталось только одиннадцать центов.

В ее голосе сквозило беспокойство.

– Джей, где ты? Куда ты запропастился, черт тебя подери?!

Он сообщил, где находится.

– Как ты там очутился? – удивилась она. – Что с тобой случилось?

– Со мной ничего не случилось. По крайней мере пока. Я в бегах. Пришлось удрать из Клиффвуда.

– Как пришло?

– Местные жители хотели вздернуть меня на фонаре. Кто-то вбил им в голову, что я убил человека.

– Теперь мне ясно: ты сошел с ума. Да ты и муху убить не способен.

– Естественно, никого я не убивал. Но мне не удалось бы убедить их в обратном. У меня не было другой возможности спастись, кроме бегства.

– Почему? – возразила Энн. – Я разговаривала с Эбом...

– С кем?

– С владельцем гаража. Ты упоминал его имя. Я перевернула небо и землю, разыскивая тебя эти два дня. Где я

только не искала. Без конца звонила тебе, но телефон не отвечал, тогда я вспомнила про Эба, попросила соединить меня с ним и...

— И что тебе сказал Эб?

— Ничего особенного. Он сказал, что ты уехал, но он не знает, куда. И добавил, что оснований для беспокойства нет...

— Именно Эб меня и предупредил, — перебил Виккерс. — Он сказал мне об их намерениях, дал автомобиль, немало денег и выставил из города.

— Невероятно. И кого же ты убил, по их мнению?

— Гортон Фландерс. Исчезнувшего старика.

— Зачем тебе было его убивать? По твоим словам, он милейший старикан. Ты же мне не раз говорил о нем.

— Послушай, Энн, я никого не убивал. Кто-то их настроил против меня.

— Значит, ты не можешь вернуться в Клиффвуд?

— Нет, не могу.

— Что ты будешь делать, Джей?

— Не знаю. Думаю, пока придется скрываться.

— Почему ты не позвонил мне? — спросила Энн. — Почему уехал на Запад? Ты же мог приехать в Нью-Йорк. Уж позвонить-то ты мог!

— Разве я не позвонил тебе?

— Конечно, позвонил. Потому что остался без единого цента и хочешь, чтобы я выслала тебе денег и...

— Пока я денег у тебя не просил.

— Попросишь.

— Верно, — согласился он — Боюсь, что попрошу.

— А тебя не интересует, почему я повсюду разыскивала тебя?

– Не очень. Ты не хочешь выпускать меня из рук. Какой литературный агент согласится, чтобы от него ушел лучший автор...

– Джей Виккерс, – отчеканила Энн. – В один прекрасный день я распну тебя на кресте и выставлю у дороги в назидание, дабы другим неповадно было.

– Из меня выйдет трогательный Христос. Лучшей кандидатуры тебе не найти.

– Я разыскивала тебя, потому что Кроуфорд фанатик. Он ничего не хочет знать. Я назвала ему совершенно фантастическую сумму и он, не моргнув, согласился.

– Я думал, мы покончили с Кроуфордом.

– Мы не покончили с Кроуфордом, – ответила Энн и замолчала. В трубке слышалось только еле различимое потрескивание.

– Энн, – спросил Виккерс. – Что-нибудь неладно?

Ее голос был спокоен, но напряжен.

– Кроуфорд зверски напуган. Я еще никогда не видела столь напуганного человека. Он приходил ко мне. Представь себе! Не я, а он явился ко мне в контору, весь в поту, задыхаясь, и я испугалась, что у меня не найдется стула, который бы выдержал такую массу. Ты помнишь старый дубовый стул в углу? Это была моя первая мебельная покупка для конторы, и я питаю к этому стулу нежные чувства. Так он выдержал.

– Что выдержал?

– Он выдержал его, – торжествующе воскликнула Энн. – Все другие стулья Кроуфорд просто раздавил бы. Ты же знаешь, какая он громадина.

– Ты хотела сказать, туша? – уточнил Виккерс.

– Он спросил: «Где Виккерс?» А я ответила: «Почему вы меня спрашиваете о нем, я не вожу его на привязи». А он говорит: «Вы его агент, не так ли?» Я отвечаю: «Пока да, но Виккерс – столь непостоянный человек, что ручаться за это нельзя». Он говорит: «Мне нужен Виккерс». Тогда я сказала: «Ищите сами». Он свое: «Я за ценой не постою. Назовите любую сумму, назначьте любое условие».

– У него не все дома, – вставил Виккерс.

– Он предлагает кучу денег.

– А ты уверена, что они у него есть?

– По правде говоря, не очень. Но почему бы ему их не иметь?

– Кстати, о деньгах, – сказал Виккерс. – У тебя не найдется сотни долларов? Или хотя бы полсотни?

– Найду.

– Пришли мне сейчас же. Потом верну.

– Ладно, пришлю, – сказала она. – Я выручаю тебя не в первый и, думаю, не в последний раз. Скажи мне только одно.

– Что именно?

– Что ты собираешься делать?

– Хочу провести один эксперимент.

– Какой эксперимент?

– Хочу попробовать свои силы в оккультизме.

– О чем ты говоришь? Ты же понятия не имеешь об оккультизме. Ты такой же медиум, как и всякая деревяшка.

– Знаю.

– Ответь мне, пожалуйста, что ты собираешься делать?
– повторила Энн.

– Как только кончу разговор с тобой, я начну красить.

– Дом?

– Нет, волчок.

– Какой волчок?

– Особый. Детскую игрушку. Ее обычно запускают на полу.

– Теперь послушай меня, – перебила она. – Ты сейчас же выбросишь эту игрушку и приедешь ко мне домой.

~ После эксперимента.

– О чем идет речь, Джей?

– Я хочу попробовать проникнуть в сказочную страну.

– Не болтай глупостей.

– Я уже там побывал однажды. Даже дважды,

– Послушай. Джей, все оборачивается гораздо серьезней. Кроуфорд напутан, и а тоже. А потом, эта история с линчеванием...

– Пришли мне деньги.

– Хорошо.

– Увидимся через пару дней.

– Позвони мне, – попросила она. – Завтра.

– Ладно.

– И еще, Джей... Побереги себя. Я не знаю, что ты хочешь делать, но будь поосторожнее.

– Постараюсь, – ответил Виккерс.

23

Он выправил у волчка ручку, очистил металл, наметил карандашом спирали и смазал ось, чтобы ручка легко двигалась. Затем начал красить.

Работал он неумело, но очень старательно. Выводил разноцветные полосы – красную, зеленую, желтую, наде-

ясь, что выбрал цвета правильно – он уже не помнил, как был раскрашен его волчок. Впрочем, вряд ли цвета играли большую роль – были бы они яркими и закручивались в спираль.

Он перепачкал и руки, и костюм, и стул, на котором красил. Уронил на пол тюбик с красной краской, но успел его быстро подхватить, так что на ковре осталось только несколько капель.

Наконец, он закончил работу – волчок выглядел совсем неплохо.

Его волновало, высохнет ли краска к утру, но, посмотрев на этикетки, обнаружил, что пользовался быстросохнущей краской, и успокоился.

Теперь он был готов запустить волчок и посмотреть, что из этого выйдет. Откроется перед ним сказочная страна или нет? Скорее всего, нет. Мало запустить волчок – надо еще и суметь настроиться, обладать верой и бесхитростной простотой ребенка. А он уже давно их растерял.

Он вышел из номера, закрыл дверь на ключ и спустился вниз. И городок, и отель были так малы, что не нуждались в лифтах. Однако городок был чуть больше крохотной деревеньки, которая казалась ребенку городом, деревеньки, жители которой сидели на ящиках перед магазином и задавали нескромные вопросы, а потом занимались долгими пересудами.

Он фыркнул от удовольствия, подумав о том, что скажут жители городка, когда до них дойдет весть, как он, испугавшись петли, бежал из Клиффвуда.

Он словно слышал их слова:

– Хитрец. Он всегда был хитрецом и не внушал дове-

рия. Его мать и отец были хорошими людьми. Как случилось, что у таких славных людей оказался такой поганый сынок?

Он пересек холл и оказался на улице.

Зашел в кафе, заказал чашечку кофе, и официантка сказала ему:

– Хороший вечерок, не правда ли?

– Хороший, – ответил он.

– Вам принести еще что-нибудь?

– Нет. Только кофе.

Деньги у него уже были – Энн проделала все на редкость оперативно, но он заметил, впрочем не удивившись этому, что утратил аппетит и совсем не хотел есть.

Официантка отошла к другому концу стойки и принялась тереть тряпкой несуществующие пятна.

А он пил кофе и думал.

Волчок. Какова же его роль?

Он возьмет волчок, вернется в свой бывший дом и проверит, есть ли сказочная страна. Нет, не совсем так. Он узнает, может ли проникнуть в сказочную страну.

А дом? Какую роль играет он?

И вообще, существует ли связь между домом и волчком?

Ведь, наверное, не случайно Гортон Фландерс написал: «Вернитесь домой и пройдитесь по тропинкам своего детства. Может, вы найдете то, чего вам не хватает, или то, что вы потеряли». Он не помнил точных слов Фландерса, но смысл был именно таким.

И он вернулся домой, нашел волчок, более того, вспомнил о сказочной стране. Почему же все эти годы,

пролетевшие с того времени, когда ему было восемь лет, он ни разу не вспомнил о путешествии в сказочную страну?

Воспоминание хранилось в глубинах его сознания, и он не сомневался, что всплыло оно после какого-то события.

Что-то, возможно, какой-то психологический шок, заставило его некогда забыть обо всем. И он забыл. Однако в момент, когда та металлическая мышь сама полезла в ловушку, в нем что-то произошло. И что-то заставило его отказаться от предложения Кроуфорда. Но что?

Официантка вернулась и облокотилась на стойку напротив него.

— Сегодня в кино новый фильм, — сказала она. — Хочется посмотреть, но мне нельзя отойти.

Виккерс не ответил.

— Вы любите кино? — спросила девушка.

— Не знаю. Я редко туда хожу.

На ее лице появилось страдание.

— А вот я очень люблю кино. Можно сказать ради этого и живу.

Он поднял глаза и увидел самое обычное лицо. Такие же лица были у тех женщин в автобусе, такое же лицо было у миссис Лесли, такие же лица были у тех людей, которые не решались сесть рядом с ним в автобусе. И у мистера Лесли, который заполнял свою жизнь выпивкой и женщинами, было такое же лицо. Это были лица людей, которые и минуты не могли пробыть наедине с собой, лица усталых людей, не сознающих своей усталости, лица испуганных людей, не подозревающих о собственных страхах. Всех этих людей грызло неосознанное беспокойство,

ставшее составной частью жизни и заставлявшее их искать какие-то психологические щиты, чтобы укрыться за ними.

Веселье уже давно не помогало, цинизм тоже, скепсис действовал недолго. И люди погружались в иллюзии, придумывая себе другую жизнь, в другом времени и месте, долгие часы они просиживали в кинотеатрах и перед экранами телевизоров или погружались в домыслы в клубах фантазеров. Пока вы были кем-то, вы могли не быть самим собой.

Он допил кофе и вышел на затихшую улицу.

В небе пронесся реактивный самолет, рев его двигателей отразился от стен домов. Он посмотрел на огоньки, сиявшие в ночном небе, и решил прогуляться.

24

Открыв дверь номера, Виккерс увидел, что волчок исчез. Он оставил его на стуле сверкающим от свежей краски, а теперь волчка не было. Он заглянул под кровать — волчка не было и там. Его не было ни в шкафу, ни в прихожей. Он вернулся в комнату и уселся на край кровати.

После всех поисков и трудов волчок исчез. Кто мог его взять? Кому оказался нужен старый побитый волчок?

А зачем он понадобился ему самому?

Не смешно ли сидеть вот так на краю кровати в номере какого-то отеля и задавать себе все эти вопросы?

Ему вспомнилось, как в детстве волчок открыл ему путь в сказочную страну, и вот теперь он дал себя увлечь тем же мыслям, Сейчас, при резком свете электрической лампочки, все это казалось совершеннейшим безумием.

Позади открылась дверь. Он обернулся и увидел Кроуфорда.

Он показался Виккерсу еще массивнее, чем прежде. Кроуфорд застыл в дверном проеме, целиком заполнив его собой. Подрагивающие веки делали его фигуру особенно неподвижной.

— Добрый вечер, мистер Виккерс Разрешите?

— Пожалуйста. Я ждал вашего звонка. Никогда бы не подумал, что вы способны явиться собственной персоной.

Это было ложью, потому что он не ожидал и звонка.

Кроуфорд тяжелым шагом пересек комнату.

— Этот стул, похоже, выдержит меня? Вы не против, если я сяду?

— Это не мой стул. Можете ломать его.

Стул не сломался. Он заскрипел и затрещал, но выдержал.

Кроуфорд расслабился и облегченно вздохнул.

— Я чувствую себя намного лучше, когда подо мной крепкий стул.

— Вы подключили подслушивающую аппаратуру к телефону Энн? — спросил Виккерс.

— Конечно. Иначе как бы я отыскал вас? Я знал, что рано или поздно вы ей позвоните,

— Я видел пролетевший самолет. Знай я, что вы там, я бы подъехал вас встретить. Нам надо уладить кое-какое дельце.

— Не сомневаюсь.

— Зачем вам понадобилось, чтобы меня линчевали?

— Мне вовсе этого не надо, — возразил Кроуфорд. Наоборот, вы мне слишком нужны.

– Зачем же я вам нужен?

– Я решил, что вам это лучше знать,

– Но я ничего не знаю, – признался Виккерс. – Скажите, Кроуфорд, что происходит? Вы не сказали мне правды, когда я приходил к вам.

– Я сказал вам правду, но не сказал всего.

– Почему?

– Я не знал тогда, кто вы.

– А теперь знаете?

– Да, знаю. Вы – один из них.

– Один из них?

– Один из тех, кто производит эти товары.

– Почему вы так думаете?

– На основании данных, полученных анализаторами, их называют психологи. Это специальные приборы. Не буду утверждать, что разбираюсь в них.

– И анализаторы сообщили вам нечто особое обо мне?

– Да, – провозгласил Кроуфорд. – Именно так.

– Если я один из них, то почему вы пришли ко мне? Ведь тогда вы ведете борьбу против меня.

– Не говорите «если». Вы действительно один из них, но не считайте меня своим врагом.

– Почему? Ведь если я, как вы говорите, один из них, то вы – враг.

– Вы не поняли меня, – произнес Кроуфорд. – Позвольте привести сравнение. Вернемся к временам, когда кро-маньонец вторгся в места обитания неандертальца...

– К черту сравнения! – прервал его Виккерс. – Скажите, что у вас на уме?

– Мне не нравится настоящее положение дел, вернее, тот оборот, который они принимают.

– Вы забыли, что я практически ничего не знаю.

– Поэтому-то я и хотел начать со сравнения. Вы – кроманьонец. У вас есть и лук, и стрелы, и копье. А я – неандерталец. У меня только дубинка. У вас нож из обточенного камня, а у меня лишь зазубренный кусок кремня, найденный на берегу реки. На вас одежды из звериных шкур, а на мне лишь моя собственная шерсть.

– Хотел бы я знать... – начал Виккерс.

– Я и сам в этом не уверен, – перебил Кроуфорд, – я не силен в этих вещах. Может, я слишком много дал кроманьонцу и недооценил неандертальца. Но речь идет о другом.

– Я понимаю, о чем вы говорите, – сказал Виккерс. – Но куда это нас ведет?

– Неандерталец вступил в бой, – продолжал Кроуфорд, – и что с ним произошло?

– Он исчез.

– Может, их уничтожили не копья и стрелы. Может, они попросту не выдержали борьбы за существование с более развитой расой. Может, у них отобрали их охотничьи угодья. Может, они уползли и вымерли с голоду. Может, они вымерли от стыда, что отстали и что оказались существами, чья жизнь схожа с жизнью зверей.

– Сомневаюсь, – сухо заметил Виккерс, – чтобы у неандертальца развился столь сильный комплекс неполноценности.

– Мои слова не относятся к неандертальцам. Они касаются нас.

– Вы стремитесь доказать, что пропасть так глубока?

– Именно так. Вряд ли вы представляете, как мы вас

ненавидим и какой силой располагаем, но вполне способны оценить наше отчаяние. Вы спросите, кто же эти отчаявшиеся люди? Могу сказать. Это те, кто добился успеха — промышленники, банкиры, бизнесмены, — иначе говоря, профессионалы, достигшие безопасного существования, определенного положения в обществе, люди, представляющие вершину нашей культуры. Они быстро утратят свое положение, если к власти придут такие, как вы. Они превратятся в неандертальцев, изгнанных кроманьонцами. Они будут походить на гомеровских греков, заброшенных в наш технологически сложный век. Физически они, может, и выживут. Но останутся туземцами. Будет разрушена их шкала ценностей, созданная с таким трудом, а это единственное, чем они живут.

Виккерс покачал головой.

— Давайте бросим эту игру, Кроуфорд. Попробуем поговорить начистоту. Кажется, вы уверены, что я знаю больше, чем есть на самом деле. По-видимому, я должен был сделать вид, что так оно и есть — немного схитрить и заставить вас поверить в то, что я знаю все, о чем следует знать. Мы бы слегка пофехтовали. Вы бы открыли ваши карты. Но у меня не лежит сердце к такой игре.

— Мне известно, что вы пока еще мало знаете. Поэтому-то я и хотел встретиться с вами как можно скорее. Мне кажется, вы еще не стали полным мутантом, вы — куколка в теле обыкновенного человека. Кое-что в вас пока от обычного человека. Но вы все ближе и ближе подходите к полной мутации — сегодня вы больше мутант, чем вчера, а завтра вы станете им больше, чем сегодня. Но сегодня, в этой комнате, мы с вами можем разговаривать как человек с человеком.

– Мы всегда сможем так разговаривать.

– Нет, не всегда, – возразил Кроуфорд. – Если бы вы стали полным мутантом, я бы почувствовал в вас перемену. А в неравном положении какие переговоры? Я сомневался бы в справедливости своей логики. А вы смотрели бы на меня со снисхождением.

– Как раз перед вашим приходом я убеждал себя, что все это – игра воображения...

– Нет, это не игра воображения, Виккерс. У вас был волчок, помните?

– Волчка уже нет.

– Он есть.

– Он у вас?

– Нет, – ответил Кроуфорд. – Я не брал его. Не знаю, где он, но должен быть в этой комнате. Я пришел раньше вас и сломал замок. Совершенно случайно, он был очень слабым.

– Неплохо, – обронил Виккерс, – весьма милая выходка.

– Согласен. Но когда дверь открылась, я позволил себе еще кое-что. Войдя в комнату и увидев волчок, я был весьма удивлен, я...

– Продолжайте, – заинтересовался вдруг Виккерс.

– Дело в том, что, когда я был ребенком, у меня был очень похожий волчок. Это было очень давно. Я не видел волчков уже много лет, взял его и запустил. Просто так. Хотя причина все же была. Мне захотелось вспомнить забытые мгновения детства. А волчок...

Он остановился и посмотрел на Виккерса, словно пытаясь разглядеть улыбку на его лице. Когда он заговорил снова, его голос звучал увереннее.

– Волчок исчез.

Виккерс промолчал.

– Что это было? – спросил Кроуфорд. – Что это был за волчок?

– Не знаю. Вы видели как он исчез?

– Нет. Мне послышался шум в коридоре. Я выглянул. Когда я обернулся, его уже не было.

– Он не должен был исчезнуть. Во всяком случае, пока вы не смотрели на него.

– Этот волчок имеет какой-то смысл? – настаивал Кроуфорд. – Вы покрасили его. Краска была еще сырой, а баночки стояли на столе. Вы не случайно делали все это. Виккерс, что это за волчок?

– Он служит для путешествия в сказочную страну, – ответил Виккерс.

– Вы говорите загадками.

Виккерс покачал головой.

– Я посетил ее однажды, когда был ребенком.

– Десять дней назад я бы сказал, что мы оба сошли с ума, вы – говоря это, а я – слушая вас. Сейчас я так уже не скажу.

– И все же мы, наверное, сошли с ума и превратились в пару идиотов.

– Мы не идиоты и не сумасшедшие, – сказал Кроуфорд. – Мы – два человека, которые с каждым часом становятся все более и более отличными друг от друга, но пока мы еще люди, и это – основа нашего взаимопонимания,

– Почему вы явились сюда, Кроуфорд? Не уверяйте, что только для беседы со мной. Вас терзает страх. Вы под-

слушиваете телефонные разговоры, пытаетесь узнать, куда я скрылся. Вы вламываетесь в мою комнату и запускаете волчок. У вас были какие-то соображения, когда вы запускали волчок. Какие?

— Я пришел вас предупредить, — сказал Кроуфорд. — Хочу вам сказать, что люди, которых я представляю, находятся на грани отчаяния и ни перед чем не остановятся. Они никому не позволят занять их место.

— Даже если у них не останется выбора?

— У них есть выбор. Они будут сражаться теми средствами, которыми располагают.

— Неандертальцы с дубинками.

— Мы — *Homo sapiens*. Дубинка — против ваших стрел. Именно об этом я хотел поговорить. Почему бы нам с вами не попытаться отыскать решение? Должна найтись какая-то платформа для переговоров.

— Несколько дней назад мы беседовали в вашем кабинете. Описывая положение дел, вы сказали, что ничего не понимаете. Слушая вас, можно было подумать, что вы совершенно не представляете себе, как идут дела. Почему вы лгали мне?

Кроуфорд продолжал неподвижно сидеть, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Мы исследовали вас с помощью аппаратуры, с помощью анализаторов. Мы хотели узнать, как много вам известно.

— И как же много мне известно?

— Ничего. Мы выяснили, что вы — развивающийся мутант,

— Почему вы выбрали именно меня? — спросил Вик-

керс. – Кроме тех странностей, которые вы перечислили, ничто об этом не говорит. Я не знаю ни одного мутанта. Я не могу говорить от их имени. Если вы хотите договориться, найдите настоящего мутанта.

– Мы выбрали именно вас по очень простой причине. Вы единственный мутант, который оказался у нас в руках. Есть, правда, еще один, но тот знает меньше вашего.

– Но должны быть и другие мутанты.

– Конечно. Однако мы не можем их поймать.

– Вы говорите, как траппер, Кроуфорд.

– А я и есть траппер. Других можно схватить лишь в том случае, если они сами к вам явятся. Обычно они всегда отсутствуют.

– Как отсутствуют?

– Они исчезают, – сердито разъяснил Кроуфорд. – Мы следим за ними и ждем. Мы пишем им и ждем. Их никогда нет. Они входят в дверь, но их нет в комнате. Мы часами ждем встречи с ними, а они оказываются совсем не там, куда вошли, а иногда даже в нескольких милях от того места.

– Но меня-то вы можете найти. Я не исчезаю.

– Пока...

– Может я отсталый мутант?

– Нет, просто не совсем развившийся.

– Значит, вы с самого начала остановили на мне свой выбор? Вы подозревали меня, хотя я сам еще ничего не знал?

Кроуфорд хихикнул.

– Виной всему ваши книги. В них было что-то особенное. Наш отдел психологии отметил это. Мы и других об-

наружили тем же способом. Двух художников, одного архитектора, одного скульптора, одного или двух писателей. Не спрашивайте меня, как наши психологи это делают. Может, у них особый нюх. Не удивляйтесь, Виккерс. Когда вы представляете мировую промышленность, в вашем распоряжении такие фонды и резервы рабочей силы, такие мощные средства исследования, что вам по плечу решение любой задачи. Вы и не подозреваете, какую работу мы проделали, какие области затронули. Но этого оказалось мало. Мы терпели провал за провалом.

– Теперь вы хотите вступить в переговоры?

– Я хочу. Но не другие. Они не желают никаких переговоров. Они готовы драться за созданный ими мир.

«Да, так оно и есть», – подумал Виккерс.

Гортон Фландерс, сидя в качалке и рисуя огоньком сигареты замысловатые фигуры, говорил именно об этом и о мировой войне, которой что-то или кто-то не раз помешал разразиться.

– Их мир не столь уж хорош, – заметил Виккерс. – Он построен на крови и нищете, в его фундаменте слишком много костей. Во всей его истории не найдется и года, свободного от насилия, организованного официального насилия в каком-нибудь уголке земного шара.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Кроуфорд, – вы думаете, что пора приступить к реорганизации.

– Примерно так.

– Ну, что ж, – согласился Кроуфорд. – Наметим основные линии этой реорганизации.

– Как я могу это сделать? У меня нет ни знаний, ни полномочий. Я сам не в состоянии вступить в контакт, а со

мной никакие мутанты, если они существуют на самом деле, вступать в контакт тоже никогда не пытались.

— Однако приборы подтверждают существование мутантов, и вы — один из них.

— Почему вы так убеждены в этом? — спросил Виккерс.

— Вы не поверите мне, вы считаете меня предателем. И думаете, будто заранее уверенный в поражении, я примчался к вам, размахивая белым флагом, чтобы доказать новому порядку, что я мирный человек, и заключить сепаратный мир, не заботясь о других. Быть может, тогда мутанты сохранят меня, хотя бы и качестве забавной игрушки.

— Если хотите знать правду, что бы вы не предприняли, все вы обречены.

— Ну, не совсем, — возразил Кроуфорд. — Мы можем бороться и в состоянии причинить немало осложнений.

— Чем? Вспомните, Кроуфорд, у вас есть только дубинки.

— У нас есть отчаяние.

— Дубинки и отчаяние? Так ли это много?

— У нас есть секретное оружие.

— Но ведь оно есть не только у вас.

Кроуфорд кивнул.

— Да, оно не так уж всемогуще. Поэтому я и нахожусь здесь.

— Я вступлю с вами в контакт, — сказал Виккерс. — Обещаю. Это самое большое, что я могу сделать. Тогда и если я сочту, что вы правы, я вступлю с вами в контакт.

Кроуфорд с трудом поднялся со стула.

— Сделайте это как можно скорее. Время не терпит. Я

не могу долго сдерживать их.

– Вы боитесь, – сказал Виккерс. – Страх сидит в вас, как и в день нашей первой встречи.

– Действительно, я живу в постоянном страхе. Тем более что с каждым днем дела обстоят все хуже.

– Два напуганных человека, два десятилетних мальчика, бегущих во тьме.

– И вы тоже?

– Конечно. Разве вы не видите. Я весь дрожу.

– Нет, не вижу. В какой-то мере, Виккерс, вы самый хладнокровный человек из всех, кого я встречал.

– Да, вот, – вспомнил Виккерс. – Вы говорили еще об одном мутанте, которого могли схватить.

– Говорил.

– Конечно, вы мне не скажете, кто он?

– Не скажу, – подтвердил Кроуфорд.

– Я так и думал.

Ковер словно заколыхался, и в комнате вдруг снова появился волчок. С тихим гудением он медленно вращался вокруг оси, так что было видно, как неровно он разрисован. Волчок вернулся.

Они стояли и смотрели, пока он окончательно не замер на полу.

– Он был там, – сказал Кроуфорд.

– И вернулся, – добавил Виккерс.

Кроуфорд закрыл за собой дверь, и Виккерс остался в холодной залитой резким светом комнате с неподвижным волчком на полу, прислушиваясь к удаляющимся шагам Кроуфорда.

Когда шаги стихли, Виккерс подошел к телефону, сиял трубку, набрал номер и стал ждать соединения. Он слышал, как на линии переговариваются телефонистки, повторяя его вызов, голоса были слабые.

Энн следовало предупредить. У него было мало времени — их, конечно, подслушивали. Предупредить и заставить сделать то, что он потребует. Она должна была покинуть квартиру и скрыться до того, как они явятся к ней.

Он скажет:

— Энн, можешь ли ты сделать для меня одну вещь? Не задавая вопросов, не спрашивая почему?

Он скажет;

— Ты помнишь, где расспрашивала про плитку? Встретимся там.

И еще он скажет:

— Уходи из квартиры. Уходи и спрячься. Скройся. Сию же минуту. Не через час и даже не через пять минут. Положи трубку и уходи.

Она должна сделать все быстро, без колебаний и споров.

Он не мог ей сказать: «Энн, ты — мутант». Иначе она начнет выяснять, что это значит, как он узнал об этом, и Люди Кроуфорда успеют явиться к ней.

Она должна уйти, слепо подчиняясь ему. Но согласится ли она это сделать?

Он даже вспотел от волнения. При мысли, что она потребует объяснений и не захочет уйти, не узнав причин, его стало трясти и он почувствовал, как струйки холодного пота бегут по спине.

Виккерс припомнил расположение комнат, телефон на столике возле дивана — вот она пересекает комнату, вот-вот раздастся ее голос.

Но ответа не было.

Телефонистка сказала:

— Номер не отвечает.

— Попробуйте позвонить по другому номеру, — попросил он и назвал телефон конторы.

И опять он ждал, прислушиваясь к гудкам.

— И этот номер не отвечает, — сказала телефонистка.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Повторить вызов?

— Нет. Аннулируйте его, пожалуйста.

Следовало поразмыслить и выработать план действий. Прежде всего надо было уяснить положение дел. Раньше было легче — стоило убедить себя, что все — игра воображения, что и сам он и мир вокруг сошли с ума, и, если без раздумий следовать событиям, все уладиться.

Теперь промахнуться было нельзя.

Отныне он должен поверить всему, что сейчас в этом номере поведал ему Кроуфорд, каким бы невероятным это ни казалось. Он должен поверить в это невероятное изменение человеческой природы и в расколотый враждебный мир. Он должен поверить в сказочную страну своего детства, и, если он действительно мутант, сказочная страна становится отличительным знаком, по которому он сможет узнать своих собратьев, а они — его.

Он пытался вникнуть в тайный смысл рассказанного Кроуфордом, связать все воедино, но не мог — существовало множество неизвестных ему побочных явлений и факторов.

Имелся мир мутантов, мужчин и женщин, стоящих на более высокой ступени развития, чем обычные люди. Мутанты были наделены такими свойствами и мыслили такими категориями, о которых обычные мужчины и женщины и не подозревали. Это был следующий шаг в развитии человека, следующая ступень эволюции. Человеческая раса продолжала развиваться.

— И только богу известно, — сказал Виккерс в пустоту комнаты, — нужно ли ей это движение вперед.

Маленькое содружество мутантов содействовало развитию человеческой расы, но трудились они в тайне, потому что стоило им открыться миру нормальных людей, как он восстал бы против них и разорвал только за то, что они не такие, как все.

В чем крылось отличие? Что и как они могли совершить?

Кое-что он знал — вечмоби́ли, вечные бритвенные лезвия, вечные электрические лампочки и искусственные углеводы.

Какой же фактор действовал еще? Должен был существовать еще какой-то фактор.

Вмешательство, как говорил Гортон Фландерс, раскачиваясь в кресле на террасе. Чье-то вмешательство, которое помогало человечеству двигаться вперед и так или иначе уничтожать горькие плоды своего однобокого развития.

Виккерс знал, что ответ мог дать только Гортон Фландерс. Но где его найти?

— Их трудно схватить, — говорил Кроуфорд. — Вы звоните у двери и ждете. Вы пишете им и ждете. Вы высле-

живаєте их и ждете. Но их никогда нет там, где вы думаете, они находятся где-то совсем в другом месте.

«Прежде всего, – подумал Виккерс, – надо смыться отсюда и постараться стать неуловимым».

Во-вторых, надо найти Энн и помочь скрыться и ей. В-третьих, необходимо отыскать Гортон Фландерса и, если он не захочет говорить, вырвать у него признание.

Он взял волчок, спустился вниз и вернул ключ. Портье вручил ему счет.

– Тут для вас записка, – сказал он, кладя ключ на место. – Ее оставил человек, который был у вас.

Виккерс взял конверт и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

– Странно, – заметил портье. – Он ведь только что говорил с вами.

– Да, – ответил Виккерс, – очень странно.

Он прочел записку:

Не пользуйтесь своим вечмобилем. И молчите, что бы ни случилось.

Это было действительно странно.

26

Он вел машину навстречу заре. Дорога была пуста, и машина бесшумно летела вперед, словно птица, только на поворотах шуршали на асфальте шины. Рядом с ним, на сидении, в такт движению покачивался раскрашенный волчок.

Его смущали два момента, только два момента.

Он должен был остановиться в доме Престонов.

И не должен был пользоваться машиной.

И то, и другое было абсолютно абсурдным, и он злился на себя. Он до отказа нажал на акселератор, и шорох шин на поворотах превратился в визг.

Следовало остановиться в доме Престонов и испытать волчок. Он чувствовал, что должен поступить именно так, но сколько ни рылся в памяти, причин этого решения не находил. Если волчок способен сработать, он сработает где угодно. И все же какая-то глубокая уверенность подсказывала ему, что место проведения эксперимента не безразлично. Он был убежден, что дом Престонов явно скрывает что-то в себе. Он мог послужить ключевым моментом, если только во всех этих историях с мутантами мог быть ключевой момент.

«У меня мало времени, — говорил он себе. — Зачем крутиться вокруг да около. Нельзя терять ни минуты. Прежде всего надо вернуться в Нью-Йорк, чтобы отыскать и спрятать Энн.»

Энн должна была быть тем другим мутантом, о котором упомянул Кроуфорд, но и в данном случае, так же как с домом Престонов, его уверенность зиждилась ни на чем. Ведь не было ни оснований, ни доводов считать Энн Картер мутантом.

«Основания, доводы, доказательства, — думал он. — А что еще? Обычные логические рассуждения, с помощью которых человек построил свой мир. Есть ли у человека другая мера, позволяющая отнести систему причин и следствий к детским забавам, посредством которых люди многого добивались, но которые во многом перестали их удовлетворять? Как отличить истину от лжи, добро от зла, не прибегая к нудному перечислению доказательств? Ин-

туиция? – Это сродни женской непоследовательности. Предчувствие? – Это сродни суеверию.

Ну, а в сущности, что представляют собой непоследовательность и суеверие? Долгие годы исследователи занимались внечувственным восприятием, этим шестым чувством, которое человек так и не сумел развить в себе.

А если возможно внечувственное восприятие, то почему не допустить существования других способностей – психокинетического контроля над предметами, предвидения, иного восприятия времени, чем бег стрелок по циферблату, познания и использования неведомых измерений пространственно-временного континуума.

Пять чувств: обоняние, зрение, слух, вкус, осязание. Пять чувств, о которых человек знал с незапамятных времен! Но разве их не может быть больше? Не исключено, что в человеке заложены и другие чувства, которые ждут своего развития. Ведь человек так медленно меняется на своем эволюционном пути. И вряд ли развитие человеческого интеллекта и человеческих чувств остановилось. А если так, то почему бы не появиться шестому чувству, седьмому, восьмому?

«Не так ли, – спрашивал себя Виккерс, – произошло и с мутантами»? Неожиданно развились вспомогательные и лишь наполовину осознанные чувства.

Такая мутация логична, и ее следовало ожидать.

Он проносился мимо деревень, крепко спящих в этот предутренний час, мимо ферм, выглядевших особенно голо в рассеянном свете зари.

«Не пользуйтесь своим вечномобилем» – прочел он в записке Кроуфорда. Бессмыслица. Почему он должен отка-

зывать от машины? Доверившись словам Кроуфорда? А кто он такой? Враг? Однако порой его поступки говорили об обратном.

И все же не было оснований отказываться от машины. Но и в машине ему было не по себе. Как не было причин останавливаться в доме Престонов, однако он твердо знал, что совершил ошибку, не остановившись там.

Не было доказательств считать Энн мутантом, но он был уверен, что она – мутант. Он несся навстречу утру. Над встречными речушками поднимался туман. На востоке появились первые лучи солнца, стали попадаться коровы, появились первые редкие автомобили.

Он вдруг понял, что голоден и хочет спать, но ему не хотелось останавливаться. Если уж он совсем станет засыпать, придется передохнуть.

Но вот подкрепиться следовало. В каком-нибудь ближайшем городке он остановится у открытого кафе перекусить. А одна-две чашечки кофе разгонят сон.

27

Город оказался не маленьким, было много кафе. Утренняя смена рабочих спешила на работу.

Он выбрал чистый на вид ресторан и снизил скорость, отыскивая место для стоянки. Только за квартал от ресторана ему удалось приткнуться к тротуару.

Он вылез из машины и запер дверцу. Было довольно свежо, как иногда бывает летним утром.

«Сейчас я поем, – решил он. – Не буду спешить, чтобы дать отдохнуть мышцам, а потом еще раз попробую позвонить Энн. Может, застану ее. Мне станет спокойнее,

если она будет в курсе дела и сумеет скрыться. Лучше вместо встречи там, где продают дома, явиться к ним и все объяснить, вероятно, они смогут ей помочь. Как бы то ни было, он должен говорить с Энн быстро и твердо, чтобы она поверила, не обсуждая».

Он спустился вниз по улице и вошел в ресторан. Свободных мест было много, казалось, столиками и не пользовались. Все посетители сгрудились у стойки. Виккерс тоже сел на один из свободных табуретов вместе со всеми.

Рядом с ним оказался громадного роста рабочий в выцветшей рубашке и топорщащейся робе; склонившись над тарелкой, он шумно ел овсяную кашу, так быстро орудуя ложкой, словно пытался создать непрерывный поток между тарелкой и ртом. По другую сторону от Виккерса сидел мужчина в синих брюках и белой рубашке с тщательно завязанным галстуком. Он был в очках и читал газету. У него был вид бухгалтера — человека, умеющего ловко обращаться с цифрами и гордящегося этим своим умением. Подошла официантка и протерла тряпкой прилавок перед Виккерсом.

— Что желаете? — безразлично спросила она, слив в одно слово всю фразу.

— Оладьи, — сказал Виккерс, — и кусочек ветчины,

— Кофе?

— И кофе.

Она принесла еду, и Виккерс начал есть, сначала торопливо, глотая большие куски оладий, обильно политые сиропом, а потом, утолив первый голод, — медленнее.

Человек в робе встал и ушел. Его место заняла худенькая девица, у которой закрывались глаза от усталости,

«Какая-нибудь секретарша, – подумал Виккерс, – поспавшая час-другой после целой ночи танцев».

Он почти кончил есть, когда на улице послышались крики и топот бегущих ног.

Девушка, сидевшая рядом, развернулась на табурете, выглянула в окно и сказала:

– Все бегут... Интересно, что там случилось?

В дверях появился человек и крикнул:

– Там нашли вечмобиль.

Люди повскакали с мест и ринулись к двери. Виккерс медленно последовал за ними.

«Нашли вечмобиль», – крикнул человек. Единственной такой машиной, которую они могли найти, была машина, оставленная им неподалеку на улице.

Толпа опрокинула автомобиль на середину улицы и кричала, потрясая кулаками. Кто-то бросил булыжник, и тот с резким звуком ударился о металл, будто в этот ранний утренний час грохнул пушечный выстрел.

Какой-то человек запустил булыжник в стеклянную дверь скобяной лавки и через разбитое стекло открыл дверь. Люди ворвались внутрь, и вооружившись кувалдами и топорами, вернулись на улицу.

Толпа раздвинулась, освободив им место. И кувалды, и топоры заблестели в косых лучах солнца. Брызнули стекла. Улица наполнилась металлическим грохотом.

Виккерс застыл возле двери ресторана, ощущая спазмы в желудке, – происходившее его просто потрясло.

Кроуфорд написал: «Не пользуйтесь своим вечмобилем».

Вот что означало его предупреждение.

Кроуфорд знал, что произойдет с любым вечмобилем, оставленным на улице.

Кроуфорд знал и предупредил его.

Так друг он или враг?

Виккерс протянул руку и коснулся ладонью кирпичной стены. Прикосновение к этой шероховатой поверхности вернуло его к действительности: озлобленная свирепая толпа вдребезги разносила его машину.

«Они знают», — подумал он.

Им сказали о мутантах, и они возненавидели их.

Конечно, возненавидели.

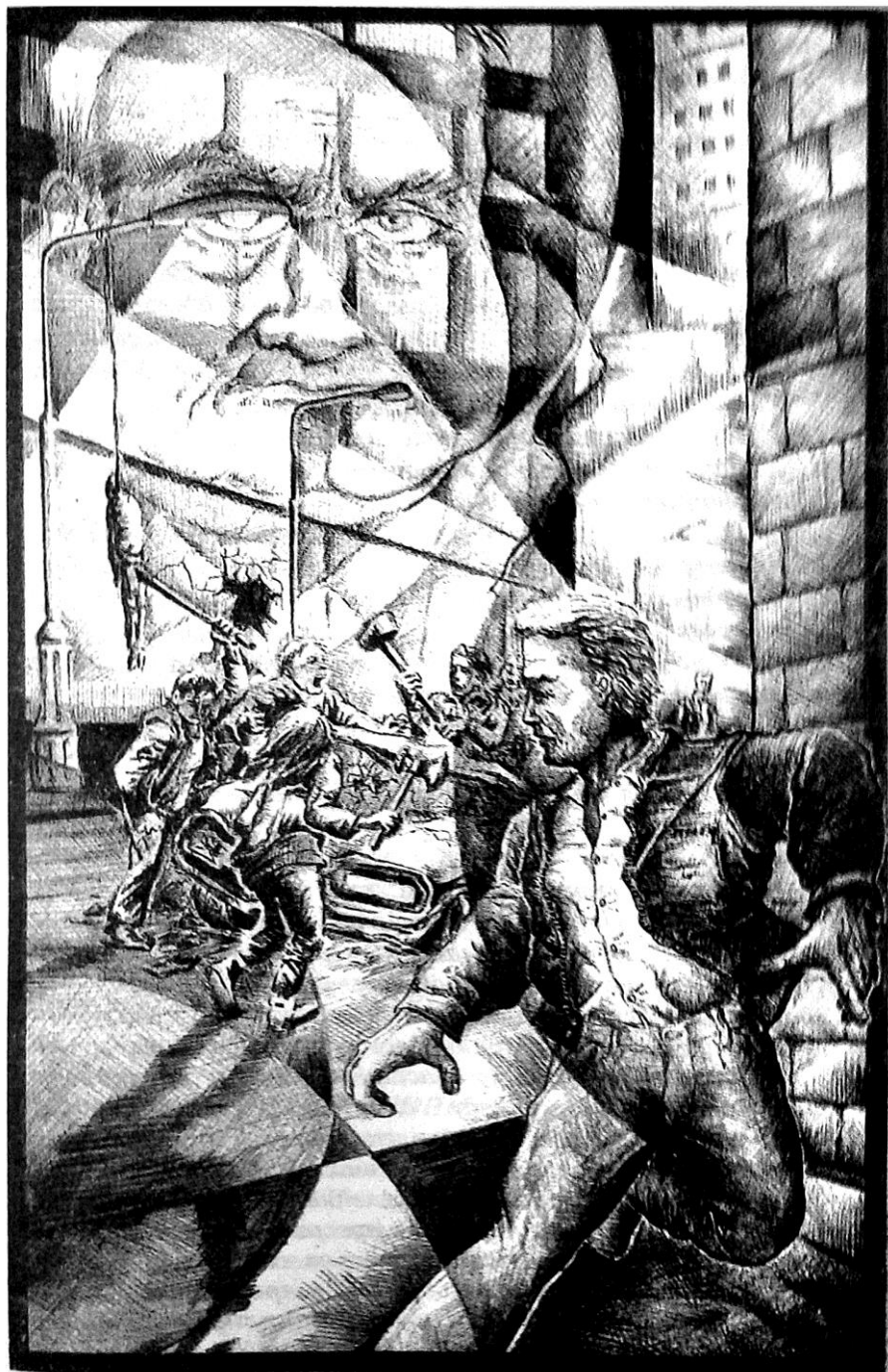
Ош не могли их не возненавидеть — само существование мутантов низводило людей на вторую ступень, они становились неандертальцами перед лицом завоевателя, вооруженного луком и стрелами.

Он повернулся и вошел назад в ресторан; он шел медленно, готовый тут же броситься бежать, если вдруг кто-то крикнет позади или чья-то рука коснется его плеча.

Человек в очках и с черным галстуком оставил возле тарелки свою газету. Виккерс взял ее, решительно обогнул стойку и толкнул дверь, ведущую в кухню. Там было пусто. Он быстро пересек кухню и вышел через черный ход в переулок.

Он двинулся по переулку, свернув еще в один узенький переулок между двумя зданиями и вышел на другую улицу. Пересек ее, опять свернул в проулок, потом еще в один.

«Они будут защищаться, — сказал ему Кроуфорд, видя прошлым вечером в его номере на стуле, скрипящем под его массивным телом, — они будут защищаться теми средствами, которыми располагают».

Вот они и начали защищаться – схватили свои дубинки и бросились в бой.

Он увидел сквер, отыскал там уединенную скамейку, прятавшуюся в кустарнике, и стал просматривать взятую в ресторане газету.

Добравшись до первой страницы, он нашел то, что искал,

28

Заголовок гласил: «НАС ИЗГОНЯЮТ!» Потом шел подзаголовок: «РАСКРЫТ ЗАГОВОР СВЕРХЛЮДЕЙ». И дальше:

«Раса сверхлюдей среди нас; тайна вечных бритвенных лезвий раскрыта».

И сообщение:

«ВАШИНГТОН (спец. кор.). «Человечество оказалось перед лицом величайшей за все время своего существования опасности – всеобщего превращения в рабов», – говорится в совместном заявлении ФБР, Объединенного комитета начальников штабов и вашингтонского отделения Международного бюро.

Совместное заявление было сделано на пресс-конференции президента. Аналогичные заявления последовали в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Каире.

В заявлении говорится о появлении новой расы людей, называемых мутантами, которые пытаются захватить власть над миром.

В данном случае под мутантом понимается человек, претерпевший внезапные резкие изменения исходных наследственных форм. Изменения эти не касаются физи-

ческого состояния, поскольку мутанта невозможно отличить от обычных людей, а связаны с развитием особых способностей, которые у обычных людей отсутствуют. (О явлении мутации см. статью на стр. 1.)

В заявлении (полный текст приведен в колонке 4) говорится, что мутанты начали кампанию по уничтожению мировой экономической системы, производя такие товары, как вечные бритвенные лезвия, электрические лампочки, вечномобили, сборные дома и т. п., продаваемые через так называемые магазины технических новинок.

Многолетние официальные и частные исследования показали, что мутанты ведут организованную кампанию по захвату власти над миром. Настоящее заявление по поводу сложившейся обстановки, говорится далее, составлено после тщательного изучения представленных данных.

Заявление призывает население мира объединиться в борьбе против заговора, не прекращая своей обычной повседневной деятельности и не впадая в панику.

«Это не должно быть причиной страхов, – говорится в заявлении, – тем более что некоторые контрмеры уже приняты». Однако более конкретного сообщения о контрмерах в заявлении не содержится. На вопросы журналистов по этому поводу официальные круги сообщили, что конкретные меры не подлежат разглашению из соображений безопасности.

«В целях борьбы с мутантами, – говорится в заявлении, – каждый гражданин должен следовать нижеприведенным правилам:

1. Сохранять спокойствие и не поддаваться панике.

2. Воздержаться от использования товаров, производимых мутантами.

3. Отказаться от приобретения любых товаров, производимых мутантами.

4. Немедленно сообщать в ФБР о любых подозрительных обстоятельствах, которые могли бы иметь отношение к сложившейся обстановке».

(Продолжение см. на стр. 11.)

Виккерс не стал открывать одиннадцатую страницу, а решил просмотреть повнимательнее первую.

Здесь разъяснялось явление мутации и был приведен полный текст заявления. Кроме того, в статье какого-то профессора-биолога обсуждались возможные причины и последствия мутации. Там же было около дюжины сообщений.

Он начал читать:

НЬЮ-ЙОРК (Ассошиэйтед Пресс). Сегодня по улицам города прошли толпы людей, вооруженных топорами и стальными ломами. Они врывались в помещения магазинов технических новинок, уничтожая имевшиеся там товары и установки. Однако в магазинах продавцов не оказывалось. Единственная человеческая жертва к мутантам отношения не имеет.

ВАШИНГТОН (ЮПИ). Сегодня ранним утром разъяренная толпа убила водителя вечмобиля и уничтожила машину.

ЛОНДОН (Интернэшнл Нью Сервис). Сегодня правительство приняло решение выставить охрану вокруг жилых кварталов, где находятся сборные дома, изготовленные, как полагают, мутантами.

Владельцы, говорится в решении, приобрели эти дома, ни о нем не подозревая, и никак не связаны с заговорщиками. Охране предписано защищать этих честных граждан и их соседей от необузданной ярости толпы.

СЕН-МАЛО, ФРАНЦИЯ (Рейтер) Сегодня утром на одной улице на фонарном столбе обнаружен труп человека. На шее повешенного найдена табличка с надписью «Мутант».

Газета выпала из рук. Виккерс тупо смотрел, как она распласталась на песке.

А утренний поток автомобилей уже заполнял улицу. Возле ограды мальчик играл с мячом. Над лужайкой кружились голуби.

«Все как обычно, — подумал он. — Обычное человеческое утро. Люди спешат на работу, играют дети, воркуют на лужайках голуби».

Однако под видимым спокойствием бушевал поток зверства. Настоящее затаилось за фасадом цивилизации. Оно готовилось вырваться из засады и вцепиться в глотку будущего. Вцепиться в глотку Виккерса, в глотку Энн, в глотку Горгона Фландерса.

Слава богу, пока никак не связали его появление в городе с машиной. Но теперь в любую минуту кто-то сделает это. Кто-то вспомнит, что видел его за рулем этой машины. Кто-то заподозрит, так как он не бросился вместе с остальными из ресторана, чтобы пополнить толпу, крушившую машину.

Пока он был в безопасности. Но сколько времени это продлится, он не знал.

Как же быть?

Он задумался.

Взять напрокат машину и продолжать путь?

Он не знал, как это лучше сделать...

Но во всех случаях одно было неотложным и требовало немедленных действий.

Следовало разыскать волчок.

Он остался в машине и теперь за ним надо было вернуться.

Но стоило ли рисковать?

Виккерс не видел в таком риске особого смысла. Более того, это граничило с безумием. Но он знал, что должен попытаться.

А ведь Кроуфорд советовал ему не пользоваться машиной. Но тогда он не принял записку в расчет, и теперь оставалось только раскаиваться в этом. Вопреки здравому смыслу он оказался неправ. В данном случае логика подвела его, а его инстинкт, его предчувствие, его интуиция, как бы это ни называлось, подсказывали верный путь.

Он вспомнил собственные размышления о возможностях человеческого мозга, о его способности предвидения, которая порой куда сильнее логики и разума. Может быть, это одна из странных особенностей мутантов?

И, может, именно это чувство, противоречащее логике и разуму, гнало его на поиски волчка.

29

Движение было перекрыто, вдоль улицы стояли полицейские, хотя нужда в их присутствии уже отпала – толпа успокоилась. Изуродованная, разбитая машина лежала колесами кверху, словнодохлая корова на кукурузном поле. Выбитые стекла скрипели под ногами любопытствующих.

Виккерс смешался с толпой и пробился к машине. Передняя дверца была сорвана и валялась на мостовой. Почти никаких надежд найти волчок. А если волчок и здесь, то как им завладеть? Может, став на колени, сделать вид, что интересуется щитком управления?

Он несколько раз с нарочито равнодушным видом обошел машину, обмениваясь замечаниями с зеваками. Он кружил до тех пор, пока не подобрался к дверце. Тогда он нагнулся и заглянул внутрь, но волчка в машине не было. Он сидел на корточках, вытянув шею и рассуждая о щитке управления и коробке передач, а сам высматривал злополучную игрушку.

Волчок исчез.

Виккерс встал и вновь смешался с толпой, оглядывая мостовую – волчок мог выпасть из машины и откатиться в сторону. Он осмотрел водостоки по обеим сторонам улицы, мостовую – волчок как провалился.

Итак, волчок исчез, исчез раньше, чем он успел проверить его удивительные свойства.

Дважды побывал он в сказочной стране – первый раз ребенком, а второй раз юношей, гуляя по заветной долине с девушкой по имени Кэтлин Престон. Вероятно, эта долина могла быть и совсем другой сказочной страной. А потом, когда он снова захотел встретиться с Кэтлин, ему сказали, что она уехала, и он повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу. «Минуточку, – сказал он себе, – а действительно ли я повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу?»

Он напряг память и вспомнил тихий голос человека, который сказал, что Кэтлин уехала, а потом добавил:

– Зайди, малыш. Я хочу кое-что показать тебе.

Он вошел в громадный вестибюль с густыми тенями по углам, с картинами по стенам и величественной лестницей, ведущей наверх. Затем кто-то разговаривал с ним.

Что сказал тот человек?

Или что-то произошло? Как случилось, что этот момент, о котором он должен был помнить всегда, всплыл после стольких лет забвения, как и воспоминание о его детской встрече со сказочной страной?

И так ли все было на самом деле?

«Об этом, – признался он себе, – я судить не могу».

Он повернулся и двинулся вниз по улице мимо полицейского, который, играя дубинкой, с улыбкой поглядывал на толпу.

На пустыре играли дети. Когда-то и он так же самозабвенно играл, наслаждаясь теплыми лучами солнца и ощущая, как по телу пробегают волны счастья. Не существовало понятия времени – всякая цель ставилась на несколько минут, редко на час. Каждый день был вечностью и жизни не было конца...

В стороне какой-то малыш возился со своей игрушкой. Вдруг он подбросил ее кверху и снова поймал, холодея от счастья. Солнце расцветило предмет и у Виккерса перехватило дыхание.

Это был его волчок!

Он сошел с тротуара и с трудом пересек пустырь.

Дети не замечали его или просто не захотели замечать – ведь взрослые либо не существуют для их игр, либо присутствуют в них как дружелюбные объекты.

Виккерс остановился возле малыша с волчком.

– Привет, сынок.

– Привет.

– Что это у тебя?

– Я нашел это, – насторожился малыш.

– Красивая штука, – сказал Виккерс. – Я хотел бы ее купить.

– Я не хочу ее продавать.

– Я дам тебе за нее кучу денег, – сказал Виккерс.

Мальчуган глянул на него с интересом.

– А на велосипед хватит?

Краем глаза Виккерс, заметил, что стоящий на тротуаре полицейский посмотрел на него и направился к пустырю.

– Держи, – сказал Виккерс.

Он схватил волчок и бросил смятые деньги на колени мальчугана. Потом выпрямился и бросился бежать в сторону переулка.

– Эй, вы! – крикнул полицейский.

Виккерс продолжал бежать.

– Эй, вы! Остановитесь или буду стрелять!

Раздался выстрел, и Виккерс услышал свист пули над головой. Полицейский не мог знать, кто он, но утренняя газета напугала всех.

Он добежал до ближайшего здания и скрылся за углом. Но оставаться в переулке не мог и свернул в узкий проход между двумя зданиями. Уже свернув, он понял, что совершил ошибку – проулок выходил на улицу, где лежала его исковерканная машина.

Он увидел открытое подвальное окно и, не успев даже подумать, понял, что это его единственное спасение. Он

прикинул расстояние и прыгнул туда. Очутившись в подвале, он ощутил острую боль в спине, видно, задел раму, и тут же стукнулся обо что-то головой – темнота взорвалась миллионами звезд. Дыхание перехватило, он растянулся на полу, выронив из рук волчок, и тот откатился куда-то в сторону.

Наконец, ему удалось встать на четвереньки и он пополз к волчку. Наткнувшись на водопроводную трубу, Виккерс с трудом встал на ноги. Спина кровоточила, голова гудела. Но на некоторое время он обрел безопасность.

Он нашел ступеньки и, поднявшись по ним, понял, что находится в помещении позади скобяной лавки. Там громоздились рулоны арматуры, толя, картонные коробки, упакованные дымовые трубы и бухты манильского троса.

Он присел позади ящика и очутился в круге солнечного света, падавшего из окна над головой. Снаружи, с улицы, доносился топот бегущих ног и крики. Он снова спустился вниз и прижался к шершавым доскам, сдерживая дыхание и боясь, что оно выдаст его, если кто-то войдет сюда.

Надо было во что бы ни стало найти выход – если он останется здесь, его найдут. Полиция и жители прочешут квартал. К тому времени они уже будут знать, за кем идет охота. Мальчуган скажет, что нашел волчок неподалеку от машины, кто-то вспомнит, как он оставил машину, вспомнит о нем и официантка ресторана. Из этих отрывочных сведений они поймут, что беглец был водителем разбитого вечмобиля.

Он представил себе, что случится, если его схватят. Он хорошо помнил сообщение из Сен-Мало о повешенном на фонарном столбе.

Но путей к бегству не было. Он не мог выйти на улицу — там его искали. Можно было вернуться в подвал, но это не меняло дела. Можно было пробраться в магазин и, притворившись покупателем, зашедшим присмотреть ружье или инструмент, потом выйти на улицу. Однако он сомневался, что это удастся.

Алогичное поведение ничего не дало. Логика и разум вышли победителями — пока они оставались главными факторами, управляющими жизнью человека.

Не существовало никакой возможности бегства и из солнечного уголка позади ящика.

Не существовало никакой возможности бегства, кроме...

Он снова нашел волчок. Волчок был с ним.

Вообще не существовало никакой возможности бегства, никакой, если не сработает... волчок.

Он поставил волчок на пол и, нажав на ручку, придал ему медленное вращение. Потом быстрыми движениями руки разогнал его и отпустил. Волчок загудел. Придвинувшись ближе, Виккерс неотрывно смотрел на цветные полосы. Они появлялись и исчезали в бесконечности, и он спрашивал себя, куда они уходят. Он так сосредоточил свое внимание на волчке, что забыл об окружающем.

Волчок не сработал. Виккерс протянул руку и остановил закачавшуюся игрушку.

Потом попробовал еще раз.

Надо было вновь стать восьмилетним мальчуганом. Снова вернуться в детство. Очистить мозг от всех взрослых мыслей, взрослых забот, от зрелости. Вновь превратиться в ребенка.

Он подумал об играх на пляже, о сне под деревом, о податливом песке под босыми ногами. Закрыв глаза, он поймал кусочек своего детства с его красками и запахами.

И снова он не отрывал взгляда от полосок, снова весь ушел в их появление и исчезновение.

И опять ничего не вышло. Волчок покачнулся, и он остановил его.

Холодящая мысль пронзила Виккерса – он не мог забыть о времени. Он спешил.

А ведь у ребенка нет понятия времени. Оно для него не существует.

Он заставил себя забыть, что дорога каждая минута, чтобы вновь стать ребенком, только что получившим в подарок новенькую сверкающую игрушку.

И снова запустил волчок.

Он ощутил уют дома и материнскую любовь, увидел разбросанные по полу игрушки и книжки, которые ему читала бабушка, когда приводила в гости, И он смотрел на волчок с наивным восторгом, наблюдая, как исчезают и появляются полоски, появляются и исчезают...

Он провалился вниз примерно на фут и очутился на вершине холма. Вокруг на мили расстилалась равнина – обширная страна с лугами, рощами и змейками рек. У его ног, покачиваясь, медленно вращался волчок.

30

Девственная долина без всяких следов человеческой деятельности простиралась от горизонта до горизонта – земля и небо. И эту нетронутую землю ласкали лишь порывы ветра, пробегавшие по ней из конца в конец.

С высоты холма Виккерс заметил вдали движущиеся темные пятна и понял, что это стада бизонов. В его сторону трусили три волка. Но увидев его, они повернули назад и сбежали вниз по склону. В голубом безоблачном небе, выписывая величественные круги, парила одинокая птица. До Виккерса донесен резкий птичий крик.

Волчок не подвел. Теперь, в этой безграничной стране волков и бизонов, он был в безопасности.

Он поднялся выше на гребень, чтобы еще раз осмотреться вокруг. Ничто не говорило о близости человеческого жилья — он не видел ни дорог, ни струек дыма, поднимающихся к небу.

Он посмотрел на солнце, пытаясь определить, где запад. По его расчетам была середина утра. Если он ошибся и время клонилось к вечеру, то через несколько часов равнину окутает тьма. А с наступлением темноты ему хотелось бы оказаться в укрытии.

Он думал, что попадает в сказочную страну, но эта страна была отнюдь не сказочной. «Стоило серьезно поразмыслить, — сказал он себе, — и я бы понял, что такой страны нет, и место, куда я попал ребенком, конечно, не было сказочной страной». Перед ним лежал новый обширный мир, безлюдный, быть может, опасный, но здесь было лучше, чем в складском помещении скобяной лавки в незнакомом городе, где люди охотились за ним, чтобы вздернуть на столбе.

Он покинул старый привычный мир и оказался в новом странном мире, и, если здесь нет людей, ему придется рассчитывать только на себя.

Он уселся, вывернул все карманы, и тщательно осмот-

рел их содержимое. Полпачки сигарет; три коробка спичек, один из которых почти пуст; перочинный нож; носовой платок; бумажник с десятью долларами; несколько центов; ключ от вечмобиля; брелок с ключами от дома, письменного стола и еще от чего-то; авторучка; сложенные пополам листки бумаги для попутных записей – это было все. Огонь и орудие защиты да несколько кусочков бесполезного металла – вот все, чем он располагал. И если мир безлюден, с этим он должен себя кормить, защищать, строить убежище, а со временем и одевать.

Он закурил, решив осмыслить происшедшее, но смог думать лишь о необходимости беречь сигареты, которых осталось всего полпачки, – новые взять будет негде.

Чужая страна, впрочем, не совсем чужая, ведь он находился на Земле, старой привычной Земле, которой пока не коснулась рука человека. Он дышал воздухом Земли, видел ее луга и небо, ее животных. Это был мир древней Земли. С невозделанными почвами, нетронутыми сокровищами.

Эта страна не была чужой, волчок не забросил его в другое измерение, да и, правду говоря, волчок здесь оказался ни при чем. Волчок не играл никакой роли. Волчок явился средством для концентрации внимания, гипнотизирующей игрушкой, которая позволила мозгу выполнить нужную работу. Волчок помог ему попасть в эту страну, но только его мозг и присущие ему особые способности перебросили его со старой привычной Земли в этот странный мир.

Он читал или слышал о чем-то подобном...

Он силился вспомнить.

Статья в газете. Или обрывок разговора. Или передача по телевизору.

И наконец, вспомнил — статья одного бостонского ученого, кажется, доктора Олдриджа, в которой говорилось, что один мир опережает нашу планету на секунду, а другой на секунду отстает от нее. И так они следуют один за другом, целая цепочка миров, словно люди, ступающие по снегу след в след, образуя одну непрерывную линию.

Непрерывная цепь миров, следующих один за другим. Кольцо вокруг Солнца.

Тогда он не дочитал статью до конца, что-то отвлекло его и он отложил газету в сторону. И теперь он жалел об этом. Очень может быть, что Олдридж оказался прав. Этот мир мог следовать за старой привычной Землей и быть следующим звеном бесконечной цепи миров.

Он попробовал представить себе принцип, не котором строилась эта цепочка миров, но не смог — слишком многого он не знал.

«Предположим, я нахожусь на Земле-2, следующей за старой Землей, которую только что покинул, — думал Виккерс. — Допустим, топография обоих миров достаточно схожа, хотя и не идентична. Небольшие отличия станут заметными, может, только в девятом мире. Значит, Земля-2 не должна отличаться от старой Земли. Если там я находился где-то в Иллинойсе, то и здесь должен быть на землях прежнего Иллинойса».

Восьмилетним мальчуганом он побывал в местах, где рос сад и стоял окруженный кустарником домик. Вполне возможно, что и сейчас он находился на той же Земле. Когда-то он гулял по заветной долине, которая тоже могла

находиться на этой Земле. Но тогда здесь мог существовать и дом Престонов, похожий на гордый дом с Земли его детства.

«Это — моя надежда, — решил он. — Ничтожная, но единственная, которая у меня есть».

Добраться до дома Престонов, направляясь на северо-запад. Пройти весь тот длинный путь, который он проехал на машине от родного дома. Он понимал, как невелика вероятность найти дом Престонов. Не окажется ли он в ловушке этого пустынного и громадного мира? Но он отогнал сомнения, только эти вероятность таила в себе его единственную надежду,

Он снова посмотрел на солнце: оно поднялось выше, значит, было утро. Теперь он точно знал, где находится запад — единственное, что ему надо было сейчас знать.

Он вскочил на ноги и быстро зашагал вниз, направляясь на северо-запад, к своей единственной надежде в этом мире.

31

Задолго до наступления темноты в рощице у ручья он выбрал место для ночлега.

Стянув с себя рубашку, Виккерс соорудил из нее и прутьев примитивную вершу, потом спустился к заводи и довольно быстро наловчился орудовать ею. Через час на песке бились пять средней величины рыб.

Почистив их перочинным ножом, он с одной спички развел костер и с гордостью подумал, что из него вышел бы неплохой траппер.

Он испек одну рыбину и съел, не испытав удоволь-

ствия — кроме отсутствия соли, сказалось и неумение пользоваться первобытным очагом: часть рыбы обуглилась, а часть осталась сырой. Однако он заставил себя доест всю рыбину, ибо знал, что впереди его ждут трудные дни.

Между тем, наступила ночь, и он придвинулся ближе к костру. Так, сидя, он и заснул.

Проснувшись, он увидел, что огонь почти погас, а ночь стала еще темней. Он снова раздул костер. Огонь не только согревал, но и служил зашитой — днем он видел и волков, и медведей, в зарослях промелькнула и гибкая кошачья тень, но Виккерс не успел разглядеть, что это был за зверь.

Когда он снова проснулся, на небе занималась заря. Он подбросил сучьев в костер и испек остальную рыбу. Одну рыбину он съел, а остальные сунул в карман. Он знал, что днем у него не будет времени на привал.

Поблизости в кустарнике он нашел толстую прямую палку и проверил, не гнилая ли она. Такая палка могла служить посохом при ходьбе и дубинкой при обороне. Проверив карманы, он убедился, что все на месте. Главное — перочинный нож и спички. Виккерс туго завернул спички в носовой платок и в майку. Если он попадет под дождь или свалится в реку, они останутся сухими. Он очень сомневался, что сможет развести огонь, высекая искры из камня.

Он пустился в путь еще до восхода солнца, но шел медленнее, чем накануне, так как понял, что главное — умение экономить силы. Глупо было выдохнуться в первые же дни долгого перехода.

В полдень ему пришлось сделать большой круг, обходя огромное стадо бизонов. На ночь он опять остановился в роще. По пути он поймал еще одну рыбину, а в роще обнаружил кусты ежевики, так что на ужин имел и десерт.

Солнце взошло, и он снова пустился в путь. Солнце село.

Опять наступил день, и он снова был в пути. Прошел еще один день, и еще, и еще...

Он ловил рыбу. Собирал ягоды. Однажды наткнулся на только что задранного оленя. Хищник, по-видимому, удрал с приближением человека. Он отрезал себе столько мяса, сколько смог унести. Даже без соли мясо было вкуснее рыбы. Он ел его и сырым, тщательно разжевывая на ходу. Когда запах от мяса стал нестерпимым, остатки пришлось выбросить.

Он потерял всякое ощущение времени. Он не знал, сколько прошел, сколько ему осталось пройти до нужного места и вообще, найдет ли он его.

Когда прохудились ботинки, Виккерс набил их сухой травой и подвязал полосками ткани, которые нарезал из брючин.

Однажды, склонившись, над ручьем, чтобы напиться, он увидел отражение странного лица и был поражен, осознав, что видит собственное лицо, заросшее и отмеченное усталостью, лицо человека в лохмотьях.

Дни следовали один за другим. Он продолжал идти на северо-запад. Сначала он обгорел на солнце, потом покрывлся загаром. На бревне он перебрался через широкую и глубокую реку. Он потратил на переправу много времени, бревно едва не перевернулось, но все же он достиг другого берега.

И продолжал свой путь. У него не было иного выбора.

Он шел через пустынную страну без всяких признаков жизни, хотя края эти во всем подходили человеку. Плодородные земли, поросшие высокими травами луга, вековые рощи вдоль берегов рек.

И наконец, однажды перед самым заходом солнца он вышел на перевал и увидел перед собой равнину и реку, излучины которой показались ему знакомыми. Но его внимание привлекла не река, а отблеск садящегося солнца на металле – вдали, у горизонта высились какие-то явно металлические конструкции.

Прикрыв глаза рукой и напрягая зрение, он пытался разглядеть, что это такое, но расстояние было велико и солнце слепило глаза.

Спускаясь по склону и не зная, радоваться ли ему или бояться, Виккерс не отрывал взгляда от металлических бликов. Они то пропадали из виду, когда он спускался в долину, то появлялись вновь, когда он оказывался на перевале, и он понял, что это не мираж.

Наконец, он различил сверкающие металлом здания, а потом и странные предметы, подлетавшие к ним и улетающие прочь. Чувствовалось, что там кипит жизнь.

Это не походило ни на город, ни на поселок. Все было сделано из металла, и совсем отсутствовали какие-либо подъездные пути.

По мере приближения он различал все больше деталей и в одной-двух милях от строений, остановившись, понял, что же находится перед ним.

Это был не город, а завод, громадный завод. К нему беспрерывно подлетали странные предметы, они больше

походили на летающие вагоны, чем на самолеты. Большинство из них двигалось с севера и запада, летели они на небольшой высоте и с небольшой скоростью и направлялись к посадочной площадке, скрытой от Виккерса группой зданий.

Существа, сновавшие между зданиями, лишь отдаленно напоминали людей, скорее всего это были какие-то металлические создания, так как они ослепительно сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Возле каждого здания высилась башня громадного диаметра с чашей наверху. Все чаши были обращены к солнцу и горели красным огнем.

Он медленно приблизился к зданиям и, только очувтившись рядом, понял, как они огромны. Они занимали гигантскую территорию. Создания, сновавшие между зданиями и выполнявшие какую-то работу, оказались самоуправляемыми роботами.

Некоторые машины были знакомы Виккерсу, а некоторые он узнать не мог. Он увидел мчавшийся тягач с грузом строительного леса, потом мимо него со скоростью тридцати миль в час проехал громадный кран с лязгающим ковшом на стреле. Очень многие машины казались верхом механического бреда, и все они двигались на громадных скоростях, словно спешили куда-то.

Он нашел улицу, нет, не улицу, скорее проезд между двумя зданиями и двинулся по нему, стараясь держаться поближе к стене — машины носились здесь с бешеной скоростью.

Оказавшись возле здания с распахнутыми воротами, он осторожно поднялся по пандусу и заглянул внутрь. Поме-

щение было залито неизвестно откуда льющим светом. Вдоль него тянулись длинные ряды работающих машин. Но шума не было, и это поразило Виккерса. Завод работал, но работал совершенно бесшумно. Царила полная тишина, нарушаемая лишь металлическим позвякиванием пронесшихся снаружи машин.

Он спустился по пандусу и проездами прошел к посадочной площадке, на которую салились и с которой взлетали летающие вагоны.

Виккерс смотрел на приземляющиеся и разгружающиеся машины, на штабеля свеженапиленного строительного леса, который укладывался на тягачи, разбегавшиеся по всем направлениям; здесь же были горы руды, скорее всего железной, которую подбирали другие грузовые машины, похожие, как показалось Виккерсу, на пеликанов.

Разгруженный вагон тут же бесшумно взлетал, словно его подхватывал и уносил в воздух порыв ветра.

Летающие вагоны прибывали сплошным потоком и тут же разгружались. Прибывшие материалы сразу же куда-то отвозили громадные машины.

«Эти машины ведут себя как люди», – подумал Виккерс. Это не были автоматы. Автомат предполагает строго чередующиеся определенные операции, а вагоны приземлялись достаточно произвольно. Как только вагон садился, одна из грузовых машин подъезжала к нему и разгружала его.

«Они похожи на разумных существ», – подумал Виккерс. И, подумав об этом, понял, что они действительно разумны. Это были машины-роботы. Внешне они совсем не походили на людей, но были наделены разумом и знали, что делать.

Солнце село, а он стоял у угла здания, глядя на башни. Их чаши, только что обращенные в сторону заходящего солнца, теперь медленно поворачивались к востоку, чтобы утром поймать его первые лучи.

«Солнечная энергия», – подумал Виккерс. Где же он слышал о солнечной энергии? Ну, конечно, в домах мутантов! Маленький продавец объяснил ему и Энн, что при наличии солнечных батарей им не нужны ни газ, ни электричество.

И здесь работала солнечная энергия. И здесь машины не знали трения, а потому не производили никакого шума, как не подверженные износу вечмоби́ли.

Машины не обращали на него внимания. Словно не видели его и не подозревали о его присутствии. Ни одна из них не снизила скорости, обгоняя его: ни одна не свернула, чтобы объехать. Но и ни одна из них не угрожала ему. Как только солнце село, всю местность вокруг залил свет, но он опять не смог определить, где находится его источник. Наступление ночи не остановило работы. Летящие вагоны, эти громадные угловатые коробчатые конструкции, продолжали прилетать, разгружаться, улетать. Машины увозили их грузы. Длинные ряды станков в зданиях продолжали свой бесшумный труд,

«А летающие вагоны, – спросил он себя, – тоже роботы? Скорее всего – да».

Он снова двинулся вперед, прижимаясь к стенам зданий, чтобы не очутиться посреди дороги.

Он нашел гигантскую погрузочную площадку, где вздымались аккуратные горы ящиков. Одни машины их беспрерывно подвозили, другие заполняли ими летающие

вагоны. Он осторожно выбрался на площадку и осмотрел закрытые ящики, пытаясь определить их содержимое, но, кроме букв и цифр, на них ничего не значилось. Он подумал было, не вскрыть ли один из ящиков, но у него не было ни инструмента, ни уверенности, что ранее равнодушные к его персоне машины не заинтересуются им, если он начнет мешать их работе.

Несколько часов понадобилось ему, чтобы выбраться за пределы гигантского завода. А отойдя подальше и обернувшись, он испытал трепет перед залитой светом отлаженной громадиной.

Ему не надо было спрашивать себя, что производит это предприятие. Он заранее знал ответ. Или бритвенные лезвия, или зажигалки, или лампочки, или дома, или вечмобили. А может, и все эти изделия сразу.

Он был уверен, что перед ни тот самый завод, или один из заводов, который тщетно разыскивали Кроуфорд и Североамериканское исследовательское бюро.

И не было ничего удивительного, что их поиски оставались тщетными.

32

Он вышел к реке далеко за полдень. Река эта с ее островами, заросшими деревьями и ползучими растениями, с ее песчаными отмелями, со зловещим шорохом зыбучих песков, он был уверен, была река Висконсин в ее нижнем течении перед слиянием с Миссисипи. А если все обстояло именно так, он знал, куда идти. Отсюда было легко добраться до конечной цели нашествия.

Но тут на него нахлынули сомнения. Найдет ли он

нужнее место? В этой стране дома Престонов могло и не быть. Ведь он немало прошел, но обнаружил только роботов, здесь царила сложная машинная цивилизация, где не было места человеку. Людям нечего было делать на этом заводе, который не нуждался ни в руках, ни в мозге человека.

В угасающем свете дня он устроил привал на берегу реки и долго сидел без сна, уставившись на серебряное зеркало воды в лунном свете и ощущая свое одиночество. Столь горького и глубокого одиночества он еще никогда не испытывал.

Наступило утро, и он снова пустился в путь. Он найдет хотя бы место, где должен стоять дом Престонов. Но как он поступит, если там ничего нет?

Он решил не думать об этом и в конце концов заснул.

Утром он спустился к реке и внимательнее рассмотрел скалистый южный берег. Да, места явно были знакомы ему.

Он двинулся вниз по течению и вскоре в голубой дымке различил высокую скалу возле места слияния двух рек, а за ней тонкую лиловую цепочку холмов. Он вскарабкался повыше и долго изучал взглядом долину, к которой стремился.

Ночь он провел уже в стороне от реки, а наутро отыскал долину, которая вела к дому Престонов.

Он прошел до ее половины, прежде чем она стала ему совершенно знакомой. Надежда постепенно превращалась в уверенность, что он идет по знакомой земле.

Наконец Виккерс нашел ту заветную долину, по которой гулял двадцать лет назад!

«Теперь, — думал он, — теперь, если только на месте дом...»

Ему становилось плохо при мысли, что дома не окажется, что, поднявшись по последнему склону, он увидит только место, где должен стоять дом. Рухнет последняя надежда, и он превратится в изгнанника родной Земли.

Он отыскал тропинку и пошел по ней, глядя, как ветер колышет высокие травы, чьи седые венчики походили на буруны штормового моря. Увидел заросли диких яблонь, они уже отцвели — стояло лето, но это были те самые яблони, которые он когда-то видел в цвету.

Тропинка обогнула вершину холма, И Виккерс увидел дом. Ноги его ослабели, он остановился и быстро отвел взгляд в сторону, а потом медленно повернул голову и убедился, что не стал жертвой воображения — дом действительно стоял на своем месте.

Дом стоял на своем месте.

Он вновь двинулся вверх по тропинке, заметил, что бежит, и заставил себя замедлить шаг. Потом побежал опять и на этот раз не стал останавливаться.

Он добрался до вершины холма, где стоял дом, и замедлил шаг, пытаясь восстановить дыхание. И тут только подумал, на кого он похож со своей многодневной бородой, в лохмотьях, впитавших всю грязь и пыль многодневного путешествия, в разодранной обуви, привязанной к ногам лоскутами от брючин, с остатками брюк, не прикрывающих даже грязных исхудавших колен.

Он подошел к белой ограде, окружавшей дом, остановился перед калиткой, оперся о нее и стал разглядывать дом. Дом выглядел точно таким, каким он помнил его, чи-

стым, ухоженным, с тщательно подстриженным газоном и цветочными клумбами, со свежевыкрашенными деревянными частями и кирпичом, отшлифованным за долгие годы солнцем, ветром и дождем.

— Кэтлин, — произнес он, с трудом шевеля пересохшими, потрескавшимися губами. — Я вернулся.

Он хотел представить себе, как она выглядит после долгих лет разлуки. Не могла же она остаться девушкой семнадцати или восемнадцати лет, какой он знал ее когда-то, теперь она была женщиной примерно одного возраста с ним.

Она увидит его стоящим у калитки и, несмотря на его бороду и лохмотья, на его многодневное путешествие, узнает, распахнет дверь и пойдет по аллее навстречу.

Дверь распахнулась, но солнце било ему прямо в глаза, и он не мог ее разглядеть, пока она не сошла с крыльца.

— Кэтлин, — произнес он.

Но это была не Кэтлин.

Это был человек, которого он никогда не видел, — его почти обнаженное тело блестело на солнце. Приблизившись, он спросил Виккерса:

— Сэр, я могу вам чем-нибудь помочь?

33

Что-то раздражало в этом сверкающем на утреннем солнце человеке — то ли его манера двигаться, то ли манера говорить. Прежде всего, он был совершенно безвольным. Ни единого волоска не было у него ни на голове, ни на груди. И глаза казались какими-то необычными. Они блестели так же, как и все тело. Кроме того, на лице не было губ.

– Я робот, сэр, – разъяснил сверкающий человек, видя растерянность Виккерса.

– А... – протянул Виккерс.

– Меня зовут Айзекайя.

– Как дела, Айзекайя? – поспешил спросить Виккерс, не зная, что сказать.

– Хорошо, – ответил робот. – У меня все всегда идет хорошо. Со мной не может случиться ничего плохого. Благодарю вас за внимание, сэр.

– Я надеялся встретить здесь мисс Кэтлин Престон, – сказал Виккерс. – Она случайно не дома?

Он заглянул в глаза робота, но они ничего не выражали.

Робот спросил:

– Не желаете ли пройти в дом и подождать?

Робот открыл перед ним калитку, отошел в сторону, и Виккерс двинулся вперед по кирпичной дорожке, отметив про себя, как посветлел за долгие годы кирпич. Дом был в хорошем состоянии. Блестели свежевывмытые стекла и ставни, газон казался прямо-таки выбритым. На клумбах с яркими цветами не было ни единого сорняка, а ограда словно несла вечную охрану вокруг дома, ее ярко-белые столбики походили на деревянных солдат.

Они обошли вокруг дома, робот поднялся по маленькому крылечку у черного входа, толкнул дверь и пригласил Виккерса войти.

– Направо, сэр, – сказал Айзекайя. – Присаживайтесь и подождите, пожалуйста. Если вам что-нибудь понадобится – звонок на столе.

– Спасибо, Айзекайя, – поблагодарил Виккерс.

Для прихожей комната была слишком велика. Веселые обои, посреди стены мраморный камин, увенчанный зеркалом. Здесь стояла тишина, такая официальная тишина, которая часто оказывается предвестником решающих событий.

Виккерс сел на стул и застыл в ожидании.

На что он надеялся? Что Кэтлин выскочит из дома и радостно побежит ему навстречу? И это после двадцати лет разлуки, в течение которой она не получила от него ни единой весточки? Он покачал головой. Он принял мечты за реальность. Этого не могло быть. Это противоречило всякой логике.

Хотя некоторые события, вопреки той же логике, все же произошли. Куда как нелогичнее найти этот дом в этом ином мире. Однако он нашел его. И сидел сейчас под его крышей. Не менее нелогичным было найти позабытый волчок и воспользоваться им. Однако благодаря этому волчку он находится здесь, сидит и прислушивается к происходящему в доме.

Из соседней комнаты донеслись тихие голоса, и он заметил, что дверь, ведущая туда из прихожей, слегка приоткрыта.

Других звуков не было, утренняя тишина царила в доме.

Он встал, подошел к окну, потом к мраморному камину.

Кто находился в соседней комнате? Почему он ждал? Кого он увидит за этой дверью и что ему скажут?

Неслышными шагами, почти на цыпочках, он кружил по комнате. Потом остановился возле двери, прижался к ней спиной и, сдерживая дыхание, прислушался.

Теперь он различал слова:

– ...это будет шоком.

Низкий хриплый голос произнес:

– Шок неизбежен. Как бы мы ни поступали, шок неизбежен. Какие бы мы ни выбирали слова, они все равно будут ранить.

Ему ответил тягучий голос:

– К несчастью, мы можем действовать только так. Жаль, что их невозможно оставлять в телах, данных им от рождения.

Затем снова раздался деловой; уверенный, отчетливо слышимый голос:

– Большинство андроидов реагирует неплохо. Стоит им узнать, кто они такие, как они быстро оправляются от шока. Мы должны им все объяснить. Кстати говоря, из всех троих он самый подходящий и может справиться с делом и в своем нынешнем теле.

– Мне кажется, – проговорил хриплый голос, – что мы поспешили с Виккерсом.

– Фландерс сказал, что это необходимо. Он считает, что только Виккерсу под силу обуздать Кроуфорда.

Раздался голос Фландерса:

– Уверен, что он справится. Он поздно взялся за дело, но быстро пошел вперед. Мы не церемонились с ним. Вначале дал промашку клоп, он поймал его и начал размышлять. Затем мы организовали угрозу линчевания. Потом он нашел волчок, который мы подложили ему, и принялся все сопоставлять. Надо подтолкнуть его еще пару раз...

– А девушка, Фландерс? Как ее зовут?

– Энн Картер, – ответил Фландерс. – Мы ее тоже подтолкнули, но не так грубо, как Виккерса.

– Как они воспримут это, – спросил тягучий голос, – когда узнают, что они – андроиды?

Виккерс отшатнулся от двери и медленно побрел прочь, он шел на ощупь, ничего не видя, словно по темной, заставленной мебелью комнате.

Добравшись до двери в вестибюль, он вцепился в прилолку.

«Вещь, – подумал он. – Даже не человек».

– Будь ты проклят, Фландерс, – вырвалось у него.

И он, и Энн – вовсе не мутанты. Они не только не высшие существа, но и не люди. Андроиды!

«Надо удирать, – подумал он. – Удрать, скрыться. Уйти от всех, залечить раны, успокоить свой мозг и подумать, что делать дальше».

Следовало что-то предпринять. Оставить это так было невозможно. Надо подумать и найти ответный ход.

Он пересек вестибюль, приоткрыл парадную дверь и посмотрел, нет ли кого поблизости. Газон был пуст. Нигде никого.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, спрыгнул с крыльца и кинулся бежать. С ходу перемахнул через ограду и бросился дальше.

Он не оглянулся, пока не достиг опушки, а обернувшись, увидел, что дом по-прежнему безмятежно и гордо высится на холме над долиной.

Итак, он казался андроидом, искусственным человеком, с телом, созданным из горстки химических веществ

силой разума и волшебством техники. Но этой силой и волшебством владели мутанты, ибо мозг обычного человека, уроженца его родной Земли, до этого еще не дорос. Мутанты способны были создать искусственного мужчину, наделив его всеми человеческими качествами. Или искусственную женщину, подобную Энн Картер.

Мутанты могли делать и андроидов, и роботов, и вечномобили, и вечные бритвенные лезвия, и многие другие вещи, стремясь подорвать экономику расы, из которой когда-то вышли сами. Они синтезировали углеводы для приготовления пищи, белки для производства тел своих андроидов, они умели путешествовать с одной Земли на другую, на любую из Земель, бегущих одна за другой по коридору времени. Они многое умели и делали. Ему даже трудно было себе представить, что они умели и делали. Ему даже трудно было себе представить, что они умели еще, как трудно было и предположить, что они замыслили или планировали.

— Вы — мутант, — сообщил ему Кроуфорд, — недоразвитый мутант. Вы — один из них.

Кроуфорд считал, что имеет умную машину, которая может разобраться в том, что происходит в вашем мозгу, но машина оказалась глупой, ибо не смогла отличить настоящего человека от искусственного.

Не мутант, а мальчик на побегушках при мутантах. И не человек, а искусная копия.

А сколько их, во всем похожих на меня? Сколько таких созданий бродит по земле, выполняя приказы своих хозяев-мутантов? За сколькими следили и на скольких охотились люди Кроуфорда, не подозревая, что идут по следу

искусственных созданий, а не самих мутантов? Вот где крылась разница между нормальным человеком и мутантом, обычный человек ошибался, принимая копию мутанта за самого мутанта.

Мутанты создавали человека, выпускали его на свободу, позволяли ему развиваться и прикрепляли к нему механического шпиона – маленькую искусственную мышь, которую они называли клопом и которую он разбил своим пресс-папье.

Иногда они подталкивали его, но зачем? Они подбивали жителей поселка учинить над ним суд Линча; они подложили ему волчок, чтобы он вспомнил о детстве; они позволили ему передвигаться в вечмобиле, хотя знали, что пользование им связано со смертельным риском.

А что случилось с андроидом после такого шока?

Что случилось с ними после выполнения возложенной на них миссии?

Он сказал Кроуфорду, что встретится с ним, когда узнает, что происходит. Теперь он кое-что узнал и это кое-что должно очень заинтересовать Кроуфорда.

Но еще существовало что-то, будоражившее его мозг и искавшее выхода. Он что-то знал, но не мог вспомнить, что именно.

Огибая громадные деревья и ступая по мягкому ковро из мха, прелых листьев и цветов, он пошел через лес. Здесь царила странная мирная тишина.

Следовало разыскать Энн Картер. Сообщить ей, что происходит, и тогда вдвоем они найдут выход.

Он остановился у подножия старого дуба и, глядя снизу на его крону, старался привести мысли в порядок.

Два момента казались ему главными.
Вернуться на родную Землю.
Отыскать Энн Картер.

35

Виккерс заметил человека лишь после того, как тот заговорил.

– Доброе утро, незнакомец, – услышал Виккерс и обернулся.

Человек стоял в нескольких футах от него – высокий, крепко сложенный мужчина, одетый как фермер или рабочий, только на голове у него была маленькая кепочка с длинным блестящим козырьком и перышком. Несмотря на простоту одежды, в его облике не было ничего деревенского. Перед ним стоял уверенный в себе человек, напомнивший Виккерсу персонаж какой-то книги, но он не мог вспомнить какой.

На плече у человека висел колчан со стрелами, в руке он держал лук. На его поясе болтались два кролика, а на брючине виднелись следы крови.

– Доброе утро, – сухо ответил Виккерс.

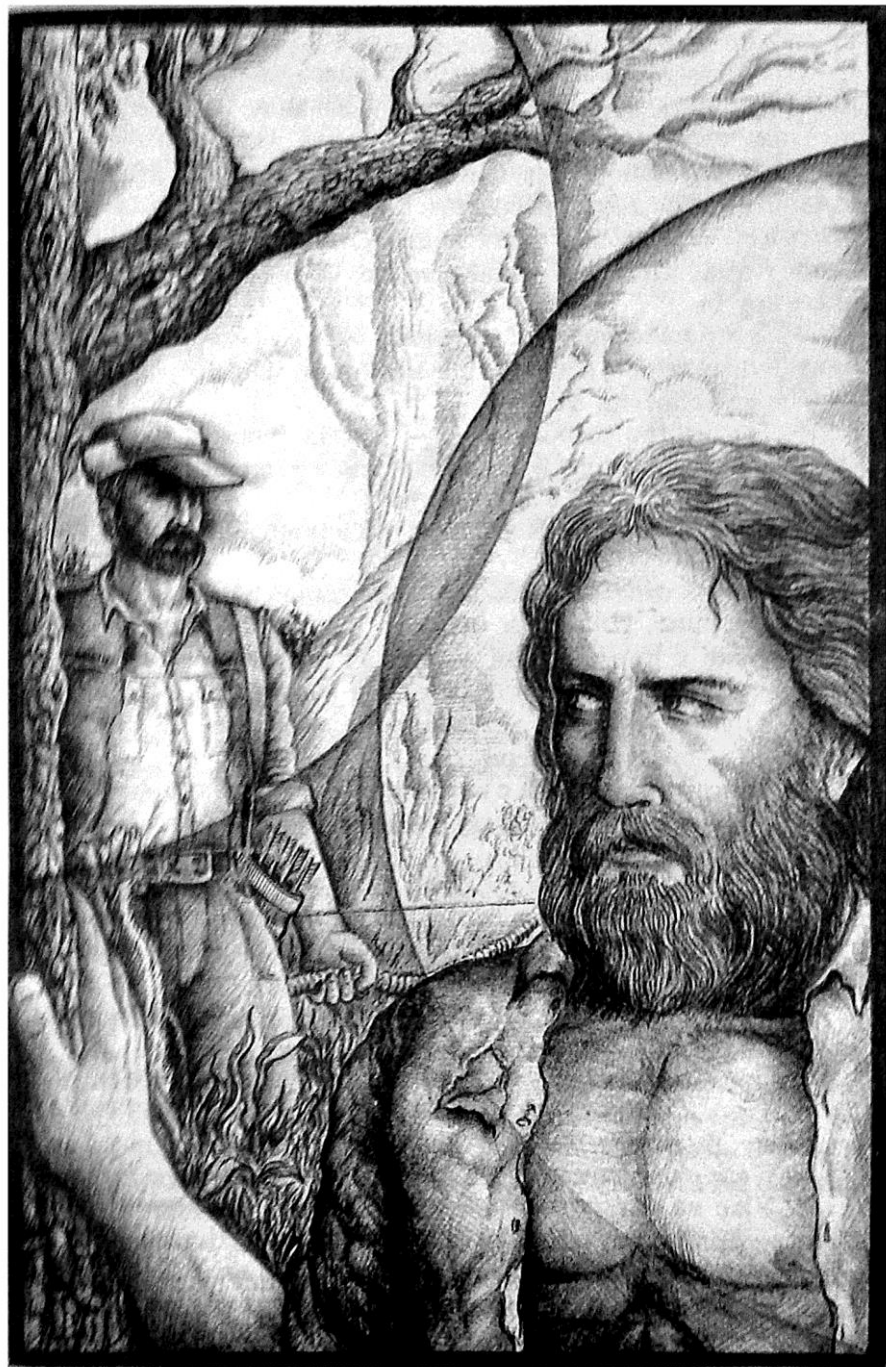
В неожиданном появлении этого человека не было ничего приятного.

– Вы один из них? – спросил человек.

– Кого вы имеете в виду?

Человек весело ухмыльнулся.

– Один из тех, кто прибыл сюда по ошибке, – пояснил он. – Прибыл и не знает, где очутился. Я часто спрашиваю себя, что с ними произошло бы, приземлились они до нашего появления здесь или в какой-то пустынной местности.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Вы знаете, где находитесь? – спросил человек.

– Я думаю, это вторая Земля, – ответил Виккерс.

Человек улыбнулся.

– Вы угадали, – признал он. – Вы сообразительнее других. Многие бродят вокруг, теряются и не верят, когда мы говорим, что они на Земле-2.

– Ясно. Это – Земля-2? А Земля-3?

– Она подождет, пока не понадобится нам. Бесконечное множество миров ждет своего часа. Мы можем осваивать их поколение за поколением. Новая Земля для каждого нового поколения, если понадобится, но они говорят, что очередь других миров наступит еще не скоро.

– Они? – переспросил Виккерс. – Кто они?

– Мутанты. Те, что живут в Большом доме. Вы разве не видели Большой дом?

Виккерс из осторожности покачал головой.

– Вы, наверное, миновали его, перейдя через хребет. Большой кирпичный дом с белой оградой вокруг и постройками, похожими на амбары, хотя это вовсе не амбары.

– А что?

– Лаборатории, исследовательские лаборатории, – сказал человек. – А в некоторых помещениях слушают.

– А зачем слушать в помещениях? Мне кажется, слушать можно, где угодно.

– Они слушают звезды, – разъяснил человек.

– Они слушают... – начал Виккерс и тут же вспомнил Фландерса, который сидел в кресле-качалке на террасе его дома в Клиффвуде и рассуждал о громадных запасах зна-

ний, накопленных в других звездных мирах, и о том, что необязательно туда лететь на ракетах, что звезд можно достигнуть силой разума и что эти знания можно использовать.

– Телепатия? – спросил Виккерс,

– Конечно, ведь они слушают не сами звезды, а их обитателей. Вы когда-нибудь слышали о таком идиотском занятии, как слушать звезды?!

– Да, слышал.

– Они заимствуют идеи у обитателей звезд. Они не могут разговаривать с ними. Они только слушают. Узнают, о чем те думают, кое-что используют, но многое остается им непонятным. Если это не так, помогите мне разобраться, мистер...

– Меня зовут Виккерс, Джей Виккерс.

– Очень приятно, рад с вами познакомиться, мистер Виккерс. Мое имя – Эйза Эндрюс.

Он сделал шаг вперед и протянул руку. Виккерс взял ее и крепко по-дружески пожал.

Теперь он вспомнил, где читал о подобном человеке. Перед ним был настоящий американский первопроходец, вооруженный длинноствольным ружьем, который взялся за освоение охотничьих угодий Кентукки. Он чувствовал в нем твердость, независимость, доброе расположение духа и спокойную уверенность в себе. И здесь, в лесах Земли-2, появился новый тип первопроходца, сильного независимого человека, который мог стать другом.

– Это, наверное, те мутанты, которые сделали вечные бритвенные лезвия и прочие штуковины из магазинов новинок? – невинно спросил Виккерс.

– Вы быстро соображаете, – сказал Эндрюс. – Можете сходить через пару дней в Большой дом и поговорить с ними.

Он переложил лук в другую руку.

– Послушайте, Виккерс, а вы там никого не оставили? Жену, детей?

– Нет, – ответил Виккерс. – Ни единой души.

– Отлично. Иначе бы мы сразу пошли в Большой дом и поговорили с ними, и они доставили бы сюда вашу жену и детишек. Жаль только, что обратной дороги нет, коли попал сюда. Правда, обратно возвращаться и незачем. Я не знаю никого, кто бы захотел вернуться.

Он осмотрел Виккерса с ног до головы и усмехнулся.

– Что-то вы выглядите худоватым, – сказал он. – Плохо питались?

– Рыбой и олениной. И ягодами.

– Хозяйка наготовила еды. Накормим вас до отвала, побреетесь, я велю детишкам нагреть воды, примете ванну, а потом поговорим. Нам многое надо обсудить,

Он пошел вперед, и Виккерс двинулся следом за ним через густые заросли.

Вскоре они оказались на зеленеющем кукурузном поле.

– Здесь я и живу, – сообщил Эндрюс. – Вон там, у спуска в долину. Видите дымок?

– У вас отличная кукуруза, – заметил Виккерс.

– Уже на четверть выше колена. А дальше ферма Джэка Смита. Если приглядеться, можно увидеть его дом. А там пониже хребта – поля Джона Симмонса. У нас есть и другие соседи, но отсюда их не видно.

Они миновали загородку из колючей проволоки и пошли по полю между рядами кукурузы,

– Здесь все иначе, – сказал Эндрюс, – чем на той Земле. Там я работал на фабрике, а жил в помещении, годном разве только для свиней. Потом фабрика закрылась, денег не стало. Я пошел к людям из «Углеводов» и получил у них продукты. Потом домохозяин выгнал нас на улицу, я пошел к этим участливым людям снова и рассказал, что случилось. Я не знал, чем они могут помочь, и, по правде говоря, не надеялся на их помощь, ведь они и так сделали больше, чем я просил. Но, кроме них, мне не к кому было обратиться. А дня через два пришел человек и рассказал нам про это место, правда, он не сказал, где оно находилось на самом деле. Он сказал, что знает место, где нужны поселенцы. Он сказал, что это новые, только открытые территории, и что земля там ничья и что мне помогут устроиться, и вместо крохотной квартирки в вонючем бараке у меня будет дом. И я сказал, что согласен. Они предупредили, что вернуться оттуда невозможно, а я спросил, какой сумасшедший захочет сюда возвращаться. Я сказал, что мы поедem куда угодно, и вот мы тут.

– Вы ни о чем не жалеете? – спросил Виккерс.

– Это было, – ответил Эндрюс, – самым счастливым событием в нашей жизни. Чистый воздух для детишек, полно еды и места, где жить, и никаких домовладельцев. Никаких долгов и никаких налогов. Совсем как в исторических книгах.

– Исторических книгах?

– Вы должны знать. Про открытие Америки и первопроходцев. Пожалуйста, бери землю. Сколько хочешь. На

всех хватит, а уж какая она плодородная – бросишь горсть зерен – и на тебе, урожай. Земля для полей, лес для костра и для строительства, а когда пойдешь вечером прогуляться, глянешь на небо, оно чистое-чистое, и звезды сверкают, и воздух такой свежий, что обжигает ноздри.

Эндрюс повернулся и взглянул на Виккерса блестящими глазами.

– Это самое счастливое, что было у меня в жизни, – повторил он, словно боясь, что Виккерс будет возражать.

– А мутанты? – спросил Виккерс. – Они вам не надоедают? Не командуют вами?

– Они только помогают. Одного робота присылают, чтобы помочь в работе, а другой робот ходит к нам девять месяцев в году и учит детишек. Робот-учитель для каждой семьи. Что вы на это скажете? Свой собственный учитель, совсем как семейный воспитатель у богатей на той Земле.

– А они вас не раздражают? Вы не чувствуете, что они выше вас по развитию? Вы не испытываете к ним ненависти за то, что они умнее вас?

– Сэр, – сказал Эндрюс, – не дай бог кто-нибудь из наших услышит ваши слова. Вам не поздоровится. Когда мы попали сюда, они нам все объяснили. Они изложили нам свою док... доктор...

– Доктрину.

– Вот-вот. Они объяснили, как обстоят дела. Они изложили нам правила, их не так много.

– В частности, не иметь огнестрельного оружия, – сказал Виккерс.

– Это одно из правил, – согласился Эндрюс. – А откуда вы знаете?

– Вы охотились с луком.

– А если вы не поладите с кем-то или поссоритесь, вы идете в Большой дом и они разрешают ваши разногласия. Если вы заболаете, вы сообщаете им, и они присылают доктора и все, что нужно. Большинство правил вам только на пользу!

– А как обстоят дела с работой?

– Работой?

– Вы должны зарабатывать деньги?

– Пока нет, мутанты дают нам все, в чем мы нуждаемся. Мы только должны обрабатывать землю, чтобы иметь пищу. Они называют это... сейчас припомню это слово, да, пасторально-феодалным периодом. Вы когда-нибудь слыхали такое слово?

– Но у них есть заводы, – не обращая внимания на вопрос, настаивал Виккерс. – Там, где производят вечные лезвия и прочие вещи. Им нужны люди для работы там?

– Они используют роботов. Недавно они начали делать машины – вечные автомобили. Тут есть один завод. Но все делают роботы. Вы знаете, что такое робот?

Виккерс утвердительно кивнул.

– Еще один вопрос. А как обстоят дела с аборигенами?

– Аборигенами?

– Ну, жителями этой Земли. Если они есть.

– Здесь никого нет, – сказал Эндрюс.

– Но ведь во всем остальном эта Земля похожа на другую Землю, – настаивал Виккерс. – Деревья, реки, животные...

– Нет, здесь нет аборигенов, – убеждал Эндрюс. – Ни индейцев, ни других.

«Вот где, – подумал Виккерс, – кроется отличие этой Земли». Маленькая деталь, которая коренным образом меняет все. Когда-то произошло нечто, что помешало дальнейшему росту человека, какой-то незначительней инцидент. Просто не блеснула очередная искорка разума. А потому здесь никто не высекал искры из камня, не обращал этот камень в орудие, ни в одной грубой душе не зажглось яркой радости, радости, которая спустя некоторое время превратилась в песню, или в картину, или в роман, или в поэму...

– Вот мы и дома, – сказал Эндрюс.

Они миновали изгородь и пересекли лужайку перед домом.

Их встретил веселый гомон, и полдюжины ребятишек скатилось с холма вместе со стаей лающих собак. В дверях бревенчатого дома показалась женщина и посмотрела в их сторону, рукой прикрыв глаза от солнца. Она приветливо помахала им, Эндрюс тоже махнул в ответ, и тут их окружила стайка галдящих ребят и лающих собак.

36

Его разместили на чердаке над кухней. Он лежал нагишом в постели и слушал, как от ветра погромыхивает кровля над головой. Повернувшись, почувствовал, как шуршит кукурузная шелуха в матрасе, и уткнулся лицом в подушку, набитую гусиным пухом.

Он наслаждался чистотой своего тела. На очаге во дворе ему согрели воды, и он долго плескался в лохани позади дома. Он отмокал в горячей воде и яростно намыливал тело, слушая Эндрюса, который сидел рядом на бревне. Во

дворе играли ребяташки, а псы спали, растянувшись на солнце и время от времени подергиваясь, чтобы отогнать назойливых мух.

Он хорошо поел. Даже дважды, вкус такой пищи он позабыл за время скитаний. Он ел кукурузный хлеб, и сорго, и нежных кроликов, поджаренных в сметане с молодым картофелем и овощами на дымящейся сковороде, и кресс-салат, сорванный у источника рядом с домом, а на ужин ему дали свежие, только что снесенные яйца.

Эндрюс ножницами обкорнал ему бороду, потом он брился в окружении глазевших на него ребяташек.

В сумерках они с Эндрюсом сидели на ступеньках, тихо беседуя, и Эндрюс сказал, что знает хорошее место для постройки дома — славное место на противоположном склоне холма с источником и ровной площадкой у излучины ручья, годной для поля. Там был лес для постройки дома — высокие стройные деревья, и Эндрюс сказал, что поможет срубить их. А когда бревна будут обтесаны, соседи помогут поставить дом. Джек наварит кукурузы, Джон принесет свою скрипку, и они весело отпразднуют новоселье. А если соседи не справятся с работой, то можно обратиться за помощью в Большой дом, и мутанты пришлют роботов. Но Эндрюс считал, что их помощь не понадобится. Он сказал, что соседи приятные люди и всегда готовы помочь и рады прибытию новых семей.

А когда дом будет выстроен, говорил Эндрюс, Виккерс может познакомиться с дочерьми Симмонса и выбрать какую-то из них: девушки — одна лучше другой. Эндрюс толкнул Виккерса локтем в бок и заговорщически расхохотался, а Джин, жена Эндрюса, которая на минуту присе-

ла рядом с ним, смущенно улыбнулась и снова отправилась к детям.

После ужина Эндрюс с гордостью показал ему книги, стоящие на полках в гостиной, и сказал, что читает их, хотя раньше никогда не читал, потому что не было ни желания, ни времени. Виккерс нашел среди авторов Гомера и Шекспира, Монтеня и Джейн Остин, Торо и Стейнбека.

– Вы на самом деле читаете все это? – спросил Виккерс.

Эндрюс утвердительно кивнул.

– Читаю, и многие книги мне нравятся. Иногда туговато идет, но я продолжаю читать. Джин предпочитает Остин.

– Нам здесь хорошо, – продолжал Эндрюс. – Мы никогда так не жили.

Джин улыбкой подтвердила его слова.

«Да, жить здесь здорово», – признал про себя Виккерс. Идеализированная и воспетая в книгах жизнь американских первопроходцев со всеми ее преимуществами, но без опасностей и трудностей. Здесь процветал своего рода феодализм, и Большой дом, словно замок, с отеческой заботой опекал окрестные земли, которые кормили нашедших здесь счастье переселенцев. Самое время и ему передохнуть и набраться сил. Здесь царил мир. Никто не говорил о войне, чтобы ее начать или предотвратить.

Как сказал Эндрюс, пасторально-феодалная стадия. А какая стадия наступит за ней? Пасторально-феодалная стадия – пауза для отдыха и раздумий, для приведения в порядок мыслей, для возобновления связи человека с землей, период подготовки к развитию цивилизации, которая была бы совершеннее предыдущей.

Они находились на одной из многих земель.

А сколько их следовало друг за другом? Тысячи, миллионы? И все они были открыты для людей.

Замысел мутантов показался ему ясным, как на ладони, во всей своей простоте и жестокости. И он вполне мог удался.

На одной Земле все складывалось неудачно. Где-то на долгом пути своего развития человек свернул в сторону и пошел по неверному пути. Он был наделен и умом, и талантом, и добротой, но ум и талант обратились в свою противоположность, а доброта – в эгоизм.

Эти славные люди заслуживали спасения. Но спасти их можно было, вырвав из привычного окружения, нарушив сложившиеся связи и представления. Не существовало иного пути покончить с ненавистью, завистью и злом, укоренившимися в сознании за многие поколения.

И сделать это можно было, разрушив мир, в котором они жили. Но взамен следовало создать лучший мир.

Для существования этой идеи необходима была четкая программа, план действий.

Первым делом следовало разрушить экономическую основу. И ее решили разрушить с помощью вечмобилей, вечных лезвий и синтетических углеводов. Достигнуть уничтожения промышленности решили, пустив в производство и выбросив на рынок предметы, которые невозможно воспроизвести и с которыми нельзя конкурировать. А стоило разрушить промышленность, как война становилась почти невозможной и цель оказывалась наполовину достигнутой. Правда, это было сопряжено с чудовищной безработицей. И людей кормили синтетическими углево-

дами и завлекали на другие Земли. Не хватит места на Земле-2, можно использовать Землю-3, а может, и Землю-4, чтобы никто никому не мешал. На новых Землях все начинали сначала и можно избежать ошибок и предотвратить опасности, которые в течение веков вели к кровопролитиям на старой Земле.

На новых Землях становилось возможными любые формы цивилизации. Можно было экспериментировать, создавая одну цивилизацию на Земле-2, несколько отличную от нее – на Земле-3, совсем иную – на Земле-4. Столетия спустя, сравнив эти цивилизации, обработав все данные и выделив каждую ошибку, можно было внести поправки. Так со временем удастся подойти к наилучшей форме.

На Земле-2 первым шагом стала пасторально-феодальная цивилизация. Здесь создали место для передышки, место для воспитания и размышлений. Кое-что изменится или будет изменено. Сыновья человека, под чьей крышей он нашел приют, построят себе лучший дом и, наверное, пожелают, чтобы их поля обрабатывали роботы, они оставят себе больше досуга, а народ, у которого есть досуг, энергия которого направляется добрыми намерениями, может построить рай и на одной Земле и на многих Землях,

В газетной статье, которую он прочел однажды утром, – неужели это случилось всего несколько дней назад? – говорилось, что власти обеспокоены массовыми исчезновениями людей. Автор ее писал, что бесследно исчезают целые семьи. Единственное, что между ними было общего – это крайняя бедность. И именно их, самых обездоленных

людей, лишенных крова, работы, нередко больных, в первую очередь переселяли на новые Земли, следующие за неуютной Землей.

А те, кто останется на старой Земле, освободившись от нежелательного соседства, найдут свой путь и тоже построят лучшую жизнь.

«Прекрасную, — подумал он. — Прекрасную, но как быть с андроидами? Однако начнем сначала».

Мутанты были всегда. Не будь их, человек навсегда остался бы маленьким пугливым животным, скрывающимся в джунглях, лазающим по деревьям, животным трусоватым и незаметным.

В результате мутации на передних конечностях появился большой палец, который противостоял остальным пальцам. В результате мутаций маленький мозг стал сообразительнее. Одна мутация позволила овладеть огнем. Другая — привела к изобретению колеса. Третья — к луку и стрелам. И так от тысячелетия к тысячелетию. От мутации к мутации росла лестница, по которой взбиралось человечество.

Но существо, которое покорило огонь, не знало, что оно мутант. Не знали этого и изобретатель колеса, и первый лучник.

Во все века существовали мутанты, которые и не подозревали о своих отличиях от остальных, — люди, которым все удавалось лучше, чем другим: великие дельцы, великие государственные деятели, великие писатели, великие художники, они стояли настолько выше других, что на общем фоне казались гигантами.

Может, и не все они, но большинство из них были му-

тантами. А их превосходство по сравнению с возможностями сводилось к минимуму, так как они ограничивали себя, приспособляясь к социальному и экономическому уровню обычных людей. Их способность приспособляться и казаться меньше, чем есть на самом деле, также говорила об их превосходстве. И хотя успехи этих людей по меркам обычного человека были велики, превосходство это не было всепобеждающим: они не могли обнаружить своего истинного состояния, так как не были бы поняты.

А вдруг человек осознает, что он мутант, и получает неоспоримое свидетельство этого, что происходит тогда?

Предположим, человек обнаруживает в себе способность читать мысли разумных существ, населяющих планеты иных Солнечных систем. Такая способность явится бесспорным доказательством мутации. Если, общаясь со звездами, человек почерпнет какую-то ценную информацию, к примеру, принцип действия машины, работающей без трения, он больше уже не сможет жить по-старому, оставаясь на своем прежнем месте. Осознав свою сущность, он почувствовал необходимость идти своим непроторенным путем.

Или, допустим, человека приведет в ужас услышанное на звездах. И вот, ощутив свое одиночество, такой человек испытывает необходимость поделиться полученной информацией, почерпнутой в глубинах пространства. Он приступит к поискам подобных себе мутантов, которые смогут его понять. Это непросто, но он находит их. Сначала одного, а потом и других. Пусть не все они могут «беседовать» со звездами, но у них есть иные таланты. Одни окажутся «богами» в электронике, другие постигнут

смысл странной связи времени и пространства, допускающей наличие многих миров, следующих один за другим бесконечной и чудесной чередой.

И среди них окажутся женщины. Сообщество мутантов станет расти за счет рождения детей с закрепленными свойствами родителей, так что через несколько десятилетий уже сотни неординарных людей поставят свои способности на службу общему делу.

Используя информацию со звезд и собственные таланты, они смогут получить средства для продолжения своих работ.

Сколько используемых повседневно товаров создано расой мутантов на сегодняшний день?

Со временем организация мутантов разрастется, их деятельность станет заметной, и им придется искать надежнее убежище, чтобы успешно продолжать свою работу. А что может быть надежнее, чем другой мир?

Лежа на матрасе из кукурузной шелухи и уставясь в темноту, Виккерс восхищался силой своего воображения, хотя, строго говоря, это нельзя было назвать воображением, это было что-то, что он уже знал прежде. Но откуда он мог это знать?

Быть может, секрет крылся в особенности его мозга андроида? Или он узнал все это в какой-то период жизни и напрочь забыл, как забыл свое путешествие восьмилетним мальчишкой в сказочную звездную страну? А может, он обладал наследственной памятью, переходящей к ребенку от родителей подобно инстинкту. Но ведь у андроида не могло быть родителей.

У него не было родителей, он не принадлежал к какой-

либо человеческой расе, будучи лишь карикатурой на человека, созданной для определенной цели, которой он пока не знал.

Какую миссию могли возложить на него мутанты? Какие способности использовать?

Он был уязвлен — употребить его для выполнения неизвестных ему задач. И Энн служила для каких-то целей, о которых и не подозревала.

За производством вечмобилей, вечных лезвий, синтетических углеводов крылись грандиозные цели. В планы мутантов входило спасение и новое становление сообщества людей, ныне идущих по неверному пути. Они стремились создать мир или миры, где война не только будет объявлена вне закона, но и станет попросту невозможной, где не будет места страху и неуверенности в завтрашнем дне. Но какова роль, которую предназначили в этой программе ему, Джею Виккерсу?

В доме, где его приютили, закладывались основы, может, несколько примитивные, этой программы. Через два-три поколения потомки этой семьи созреют для машин и прогресса, достойных человека.

Мутанты отнимут у человечества опасные игрушки и припрячут их, пока его дети не станут настолько мудрыми, чтобы не поранить ими себя или соседа. Они отнимут у малыша игрушки подростка, которые в младенческих руках могут причинить зло, а когда ребенок повзрослеет, они вернут ему эти игрушки, наверняка улучшив их.

И будущая цивилизация, направляемая мутантами, уже не будет механистической цивилизацией, это будет цивилизация, построенная на иных социальных и экономиче-

ских основах, на духовном и художественном началах, и в ней найдется место для машин. Мутанты поддержат пошатнувшегося человека, вернут ему давно утерянное равновесие, и годы, потраченные на эту переделку, не пропадут даром, они сторицей окупятся будущим человечества.

А если это только мечты, ничего не значащий сон наяву? Куда важнее теперь то, что совершит он, андроид по имени Джей Виккерс.

Но, прежде чем что-то предпринять, следовало лучше понять происходящее, располагая фактами. Ему нужна была информация, но он не получит ее, если останется на чердаке в доме новых первопроходцев, где так хорошо отдыхать на матрасе из кукурузной шелухи.

Он мог получить нужную информацию лишь в одном месте.

Он бесшумно встал с постели и в темноте стал на ощупь искать свои лохмотья.

37

Дом стоял с темными окнами, залитый лунным светом, и на его фасаде чернели тени деревьев. Виккерс замер перед калиткой, стараясь вспомнить, как все здесь выглядело тогда. Он вспоминал, как свет луны оттенял белизну колонн, придавая им призрачную красоту, какие слова они говорили друг другу...

Но все умерло и было погребено — осталась лишь горечь сознания, что он только жалкое подобие человека.

Он открыл калитку, прошел по аллее и поднялся по ступеням. Шаги его были так звонки в этой тишине лунной ночи, что, казалось, их слышит весь дом.

Он нашел кнопку звонка, нажал ее указательным пальцем и застыл в ожидании, как в прошлый раз. Но теперь он не ждал Кэтлин, которая бы распахнула дверь ему навстречу,

В холле блеснул свет, и через стекло он увидел человекоподобное создание, которое направлялось к нему. Дверь открылась, он вошел, и поблескивающий робот, неловко склонившись пред ним, произнес:

– Добрый вечер, сэр.

– Вы Айзекайя? – спросил Виккерс.

– Айзекайя, сэр, – подтвердил робот. Вы видели меня утром.

– Я гулял, – сказал Виккерс.

– Если желаете, я покажу вам вашу комнату.

Робот повернулся и стал подниматься по винтовой лестнице. Виккерс последовал за ним.

– Превосходная ночь, сэр, – произнес робот.

– Да, чудная.

– Вы голодны, сэр?

– Нет, спасибо.

– Я могу принести вам поесть, если вы не ели, – предложил Айзекайя. – Кажется, еще осталась курица.

– Нет, – сказал Виккерс. – Спасибо.

Айзекайя открыл дверь и включил свет, затем отошел в сторону, пригласил Виккерса войти и спросил:

– Быть может, вы хотите выпить?

– Чудесная мысль, Айзекайя. Шотландского виски, если можно.

– Минуточку, сэр. Пижамы лежат в третьем ящике сверху. Может, они великоваты, но вам подойдут.

Он нашел почти новые пижамы, уродливые и слишком просторные, но это было лучше, чем ничего.

В уютной комнате стояла широкая кровать, покрытая белым стеганым покрывалом, а на окнах висели белые занавески, колыхавшиеся от ночного ветерка. Он уселся на стул в ожидании Айзекайи и впервые за много дней ощутил усталость. Сейчас он выпьет виски, заберется в постель, а утром шумно сойдет вниз и потребует объяснений.

Дверь открылась.

Но это был не Айзекайя – вошел Гортон Фландерс в малиновом халате и шлепанцах, которые хлопали при каждом его шаге. Он пересек комнату, сел на второй стул и посмотрел на Виккерса с легкой улыбкой.

– Итак, вы вернулись, – начал он.

– Я вернулся, чтобы выслушать вас, – произнес Виккерс. – Можете начинать.

– Почему бы и нет, ради этого я и встал. Как только Айзекайя сообщил мне о вашем возвращении, я понял, что вы хотите поговорить со мной.

– Я не хочу говорить. Я хочу выслушать вас.

– О да, конечно. Говорить действительно должен я.

– И не о запасах знаний на иных мирах, которые вы столь красочно живописали, а о гораздо более земных делах.

– О чем, к примеру?

– К примеру, о том, что я – андроид, как Энн Картер. О том, кто такая Кэтлин Престон. Существует ли она в действительности или только в моей памяти? Если существует на самом деле, где она сейчас? И наконец, о моей роли во всей этой истории и о ваших намерениях.

Фландерс кивнул.

– Неплохо. Вы умудрились задать именно те вопросы, ответ на которые не принесет вам удовлетворения.

– Должен вам сообщить, – сказал Виккерс, – что на той Земле на мутантов ведется охота, их убивают, магазины технических новинок разбиты и разграблены, обычные люди готовы к борьбе. Я явился сюда, считая, что я – мутант.

– Вы и являетесь мутантом, уверяю вас, Виккерс, особый тип мутанта.

– Мутант-андроид.

– Вы невозможны, – сказал Фландерс. – Отбросьте горечь...

– Да, конечно, я испытываю горечь, – перебил Виккерс. – А как же иначе? Сорок лет я считал себя человеком и вдруг узнаю, что не являюсь им.

– Глупец, – перебил Горгон Фландерс, – вы сами не знаете, кто вы.

Айзекайя, постучав в дверь, вошел с подносом в руках. Он поставил поднос с двумя стаканами, содовой, кубиками льда и пинтой виски на стол.

– А теперь, – продолжил Фландерс более высоким голосом, – мы можем поговорить как разумные существа. Не знаю, чем это объяснить, но человек становится более цивилизованным, как только берет в руки стакан.

Он сунул руку в карман халата, достал пачку сигарет и предложил Виккерсу. Виккерс протянул руку за сигаретой и обратил внимание, что у него дрожат пальцы. До сих пор он не замечал, в каком напряжении находится.

Фландерс щелкнул зажигалкой и дал ему прикурить. Виккерс затянулся.

– Хорошо, – произнес он. – Сигареты кончились у меня на четвертый день.

Он курил, наслаждаясь ароматом табака и ощущая, как спадает нервное возбуждение, и смотрел на готовящего напитка Айзекайю.

– Я слышал ваш утренний разговор, – сказал Виккерс. – Айзекайя впустил меня, и я был свидетелем вашей беседы в соседней комнате.

– Знаю.

– Так все это было разыграно?

– Абсолютно все, – весело подтвердил Фландерс. – Каждое ранящее слово.

– Вы хотели дать мне понять, что я андроид?

– Именно так.

– И мышь вы подослали?

– Мы решили вывести вас из состояния равновесия. А мышь выполняла определенную задачу.

– Она шпионила за мной?

– Еще как. Мышь оказалась превосходным шпионом.

– Меня безмерно возмутило, что вы внушили жителям Клиффвуда, будто я – виновник вашей смерти.

– Следовало вынудить вас уехать оттуда и вернуться в страну вашего детства.

– А откуда вы могли знать, что я поеду туда?

– Друг мой, вы когда-нибудь задумывались о способности предчувствия? Я не говорю о предчувствии, которое позволяет вам сделать верную ставку на бегах или угадать погоду завтра. Нет, я говорю о предчувствии в полном смысле слова. Я говорю о способности интуитивно предвидеть результат воздействия ряда факторов, о способно-

сти точно знать, что произойдет, не размышляя о связи этих факторов между собой. Такая способность равнозначна чтению будущего.

— Конечно. Я не мог не задумываться над этим. Особенно в последнее время.

— И сделали выводы?

— Кое-какие. Но...

— Вы, наверное, сочли подобную способность обычным человеческим свойством, не получившим должного развития. Вы решили, что мы подозревали о его существовании, но его развитие происходит очень медленно и оно находится в резерве, ожидая своего времени.

— Примерно так, но...

— Именно теперь оно нам понадобилось, — прервал его Фландерс. — Таков ответ на ваш вопрос. У нас было предчувствие, что вы туда направитесь.

— Вначале я подозревал Кроуфорда, но оказалось, что он здесь ни при чем.

Фландерс утвердительно кивнул головой.

— Кроуфорд не мог этого сделать. Он слишком нуждается в вас и потому не стал бы запугивать. Здесь предчувствие вас подвело.

— Боюсь, что нет.

— Ваши предчувствия неэффективны, потому что вы не верите в них, — сказал Фландерс. — Вы пока остаетесь в мире логики и доверяете логическим рассуждениям, которые были характерны еще для пещерного человека. Рассматривать проблему под всеми углами зрения, взвешивать все за и против, словно решается арифметическая задача. Вы не верите вашим предчувствиям, и в этом кроется ваша ошибка.

«Да, именно в этом», — подумал Виккерс. У него было предчувствие, что волчок следует запустить на террасе дома Престонов. Тогда ему не пришлось бы долгие дни идти через пустынную страну второго мира. У него было предчувствие, что он должен прислушаться к совету Кроуфорда не трогать вечмобиль. Тогда он избавил бы себя от многих неприятностей. Но, когда у него появилось предчувствие, что он должен отыскать волчок, он тут же бросился на его поиски.

— Как много вы знаете? — спросил Фландерс.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Немного, — признался он. — Я знаю, что существует организация мутантов, что она действует несколько лет, и что человечество отклонилось от привычного пути, как вы говорили мне однажды вечером в Клиффвуде. Организация ушла в подполье, на эти миры, потому что ее деятельность приняла широкий размах и стала привлекать внимание. У вас есть заводы, которые производят товары, подрывающие экономику старого мира. Я видел один из них, там трудятся роботы. Скажите, а на самом деле только роботы?

Фландерс засмеялся:

— Конечно. Мы лишь говорим им, что нам надо.

— А потом эта история со слушанием звезд.

— Мы почерпнули у тамошних обитателей много хороших идей. Но не все из нас способны слушать звезды. Только некоторые — это врожденный талант, телепатия. И как я говорил в тот вечер, не все можно использовать. Иногда мы имеем только отправную точку и все разрабатываем сами.

– А каковы ваши цели? Что вы намерены сделать?

– Этого я вам сказать не могу. Все время открывается масса новых возможностей, появляются новые направления. Мы так близки ко многим великим открытиям. К примеру, бессмертие. Один из слушающих...

– Вы имеете в виду, – перебил Виккерс, – вечную жизнь?

– Почему бы и нет?

«И в самом деле, – подумал Виккерс, – почему бы и нет? Если у вас вечные лезвия и вечные лампочки, почему бы и не иметь вечной жизни? Зачем останавливаться на полпути»?

– А андроиды? – спросил он. – Какова роль андроидов вроде меня? Ведь роль андроида не может быть столь ответственной?

– Для андроидов есть свое поле деятельности, – сказал Фландерс. – В частности, ваша работа – Кроуфорд.

– Что я должен сделать с Кроуфордом?

– Остановить его.

Виккерс рассмеялся.

– Я? Вы знаете, что стоит за его плечами?

– Я знаю, что стоит за вашими.

– Просветите меня.

– Предчувствие, развитое в самой высшей степени. Такой остроты предчувствия нет ни у одного человеческого существа. У вас выше всего развитое и менее всего используемое предчувствие.

– Подождите. Вы забываете, что я не человек.

– Вы были им, – сказал Фландерс. – И снова станете. Когда мы взяли вашу жизнь...

– Как взяли мою жизнь?

– Содержимое вашей жизни, – разъяснил Фландерс, – то, что называется душой, мысли, впечатления, реакции, которые присущи Джею Виккерсу, подлинному Джею Виккерсу в возрасте восемнадцати лет. Мы как бы перелили содержимое из одного сосуда в другой. Мы переместили вас из вашего тела в тело андроида, а ваше настоящее тело храним до того времени, когда вы сможете вернуться в него.

Виккерс чуть не вскочил со стула.

Фландерс успокоил его движением руки.

– Сидите. Вы спросите, зачем мы это сделали?

– А вы мне ответите, – сказал Виккерс.

– Конечно, отвечу. Когда вам было восемнадцать лет, вы не подозревали о своем даре. И мы не в силах были на это повлиять. Если бы мы сказали вам об этом, это ничего бы не дало, вам следовало осознать себя самостоятельно. Мы считали, что процесс займет пятнадцать лет, он затянулся за двадцать, а вы все еще окончательно не пробудились.

– Я мог бы...

– Да, – сказал Фландерс, – вы могли бы расти в вашем собственном теле, но существовал еще один фактор – наследственная память. В ваших генах запечатлена еще одна мутация, встречающаяся столь же редко, как и телепатия. Нам хотелось, чтобы к моменту появления у Виккерса детей, он полностью осознал, что собой представляет и каким даром наделен.

Виккерс вспомнил, как задумался о возможностях наследственной памяти, когда лежал на чердаке дома Эн-

дрюса. Наследственная память, память, переходящая от отца к сыну. Теперь он понял ее механизм. Когда он стал взрослым и — он не мог подыскать более верного слова — пробудился, наступил момент узнать или вспомнить о ней,

— Итак, — сказал Виккерс, — вы хотите использовать этот мой дар против Кроуфорда, хотите, чтобы у меня появились дети, наделенные тем же даром.

Фландерс утвердительно кивнул.

— Думаю, мы поняли друг друга.

— Да. Прежде всего, я должен остановить Кроуфорда. Это нелегкая задача. А какова будет плата?

— Нам есть чем отплатить вам. И думаю, форма оплаты заинтересует вас. Вы спрашивали о Кэтлин Престон. Вас интересовало, существовала ли она, и я могу вам ответить, что существовала. Кстати, сколько вам было лет, когда вы с ней познакомились?

— Восемнадцать.

Фландерс кивнул.

— Прекрасный возраст. — Он глянул на Виккерса. — Не так ли?

— Нам тоже так казалось.

— Вы любили ее, — сказал Фландерс.

— Да, любил.

— И она любила вас?

— Думаю, любила. Я не уверен в этом сейчас. Но думаю, что любила.

— Вы можете удостовериться в этом.

— Вы хотите сказать, что она здесь?

— Нет, — ответил Фландерс, — здесь ее нет,

— Но вы...

— Когда вы выполните работу, вы сможете вернуться в свое восемнадцатилетие.

— Такова ваша плата? Значит, вернуться в свое тело и начать все сначала. Снова стать восемнадцатилетним...

— Это вас не привлекает?

— Думаю, да, — сказал Виккерс. — Поймите, Фландерс, мечты восемнадцатилетнего юноши растаяли. Иметь физически восемнадцать лет еще не все. Грядущие годы и то, что они обещают, и мечты, и любовь, которые идут рядом с тобой по веснам жизни.

— Восемнадцать лет, — напомнил Фландерс, — восемнадцать лет и надежда на бессмертие, и семнадцатилетняя Кэтлин.

— Кэтлин?

Фландерс кивнул.

— Так же, как и прежде? — усомнился Виккерс. — Но так не может быть, Фландерс. Я чувствую фальшь. Ведь что-то исчезло, улетучилось

— Все будет точно так же, — уверенно сказал Фландерс. — Словно и не было всех этих лет...

38

Все-таки он был мутантом, только в облике андроида, и, как ему только удастся остановить Кроуфорда, он снова превратится в восемнадцатилетнего мутанта, влюбленного в семнадцатилетнюю мутантку, и у них будет надежда, что бессмертие станет явью при их жизни. А если так произойдет, то они с Кэтлин смогут вечно совершать прогулки по заветной долине и у них родятся дети-мутанты, наделенные исключительным даром предвидения, и все

они проживут такую жизнь, какой могли бы позавидовать все языческие боги старой Земли.

Он откинул одеяло, вылез из постели и подошел к окну. Застыв у окна, он смотрел на залитую лунным светом долину, по которой когда-то гулял, и видел пустынное место, которое навсегда останется пустынным, что бы ни произошло.

Более двадцати лет он лелеял мечту, и вот, когда она почти стала явью, понял, как она потускнела с годами: невозможно вернуться в тот день 1956 года, человек не в силах вернуть ушедшее.

Нельзя стереть прожитые годы, их нельзя собрать, сложить в уголок, оставить там и уйти. Их можно упрятать в глубины памяти и забыть там, но наступит день и воспоминания вернутся. И тогда и вам станет ясно, что вы прожили не одну, а две жизни.

Это и тревожило – ведь прошлое забыть нельзя.

Скрипнула дверь, и Виккерс обернулся,

В дверях стоял Айзекайя, его металлопластиковая кожа блестела на свету, проникавшем из коридора.

– Не спится? – спросил он. – Могу вам помочь. Принесу снотворное или...

– Вы действительно можете помочь. Я хочу заглянуть в дело.

– В дело, сэр?

– Да, в дело моей семьи. Оно должно быть где-то здесь.

– В архиве, сэр. Я могу его принести. Подождите немного.

– А также дело Престонов, – добавил Виккерс. – Дело семьи Престонов.

– Хорошо, сэр. Подождите.

Виккерс включил свет у изголовья кровати и присел на край постели. Теперь он знал, что делать.

Заветная долина оказалась пустыней. Лунные тени на белизне колонн были мертвым воспоминанием. А аромат роз давно ушедшей ночи унесли ветры пролетевших лет.

«Энн, – сказал он сам себе. – Я веду себя по отношению к тебе как дурак».

– Как ты считаешь, Энн? – спросил он вполголоса. – Мы ругались и ссорились и хоронили нашу любовь под этой пикировкой, и если бы не мои мечты о долине, мечты, которые с каждым годом становились все прозрачнее, хотя и не знал этого, мы бы давно поняли, как обстоят дела.

«Они забрали у нас обоих, – думал он, – врожденное право прожить нашу собственную жизнь в наших подлинных телах, данных нам при появлении на свет. Они превратили нас в подобие мужчины и женщины, и мы шли по жизни словно тени, бегущие по стене. А теперь они хотят отнять у нас право на смерть и сознание выполненного долга. И мы должны прожить лживую жизнь – я как андроид, наделенный жизненной силой человека, который вовсе не является мной, и Энн тоже».

– Порвать с ними, – сказал он. – Порвать со всеми двойными жизнями и состоянием искусственного существа.

Он вернется на ту Землю. Разыщет Энн Картер, скажет, что любит не призрачной любовью при лунном свете и аромате роз, а настоящей любовью мужчины, утратившего пыл юности. Они уедут вместе и проживут свою соб-

ственную жизнь — он будет писать книги, а она — ходить на службу, и они постараются, насколько возможно, забыть, что они мутанты.

Он прислушался к шорохам дома, тихим шорохам ночного дома, которые не слышны днем, когда он наполнен человеческими голосами, и подумал, что при желании этот язык дома можно понять. Дом расскажет вам все, что вы хотите знать — какое было выражение лица у кого-то и как было произнесено то или иное слово, и все, что мог сделать или о чем мог думать человек, находившийся наедине с самим собой.

В деле он не найдет всего того, что хотел бы узнать, там не окажется всей правды, которую он ищет, но там будут сведения о нем и о бедном фермере и его жене, которые были его отцом и матерью.

Дверь открылась и появился Айзекайя с папкой под мышкой. Он протянул папку Виккерсу и в ожидании застыл у стены. Дрожащими пальцами Виккерс открыл папку и на первой же странице увидел:

Виккерс Джей, род. 5 авг. 1937 г., п. ж. 20 июня 1956 г., д. п., в., н. п., скр.

Он не улавливал смысл написанного.

— Айзекайя.

— Да, сэр.

— Что все это значит?

— О нем вы говорите, сэр?

— Вот эти обозначения, — Виккерс ткнул пальцем, — п. ж., и так далее.

Айзекайя наклонился и прочел.

— Джей Виккерс, родился 5 августа 1937 года, переме-

щение жизни 20 июня 1956 года, дар предвидения, ощущение времени, наследственная память, скрытая мутация. Все это означает, что вы еще не пробудились.

Виккерс глянул ниже – там были имена, вклейка о браке, в результате которого он родился.

Чарльз Виккерс, род. 10 янв. 1907 г., конт. 8 авг. 1928 г., пр., в., эл., н. п., пр. ж. 6 февр. 1961 г.

И ниже:

Сара Грэхем, род. 16 апр. 1910 г., конт. 12 сент. 1927 г., пр., ук. об., в., н. п., пр. ж. 9 марта 1960 г.

Его родители. Он попытался расшифровать:

– Чарльз Виккерс, родился 10 января 1907 года, контужен, нет, тут что-то другое...

– Контакт установлен, сэр, – подсказал Айзекайя

– Контакт установлен 8 августа 1928 года, пробужденный, в., эл., что это означает?

– Ощущение времени и электроника, сэр.

– Ощущение времени?

– Ощущение времени, сэр. Другие миры. Все заключено во времени, вам это известно?

– Нет, я этого не знаю, – сказал Виккерс.

– Времени не существует, – разъяснил Айзекайя. – В том смысле, как его понимают обычные люди. Нет беспрерывного потока времени, а есть отрезки времени, как бы секунды, следующие одна за другой. Хотя ни секунд, ни похожих соизмеримых отрезков времени нет.

– Знаю, – сказал Виккерс. И он действительно знал. Он все помнил – объяснение этих миров, следующих друг за другом, когда каждый мир заключен в капсулу своего времени, в какой-то странный и произвольный отрезок

времени, и эти отрезки времени со своими мирами тянулись в прошлое и настоящее, но как далеко тянулась их цепь не мог ни знать, ни предполагать никто из живых существ.

Словно кто-то нажал скрытый выключатель и вся его наследственная память оказалась в его распоряжении, ведь она всегда была в нем, а он не осознавал ее присутствия, как и не осознавал еще в полной мере своего дара передвижения.

– Времени не существует, – продолжал Айзекайя. – Во всяком случае, в понятиях обычного человека. Время состоит из отрезков, и каждый отрезок – одна из фаз столь обширного мира, что человеческая мысль пасует перед ним, отказываясь постигнуть его целиком.

Но само время? Время представляло бесконечной средой, тянущейся в прошлое и будущее, хотя не было ни прошлого, ни будущего. Просто существовало бесконечное множество отрезков, протянувшихся в обе стороны, и каждый отрезок был одной из фаз Вселенной.

На исконной Земле человека кто-то задумался о путешествии во времени, о возможности вернуться во вчерашний день или уйти в завтрашний. Теперь он знал, что такое путешествие возможно, что один и тот же момент времени заключен в своей собственной капсуле, что Земля людей двигалась во временной капсуле с самого рождения до самого конца и что она возникла и вернется в небытие в одном и том же отрезке времени.

Вы могли путешествовать во времени, но ни во вчера, ни в завтра. Если вы обладали неким ощущением времени, вы могли перейти из одного временного отрезка в другой

и тогда оказывались в другом мире, а не во вчерашнем или завтрашнем дне.

Так произошло, когда он запустил волчок, хотя волчок был не при чем – он лишь облегчал переход.

Ом продолжил чтение.

– Пр. ж. Что такое пр. ж., Айзекайя?

– Приостановленная жизнь, сэр.

– Моих отца и матери?

– Их жизнь приостановлена, сэр. До того момента, как мутанты окончательно разработают бессмертие.

– Но они умерли, Айзекайя. Их тела...

– Их тела андроидов, сэр. Мы должны соблюдать внешнюю видимость. Иначе у обычных людей возникнут подозрения.

В комнате словно взорвалась бомба, и истина явилась Виккерсу в своей неприкрытой наготе.

Приостановлена жизнь. Его мать и отец ожидали в состоянии приостановленной жизни дня, когда они обретут бессмертие.

А он, Джей Виккерс, истинный Джей Виккерс, где был он? Его жизнь не была приостановлена, потому что ее переместили из тела истинного Джея Виккерса в тело андроида, находившегося в этой комнате и державшего в руках андроида судьбу своих родителей.

– А Кэтлин Престон? – спросил Виккерс.

Айзекайя отрицательно качнул головой.

– Я ничего не знаю о Кэтлин Престон, – сказал он.

– Но у вас есть дело семьи Престон?

Айзекайя опять покачал головой.

– У нас нет дела Престонов. Я сверился по генерально-

му каталогу. О Престолах нигде не упоминается. Нет никаких Престонов.

39

Итак, принятое им решение оказалось неверным. Перед его внутренним взором встали два родных лица. Он прикрыл глаза и увидел мать, каждую черточку ее лица, вспомнил, в какой ужас привело ее его путешествие в сказочную страну, как ругал его отец и как исчез волчок.

Ведь волчок исчез, и они говорили ему, что у него слишком разыгралось воображение. В конце концов им, по-видимому, трудно было постоянно присматривать за ним, чтобы предотвратить его посещение других миров. Восьмилетний человечек достаточно самостоятелен, чтобы найти себе занятие сразу в нескольких мирах.

Лицо матери и рука отца, с суровой нежностью положенная на плечо, навсегда остаются в памяти человека.

Исполненные доверия, они ждала дня, когда мрак окутает их сознание, но этот мрак будет не концом, а началом жизни, на которую они и не надеялись, когда много лет назад присоединились к маленькой группе мутантов.

Если они так верили в дело мутантов, могла ли быть меньшей его вера?

Имел ли он право отказаться внести свой вклад в создание мира, которому они отдали так много?

А они отдали все, что могли, – свой тяжкий труд, свою негасимую веру, и плоды их жизни должны собрать те, кого они оставили после себя. Он был один из них – и он не мог их предать.

«Каков же будет этот мир?» – спрашивал он себя.

Если мутанты-телепаты раскроют секрет бессмертия, какой мир они создадут?

Предположим, что люди перестанут умирать, но будут ли они жить вечно?

Это уже не будет прежний мир. Мир станет другим, в нем появятся иные ценности и иные стимулы.

Какие факторы будут управлять жизнью вечного мира? Какие стимулы и условия предотвратят его деградацию? Какие постоянно растущие возможности и интересы уберегут его от тупика скуки?

В чем будут нуждаться люди бессмертного мира?

У них будут неограниченные возможности; и они будут существовать всегда, потому что можно открыть следующие и предыдущие миры. А если не хватит этих миров, то есть Вселенная со всеми ее солнцами и солнечными системами — коли Земля есть планета, повторяющая себя до бесконечности, то каждое солнце и каждая планета тоже должны бесконечно повторять себя.

Возьмите Вселенную и умножьте ее на неизвестное число, возьмите все миры всех вселенных и умножьте их на бесконечность, и вы получите ответ. Место найдется всем и всегда.

Появится нужда в бесконечных стимулах и возможностях, и каждый мир предложит столько стимулов и возможностей, что даже вечному человеку не удастся исчерпать их полностью.

Но и это не все — в вашем распоряжении будут бесконечное время и бесконечное пространство, появятся новые отрасли техники, и новые области науки, и новые философские учения — и нигде бессмертному человеку не придется скучать от отсутствия дел и мыслей.

Как вы используете бессмертие, если получите его?

Оно поможет вам сохранить силу. И если ваше племя не так велико и невысока рождаемость, оно не остановится в своем развитии – никто не будет умирать.

Бессмертие поможет сохранить таланты и знания. Вы сможете рассчитывать на всю силу, все знания и все таланты каждого члена племени. Ведь, умирая, человек уносит с собой не только настоящие знания, но и будущие.

«Сколько знаний, – подумал Виккерс, – лишилось человечество из-за того, что кто-то умер на десятилетие раньше? Какие-то знания можно восстановить последующими работами других людей, но какие-то будут утрачены навсегда, какие-то мысли никогда больше не возникнут, как никогда не выкристаллизуются какие-то концепции».

В обществе бессмертных людей такого не произойдет.

Вы могли черпать знания на звездах, вы обладали наследственной памятью, у вас были технические знания, позволяющие производить вечные вещи, а теперь ко всему этому добавлялось бессмертие.

Такова была доктрина. Но доктрина чего? Бесконечной жизни? Вершины знания? Возможности стать богами?

Вернуться на сотню лет назад. Выяснить, что за создание человек. Дать ему огонь, колесо, лук и стрелы, домашних животных и культурные растения, племенную организацию и заложить в его мозг понятие о том, что он хозяин земли. Что скрывалось за всем этим?

Начало цивилизации и зарождение человеческой культуры.

Доктрина мутантов была новой вехой в развитии чело-

вечества, как сто тысяч лет назад такими вехами были покорение огня, изобретение колеса, одомашнивание собак.

Доктрина мутантов не была конечным результатом человеческих усилий; это был новый шаг вперед. Еще один. Еще один шаг в будущее. Человеческий разум был способен еще на многое, но он, Джей Виккерс, не мог представить себе всех масштабов подобного развития, как не мог человек, покоривший огонь и приручивший собаку, представить себе временную структуру последовательных миров.

«Мы еще дикари, — думал он. — И пока сидим в пещере и со страхом вглядываемся через дым костра, охраняющего вход в нее, в безбрежный мрак окружающего мира».

Придет время и люди рискнут рассеять этот мрак, но время еще не пришло.

Бессмертие окажется инструментом, рабочим инструментом. И оно всегда останется только простым инструментом.

Что скрывает мрак за пределами пещеры?

Человеческое неведение своего собственного состояния, смысла своего существования, своих корней и конечных целей.

Извечные, как мир, вопросы,

Быть может, с помощью такого инструмента, как бессмертие, человеку удастся разрешить их, постичь неуловимые законы Вселенной, живой материи и энергии, и это явится следующим шагом в истории человечества, И у человека не останется ни колебаний, ни сомнений, он поймет себя и навсегда откажется от веры, заменив ее знаниями и твердой уверенностью.

А когда человек поставит смерть вне закона, когда ворота смерти захлопнутся навсегда, человеку понадобится разработать и соответствующую концепцию жизни, если он не хочет превратиться в вечного скитальца галактик.

Виккерсу пришлось напрячь все силы, чтобы прервать ход своих мыслей и вернуться к действительности.

– Айзекайя, – обратился он к роботу, – вы уверены?

– В чем, сэр?

– В том, что Престонов нет?

– Уверен, – ответил Айзекайя,

– Кэтлин Престон существовала. Я уверен в ее существовании.

Но откуда он черпал такую уверенность?

Он помнил ее. Фландерс подтвердил ее существование.

Но его память, как и память Фландерса, могла быть определенным образом сформирована.

Кэтлин Престон могла оказаться привнесенным. Эмоциональным фактором, дабы привязать его к этому дому, дабы он никогда и нигде не забыл о своих связях с этим домом.

– Айзекайя, – снова обратился к роботу Виккерс, – кто такой Гортон Фландерс?

– Гортон Фландерс, как и вы, – андроид, – ответил Айзекайя.

40

Итак, они рассчитывали, что он остановит Кроуфорда. И сделает это с помощью своего дара предвидения.

Но проблему следовало рассмотреть всесторонне. Взвесив все факторы, определить силы обеих сторон. Му-

тантам придется вступить в борьбу с промышленной мощью многих стран мира. Опираясь на нее, Кроуфорд и его единомышленники объявили войну мутантам. Кроме того, существовало секретное оружие.

— Отчаяние и секретное оружие, — заявил Кроуфорд, сидя в номере гостиницы. — Но оно недостаточно эффективно, — добавил он.

Прежде всего следовало выяснить, о каком оружии шла речь. И пока это неизвестно, никаких планов строить нельзя.

Лежа на кровати и глядя в потолок, он перебирал факты, систематизировал их, подвергал анализу. Иногда силы обычных людей и силы мутантов казались ему равными, а иногда он видел неоспоримое превосходство одной из сторон.

Рассуждения завели в тупик.

— Так и должно быть, — произнес он вслух. — Рассуждение — инструмент обычного человека.

Следовало воспользоваться своим исключительным даром.

Но как?

Он постарался отрешиться от известных ему фактов, изгнать их из своих мыслей и ни о чем не думать. Лежа в постели и глядя во тьму, он физически ощущал, как наперекор желанию они теснятся в его мозгу.

Вдруг с особой отчетливостью проступила мысль о войне. Он остановился на ней. Мысль стала весомей и овладела им.

Война, но война, совершенно отличная от тех войн, которые до сих пор вело человечество.

Невероятно раздражала необходимость думать о чем-то неопределенном.

Появилась новая мысль — бедность.

Он чувствовал, как обе мысли, и о войне и о бедности, словно койоты, кружат во мраке вокруг костра его разума за границей зоны, освещенной интеллектом.

Он хотел прогнать их, но они не желали уходить. Через некоторое время он привык к ним.

«Существует еще один фактор, — подсказал ему засыпающий мозг. — Недостаток рабочих рук у мутантов. Вот почему они создали роботов и андроидов».

Можно было обойти эту трудность. Можно было взять одну жизнь и разделить ее на несколько. Жизнь одного мутанта — растянуть, удлинить, увеличить. Рабочую силу можно было создать, следовало лишь знать, как это делается.

Мысли совсем замедлили свой бег, он почти уснул.

«Я остановлю тебя, Кроуфорд, и получу ответ, я остановлю тебя, я люблю тебя, Энн, я...»

И вдруг, даже не сообразив, спал он или нет, Виккерс встрепенулся и уселся на постели.

Он знал!

Он съежился от прохлады летнего утра, быстро высунул ноги из-под одеяла и ощутил босыми ногами холод пола.

Виккерс бросился к двери, распахнул ее и выскочил на площадку винтовой лестницы, ведущей в холл.

— Фландерс! — крикнул он. — Фландерс!

Откуда-то появился Айзекайя и стал взбираться по ступеням, спрашивая:

– Что случилось, сэр? Вам что-нибудь надо?

– Мне нужен Гортон Фландерс.

Открылась еще одна дверь, и появился Гортон Фландерс с торчащими из-под ночной рубахи худыми лодыжками и всклокоченными волосами.

– Что происходит? – спросил он спросонья. – Что за шум?

Виккерс быстро пересек холл, схватил его за плечи и спросил:

– Сколько нас? На сколько частей разделена жизнь Джея Виккерса?

– Может, вы перестанете трясти меня?

– Как только вы мне скажете правду.

– С удовольствием, – сказал Фландерс. – Нас трое. Вы, я и...

– Вы?

– Конечно. Вас это удивляет?

– Но вы намного старше меня.

– С синтетической плотью можно делать чудеса, – промолвил Фландерс. – Тут нечему удивляться.

«Действительно, ничего удивительного», – согласился вдруг про себя Виккерс, словно всегда знал это.

– Кто третий? – спросил он. – Вы сказали, нас трое. Кто он?

– А вот этого я вам сообщить не могу, – ответил Фландерс. – Я и так сказал слишком много.

Виккерс разозлился, схватил Фландерса за ворот ночной рубашки и сдавил его.

– Насилие вам нее поможет, – сказал Фландерс. – Не надо насилия, я вам сказал все это лишь потому, что кризис наступил быстрее, чем мы предполагали. Вы еще не

готовы знать все. Недостойны. Мы слишком многим рискуем, заставляя вас развиваться так быстро. Больше я вам ничего не скажу.

– Недостоин! – вскипел Виккерс,

– Не готовы. Вам следовало предоставить больше времени. А сейчас отвечать на ваши вопросы и говорить с вами просто-напросто невозможно. Это повлечет за собой лишние трудности. Снизит вашу эффективность и действенность.

– Но я уже все знаю, – зло сказал Виккерс. – Готов я или не готов, но я знаю, как взяться за Кроуфорда и его друзей, а это значительно весомее того, что сделали все вы, несмотря на уйму потраченного времени. Ответ у меня готов, и вы надеялись, что я его найду. Я знаю их секретное оружие и знаю меры защиты. Вы мне сказали, что надо остановить Кроуфорда, и я могу его остановить.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверен. Кто третий?

В мозгу Виккерса уже зрело подозрение, странное подозрение.

– Я должен знать, – сказал он.

– Именно этого я вам не могу сообщить. Никак не могу, – повторил Фландерс.

Виккерс отпустил ворот ночной рубашки Фландерса, а потом и вовсе уронил руки. То, что начало обретать контуры в его мозгу, разрывало душу, и с каждым мгновением мучения становились все сильнее. Он медленно пошел прочь.

– Да, я уверен, – повторил Виккерс. – Я уверен, что знаю все ответы. Я их знаю, но что это мне дает?

Он вернулся в свою комнату и захлопнул дверь.

В какой-то момент словно вспышка осветила мозг. Воспоминание о Кэтлин Престон, которое могло быть вымыслом, и запечатленная в его мозгу прогулка по заветной долине долгие годы мешали ему понять, что он давно любит Энн Картер, а она платит ему взаимностью.

Потом он узнал, что его родители находились в состоянии прерванной жизни и ждали возвращения в мир любви и взаимопонимания, которому они так много отдали.

Он не мог их предать.

«Быть может, — сказал он сам себе, — это к лучшему, ибо есть новый фактор — умение делить одну жизнь на несколько частей».

Такой метод был разумен и, по-видимому, приносил свои плоды — ведь у мутантов не хватало рабочих рук и приходилось наилучшим способом использовать имеющиеся средства. Вы передаете роботам то, что им можно доверить. А жизнь каждого мутанта делите, получая несколько личностей, помещенных в тела андроидов.

Он не был самим собой, он представлял часть другой личности — треть подлинного Джея Векерса, чье тело ожидало дня, когда в него будет возвращена жизнь.

Энн Картер тоже не была сама собой, а представляла часть другой личности. Быть может, он впервые позволил своему подозрению оформиться: она была частью Джея Векерса и вместе с Фландерсом разделяла жизнь, бывшую некогда единой.

Три андроида несли в себе некогда единую жизнь — он, Фландерс и еще кто-то. Его не переставал терзать вопрос — кто же все-таки этот третий?

Все трое, они были связаны одной нитью, составляя почти одно целое, и в какой-то день три их жизни вернутся в тело подлинного Джея Виккерса. А когда это произойдет, кто станет новым Джеем Виккерсом? Или им никто не станет – быть может, возвращение будет равносильно смерти всех троих и возобновлению сознания прежнего Джея Виккерса? Или все они смешаются, и в воскресшем Джее Виккерсе будут сочетаться его черты, черты Фландерса и черты третьего, неизвестного?

А как же его любовь к Энн Картер? Если этим неизвестным человеком была Энн, во что обратится его вдруг вспыхнувшая нежность к ней? Что станет с его нынешней любовью после долгих бесплодных мечтаний?

Он понимал, что, если Энн была этим третьим, они не смогут любить друг друга. Нельзя любить самого себя, как другого человека. Невозможно любить какую-то грань самого себя, как невозможно, чтобы эта грань любила вас. Нельзя любить человека более близкого вам, чем сестра или мать...

Дважды он испытал любовь к женщине и дважды ее у него отняли – он оказался в ловушке, и у него не оставалось иного выбора, как выполнить свою задачу.

Он сказал Кроуфорду, что явится к нему, когда узнает, что происходит, и расскажет все, чтобы найти компромисс, если он возможен.

Теперь он знал – компромисс невозможен.

Если его предвидение было верным.

Фландерс сказал, что дар предвидения – метод более естественный и более зрелый, чем рассуждения. Он, по словам Фландерса, прямее извилистого пути логических

рассуждений, которыми человечество пользовалось все время своего становления.

И секретное оружие оказалось старым, как мир, – войной, развязанной с расчетливым цинизмом.

«Сколько же войн, – подумал он, – может еще пережить человечество?» И понял – ни одной.

Мутанты – залог выживания человеческой расы. У него самого не осталось ни Кэтлин, ни Энн, ни даже надежды на собственную человеческую жизнь, и он должен был приложить все силы, чтобы уберечь человеческую расу от гибели.

Кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – отозвался Виккерс.

– Завтрак будет подан, – сказал Айзекайя, – как только вы закончите свой туалет.

42

Когда Виккерс спустился вниз, Фландерс уже ждал его в столовой.

– Остальные ушли, – сказал он. – У них дела. А нам надо выработать план действий.

Виккерс ничего не ответил. Он выдвинул стул и сел напротив Фландерса. Фландерс сидел спиной к окну, так что его седые пышные волосы, словно ореол, блестели на солнце.

Одежда по-прежнему выглядела поношенной, а галстук знавал лучшие дни, но старик был все также опрятен,

– Я вижу, Айзекайя отыскал вам кое-какие вещи, – заметил Фландерс. – Не знаю, что бы мы делали без него. Он очень заботлив...

– Не только вещи, но и деньги, – добавил Виккерс. – На комод, рядом с рубашкой и брюками, лежала целая пачка. Я не успел пересчитать, но похоже, в ней несколько тысяч долларов.

– Да, Айзекайя ничего не упускает.

– А зачем мне столько денег?

– Не беспокойтесь, – сказал Фландерс. – У нас их тюки.

– Тюки?!

– Разумеется, мы все время производим их.

– Вы подразумеваете фальшивые деньги?

– О нет, ни в коем случае, – воскликнул Фландерс. – Хотя иногда мы подумывали и об этом. Еще одна стрела для нашего лука.

– Вы хотели наводнить мир фальшивыми деньгами?

– Почему фальшивыми? Мы можем воспроизводить деньги с абсолютной точностью. Бросить в мир сотни миллиардов долларов и посмотреть, что из этого выйдет.

– Замысел ясен, – сказал Виккерс. – Удивлен, что вы не привели его в исполнение.

Фландерс испытывающе поглядел на него.

– Мне кажется, наше поведение вас шокирует.

– В какой-то мере.

Айзекайя принес поднос, на котором стояли стаканы с охлажденным апельсиновым соком, тарелки с яйцами, беконом, гренками с маслом, баночка конфитюра и чашечка кофе.

– Доброе утро, сэр, – сказал он Виккерсу.

– Доброе утро, Айзекайя.

– Вы обратили внимание, – спросил робот, – какое сегодня чудесное утро.

– Конечно.

– Погода стоит исключительная, – сказал робот, – значительно лучше, чем на предыдущей Земле.

Он поставил еду на стол, удалился через качающуюся дверь на кухню и занялся повседневными делами.

– Мы оставались людьми, – сказал Фландерс, – пока это было возможно. Но мы делали наше дело и со временем стали наступать кое-кому на ноги. Теперь мы, наверное, станем порезче, ведь и с нами не церемонятся. Окажись Кроуфорд и его банда помягче, все прошло бы мирно и спокойно, и мы никому не причинили бы зла. Через десять лет все было бы проще. Через двадцать лет это было бы детской забавой. Но сейчас нет ни уверенности, ни простоты. В данный момент речь идет чуть ли не о революции. Имей мы двадцать лет, тот же процесс прошел бы, как эволюционный.

Будь у нас время, мы бы взяли контроль не только над промышленностью и финансами. Кризис разразился слишком рано.

– Теперь нам нужен, – вставил Виккерс, – контр-кризис.

Фландерс, казалось, не слышал его,

– Мы создали множество фиктивных компаний, – продолжал он. – Следовало создать их еще больше, но нам не хватало исполнителей, даже для созданных фирм. Иначе мы открыли бы громадное количество компаний по производству самых необходимых вещей. Но мы нуждались в наших людях в других местах, в наиболее критических точках. Следовало искать других мутантов, которые могли бы присоединиться к нам.

– Мутантов должно быть много, – сказал Виккерс.

– Их действительно немало, – согласился Фландерс, – но большинство из них настолько вросли в жизнь и дела обычного мира, что не могли порвать с ним. Возьмите, например, мутанта, женатого на обычной женщине. Мы не можем разбивать счастливый брак, просто по гуманным соображениям. А если мутантами являются дети? В такой ситуации остается только ожидание. С ними можно вступать в контакт, когда они вырастают и покидают родное гнездо, но не раньше.

Возьмите банкира или промышленника, на чьих плечах лежит целая экономическая империя. Скажите ему, что он мутант, и он расхохочется в лицо. Он нашел свое место в жизни. Он доволен собой, весь идеализм или либерализм его юности исчез, подавленный его воинствующим индивидуализмом, его устраивает созданный им образ жизни, и что бы вы ни предложили, это не заинтересует его.

– Вы можете расплатиться с ним бессмертием.

– У нас пока его нет.

– Вам следовало бы организовать атаку на них на правительственном уровне.

Фландерс отрицательно покачал головой.

– Не удалось. Мы сделали несколько попыток, но тщетно. Будь у нас тысяча ключевых мест в правительствах, мы бы победили легко и быстро. Но у нас не было тысячи мутантов для правительственных и дипломатических постов.

Самыми разными методами мы преодолевали один кризис за другим. Углеводы изменили ситуацию, которая могла обернуться войной. Но мы недостаточно сильны и у

нас не хватало времени для нормального воплощения хорошо отработанной долгосрочной программы, поэтому мы стали импровизировать. Мы выпустили наши приспособления, чтобы ускорить развал этой социально-экономической системы и рано или поздно промышленники должны были восстать против нас.

— Но на другое вы и не рассчитывали? — спросил Виккерс. — Вы вмешались...

— Думаю, что мы должны были это сделать, — сказал Фландерс. — Представьте, Виккерс, что вы оперируете больного раком. Чтобы больной выздоровел, его придется резать. И вы вскрыете тело больного без всяких раздумий.

— Несомненно, — подтвердил Виккерс.

— Человеческая раса, — продолжал Фландерс, — и есть наш пациент. У него злокачественный рост отдельных тканей. Мы — хирурги. Пациент будет страдать, потом наступит период выздоровления, и в конце концов он останется в живых, но я сомневаюсь, что человеческая раса переживет еще одну войну.

— Ваши методы довольно жесткие!

— Минуточку! — воскликнул Фландерс. — А вы считаете, что они должны быть иными? Я бы мог согласиться с вами, будь у нас хоть какие-то реальные возможности переговоров.

Представьте, являемся мы перед народом, встречаемся с главами правительств и говорим им, что мы — новая мутация человеческой расы и что наши знания и наши способности выше, чем у них, а потому они должны передать все в наши руки. Как вы думаете, какая реакция нас ожидает? Могу вам сказать. Они вышвырнут нас вон и будут

не так уж неправы. С какой стати они должны просто так поверить нам. У нас не было иного выхода. Мы могли действовать лишь в подполье. Следовало захватить ключевые позиции. Другого пути мы не видели.

— Ваши слова, — заметил Виккерс, — может, и верны в масштабе народов, но подумали ли вы о личности, об отдельном человеке? О том, кто получает ваши удары прямо в живот?

— Эйза Эндрюс был здесь сегодня утром, — сказал ему Фландерс. — Он рассказал, что вы гостили у него и исчезли, и волновался, не стряслось ли с вами чего. Но это другая история. Хочу только спросить, считаете ли вы Эйзу Эндрюса счастливым человеком?

— Безусловно, я никогда не видел более счастливого человека,

— И однако, — сказал Фландерс, — мы с ним не церемонились. Мы отняли у него работу, которая кормила и одевала его семью, мы отняли у него кров. И когда он обратился к нам за помощью, мы знали, что он один из тех, кто по нашей милости остался без работы, кого выбросили из дома на улицу и кто не знал, будет ли у него и его семьи крыша над головой в ближайшую ночь. Мы были виновниками всех его несчастий, и все же он стал счастливым человеком. Таких людей тысячи, мы не церемонились с ними, а сейчас все они счастливы. Счастливы, потому что с ними не церемонились, и подчеркиваю это.

— Но вы не можете отрицать, — возразил Виккерс, — что они дорого заплатили за свое счастье. Я говорю не о потере работы и о подачках им, а о том, что произошло потом. Вы расположились на этой земле, создав здесь так называ-

ему пасторально-феодальную стадию, но забываете, что те, кто прибыл сюда, лишились доброй части материальных преимуществ человеческой цивилизации.

— Мы отняли у них, — сказал Фландерс, — только нож, которым они могли поранить себя или своего соседа. Все, что мы временно отняли у них, будет им возвращено сторицей и с фантастическими процентами. Ибо мы искренне надеемся, мистер Виккерс, что со временем вся раса получит все, чем мы располагаем сейчас. Поймите, мы не чудовища, а человеческие существа, следующий шаг в эволюции. Мы только на день-другой впереди остального человечества. Чтобы выжить, человеку надо измениться, мутировать, перерасти свое сегодняшнее состояние. Мы лишь авангард этой мутации выживания. И, будучи первыми, мы были вынуждены начать борьбу. Мы должны бороться все то время, пока остальное человечество не догонит нас. Расценивайте нас не как маленькую группу привилегированных людей, а как все человечество.

— Человечество, — с горечью сказал Виккерс, — располагает весьма скудными сведениями о вашей борьбе за его спасение. Не случайно оно громит ваши магазины, охотится на мутантов и вешает их на фонарях.

— Здесь на сцене и появляетесь вы, — заметил Фландерс. Виккерс утвердительно кивнул головой.

— Вы хотите, чтобы я остановил Кроуфорда?

— Вы заявили, что способны на это.

— Я вижу пути, — сказал Виккерс.

— Ваши предвидения, друг мой, намного превосходят самые стройные рассуждения.

— Но мне нужна помощь.

– Все, что пожелаете.

– Надо, чтобы некоторые из ваших первопроходцев, людей типа Эйзы Эндрюса, вернулись обратно в качестве миссионеров.

– Это невозможно, – возразил Фландерс.

– Они тоже ведут борьбу, – сказал Виккерс. – Не могут же они сидеть, сложа руки.

– Миссионерская деятельность? Вы хотите, чтобы они вернулись и рассказали всем о других мирах?

– Да, именно так.

– Но им никто не поверит. При тех настроениях, которые царят на Земле, их всех переловят и линчуют.

Виккерс отрицательно качал головой.

– Есть группа людей, которая поверит им, это, как они называют себя, фантазеры. Фантазеры бегут от действительности. Они воображают, что живут во времена какого-нибудь Пеписа или еще кого-то, но даже там не находят покоя и ощущения безопасности. Здесь же мы можем гарантировать полную свободу и безопасность. Здесь они могут вернуться к простой незатейливой жизни без тревог, к которой так стремятся. И как бы фантастично не звучали наши рассказы, фантазеры поверят им.

– Вы уверены?

– Уверен.

– Но это не все? Вам требуется еще что-то?

– Безусловно. Сможете ли вы удовлетворить спрос на огромное количество углеводов?

– Думаю, сможем. Мы перестроим наши заводы. Сейчас никому не нужны ни наши новинки, ни наши углеводы. Для распространения углеводов придется организо-

вать нечто вроде черного рынка. Если мы вновь окажемся там, Кроуфорд и его приспешники не дадут нам работать.

— Только вначале, — сказал Виккерс. — Но ненадолго. Пока с ними в борьбу за углеводы не вступят десятки тысяч людей.

— Как только углеводы понадобятся, вы их получите, — пообещал Фландерс.

— Фантазеры нам поверят. Они готовы верить всему, как бы невероятно это не выглядело. Мы организуем для них некое подобие крестового похода. У вас нет шансов убедить нормальных людей, но большинство беглецов от действительности пожелают расстаться с больным миром. Нужна лишь искра, слово, какое-то обещание подлинного, а не воображаемого бегства. Многие захотят стать жителями второго мира. Как быстро вы сможете перебросить их сюда?

— Как только они явятся к нам, — ответил Фландерс.

— Я могу рассчитывать на это?

— Безусловно. Я не знаю, какие у вас планы, но надеюсь, что ваше предвидение не обманет.

— Вы сами утверждали это, — заявил Виккерс.

— Вы знаете замыслы Кроуфорда?

— Я думаю, он готовит войну. Он говорил о секретном оружии, и я убежден, что речь шла о войне.

— Но война...

— Давайте рассмотрим войну, — предложил Виккерс, — под несколько иным углом зрения, чем обычно смотрят на нее историки. Рассмотрим ее как деловое предприятие. В какой-то мере так оно и есть. Когда страна ведет войну, все трудовые, промышленные и прочие ресурсы мобили-

зуются для одной цели и контролируются правительством. Роль бизнесмена столь же важна, как и роль военного. Банкир и промышленник имеют тот же вес, что и генерал.

Сделаем еще один логический ход и рассмотрим войну в сугубо деловом плане, как средство для достижения определенных целей – захватить и удержать контроль над какими-то областями. Во время войны система спроса и предложения прекращает действовать, гражданские товары практически не выпускаются, и правительство принимает строгие меры по отношению к нарушителям, которые не прекращают производить...

– Машины, – подхватил Фландерс, – вечные лампочки и бритвенные лезвия.

– Совершенно верно. Так они выиграют время, а оно для них не менее важно, чем для нас. Под предлогом войны они могут распространить свой контроль на всю экономику. Война же будет вестись с таким расчетом, чтобы она не переросла во всепоглощающий пожар.

– Это маловероятно. Ну, а что будете делать вы?

– Я вернусь на старую Землю, но я не знаю, где мой волчок...

– Он вам больше не понадобится. Он необходим только новичкам. Стоит вам захотеть, и вы перейдете в другой мир. Теперь для вас такой переход очень прост.

– А если мне понадобится связаться с вами?

– Эб – нужный вам человек, – сказал Фландерс. – Обратитесь к нему.

– Вы возвратите Эйзу и других?

– Возвратим.

Виккерс встал и протянул Фландерсу руку.

– Но вам совсем не обязательно отбывать сию же минуту, – сказал Фландерс. – Садитесь и выпейте еще чашечку кофе.

Виккерс отрицательно покачал головой.

– Мне не терпится приступить к делу.

– Роботы могут отнести вас в район Нью-Йорка в считанные мгновения, – предложил Фландерс. – Можете вернуться на старую Землю прямо там.

– Мне нужно время, чтобы подумать, – ответил Виккерс. – Надо выработать план, вернее предвидение, как говорите вы. Думаю, будет вернее начать здесь и лишь потом двинуться в Нью-Йорк.

– Купите машину, – посоветовал Фландерс. – Айзекайя вручил вам достаточно наличных денег. Эб в случае нужды даст вам еще. Любой другой вид транспорта может оказаться опасным. Они, надо думать, позаботились расставить массу ловушек для мутантов. И они все время на чеку.

– Я буду осторожен, – заверил Виккерс.

43

Грязная комната с паутиной по углам из-за отсутствия мебели казалась больше, чем была на самом деле. Со стен свисали обои, обнажая трещины, которые молниями разбегались от потолка до плинтуса.

А когда-то обои радовали глаз яркими красками, на них, как на лугу, расцветали цветы и дрезденские пастушки пасли своих лохматых овечек. Навощенный пол был покрыт толстым слоем пыли, но чувствовалось, что достаточно смахнуть ее, как он заблестит.

Виккерс топтался посреди комнаты: двери были там же, что и в той столовой. Только дверь в кухню оказалась распахнутой, а окна были прикрыты ставнями.

Он обратил внимание, что отпечатки его обуви на пыльном полу были, и только в центре. Ни один след не вел от дверей.

Рассматривая комнату, он пытался восстановить в памяти ее прежний облик, тот, который она имела не мину-ту, а двадцать лет назад.

А может, это было воображение – навязанное ему во-ображение? Бывал ли он в этой комнате раньше? И суще-ствовала ли Кэтлин Престон?

Он знал, что семья Престонов, бедная фермерская се-мья, жила не далее чем в миле отсюда. Он подумал о своей матери в ее потрепанном платье и темном свитере, об от-це, о его небольшой полочке книг у кровати, о его при-вычке носить широкие брюки и защитного цвета рубашку и читать при скудном желтом свете керосиновой лампы, об их сыне, суматошном мальчугане со слишком развитым воображением, который однажды побывал в сказочной стране.

«Маскарад, – подумал он, – жалкий маскарад». Но это была их работа, и они отдали ей себя; они наблюдали, как рос и выросл их сын, и по тому, как он развивался, виде-ли, что он был не чужаком, а одним из них.

А теперь они, эти двое людей, приспособившиеся к не-заметному будничному существованию простых ферме-ров, столь далекому от их истинного предназначения, ждали дня, когда займут подобающее место в обществе, от которого они отказались ради работы на передовом посту,

неподалеку от большого кирпичного дома, гордо высящегося на холме.

Он не мог их предать и не предаст — у него только один путь.

Он пересек столовую и холл, приблизился к закрытой двери, оставляя позади себя цепочку следов.

Он знал, за дверью не было никого — ни Энн, ни Кэтлин, не было даже места для него самого — ничего, кроме трудных обязательств перед жизнью, которую даже не он выбрал.

Изредка его обуревали сомнения. Это случалось тогда, когда он ехал по стране, наслаждаясь внешней стороной жизни, которую наблюдал. Крохотные деревушки, спавшие в летней ночи, с их велосипедами и опрокинутыми тележками, с их тенистыми аллеями, ведущими к дому, первыми красными пятнами ранних яблок в садах. Знакомый рев громадных грузовиков, несущихся по автострадам. Улыбка официантки, подающей чашечку кофе, когда он остановился перекусить в придорожном ресторанчике. Он убеждал себя, что все хорошо в этих маленьких деревеньках, и у шоферов грузовиков, и у веселой девушки. Мир людей был приятным и добрым, и жить в нем было прекрасно. Мутанты с их планами казались чудовищным кошмаром из дешевого воскресного приложения, и иногда ему хотелось остановиться, бросить машину и навсегда окунуться в эту чудесную жизнь. Для такого человека, как он, здесь вполне могло найтись место; казалось, среди этих кукурузных полей в маленьких придорожных деревушках любой человек мог обрести счастье и безопасность.

Но он отдавал себе отчет в том, что все это было видимостью. Он пытался скрыться от того, что носилось в воздухе. Когда у него возникло желание бросить машину и уйти, он чувствовал в себе тот же страх, что и фантазеры, когда они мысленно бежали в иные времена и веси. Именно эта необходимость бегства заставляла его думать о том, чтобы бросить машину и искать спокойной жизни в этих кулуарных просторах.

Но даже здесь, в сельскохозяйственном сердце страны, не было подлинного мира и спокойствия. Видимое спокойствие и безопасность существовали, если вы не читали газет, не слушали радио, не беседовали с людьми. Он чувствовал, как признаки беспокойства проступают сквозь внешний фасад благополучия — на каждом пороге, в каждом доме, в каждом ресторанчике. Судя по газетам, новости были совсем неважными. По радио комментаторы говорили о новом глубоком кризисе, перед которым стоял мир. Он слушал разговоры людей в холлах гостиниц, где ночевал, и в ресторанах, где ел. Они говорили, качали головами, в их поведении сквозила тревога.

Он слышал:

— Одного не могу понять, почему так быстро изменилось положение. Неделью или две назад, казалось, можно договориться, а теперь все вернулось к прошлому и стало еще хуже.

Он слышал:

— Я всегда говорил, что всю эту историю с мутантами выдумали красные. Мое мнение, что все идет оттуда.

Он слышал:

— Это невозможно. Вчера была война в тысячу миль от нас, и мы жили спокойно и мирно. А завтра...

А завтра, а завтра, а завтра...

Он слышал:

– Если бы все зависело от меня, я бы договорился с этими мутантами.

Он слышал:

– Я бы не церемонился бы с ними ни минуты, черт меня подери. Я бы набрал побольше бомб и показал им.

Он слушал их разговоры и сознавал, что за ними нет и намека на компромисс и взаимопонимание, в них не чувствовалось никакой надежды на то, что войну можно предотвратить.

– Если не сейчас, – говорили они, – то через пять или десять лет она разразится все равно. Так уж чем раньше, тем лучше. Надо только напасть первыми...

И он ясно понимал, что неминуемая ненависть различалась даже здесь, в сердце страны на этих мирных фермах, в маленьких мирных деревеньках, в придорожных ресторанчиках. «И это, – сказал он себе, – не что иное, как крах цивилизации, основанной на ненависти, чудовищном себялюбии и недоверии к каждому, кто говорит на другом языке, ест иную пищу и носит отличную от него одежду».

Это была односторонняя механическая цивилизация грохочущих машин, мир технологии, которая обеспечивает комфорт, но не могла дать человеку ощущения справедливости и безопасности. Это была цивилизация, которая обрабатывала металл, расщепляла атом, создала мощную химию и понастроила сложных и опасных машин. Она сосредоточила свое внимание на технике, совсем забыв о личности, и теперь ничего не стоило нажать кнопку и уничтожить далекий город, не зная и не желая узнать

жизни обычаев, мыслей и надежд, устремлений народа, который ты уничтожал.

Он вел машину, останавливался перекусить и снова садился за руль. Он глядел на кукурузные поля и краснеющие яблони в садах, слушал шум косилок, вдыхая запах клевера, но стоило ему взглянуть на небо, к он ощущал всю тяжесть нависшей опасности, и он понимал, что Фландерс был прав: в любой момент могла разразиться роковая буря.

Но не только новости о приближающейся войне заполняли колонки ежедневных газет и звучали в пятнадцатиминутных комментариях. Непрестанно говорилось об угрозе со стороны мутантов, и народу постоянно внушалось необходимость быть бдительным по отношению к ним. Еще продолжались бунты, еще линчевали мутантов, еще громили магазины технических новинок.

Но появилось и нечто новое.

По всей стране расползались слухи – и в ресторанах, и в магазинах, и в ночных барах больших городов можно было услышать о существовании другого мира, где можно начать жизнь заново, куда можно скрыться от тысячелетней неустроенности нынешнего мира.

Вначале пресса отнеслась к этим слухам недоверчиво, потом появились осторожные статьи со скромными заголовками, а радиокomentаторы, поначалу не менее осторожные, скоро отбросили всякую сдержанность. И через несколько дней сообщения о другом мире и о странных людях с лучистыми глазами, которые разговаривали с кем-то (всегда с кем-то) и утверждали, что явились оттуда, занимали столько же места, сколько сообщения о войне и мутантах.

В мире ощущалась тревога, какая возникает у человека, когда в тишине ночи вдруг раздается резкий звонок телефона.

44

Вечерний Клиффвуд был напоен ароматами, в нем ощущалось что-то домашнее, и, проезжая по улицам городка, Виккерс чувствовал, как его сердце наполняется горечью: это было именно то место, где ему хотелось бы осесть и жить, занимаясь писательством, перенося на бумагу рождавшиеся в мозгу мысли.

Его дом вместе с рукописями, с полочкой любимых книг по-прежнему стоял на своем месте, но он уже не принадлежал ему и никогда больше не будет принадлежать. «Отныне все пойдет иначе, – подумал он. – Земля, исконная Земля человека, Земля с большой буквы недолго служила мне домом и уже никогда не будет им».

Он решил прежде всего навестить Эба, а потом заехать в свой бывший дом за рукописью. «Ее можно передать Энн», – подумал он, но тут же засомневался. Он уверял себя, что ему не хочется встречаться с Энн, но на самом деле это было не совсем так. Он хотел встретиться с ней, но знал, что лучше этого не делать, ибо почти смирился с мыслью, что и он и она были частями одной жизни.

Он остановил машину напротив дома Эба. И, как всегда не без удивления, отметил, как ухожены дом и дворик. Ведь Эб жил один, без жены и детей, а не часто встретишь холостяка в роли столь рачительного хозяина.

Виккерс рассчитывал на минутку заскочить к Эбу, поставить его в известность о происшедшем, о сложившейся

ситуации, договориться о порядке встреч и в свою очередь узнать здешние новости.

Захлопнув дверцу машины, он пересек тротуар и открыл калитку по двор, с трудом справившись с защелкой. Лунный свет, пробивавшийся сквозь листву, пятнами ложился на дорожку. Виккерс приблизился к двери и только тут обратил внимание; в доме ни огонька.

Он постучал в дверь, помня по прежним редким визитам — они иногда играли в покер, — что у Эба не было звонка.

Никто не ответил, Он подождал, постучал еще раз и направился к выходу. Быть может, Эб возился в гараже с какой-нибудь срочной работой или выпивал с друзьями в кабачке.

Он решил подождать Эба в машине. Было бы неосторожно ехать в центр, где его могли узнать.

Кто-то спросил:

— Вы ищите Эба?

Виккерс повернулся на голос. У изгороди стоял сосед.

— Да, — ответил Виккерс. — Я хотел повидать его.

Он пытался вспомнить, кто жил рядом с Эбом, кем мог быть этот человек, мог ли он узнать его.

— Я его старый друг, — добавил Виккерс. — Ехал мимо, решил заглянуть, передать привет.

Человек протиснулся через пролом в изгороди и, приблизившись, спросил:

— А вы его хорошо знаете?

— Да не очень, — ответил Виккерс. — Я виделся с ним лет десять-пятнадцать назад. Еще мальчишкой.

— Эба нет в живых, — сказал сосед.

– Как нет в живых?

Сосед сплюнул.

– Он оказался одним из этих проклятых мутантов.

– Да нет, – запротестовал Виккерс. – Быть того не может!

– Он им был. Был тут и еще один, но тот успел смыться. Его, наверное, предупредил Эб.

Злоба и ненависть, звучавшие в словах соседа, наполнили Виккерса ужасом.

Толпа убила Эба, как убила бы и его, узнай, что он возвратился в городок. И жители городка очень скоро могут узнать, что он вернулся. Стоит этому человеку приглядеться – теперь он вспомнил его – этот здоровяк заведовал мясным отделом в городском магазине. Его звали – впрочем, какое значение имело его имя.

– Нет-нет, – сказал человек, – я вас видал где-то.

– Вы ошибаетесь. Я здесь впервые.

– Я ваш голос...

Виккерс нанес сильный удар снизу вверх, вложив в него весь свой вес. Удар пришелся прямо в подбородок и прозвучал словно хлопок бича. Человек рухнул наземь.

Виккерс не стал ждать, повернулся и бросился к изгороди. Он чуть не сорвал дверцу автомобиля. Резко нажал на стартер, до отказа выжал акселератор, и машина, швырнув гравий из-под задних колес, рванула вперед.

Рука его ныла от сильного удара, и в бледном свете приборного щитка он увидел, что из пальцев сочится кровь.

У него было всего несколько минут – от момента, когда мясник очнется, до момента, когда он сообразит, что

произошло. Как только он встанет на ноги и доберется до телефона, за Виккерсом начнется охота, и в ночь, визжа на поворотах, рванутся машины, набитые людьми с ружьями, пистолетами и веревками.

Он должен удрать от них, И рассчитывать отныне только на себя.

Эб умер — на него напали внезапно, подло, так что он не имел возможности ускользнуть на другую землю. Эба убили, или повесили, или затоптали ногами. А Эб был его единственным связным.

Теперь в живых остались только они с Энн.

И Энн, конечно, не подозревала, что она мутант. Он выскочил на автостраду и понесся, до отказа выжимая акселератор.

Он вспомнил, что милях в десяти к автостраде походит старая заброшенная дорога. Там можно спрятать машину и выждать момент — он мог и не наступить, — чтобы продолжить свой путь. Или лучше скрыться в холмах и дожждаться, чтобы все утихло? «Нет, это опасно», — подумал он. И время будет потеряно.

Следовало скорее встретиться с Кроуфордом и помешать осуществлению его планов. И совершить все в одиночку.

Показалась заброшенная дорога, терявшаяся на середине крутого склона. Он свернул, футов тридцать трясся ни выбоинах, а потом выехал на дорогу.

Спрятавшись за деревьями, он смотрел на проносившиеся автомобили, не зная, были ли в них его преследователи,

Затем показался старенький грузовичок, с пыхтеньем

взбиравшийся на холм. Виккерс успел заметить, что задний борт у него невысокий. Он выбежал на автостраду, догнал грузовичок, подпрыгнул, ухватился сзади и, с силой оттолкнувшись ногами, перелетел через борт. Прополз между ящиками, которыми был заполнен кузов, и сжался в уголке, глядя на убегающую вдаль дорогу.

«Как загнанное животное, — подумал он. — А охотятся за мной люди, считавшиеся некогда моими друзьями».

Миль через десять кто-то остановил грузовичок.

Раздался голос:

— Вы никого не видели на дороге? Какого-нибудь пешехода?

— Никого, — ответил шофер. — Ни единой души.

— Мы ищем мутанта. Он, наверное, бросил свою машину.

— Я думал, мы уже со всеми расправились, — сказал шофер.

— Нет еще. Может, он скрылся в холмах. Тогда его песенка спета.

— Вас будут останавливать еще, — произнес другой голос. — Мы предупредили в обоих направлениях. Нам обещали перекрыть дорогу.

— Ладно, открою глаза пошире, — сказал шофер.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Будьте осторожней.

Когда грузовик тронулся, Виккерс увидел на дороге двоих людей. В лунном свете поблескивали дула их винтовок.

Он передвинул несколько ящиков, соорудив себе

укрытие. Но предосторожности оказались излишними. Грузовик останавливали еще трижды. И каждый раз только луч фонарика скользил по ящикам. Люди не очень усердствовали в поисках, будучи уверенными, что мутанта поймать не так-то просто и он уже давно испарился, как и многие другие мутанты, которых не застигли врасплох.

Но бегства Виккерс не мог себе позволить. Он должен был выполнить на этой Земле свою миссию.

45

Он знал, что найдет в том магазине сборных домов, но все же пошел туда, ибо считал, что там есть надежда установить контакт. Громадная витрина была разбита, а дом разнесли в щепки, словно здесь прошел самум.

Но здесь поработала толпа.

Он стоял перед зияющей витриной, разглядывал разбитый дом и вспоминал день, когда они с Энн зашли сюда по пути на автобусную станцию. Он помнил, что на крыше дома был флюгер в виде утки, во дворе красовались солнечные часы, а на дорожке стоял вечмобиль, но вечмобиля нигде не было. Наверное, его выволокли на улицу и разнесли на куски, как это случилось с его машиной в маленьком городке в Иллинойсе.

Он повернулся спиной к витрине и медленно пошел вниз по улице. «Глупо было, — думал он, — идти в этот выставочный зал, но это был мой единственный, хотя почти безнадежный шанс».

Он повернул за угол и увидел, что в пыльном скверике на другой стороне улицы собралось довольно много народа, слушали человека, стоявшего на скамейке.

Виккерс не спеша пересек улицу и остановился, разглядывая толпу.

– Что произойдет, – спрашивал человек, – когда упадут бомбы? Они призывают вас не бояться. Они призывают вас, отбросив страх, оставаться на своих рабочих местах. Но, что будут делать они сами, когда посыплются бомбы? Разве они помогут вам?

Он перевел дух, а толпа застыла в напряженном молчании,

– Они не придут вам на помощь! – продолжал оратор, чеканя каждое слово. – Они не придут вам на помощь, ибо она вам будет уже не нужна. Вы умрете, друзья мои. Умрут десятки тысяч. Умрут в пламени солнца, которое взойдет над городом. Умрете и обратитесь в прах. Вы умрете...

Вдали послышался вой сирен, и толпа гневно заволновалась,

– Вы умрете, – повторил оратор, – но зачем вам умирать, если вас ждет другой мир. Ключ в этот мир – бедность. Бедность – билет в новый мир. Все, что надо сделать, – это бросить работу и отказаться от всего, абсолютно от всего. Туда можно прийти только с пустыми руками.

Вой сирен приблизился, и толпа заволновалась еще больше. Ее грозный гул напоминал шум листвы под порывистым ветром, предвестником грозы.

Оратор поднял руку, стало тише.

– Друзья мои, вы слышите меня? Вас ждет другой мир. Бедняки пойдут первыми. Бедняки и отчаявшиеся – все те, кому в этом мире нет места. Но вы можете попасть туда только с пустыми руками, без всякого достояния. В этом

другом мире нет бомб. Там все можно начать снова. Целый новый мир, во всем похожий на этот, с деревьями, травой, плодородными землями, дичью в лесах и рыбой в реках. Подлинная страна мечты. И мира.

Сирены были совсем близко.

Виккерс сошел с тротуара и быстро пошел через улицу.

Полицейский автомобиль резко вывернул из-за угла, его занесло, шины завизжали на асфальте, сирена была словно в агонии.

И тут у самого тротуара Виккерс споткнулся и растянулся во весь рост на мостовой. Инстинктивно он встал на четвереньки и увидел, что полицейская машина мчится прямо на него. Он понял, что окажется под ее колесами, прежде чем успеет вскочить.

И вдруг чья-то рука схватила его выше локтя, он взлетел над мостовой и рухнул на тротуар.

Из-за угла, визжа шинами, вылетел второй полицейский автомобиль.

Толпа разбегалась в разные стороны.

Та же рука потянула его за локоть, помогла подняться, и тут Виккерс впервые увидел своего спасителя — человека в драном свитере и с ножевым шрамом на щеке.

— Быстрее, быстрее, — сказал человек, и шрам дернулся в такт словам. У него были блестящие зубы и темные бакенбарды.

Он толкнул Виккерса в узкий проход меж двух кирпичных стен.

Позади шумно дышал его спаситель.

— Направо, — крикнул человек. — В дверь.

Виккерс схватился за ручку, и дверь распахнулась, и

они застыли, шумно и неровно дыша в гнетущей темноте подъезда.

– Еще один не дали закончить, – сказал человек, – полицейские стали быстрее соображать. Не успеешь начать митинг, как...

Не кончив фразы, он взял Виккерса за плечо.

– Идите за мной. Осторожно, ступеньки.

Виккерс пошел за ним, нащупывая ногой ступеньки. С каждым шагом затхлый воздух подвала становился нестерпимей.

У подножия лестницы человек отодвинул в сторону плотную занавеску, и они очутились в слабо освещенной комнате.

В одном углу стояло старое разбитое пианино, в другом – громоздились ящики, а в центре за столом сидело четверо мужчин и две женщины.

Один из мужчин сказал:

– Мы слышали сирены.

Человек со шрамом кивнул головой.

– Чарли только разошелся. Толпа слушала его, затаив дыхание.

– Кто с вами, Джордж? – спросил другой.

– Он убегал, – ответил Джордж. – Его чуть не задавила полицейская машина

Они с интересом посмотрели на Виккерса.

– Как ваше имя, приятель? – поинтересовался Джордж.

Виккерс назвал себя.

– Он свой человек? – спросил кто-то.

– Свой, – сказал Джордж. – Он убегал.

– Осторожность...

– Он – свой человек, – упрямо повторял Джордж, но Виккерс отметил, что за уверенностью его спасителя скрывается неловкость – он только сейчас сообразил, какую глупость сделал, приведя его сюда.

– Хотите выпить? – предложил один из мужчин, и пододвинул бутылку к Виккерсу.

Он сел на стул и взял бутылку.

– Меня зовут Салли, – представилась одна из женщин, та, что была по красивей.

– Рад с вами познакомиться, Салли, – отозвался Виккерс. Он обвел взглядом стол. Остальные не были расположены к знакомству.

Он поднял бутылку и глотнул из нее. Это было какое-то дешевое спиртное. У него перехватило дыхание.

Салли спросила:

– Вы активист?

– Простите?

– Активист или пурист?

– Он активист, – сказал Джордж.

Виккерс видел, что Джордж даже вспотел от сознания совершенной ошибки.

– Не очень-то он похож на активиста, – произнес один из мужчин.

– Я активист, – сказал Виккерс, чувствуя, что от него ждали именно этого ответа.

– Он вроде меня, – проговорила Салли. – Активист из принципа, но пурист в душе. Не так ли? – спросила она.

– Да, – ответил Виккерс. – Именно так.

Он отпил еще глоток.

– Какой у вас период? – спросила Салли.

– Мой период? – переспросил Виккерс. – Ах да, мой период!

И вспомнил белое напряженное лицо миссис Лесли, которая спрашивала его, какой исторический период он считает самым интересным.

– Карл II, – сказал он.

– Что-то вы не спешили с ответом, – подозрительно проговорил один из мужчин.

– Я никак не мог решиться, – ответил Виккерс. – И еле-еле нашел подходящий период.

– Но вы выбрали эпоху Карла II, – заметила Салли.

– Совершенно верно.

– А я, – сказала ему Салли, – ацтеков.

– Но ацтеки...

– Знаю, – согласилась она. – Это не совсем тот выбор? Об ацтеках мало известно. Но зато я могу сама придумать, Так даже интереснее.

Джордж перебил их:

– Все это глупости. Можно писать дневники и воображать себя кем угодно, когда вам ничего делать. А сейчас у нас есть дело.

– Справедливо, Джордж, – подтвердила вторая женщина.

– Вы активисты, здесь неправы, – возразила Салли. – У фантазеров главное – умение уйти из своей эпохи и окружения и окунуться в другую эпоху.

– Послушайте, – начал Джордж. – Я...

– Я согласна, – сказала Салли, – что мы должны работать для этого другого мира. Мы все время ждали этого. Но мы должны отказаться...

– Хватит, – прервал крупный мужчина, сидевший на другом конце стола. – Хватит болтать. Здесь не место для разговоров.

Салли обратилась к Виккерсу.

– У нас сегодня вечером митинг. Хотите пойти с нами?

Он колебался. В скудном свете лампы было видно, что все внимательно смотрят на него.

– Конечно, – ответил он. – С удовольствием.

Он взял бутылку, сделал еще глоток и передал ее Джорджу.

– Отсюда никуда, – сказал Джордж. – Пока полицейские не успокоятся.

Он отпил и передал бутылку соседу.

46

Когда Салли и Виккерс пришли, собрание только началось.

– Джордж тоже будет? – спросил Виккерс.

Салли улыбнулась

– Чтобы Джордж пришел сюда?!

Виккерс кивнул.

– Ну да, это не в его духе.

– Джордж – боец, – сказала Салли, – Горячий человек. Врожденный организатор. Не знаю, почему он не стал коммунистом.

– А вы? Такие, как мы?

– Мы пропагандисты. Мы ходим на митинги. Говорим с народом. Стараемся их заинтересовать. У нас миссионерская работа, мы обращаем их. А после того, как мы их подготовим, ими начинают заниматься такие люди, как Джордж.

Дородная матрона, сидевшая за столом, воспользовалась ножом для бумаг как председательским молотком.

– Простите, – сказала она тягучим голосом. – Простите. Прошу соблюдать порядок.

Виккерс пододвинул стул Салли, затем уселся сам. Люди в комнате притихли,

Помещение, как заметил Виккерс, состояло из двух комнат, гостиной и столовой; застекленные двери, разделявшие их, были раздвинуты, чтобы получилась единая зала.

«Средняя буржуазия, – подумал он. – Достаточно денежная, чтобы не казаться вульгарной, но лишенная элегантности и изысканности истинно богатых людей. На стенах – подлинники, южно-французский камин, старинная, хотя и трудно сказать, какой эпохи, мебель...»

Он мельком оглядел лица, пытаясь определить, кто эти люди. Рядом сидел явно деловой человек. Чуть подальше – мужчина, волосы которого давно требовали стрижки. Он был похож на художника или писателя, скорее всего непризнанного. А вон та загорелая женщина с серо-стальной шевелюрой не иначе, как любительница верховой езды.

Но все это не имело никакого значения. Здесь собрались богатые люди, жившие в респектабельных домах, где портье носит ливрею, но такое же собрание происходило сейчас и в каком-нибудь старом доме, где никогда не было швейцара. И в деревушках, и в маленьких городишках, также собирались люди. Быть может, в доме директора местного банка или парикмахера. И на каждом таком собрании кто-то восседал на председательском месте и требовал порядка. И на каждом таком собрании сидели люди,

похожие на Салли, ждали своего выступления и надеялись обратить других в свою веру.

Председательша произнесла:

– Миссис Стенхоп стоит первой в списке сегодняшних чтецов.

Потом она откинулась в кресле, удовлетворенная тем, что люди успокоились и собрание проходит нормально.

Мисс Стенхоп поднялась, и Виккерс увидел перед собой само воплощение неудовлетворенного женского тела и духа. Ей было лет сорок, широким мужским шагом она подошла к столу. Работа принесла ей финансовую независимость лет пятнадцать назад, и она бежала за призраком, пытаясь укрыться за образом извлеченного из прошлого персонажа.

У нее был чистый и сильный голос, читая, она выпячивала челюсть, словно начинающий оратор, отчего ее шея казалась более худой, чем на самом деле.

– Если вы помните, мой период – Гражданская война, Юг, – сказала она и начала чтение:

– 13 октября 1862 года миссис Хемптон прислала мне свою коляску со старым Недом, одним из немногих оставшихся верными слуг. Другие слуги давно сбежали, оставив ее без всякой помощи. В таком положении находятся многие из нас...

«Бегство от реальности, – подумал Виккерс, – бегство во времена кавалеров и кринолинов, во времена войны, которая сквозь дымку времени стала казаться романтической, а на самом деле сделала глубоко несчастными столько людей, и они хлебнули в той войне и грязи, и крови, и страданий».

Миссис Стенхоп продолжала читать:

— Там оказалась Изабелла, и я была рада видеть ее, ведь мы не встречались уже много лет, с того дня в Алабаме...

Да, это было бегство. Но бегство, ставшее идеальным инструментом для пропаганды другого мира, второй мирной Земли, идущей вслед за этой.

«Три недели, — думал он, — прошло не более трех недель, а они уже успели создать организацию с Джорджами, произносящими речи и устанавливающими связи под страхом смерти, привлекли множество людей для ведения подпольной работы».

Но и теперь, когда им предлагали другой мир и надежду на жизнь, к которой они стремились, люди ностальгически цеплялись за прошлое, пытаясь воскресить его ароматы. Это говорило о сомнениях и отчаянии, они не хотели отбросить мечту из страха, что действительность рассыплется в прах, стоит им коснуться ее.

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— Я целый час сидела у кровати миссис Хемптон и читала ей ее любимую «Ярмарку тщеславия», которую она не раз прочла сама и которую ей несчетно перечитывали со времени ее болезни...

Но если еще многие цеплялись за сладкие мечты, то находились люди вроде Джорджа, активисты, готовые бороться за осуществление надежд, и с каждым днем росло число их приверженцев, поверивших в новый мир, готовых уйти туда и трудиться там. Они будут произносить речи, исчезать при вое полицейских сирен, отсиживать в темных подвалах и возвращаться к своей работе, когда полиция уйдет.

«Наше послание, – думал Виккерс, – в надежных руках».

Миссис Стенхоп продолжала чтение, и председательница сонно кивала головой, по-прежнему твердо держа в руке нож для разрезания бумаг. Одни присутствующие слушали из вежливости, другие – с интересом. Когда чтица закончит, ей зададут вопросы, попросят уточнений и разъяснений, предложат что-то изменить и похвалят за блестящую работу. Потом будут вставать другие, будут читать свои дневники о жизни в другом месте и времени, а все будут сидеть, и слушать, и играть ту же роль.

Виккерс видел всю тщету этих жалких потуг обрести надежду. Комната словно прониклась запахом магнолий, ароматом роз, горьковатым духом воскрешенных из пыли прошлого лет. Когда мисс Стенхоп закончила, в комнате стало шумно: все стали задавать вопросы, она отвечала на них. Он тихо встал и незаметно вышел на улицу.

Сверкали звезды. Они о многом напоминали ему.

Завтра он пойдет к Энн Картер.

И напрасно пойдет – ему не следовало с ней встречаться ни при каких обстоятельствах.

47

Он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Но стоило услышать ее шаги, как он понял, что должен повернуться и исчезнуть. Он напрасно пришел сюда, он знал, что не должен был этого делать, – все следовало начинать сначала, и не было никакой необходимости во встрече с Энн, ведь мечты о ней умерли так же, как и мечты о Кэтлин.

И все же он был обязан прийти, именно обязан. Два-

жды он останавливался у подъезда, поворачивался и уходил. На этот раз он не смог уйти, вошел в дом и теперь стоял у двери, прислушиваясь, как приближаются ее шаги.

Что он скажет ей, когда откроется дверь? Что сделает? Войдет, словно ничего не случилось, словно оба они остались теми же людьми, какими были в их последнюю встречу?

Следует ли сказать ей, что она мутант, более того – андроид, искусственная женщина?

Дверь отворилась, и он увидел перед собой прелестную женщину, такую, какой представлял себе ее всегда. Протянув руку, она втащила его внутрь, захлопнула за ним дверь и привалилась к ней спиной.

– Джей, – выдохнула она. – Джей Виккерс.

Он хотел что-то сказать, но не смог. Стоял, смотрел на нее и думал: «Все неправда. Ложь. Это не может быть правдой».

– Что случилось, Джей? Ты же должен был мне позвонить.

Он непроизвольно протянул к ней руки, и она почти в отчаянии бросилась к нему в объятия. Они стояли, прижавшись друг к другу, и каждый ощущал, что нашел опору в своем несчастье.

– Вначале я решила, что ты просто-напросто свихнулся, – сказала она. – Ты мне столько наговорил по телефону из этого висконсинского городка, что я решила, будто с тобой неладно и ты заговариваешься. А потом стала вспоминать всякие странные вещи, о которых слышала или читала...

– Спокойно, Энн, – сказал он. – Ты не обязана мне все пересказывать.

– Джей, ты никогда не думал, что ты не совсем человек? Нет ли в тебе, чего-то нечеловеческого?

– Да, – ответил он, – я часто так думал.

– Я была уверена в этом. В том, что ты не совсем человек, и это к лучшему. Ведь я тоже не совсем человек.

Он еще сильнее прижал ее к себе. И пока она оставалась в кольце его рук, он чувствовал, что не одинок. Две бедные души, затерянные во враждебном человеческом мире, они могли рассчитывать друг на друга. И хотя между ними не могло быть любви, они должны объединиться против этого мира.

Зазвонил телефон на столе, но они не слышали его.

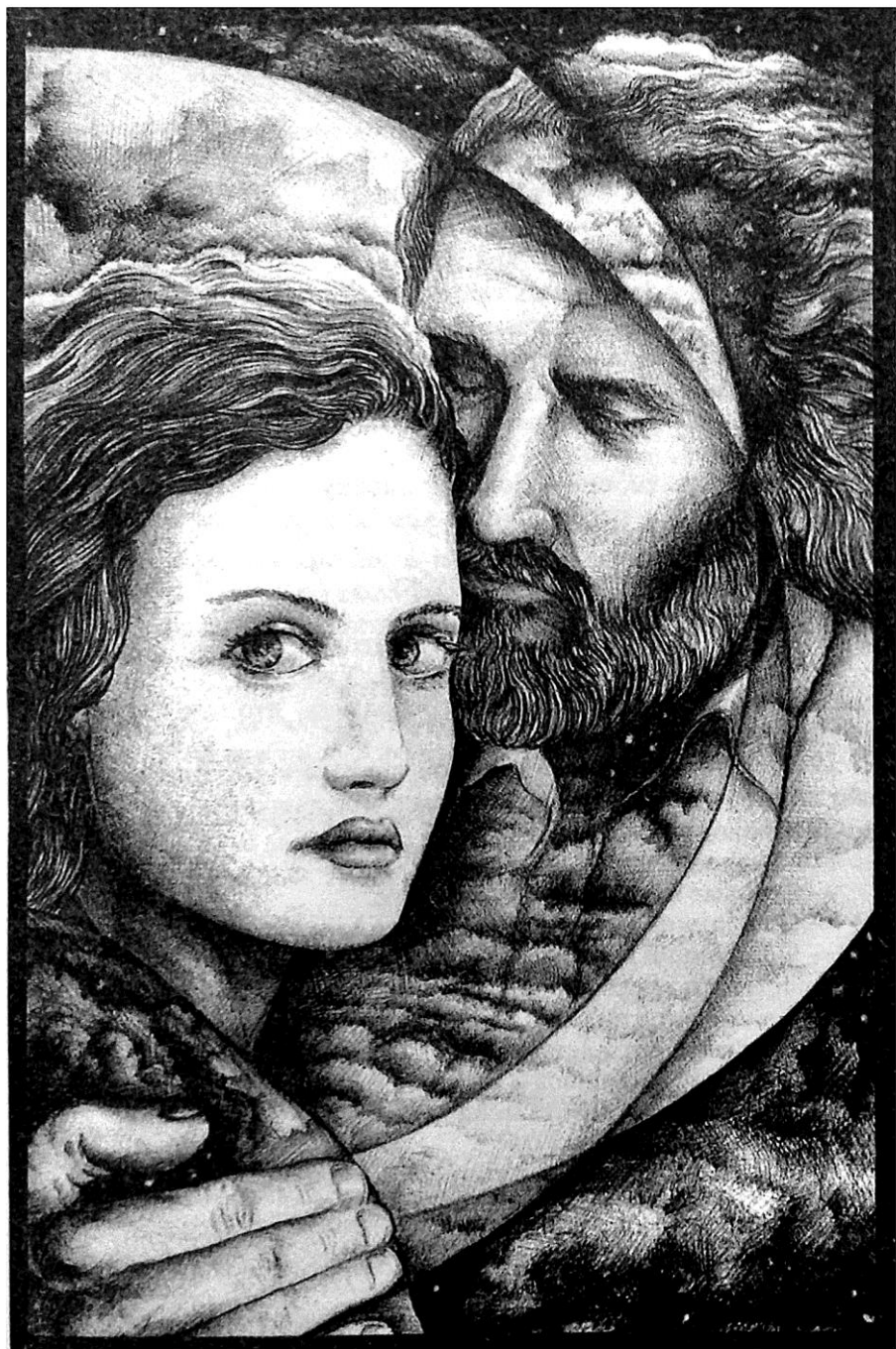
– Я люблю тебя, Энн, – сказал он, и та часть мозга, которая не была им самим, а оставалась холодным наблюдателем, напомнила ему, что он не вправе ее любить. Невозможно, аморально и абсурдно любить кого-то, кто ближе сестры, чья жизнь когда-то была частью твоей жизни и снова вскоре станет ею в облике иной личности, которая, может, и не будет подозревать об их существовании.

– Я вспоминаю, – сказала Энн, – но не могу вспомнить. Может, ты поможешь мне?

Он задал вопрос, и губы его похолодели от страха:

– Что ты хочешь вспомнить, Энн?

– Прогулку с кем-то. Я пыталась, но не могу припомнить его имя, хотя четко представляю его себе, несмотря на прошедшие годы. От большого кирпичного здания на холме мы спускались в долину. Был ясный весенний день, потому что дикие яблони были в цвету, пели птицы. Я никогда не совершала такой прогулки, но отчетливо помню ее. Приходилось ли тебе, Джей, вспоминать то, чего никогда не происходило на самом деле?

– Не знаю, – ответил Виккерс, – Быть может, воображение. Какая-то ассоциация с прочитанным.

«Вот и все, – подумал он. – Вот оно, подтверждение моих подозрений».

Фландерс говорил, что их было трое – три андроида, поделившие между собой одну человеческую жизнь, и эти трое были он, Фландерс и Энн Картер. Ведь Энн вспоминала о долине в тех же выражениях, что и он, но он был мужчиной и помнил, что гулял с женщиной по имени Кэтлин Престон, а так как Энн была женщиной, она должна была гулять с мужчиной, имени которого не помнила. А если она и вспомнит имя, оно не будет истинным. Ведь и он гулял с девушкой, которую звали не Кэтлин Престон, а иначе.

– Но это не все, – сказала Энн. – Я знаю, о чем думают другие, я...

– Прошу тебя, Энн, – сказал он,

– Я никогда не пыталась узнать их мысли, а вдруг поняла, что могу их читать. Я делала и делаю это бессознательно. Я наперед знаю, кто о чем будет говорить. Я знаю их возражения прежде, чем они выскажут их. Знаю, что им нравится. Именно поэтому я хорошо веду дела, Джей. Я проникала в человеческие мысли, и до того дня, когда впервые заподозрила в себе этот дар, я сознательно проверяла себя. Джей, я могу читать мысли!

Он сжал ее еще сильнее и подумал: «Энн – телепат, из тех, кто может разговаривать со звездами».

– Кто мы, Джей? – спросила она. – Скажи мне, кто ты? Телефон продолжал звонить.

– Потом, – сказал он. – Не так уж это плохо. Даже чу-

десно. Я вернулся, потому что люблю тебя, Энн. Я не хотел возвращаться, но не смог. Потому что не вправе...

– Молчи, – прервала она. – Ты сказал сейчас самые нужные слова. Я молилась, чтобы ты вернулся. Когда я узнала, что что-то не так, я испугалась только одного – что ты не сможешь вернуться, что с тобой произошло самое страшное. Я молилась, понимая, что не должна этого делать, и чувствовала себя лицемерной, ведь я неверующая...

Телефон звонил все пронзительнее.

– Телефон, – сказала она.

Он отпустил ее, она подошла к дивану, уселась, сняла трубку, а он стоял и рассматривал комнату, пытаясь принести в порядок мысли.

– Тебя, – протянула она трубку.

– Меня?

– Да. Кто-нибудь знает, что ты здесь?

Он покачал головой, но подошел. Уже взяв трубку, он не спешил подать голос, пытаясь сообразить, кто мог позвонить ему сюда.

И вдруг его охватил страх, он покрылся холодным потом, ибо понял, что только один человек мог находиться на другом конце провода.

Голос произнес:

– Говорит неандерталец, Виккерс.

– С дубинкой и прочим? – спросил Джей.

– С дубинкой и прочим, – сказал Кроуфорд. – Нам следует утрясти одно дельце.

– В вашей конторе?

– На улице вас ждет такси.

Виккерс зло засмеялся и спросил:

- Как давно вы ведете меня?
 - Кроуфорд фыркнул:
 - С Чикаго. Страна наспигована анализаторами.
 - Вы узнаете много нового?
 - Иногда.
 - И по-прежнему верите в ваше секретное оружие?
 - Конечно. Но...
 - Сознайтесь, как другу.
 - Нам следует поговорить со всей откровенностью,
- Виккерс. Я действительно хочу этого, поторопитесь, – Кроуфорд повесил трубку.
- Виккерс отнял трубку от уха и положил на рычаг.
- Звонил Кроуфорд. Он хочет поговорить со мной.
 - Все нормально, Джей?
 - Да. Да, нормально,
 - Ты вернешься?
 - Вернусь.
 - Ты знаешь, что делать?
 - Теперь знаю, – сказал Виккерс. – Знаю.

48

Кроуфорд восседал в кресле рядом со столом. Виккерс вздрогнул, увидев кресло, в котором сидел несколько недель назад, когда приходил сюда вместе с Энн.

– Рад вас снова видеть здесь, – сказал Кроуфорд. – Рад, что мы снова вместе.

– Вас должно радовать, как идут дела. Вы более любезны, чем в нашу последнюю встречу.

– Я всегда любезен. Я неизменно любезен, даже когда испуган или зол.

– Что же вы не схватили Энн Картер?

Кроуфорд покачал головой.

– Нет оснований. Пока.

– Но вы следили за ней.

– Мы следим за всеми вами. Вас осталось не так много.

– Мы можем избавиться от слежки, как только пожелаем.

– Не сомневаюсь, – согласился Кроуфорд. – Будь я мутантом, я бы тоже предпочел скрыться. Но почему?

– Потому что мы выиграли, и вы это знаете лучше других, – Виккерсу хотелось быть уверенным в своих словах хотя бы наполовину.

– Мы можем начать войну, – сказал Кроуфорд, – Стоит только шевельнуть пальцем...

– Вы этого не сделаете.

– Но вы зашли слишком далеко. Вы прижали нас. У нас нет иного выхода. Война – последнее оружие.

– Вы думаете о другом мире.

– Совершенно верно, – сказал Кроуфорд.

Он сидел и в упор глядел на Виккерса своими заплывшими жиром голубыми глазками.

– А что нам остается делать? – спросил он. – Сидеть, сложа руки, и ждать пока ваш каток подомнет нас под себя? Вы выпускаете технические новинки – мы преграждаем вам путь. Хотя допускаю, что наши методы оказались довольно жесткими. Теперь новая попытка. Вы пытаетесь эксплуатировать идею, создать религию, поднять волну фанатизма. Скажите, Виккерс, что кроется за этими рассказами?

– Чистая правда.

– Пока все идет, как по маслу. Даже слишком хорошо. Нужна война, чтобы покончить с этим.

– Вы считаете, что мы занимаемся подрывной деятельностью?

– А как это еще можно называть? – Кроуфорд даже оживился. – Хотя все началось только несколько дней назад, вы добились очень многого. Люди бросают работу, покидают дома, отказываются от денег. Бедность, твердят они, является пропуском в другой мир, Что это за стряпня, Виккерс?

– Что происходит с этими людьми? С теми, кто бросил работу, покинул дом, отказался от денег. Вы пытались узнать, что с ними случилось?

Кроуфорд наклонился вперед.

– Это-то вас пугает. Эти люди исчезли. Мы не успеваем с ними встретиться, как они исчезают.

– Они отправляются на другую Землю.

– Я не ведаю, куда они отправляются, но хорошо знаю, что будет, если это не прекратится. Наши рабочие покидают нас, уже даже не десятками...

– Если вам действительно хочется начать войну, нажмите на кнопку.

– Мы вам не позволим обойти нас, – сказал Кроуфорд. – И найдем средство вас остановить,

Виккерс встал и склонился над столом.

– С вами покончено, Кроуфорд. Мы не позволим вашему миру идти по этому пути. Мы...

– Сядьте.

Мгновение Виккерс разглядывал Кроуфорда, потом медленно сел.

– И вот еще что, – продолжил Кроуфорд. – Я говорил об анализаторах в этой комнате, Так вот, анализаторы стоят не только в этой комнате. Они повсюду: на железнодорожных станциях, на автовокзалах, в холлах гостиниц, в ресторанах...

– Не сомневаюсь. Таким образом вы засекли и меня.

– Я вас предупредил. Не стоит нас недооценивать, хотя мы просто люди. Организованная мировая промышленность может многое и умеет работать быстро.

– Вы сами себя побьете, вам уже известно многое, но вы закрываете на это глаза.

– К примеру?

– Многие ваши банкиры, промышленники и прочие воротилы вашей организации являются теми самыми мутантами, с которыми вы боретесь.

– Я говорил, что стремлюсь к откровенному разговору. Скажите, как вам удастся ввести их в нашу организацию?

– Мы никого никуда не вводили, Кроуфорд.

– Вы не...

– Давайте начнем сначала. Можете ли вы сказать, кто такой мутант?

– Думаю, человек, наделенный некоторыми особыми талантами, лучшими, чем у нас, пониманием вещей.

– Тогда предположите наличие человека-мутанта, не знающего вовсе, что он мутант, и считающего себя обычным человеком. Кем он станет? Врачом, адвокатом, нищим, вором? Однако, кем бы он ни стал, он всегда будет лидером. Выдающимся врачом, удачливым адвокатом, знаменитым редактором или писателем. Но он может оказаться промышленником или банкиром.

Голубые глаза Кроуфорда смотрели на него, не мигая.

– Вы, – сказал Виккерс, – стоите во главе наилучшей в сегодняшнем мире группы мутантов. Люди, с которыми мы не смогли вступить в контакт, потому что они слишком тесно связаны с обычным миром. Что вы можете поделать с этим, Кроуфорд?

– Я им ничего не скажу.

– Тогда это сделаю я.

– Нет, вы не сможете, – сказал Кроуфорд, – потому что лично вы – конченный человек. Как вы думаете, почему вы остались в живых? Только потому, что этого хотел я.

– Вы не думаете, что мы придем к компромиссу?

– Не исключено, но маловероятно. Вы были полезны. Теперь вы опасны.

– Вы спускает на меня своих псов?

– Именно так я и поступлю. Прощайте, мистер Виккерс. Я был рад нашему знакомству.

Виккерс встал со стула.

– Мы еще встретимся.

– В этом я весьма сомневаюсь, – произнес Кроуфорд.

40

Спускаясь в лифте, Виккерс быстро перебирал в уме все возможности.

Кроуфорду понадобится не более получаса, чтобы оповестить всех, что запрет на его безопасность снят, и он станет дичью, которую может пристрелить любой. Иди речь только о нем, все было бы просто, но существовала Энн.

Без всякого сомнения, Энн тоже стала дичью, потому

что теперь, когда кости были брошены и карты открыты, Кроуфорд перешел к игре без правил.

Следовало перехватить Энн. Перехватить, коротко и толково все объяснить, не дав ей возможности задавать вопросы.

Он вышел из лифта вместе с другими пассажирами и заметил, как лифтер бросился вон из кабины к ближайшему телефону.

«Сообщает обо мне», – подумал он. В лифте наверняка стоял анализатор, сигнал которого был понятен лифтеру. Такие анализаторы стояли везде...

Стоило поступить сигналу о присутствии мутанта, как специальная группа начинала охоту за ним. Это был конец – человек не знал о нависшей угрозе. Иначе он бы мог сосредоточиться и мгновенно исчезнуть, как исчезали мутанты, когда люди Кроуфорда хотели встретиться с ними.

Как говорил Кроуфорд? – «Мы звоним и ждем».

Теперь никто не звонил в дверь.

В вас стреляли из засады. Наносили удар исподтишка. Люди знали, кто вы, и сообщали всем, что вас следует убить. И у вас не осталось никаких шансов на спасение – вас никто не мог предупредить.

Так погиб Эб, так погибли и остальные – люди Кроуфорда не давали своим жертвам ни секунды на размышление.

И только его, Джея Виккерса, засекли, но не трогали, То же самое касалось Энн и, может, еще одного или двух мутантов,

Теперь все изменилось. Теперь и он не лучше загнанной крысы,

Он встал на тротуаре и огляделся.

«Нужно такси, — подумал он, — хотя анализаторы наверняка стоят и там». Анализаторы стояли повсюду. И один из них был в доме Энн, иначе Кроуфорду не удалось бы так быстро узнать, где он.

Куда бы он ни пошел, повсюду анализаторы будут отмечать его путь.

Он остановил такси, сел в машину и назвал адрес.

Шофер, оглянувшись, с ужасом смотрел на него.

— Спокойно, — сказал Виккерс. — С вами ничего не случится, если будете вести себя тихо.

Шофер не ответил.

Виккерс подвинулся ближе к дверце.

— Ладно, приятель, — наконец сказал шофер. — Я не стану ничего предпринимать.

— Вот и хорошо, — сказал Виккерс. — Поехали.

Он смотрел на убегающие дома, искоса поглядывая на шофера, не подает ли он каких-либо сигналов, но ничего не заметил.

Он опасался, что его могли ждать в квартире Энн. Но решил рискнуть.

Такси остановилось у дома. Виккерс открыл дверцу и вылез наружу. Шофер рванул машину, не дожидаясь денег.

Виккерс бросился к двери и, миновав лифт, бросился вверх по лестнице.

Подбежав к квартире Энн, он схватил за ручку, повернул ее, но дверь была закрыта на ключ. Он позвонил — никого. Он еще и еще нажал на звонок. Потом отошел к противоположной стене и со всего размаха бросился на дверь.

Она едва покачнулась. Он попробовал еще раз. После третьей попытки замок вылетел и Виккерс растянулся на полу.

– Энн, – крикнул он, вскочив на ноги.

Никакого ответа.

Он побежал по комнатам и никого не нашел. На мгновение застыл на месте, а потом выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице.

Когда он оказался на тротуаре, к дому один за другим подкатили три автомобиля. Из них выскочили вооруженные люди.

Он бросился назад к подъезду и едва не сшиб женщину с хозяйственной сумкой в руках. Узнал в ней Энн и успел заметить торчавший из пакета пучок петрушки.

– Джей! – воскликнула она. – Джей, что случилось? Что это за люди?

– Быстрее проникни в мой мозг, как делала с другими – с теми, чьи мысли читала:

– Но...

– Быстрее!

Он почувствовал, как она схватывает его мысли и ассимилирует их. Что-то ударило в стену над их головами и с визгом улетело вверх.

– Держись, – сказал он. – Мы удираем отсюда.

Он открыл глаза и сконцентрировал всю свою волю, чтобы осуществить переход. Он ощутил дрожь Энн, потом скользнул куда-то и упал.

Он сильно ударился головой обо что-то твердое, из глаз брызнули искры, что-то задело его руку, потом на него рухнул какой-то предмет.

И тут он услышал шелест ветра в листве деревьев и открыл глаза. Он лежал на спине у подножия серой гранитной скалы. На нем покоилась громадная сумка с провизией, из которой торчал пучок петрушки.

Он сел.

— Энн, — позвал он.

— Я здесь, — ответила она.:

— Все в порядке?

— Физически — да, умственно — нет. Что случилось?

— Мы свалились с этой скалы, — сказал Виккерс.

Он поднялся, протянул ей руку и помог встать.

— Но скала... Джей, где мы?

— Мы в другом мире, — ответил Виккерс.

Они стояли и смотрели на расстилающуюся перед ними равнину, пустынную и дикую, в зарослях леса между скалами, валунами на склонах.

— В другом мире, — повторила она. — Эта невероятная история из газет?!

Виккерс кивнул.

— Здесь нет ничего невероятного, Энн. Этот мир существует на самом деле.

— Ну, ладно, где бы мы ни были, обед у нас с собой. Помоги собрать продукты.

Виккерс встал на корточки и принялся собирать картошку, высыпавшуюся из пакета. Пакет разорвался, когда они падали со скалы.

Перед ними был Манхэттен в своем первозданном виде, каким он был до прихода белого человека и до возве-

дения прекрасных и чудовищных зданий. Совершенно нетронутый Манхэттен.

– И все же здесь что-то должно быть, – сказал Виккерс. Мутанты не могли не устроить здесь промежуточный склад для товаров, переправляемых в Нью-Йорк.

– А если склада нет?

Он с улыбкой посмотрел на нее.

– Любишь путешествовать?

– До Чикаго?

– За Чикаго. Хотя мы можем построить плот, если найдем реку, текущую на Запад.

– Должны существовать и другие центры мутантов.

– Несомненно, но, может, именно здесь ничего нет.

Она кивнула.

– Все так странно.

– Ничего странного, – возразил он. – Только неожиданно для тебя. Будь у нас время, я бы все тебе рассказал, но как раз времени у нас в обрез.

– Джей, они стреляли в нас?

Виккерс подтвердил.

– Это специальные агенты.

– Но они же человеческие существа, Джей. Как мы.

– Они не как мы. И такое положение раздражает их. В наши дни этого достаточно,

Виккерс подбросил несколько веток в костер и повернулся к Энн.

– Пошли. Пора трогаться в путь.

– Но, Джей, наступает ночь.

– Знаю. Если на острове что-нибудь есть, мы заметим вспышки света. С холма. Если ничего не увидим, вернемся сюда. Утром снова осмотримся.

– Джей, – сказала она, – мне кажется, что мы на пикнике.

– Не вижу связи.

– Ну, костер, еда на воздухе и...

– Сударыня, забудьте об этом.

Виккерс пошел первым, а она за ним. Ночные птицы грациозно скользили над их головами. Издали донесся лай енота. Вокруг кустов кружили стаи светлячков.

Они забрались на невысокий, но крутой холм и, как только очутились на вершине, увидели огни в дальнем конце острова.

– Вон они, – сказал Виккерс. – Я думал найти их именно там.

– До них далеко. Неужели придется идти пешком?

– Возможно, и нет.

– А как...

– Ты же телепат, – подсказал Виккерс.

Она кивнула.

– Попробуй, поговори с кем-нибудь оттуда. – Виккерс вспомнил, как Фландерс говорил, раскачиваясь в кресле, что для телепатии расстояние значения не имеет – миля или световой год, разницы почти никакой.

– Ты думаешь, я смогу?

– Не знаю. Тебе же не хочется идти пешком?

– Нет, очень далеко.

Они молча смотрели на крошечный островок света в сгущающейся темноте. Он попробовал представить себе расположение зданий. Вон там, на древней Земле стоял Рокфеллер-Сентер, а там раскинулся центральный парк, а дальше в излучине Ист-Ривер – старое здание ООН. А

здесь были только деревья и трава, и ни намека на сталь с бетоном.

– Джей, – шепнула Энн дрожащим от волнения голосом.

– Да.

– Мне кажется, я нащупала кого-то.

– Мужчину или женщину?

– Нет. Вроде робота. Да, он подтверждает, что является роботом. Он обещает прислать кого-нибудь, нет что-нибудь за нами.

– Энн...

– Он просит нас подождать тут. Они сейчас придут.

– Энн, спроси у них, могут ли они сделать фильм?

– Фильм?

– Конечно. Кино. У них есть камера и пленка?

– Но зачем?

– Но зачем?..

– Спроси. У меня возникла мысль, как победить Кроуфорда.

– Джей, ты не вернешься туда!

– Еще как вернусь! – сказал Виккерс.

– Джей Виккерс, я не пущу тебя!

– Ты не можешь задержать меня, – сказал Виккерс. – А теперь сядем и подождем.

Они уселись рядом.

– Я расскажу тебе одну историю, – сказал Виккерс. – Об одном мальчугане. Его звали Джей Виккерс и он был очень-очень юн...

Он вдруг остановился.

– Слушаю тебя, – сказала она. – Продолжай.

– В другой раз. Расскажу попозже.
– Почему? Я хочу послушать ее сейчас.
– Только не при этом лунном свете, – произнес Виккерс. – Не время.

Прежде всего усилием воли он отгородил свои мысли и мозг от еще неумелой Энн и только тогда позволил себе подумать: «А могу ли я сказать ей, что мы ближе друг другу, чем она полагает, что мы вышли из одной жизни и вернемся в одно тело и никогда не сможем любить друг друга?»

Она прижалась к нему, положила голову ему ни плечо и стала смотреть в небо.

– Все проясняется, – сказала она. – И не все столь странно выглядит. И все кажется верным. Новым, но верным. Этот другой мир и все наши способности и странные воспоминания...

Он обнял ее за плечи, она повернула голову и быстро, не раздумывая, поцеловала его.

– Мы будем счастливы, – сказала она. – Мы оба будем счастливы в этом новом мире.

– Конечно, мы будем счастливы, – согласился Виккерс. Теперь он никогда не сможет ей сказать всей правды. Она узнает обо всем, но не от него.

51

В трубке послышался женский голос, и Виккерс попросил к телефону Кроуфорда.

– Мистер Кроуфорд на заседании, – ответила девушка.

– Скажите, что звонит Виккерс.

– Мистер Кроуфорд не сможет... Вы сказали Виккерс? Джей Виккерс?

– Да. Я должен кое-что ему сообщить.

Он ждал, спрашивая себя сколько у него времени, ведь анализатор в телефонной будке должен был уже подать сигнал о его присутствии. Бригада убийц, наверное, была в пути.

Раздался голос Кроуфорда:

– Хэлло, Виккерс.

– Отзовите своих псов, – бросил Виккерс. – Из-за них мы с вами теряем время.

В голосе Кроуфорда послышалась злость:

– Я, кажется, вас предупредил...

– Успокойтесь, – сказал Виккерс. – У вас нет никаких шансов прикончить меня. У ваших людей ничего не выйдет, даже если они загонят меня в угол. А раз не можете убрать меня, лучше со мной побеседовать.

– Побеседовать?

– Конечно.

– Послушайте, я не...

– Вы можете, – возразил Виккерс. – История с другим миром пользуется широким успехом. Фантазеры создали ей отличную рекламу, дело приобретает размах, а ваша позиция становится все более и более шаткой. Пора учиться уму-разуму.

– Я заседаю со своими заместителями, – заколебался Кроуфорд.

– Прекрасно. Именно с ними мне и хотелось бы побеседовать.

– Виккерс, не стоит, вы ничего от них не добьетесь. Что бы вы не замыслили, у вас ничего не выйдет. Живым вас не выпустят. И я ничем не смогу вам помочь, если вы будете упорствовать с вашим безумным замыслом.

– Я иду.

– Вы мне нравитесь, Виккерс. Не знаю почему. У меня нет причин...

– Я иду.

– Хорошо, – устало согласился Кроуфорд. – Вы сами этого пожелали.

Виккерс взял с пола коробку с фильмом и вышел из будки. Кабина лифта была внизу, и он быстро направился прямо к ней, чуть-чуть сгорбившись, словно опасаясь пули в спину.

– Четвертый этаж, – велел он,

Лифтер не моргнул. Анализатор подал сигнал, но, по видимому, по отношению к посетителям четвертого этажа у лифтера были специальные распоряжения.

Виккерс открыл дверь Североамериканского исследовательского бюро и увидел Кроуфорда, который ждал его в приемной.

– Проходите, – сказал Кроуфорд и двинулся вперед по длинному коридору.

Виккерс последовал за ним. Он взглянул на часы. Все шло лучше, чем он ожидал. У него в запасе оставалось две-три минуты. Разговор с Кроуфордом оказался недолгим.

Энн позвонит через десять минут. От того, что случиться за это время, зависел успех дела.

Кроуфорд остановился перед дверью в конце коридора.

– Вы знаете, что делаете, Виккерс?

Он утвердительно кивнул.

– Малейший ложный шаг, и... – присвистнув, Кроуфорд провел пальцем по горлу.

– Понимаю, – сказал Виккерс.

– Это отчаявшиеся люди. Еще есть время уйти. Я не сообщил о вашем визите.

– Не надо меня подзадоривать, Кроуфорд.

– Что это у вас?

– Документальный фильм. С его помощью меня легче поймут. У вас есть кинопроектор?

Кроуфорд кивнул.

– Но нет киномеханика.

– Я все сделаю сам.

– Компромисс?

– Выход.

– Хорошо. Входите.

Шторы были задернуты, в мягком свете Виккерс увидел сидящих за длинным столом людей – их белые лица были повернуты в его сторону.

Утопая в мягком ковре. Виккерс прошел за Кроуфордом через всю комнату. Некоторые лица были ему знакомы.

Справа от Кроуфорда сидел крупнейший финансовый магнат, за ним – частый посетитель Белого дома, выполнявший поручения полудипломатического характера. Были там и другие известные ему лица. Многих он не знал, но их внешний вид говорил о том, что это не американцы.

Итак, здесь собрался административный совет Североамериканского исследовательского бюро – люди, ведавшие судьбами обычных людей, которые решили покончить с мутантами.

– Произошло нечто совершенно неожиданное, – провозгласил Кроуфорд. – Даже невероятное. К нам явился мутант.

В полной тишине сидевшие вокруг стола посмотрели на Виккерса и вновь повернулись к Кроуфорду, который продолжал:

— Мистер Виккерс нам всем знаком. Вы помните, что мы вели с ним переговоры, когда надеялись, что нам удастся преодолеть разногласия между двумя ветвями человеческой расы. Мистер Виккерс явился сюда по собственной инициативе с целью, как он сообщил мне, найти подходящее решение. Он не сказал мне, каков характер решения. Я привел его сюда. Хотите ли вы его выслушать?

— Конечно, — сказал один из присутствующих. — Пусть говорит.

— Может, это к лучшему, — добавил другой.

Остальные кивнули в знак согласия.

Кроуфорд обратился к Виккерсу:

— Говорите.

Виккерс подошел к столу. «Чем быстрее, тем лучше — подумал он. — Если все пойдет хорошо. Только не оступиться. Иначе все пропало. Победа или поражение, промежуточного решения нет, запасного выхода тоже».

Он поставил коробку с фильмом на стол и улыбнулся:

— Это не адская машина, господа. Это фильм, который я хочу вам показать чуть позже.

Никто не улыбнулся. Они смотрели на него, и их лица не выражали ничего, кроме холодной ненависти.

— Вы хотите начать войну, — сказал он. — Вы собрались, чтобы решить, давать ли сигнал или нет...

Побелевшие от напряжения лица наклонились вперед.

Кто-то сказал:

– Виккерс, вы – либо отважный человек, либо круглый дурак.

– Я пришел предотвратить войну.

Он сунул руку в карман, затем быстро вынул и поставил на стол какой-то предмет.

– Это волчок, – пояснил он. – Детская игрушка. Дети играют, вернее, играли с ней. Я хочу остановить ваше внимание на волчке.

– Волчок? – воскликнул кто-то. – Что за абсурд?

Но банкир справа от него мечтательно проговорил:

– У меня был такой же, когда я был мальчуганом. Сейчас их нигде не делают. Я уже давно не видел волчка.

Он протянул руку, взял волчок и запустил его прямо на столе. Остальные с интересом смотрели на него.

Виккерс бросил взгляд на часы. Все шло, как он планировал. Если так пойдет и дальше...

– Вы помните волчок, Кроуфорд, – спросил Виккерс. – Тот, что вы видели тогда в моем номере?

– Помню, – отозвался Кроуфорд.

– Вы запустили его, и он исчез.

– А потом он вернулся.

– Кроуфорд, почему вы запустили волчок?

Кроуфорд нервно облизал губы.

– Почему? По правде говоря, не знаю. Я, наверное, хотел воскресить детство, опять превратиться в мальчишку.

– Вы спросили: «Зачем нужен волчок?»

– Вы ответили: «Чтобы отправиться в сказочную страну», и я сказал вам, что неделей раньше считал бы вас сумасшедшим, и вы то же самое сказали то по поводу нашей с вами беседы.

– Но перед моим приходом вы запустили волчок. Скажите, Кроуфорд, почему вы это сделали?

– Скажи, – вмешался банкир. – Скажи ему.

– Но я уже сказал, ответил Кроуфорд. – Я изложил причины.

Позади Виккерса открылась дверь. Он повернул голову и увидел, что секретарша зовет Кроуфорда.

«Вовремя, – подумал он. – Все идет как по маслу». Энн позвонила и вызвала Кроуфорда из комнаты. В этом заключался его план – в присутствии Кроуфорда его бы постигла неудача.

– Мистер Виккерс, – сказал банкир, – меня заинтересовала эта история с волчком. Какая связь между волчком и интересующим нас делом?

– Я хочу провести аналогию, – сообщил Виккерс. – Между обычными людьми и мутантами существуют некоторые коренные различия, которые станут понятнее после демонстрации волчка. Но прежде я хочу вам показать фильм. Затем приступлю к объяснениям, и вы лучше поймете меня. Разрешите начать?

Он снял коробку с фильмом со стола.

– Конечно, – кивнул банкир. – Приступайте.

Виккерс поднялся по ступенькам в кинобудку, открыл дверь и вошел внутрь.

Надо было действовать быстро и наверняка – Энн не сможет долго удерживать Кроуфорда у телефона, и минут через пять он вернется.

Трясущимися руками он вставил бобину с пленкой, пропустил пленку между линзами, установил нижнюю бобину. Проверил. Кажется, все было в порядке.

Он нашел выключатели и повернул их, световой конус вспыхнул над столом, и на экране появился ярко раскрашенный волчок, он вращался, его полосы появлялись и исчезали, появлялись и исчезали...

Послышался голос:

– Перед вами волчок, простая игрушка, но он создает одну из самых удивительных иллюзий...

Слова звучали верно, Виккерс знал это. Роботы-эксперты нашли верные слова, произнесли их с верной интонацией, придав им точный семантический смысл. Слова найдут своих слушателей, заострит их внимание на волчке с самых первых секунд.

Он тихо спустился по ступеням и направился к двери. Если Кроуфорд вернется, он задержит его на нужное время.

Голос продолжал:

– Теперь, если вы посмотрите внимательно, то увидите, что цветные полосы пересекают тело волчка и исчезают. Ребенок, наблюдающий за цветными полосками, может спросить, куда они идут, и любой другой...

Он считал секунды, Они, казалось, тянулись бесконечно.

Голос продолжал:

– Смотрите внимательно, смотрите внимательно, они появляются и исчезают, появляются и исчезают, появляются и исчезают...

За столом уже осталось только три человека, но они так внимательно смотрели на экран, что не заметили исчезновение остальных, И только эти три человека, по-видимому, не были скрытыми мутантами.

Виккерс тихо открыл дверь, проскользнул в нее и тихо закрыл за собой,

Мягкий вкрадчивый голос остался за дверью:

– Появляются и исчезают, смотрите внимательно, появляются и исчезают...

Кроуфорд тяжелым шагом шел по коридору.

Он увидел Виккерса и остановился

– Что вы тут делаете? – спросил он. – Почему вы ушли?

– Позвольте задать вам вопрос, на который вы так и не ответили. Почему вы запустили волчок?

Кроуфорд кивнул головой.

– Я сам не могу понять, Виккерс. Как это не бессмысленно, но я тоже однажды побывал в сказочной стране. Точно, как вы, когда был ребенком. Я вспомнил об этом после разговора с вами. Может, именно из-за него. Я вспомнил, как сидел на полу, смотрел на вращающийся волчок и спрашивал себя, куда уходят полоски. Вы знаете, они появляются и исчезают, потом появляются другие и тоже исчезают – и я спрашивал себя, куда они уходят, и так увлекся, что последовал за ними и оказался в сказочной стране, где было много цветов. Я сорвал один цветок и, когда вернулся, обнаружил его у себя в руке и понял, что действительно побывал в сказочной стране. Вы знаете, стояла зима и цветов нигде не было, но когда я показал цветок матери...

– Достаточно, – прервал его Виккерс. И в голове его было нескрываемая радость. – Я хотел знать только это.

Кроуфорд уставился на него.

– Вы не верите мне?

– Верю.

– Что с вами, Виккерс?

– Со мной все в порядке.

Третьим человеком была не Энн Картер!

Фландерс, он и Кроуфорд – вот, кто делил между собой жизнь, извлеченную из тела Джея Виккерса.

А Энн?

Энн несла в себе жизнь девушки, которая гуляла с ним по долине, девушки, которую он помнил под именем Кэтлин Престон, но которую звали иначе. Ведь Энн помнила и долину, и прогулку с кем-то по этой весенней долине.

Быть может, их было больше, чем одна Энн. Могло быть три Энн, как было три Виккерса, но это уже не имело значения. Может, Энн на самом деле звали Энн Картер, как его звали Джей Виккерс. Может, это означало, что по возвращении трех частей единой жизни в одно тело в нем будет доминировать его собственное сознание, как сознание Энн в ее подлинном теле.

Теперь он мог любить Энн. Ведь оказалось, что она вовсе не часть его самого.

Энн, его Энн вернулась на эту Землю, чтобы позвонить и вызвать Кроуфорда, который мог заподозрить опасность, увидев вращающийся волчок на экране, а теперь она была уже на той Земле, вне опасности,

– Все в порядке, – повторил Виккерс. – Абсолютно все.

Теперь он тоже может возвращаться – Энн ждет его. И они будут счастливы, как сказала она, когда они сидели на Манхэттенском холме, ожидая роботов,

– Ну ладно, – сказал Кроуфорд, – Пошли в зал.

Виккерс остановил его.

– Нет смысла.

– Нет смысла?

– Ваших заместителей там нет. Они в другом мире. В том, о котором говорят на всех перекрестках.

Кроуфорд глянул на него.

– Волчок!

– Верно.

– Мы начнем снова, – сказал Кроуфорд. – Еще один совет. Еще один...

– Поздно, – прервал его Виккерс. – С этой Землей покончено. Люди покидают ее. А кто останется, не станет вас слушать.

– Я убью вас. Я убью вас, Виккерс.

– Нет, вы не можете этого сделать.

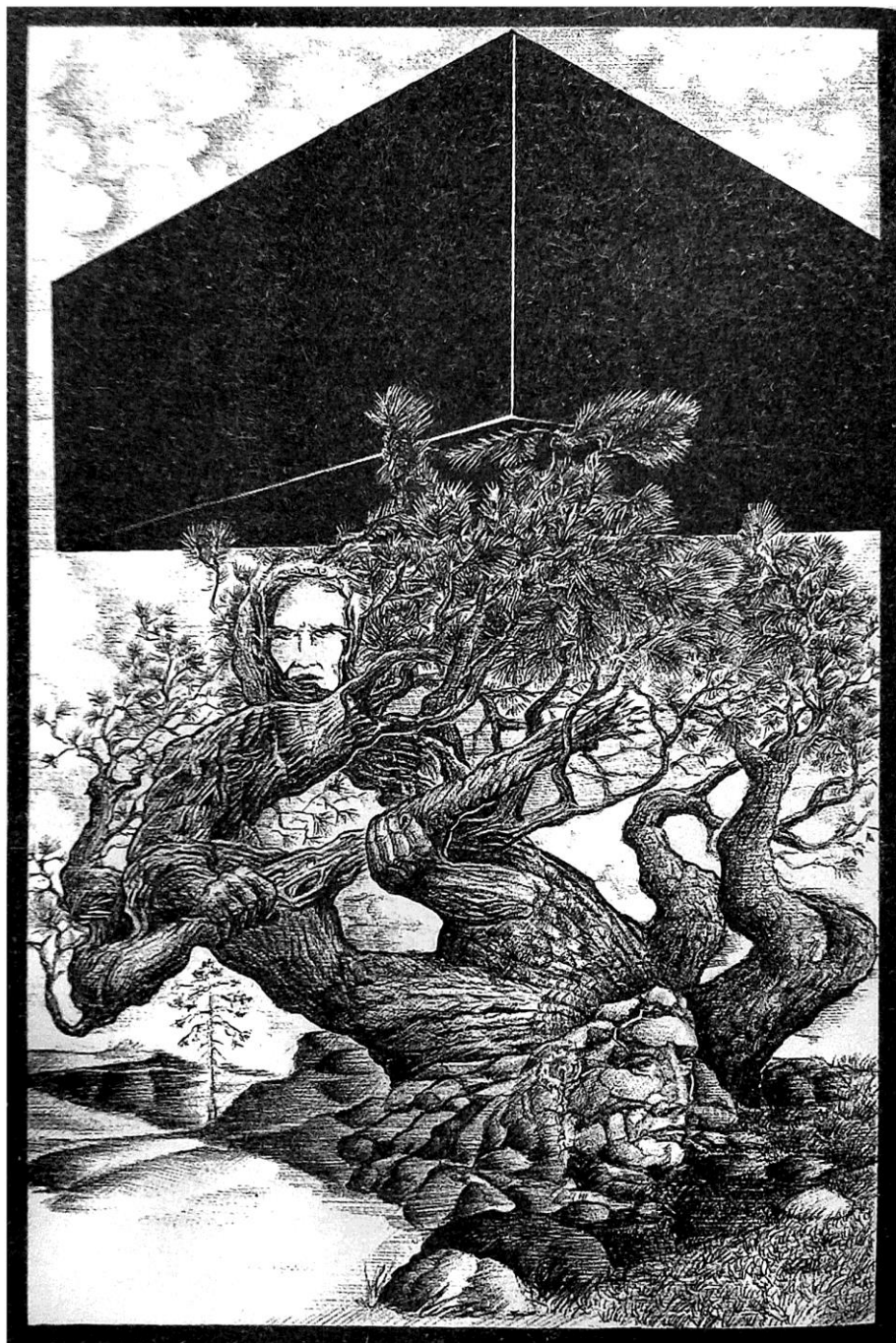
Напрягшись, они молча стояли друг против друга.

– Да, – произнес наконец Кроуфорд. – Не могу. Хотел бы, но не могу. Почему я не могу поднять на вас руку, Виккерс?

Виккерс взял его за локоть.

– Пошли, друг, – тихо сказал он. – Нет, не друг... брат.

ПОСЕТИТЕЛИ

1. ОДИНОКАЯ СОСНА, МИННЕСОТА

Парикмахер Джордж немного постриг ножницами воздух, и, яростно лязгнув лезвиями, свел их вместе.

– Вот чего я не могу взять в толк, Фрэнк, скажу я тебе, так это твоего отношения, – сказал он сидевшему в кресле человеку. – Прочитал я тут вчера твою статейку насчет лесничества в резервации. Сдается мне, тебя это как-то слабо волнует.

– Да, если честно, так оно и есть, – ответил Фрэнк Нортон. – Не вижу в этом ничего эдакого. Если кто-то не хочет платить резервации за лицензию, так пусть половит рыбку где-нибудь еще.

Нортон был един во многих лицах: он являл собой издателя, редактора, агента по рекламе, агента по распространению и корректора выходившей в Одинокой Сосне газеты «Страж», редакция которой располагалась через дорогу от парикмахерской.

– Меня раздражает от злости, – продолжал парикмахер. – Напрасно, напрасно дали этим краснокожим право распоряжаться охотничьими и рыболовными угодьями в резервациях, будто там уж и не Миннесота и даже не Соединенные Штаты. Выходит, белый человек не может и рыбку в резервации половить, даже с законной лицензией штата? Выходит, нужно покупать лицензию у племени, а племени дозволено вводить свои правила и ограничения. Нет, не дело это, скажу я тебе!

– Для таких людей, как ты да я, это погоды не делает. Если мы захотим порыбачить, то у нас сразу за городом есть славный ручей с форелью. Там в омуте под мостом такие экземплярики попадаются, что прямо жуть!

– Тут дело принципа. Лесничие твердят, будто это земли краснокожих ублюдков. Как бы не так, черт их подери! Это не их земля. Мы просто позволили им там жить. Допустим, заявишься ты в резервацию, а они заявляют, будто ты приехал на охоту либо рыбалку, и сдирают три шкуры за лицензию. Может, даже больше, чем стоит лицензия штата. Заведут свои порядки и ограничения. И задавят нас, будь спок – мы будем хлопать ушами, а они нас задавят.

– И чего это ты вдруг так взбеленился, Джордж? По-моему, они не станут никого давить. Наоборот, они хотят, чтобы народ туда ездил. И сделают все на свете, только бы привлечь туда рыбаков. Ведь денежки-то пойдут в их собственный карман!

Парикмахер снова лязгнул ножницами:

– Будь прокляты эти краснокожие. Вечно они трезвонят о своих правах и напускают на себя важность. Зовут себя не иначе, как коренными американцами. Уж они и не индейцы больше! Ох ты, Боже ты мой, теперь они коренные американцы! И твердят, будто мы отняли у них землю.

– Ну, если по сути, – хмыкнул Нортон, – то так оно и было. Хоть это тебе и не по нраву, Джордж, но они-то и являются коренными американцами. Если они хотят так себя называть, то, по-моему, имеют на то полное право. Они были тут до нас, и землю мы у них отняли,

– Правда была на нашей стороне – эта земля просто пустовала. Они никак ее не использовали. Время от времени соберут урожай дикого риса, подстрелят утку на ужин или бобра ради шкурки. Но землей-то они по-настоящему не пользовались! Она у них пропадала. Они

даже понятия не имели, что с ней делать. А мы знали. Вот мы пришли и пустили ее в дело. И скажу тебе, Фрэнк, было у нас такое право – взять землю и начать ее возделывать. У нас есть право использовать любую невозделанную землю. Возьмем, скажем, землю по ту сторону реки. Там стоят большие, высокие, стройные деревья – причем с той поры, когда Христос еще в колыбельке лежал. Только и ждут, когда их пустят в дело. Лесорубы почему-то их прозевали, и стоят они себе и стоят, с сотворения мира и по сей день. Миллионы футов досок, которые только и ждут, когда их распилят. Кое-какие компании были бы отнюдь не прочь запустить туда руку. Они даже заявили в суд, чтобы подучить право на лесоповал, а судья отказал. Сказал, что трогать эти деревья нельзя. Дескать, это заказник дикой природы, трогать его нельзя, а лесничество на суде вообще заявило, будто эти тысячи акров леса – национальное достояние, что беречь их нужно ни много, ни мало, как во благо общества. С чего бы это нам так печься о благе и достоянии?!

– Вот уж не знаю. Меня это ничуть не огорчает. Ведь так здорово постоять среди нетронутой пуши, так чудесно выбраться туда ненадолго и просто побродить по лесу. Там так мирно – там на тебя снисходит мир и покой, сродни благоговению. Славно, что у нас есть этот лес.

– Да плевать мне на него! Говорю же, не дело это. Нас просто отпихивают в сторону всякие слабоумные доброжелатели и простодушные мягкосердечные барышни, да вопят на каждом углу, что мы должны помогать этим несчастным, забитым краснокоженьким, что должны беречь деревья, а воздух загрязнять мы не должны. Мне

начхать, что там твердят эти слезоточивые барышни, а краснокожим винить некого, сами во всем виноваты. Это же просто банда бездельников и лодырей. Да ни один из них и пальцем не пошевелинет, просто будет валяться кверху брюхом да ныть. Сколько ни делай им хорошего, им все мало, все подавай им что-нибудь; только и делают, что заявляют, будто мы им что-то должны. А я так скажу: ничегошеньки мы им не должны, кроме хорошего пинка в толстую задницу. У них был шанс, а они его прохлопали, потому что были или слишком тупы, или чересчур ленивы. До прихода белого человека вся эта проклятая страна была в полном их распоряжении, и ничегошеньки они не сделали! Многие годы мы тянем эту лямку, берем на себя все заботы о них, и чем больше делаем добра, тем больше им надо. И теперь не только просят, а еще и требуют — именно этим они и заняты — требуют того, чего у них нет. А какое они имеют право требовать? Что они о себе воображают? Попомни мое слово, не успеем мы и глазом моргнуть, как эти краснокожие из резервации потребуют, чтоб им вернули всю северную Миннесоту, да еще, быть может, кусок Висконсина в придачу. В точности, как в Черных горах. Они ведь утверждают, будто район Черных гор и Бигхорна принадлежат им. Талдычат что-то насчет договора столетней давности. Будто бы мы отобрали у них землю, хотя права у нас такого не было. Подали билль в Конгресс и иск в суд — заявляют свои права на Черные горы и Бигхорн. И более, чем вероятно, что какой-нибудь тупоголовый судья возьмет и подтвердит их права, а яйцеголовые в Конгрессе так и вовсе работают на них — заявляют, что у краснокожих законные права на эти земли, хо-

тя белые люди вложили в нее многие миллионы долларов, чтобы привести в божеский вид. А у индейцев здесь было просто пастбище для бизонов, – парикмахер при помощи ножниц выписал в воздухе замысловатую кривую. – Вот погоди, сам увидишь: нас ждет то же самое.

– Твоя беда, Джордж, – заметил Нортон, – в том, что ты фанатик.

– Можешь звать меня, как тебе вздумается – мы друзья и обижаться я не стану. Но зато я знаю, что такое хорошо и что такое плохо, и не боюсь сказать об этом прямо. Ты называешь человека фанатиком только за то, что он не принадлежит к твоей вере. Других доказательств у тебя нет, вот ты и обзываешься по-всякому.

Нортон промолчал, а парикмахер прервал болтовню и принялся за работу.

За окном парикмахерской виднелись два квартала, занятые магазинами и конторами Одинокой Сосны – городка, мирно дремлющего в теплых лучах предзакатного осеннего солнца. Вдоль обочины стояло несколько машин. Три собаки неторопливо совершали свой собачий ритуал взаимного официального признания – просто три старых друга, встретившиеся на северо-западном углу перекрестка. Корявый Грант, потрепанный бродяжка и пьяница, пользовавшийся у местных жителей дурной славой, сидел на бочонке из-под гвоздей у дверей единственной в городе скобяной лавки, сосредоточенно покуривая спасенный из сточной канавы изрядный сигарный окурочок. Салли, официантка кафе «Сосна», неспешно подметала тротуар перед своим заведением, явно затягивая при этом время, не испытывая ровным счетом никакого желания покинуть теп-

ло осеннего солнышка и вернуться внутрь. На краю восточного квартала местный банкир Кермит Джонс загонял свой автомобиль на угловую станцию техобслуживания.

Джерри Конклин, студент-лесотехник, проходящий докторатуру в Миннесотском университете, остановил свою машину у моста, перекинутого через реку Сосну чуть ниже по течению от города, вытащил футляр со складной удочкой для ловли нахлыстом и занялся ее сборкой. Несколько месяцев назад, по пути в заповедник, он остановился на станции техобслуживания, и заправщик рассказал ему о невероятных форелях, водившихся в омуте у моста. Джерри до умопомрачения любил ловлю нахлыстом, и постоянно помнил этот рассказ с того самого времени, но до сегодняшнего дня все как-то не выпадало сюда выбраться, чтобы подвергнуть его критической проверке. Сегодня же он возвращался из лесничества, где провел несколько дней, изучая экологию исконного, нетронутого леса белой сосны, и специально сделал крюк в несколько миль, только для того, чтобы попытаться счастья в омуте у моста.

Посмотрев на часы, он обнаружил, что может позволить себе провести над омутом не более получаса. Кэти купила два билета на симфонический концерт – оркестром должен был управлять какой-то гастролирующий дирижер, чье имя он совершенно забыл, а Кэти уже две недели только этим концертом и бредила. Самого Джерри подобная музыка оставляла равнодушным, но Кэти ее обожала и была бы разобижена до чертиков, если он не успеет в Миннеаполис ко времени концерта.

Тем временем в парикмахерской Джордж сказал Нор-тону:

– Ну что, сегодня ты выпускаешь очередной номер. Небось, приятно целую неделю валять дурака?

– Вот тут-то ты глубоко заблуждаешься. Газета не явится из воздуха по мановению руки, даже если это всего лишь еженедельник. Чтобы получить газету на следующую неделю, нужно подготовить рекламу и объявления, сделать оригинал-макет, набор и еще много всякого.

– То-то я гадаю, чего это ты тут торчишь? Молодой журналист, вроде тебя, запросто найдет место получше. Нечего тебе тут торчать. Скорей всего, миннеаполиские газеты за тебя ухватятся, только закинь им словечко.

– Вот уж не знаю. Да и потом, мне здесь нравится. Тут я сам себе голова, это мой собственный бизнес. Сильно не наживешься, но на пропитание хватает. А в большом городе я просто затеряюсь. Есть у меня дружок в Миннеаполисе, редактор городской хроники в «Трибьюн». Для редактора городской хроники он даже чересчур молод, но работник хороший. Зовут его Джонни Гаррисон...

– Голову даю на отсечение – он бы тебя точно взял на работу.

– Вполне возможно. Но тогда поначалу будет туго. Сразу в тонкости репортерской работы в большой газете не вникнешь. Как я уже сказал, Джонни работает редактором городской хроники и получает куда больше моего. Но и у него свои проблемы. Например, он не может бросить после обеда все дела и отправиться на рыбалку, когда захочет, не может бросить все на произвол судьбы в любой день, чтобы потом наверстать упущенное. Дом ему обходится недешево, а семья и тем паче. Чтобы попасть на работу, ему приходится преодолевать целые мили дорожных

пробок, и то же самое на обратной дороге. К тому же на нем лежит чертовски большая ответственность. Да и пьет он гораздо больше моего. Наверно, ему приходится делать массу вещей, которые ему не по душе, встречаться с такими людьми, которых предпочел бы не видеть вовсе. Он работает по многу часов подряд, и даже в кругу семьи его не покидают служебные заботы...

– Конечно, в любой работе есть свои недостатки.

В зеркальную витрину парикмахерской с жужжанием настойчиво билась своей глупой головой недоумевающая муха; позади парикмахерского кресла тянулась полка, уставленная красивыми флаконами, сохранившимися на витрине с прежних времен и которыми пользовались весьма редко. На вбитом в стену крюке висела двустволка тридцатого калибра.

На угловой бензоколонке заправщик вставил шланг в горловину бака банковской машины и оглянулся через плечо.

– Боже мой, Кермит, вы только посмотрите, а?!

Банкир поднял голову.

В небе очень низко висело нечто большое и черное, Совершенно бесшумно эта штуковина медленно опускалась к земле, заслонив собой половину небосвода.

– НЛО, – сказал заправщик. – Первый раз вижу. Бог ты мой, какая громадина! Никогда не думал, что они такие здоровенные.

Банкир не ответил. Он был слишком потрясен, чтобы отвечать, и впал в полное оцепенение.

Чуть дальше раздавался визг официантки Салли – она бросила метлу, пронзительно завопила, и бросилась бе-

жать, не разбирая дороги и ни на секунду не прерывая своего визга.

Напуганный визгом Корявый Грант скатился с бочонка и заковылял по улице, но вдруг заметил заслонившую небосвод черную громадину. Откинувшись назад, чтобы разглядеть ее, он потерял и без того ненадежное равновесие – результат употребления бутылки дрянного самогона выделки Эйба Паркера. Корявый шагнул назад и крепко плюхнулся на задницу прямо посреди улицы. Потом отчаянно задергался, чтобы встать на ноги и предаться бегству. Сигара у него выпала, но он даже не оглянулся, забыв про нее начисто.

В парикмахерской Джордж прервал стрижку, подскочил к окну и увидел панически удирающих Салли и Корявого. Бросив ножницы, он метнулся к стене, ухватил ружье, передернул затвор, чтобы дослать патрон в патронник и вылетел на улицу.

Нортон выбрался из кресла.

– В чем дело, Джордж? Что происходит?

Парикмахер не ответил, только с грохотом захлопнул дверь.

Нортон рывком распахнул дверь и шагнул на тротуар. Парикмахер уже мчался вниз по улице. Навстречу ему бежал заправщик.

– Вон там, Джордж! – вопил заправщик, указывая в сторону пустой стоянки. – Оно пошло к реке.

Джордж ринулся через стоянку. Нортон и заправщик последовали за ним. Позади всех, пыхтя и отдуваясь, селенил Кермит Джонс, банкир.

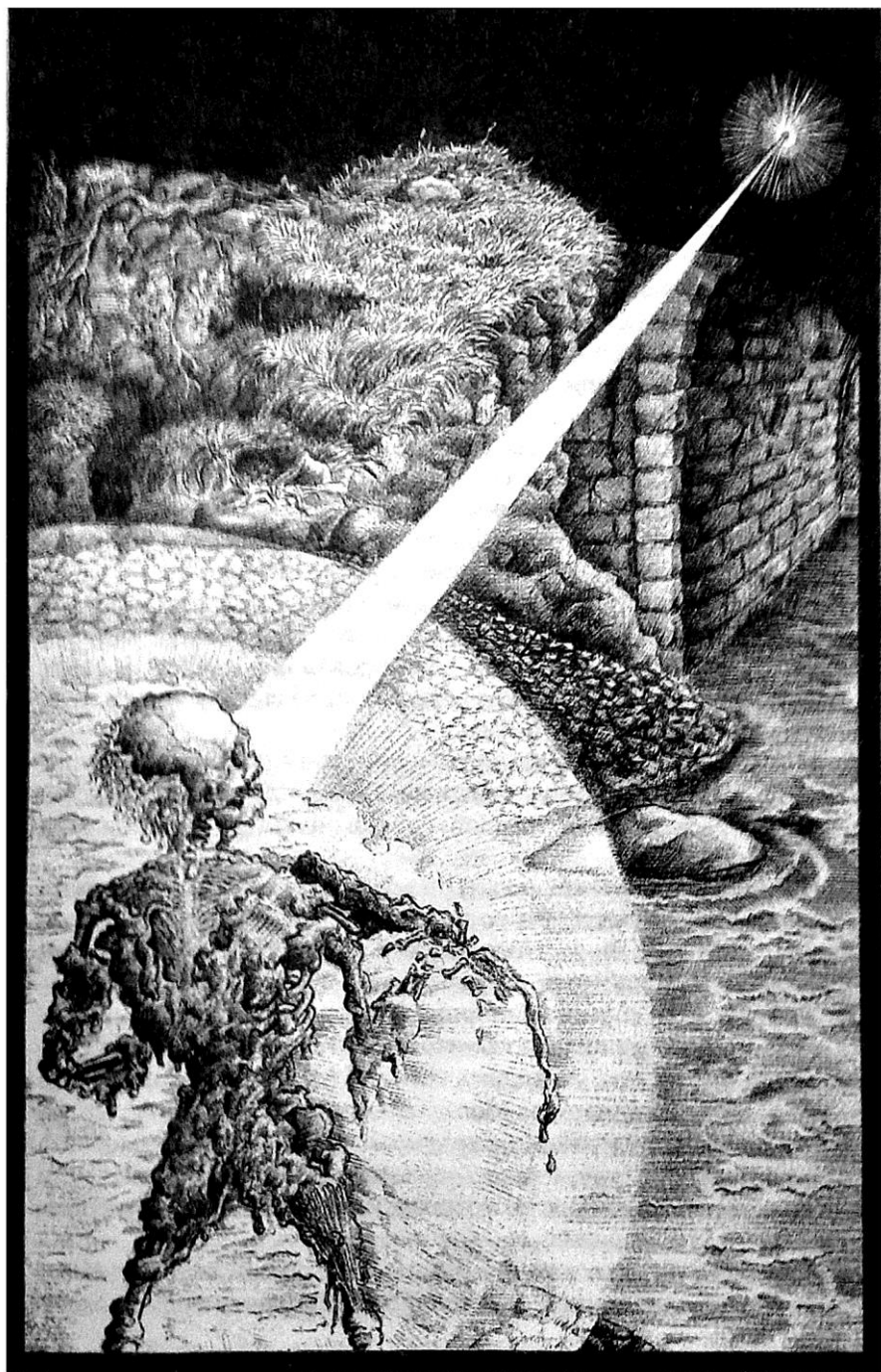
Миновав стоянку, Нортон выскочил на невысокий ка-

менистый речной обрыв. Поперек реки, накрыв собою мост, лежала огромная черная коробка – исполинское сооружение, достаточно большое, чтобы перегородить реку и опереться на ее берега. Длина его значительно превышала ширину. И оно сильно возвышалось над уровнем берегов. На первый взгляд это была просто продолговатая конструкция, без особых примет – просто ящик, выкрашенный чернейшей на свете краской.

Парикмахер остановился впереди Нортон и вскинул ружье.

– Нет, Джордж, не надо! – крикнул Нортон. – Не стреляй!

Ружье гроыхнуло и почти тотчас же со стороны перекинувшейся через реку черной коробки сверкнул грозовой разряд ослепительного света. Едва луч коснулся парикмахера, как тот вспыхнул и быстро сгорел, а обугленный, дымящийся человек еще продолжал стоять, неестественно выпрямившись и превратившись в чудовищную статую. Ружье в его руках раскалилось докрасна и согнулось, а ствол обвис, как раскисшая макаронина. Потом то, что некогда было парикмахером Джорджем, осыпалось на землю, превратившись в бесформенную черную массу, утратив всякое сходство с человеком, но над этой кучкой по-прежнему курился легкий дымок, испускавший отвратительное зловоние.

2. ОДИНОКАЯ СОСНА

Вода под насаженной на крючок Джерри Конклина мухой прямо бурлила. Джерри подсек, но на крючке было пусто. Форель – судя по размеру всплеска под наживкой, рыбина была крупная – сорвалась в последнюю долю секунды.

Конклин с досадой втянул воздух сквозь зубы. «Да, правщик был прав, – подумал он, – в этом омуте шныряют здоровенные радужные форели».

Яркий солнечный свет пробивался сквозь заросли деревьев у реки. Вода ниже порожка, образованного обломками скальной породы, рябила от небольших волн и отбрасывала яркие солнечные блики.

Конклин осторожно подправил муху и поднял удилище для очередного заброса, нацелившись чуть ниже того места, где рыба только что сорвалась.

Он резко взмахнул удилищем, и не успела еще наживка опуститься в воду, как внезапно наступила почти полная темнота. Солнце вдруг померкло, и омут накрыла черная тень, словно между солнцем и водой вдруг возникла какая-то преграда.

Конклин инстинктивно присел, втянув голову в плечи. Что-то ткнулось в конец поднятого удилища, передав рукам Конклина ощущение вибрации, и одновременно слышался душераздирающий треск расщепляющегося бамбука. «Боже мой, – подумал он, – восемьдесят долларов за удилище!». Это была первая и единственная роскошная вещь, которую он мог себе позволить.

Покосившись через плечо, он увидел опускающийся

сверху прямоугольник черноты. Эта чернота обрушилась на берег за его спиной, и тогда, словно издалека, раздался скрежет терзаемого металла: эта штука приземлилась прямехонько на его автомобиль.

Конклин попытался повернуть к берегу, но споткнулся и упал на четвереньки. Высокие болотные сапоги тут же наполнились водой. Удочку он уронил и, не отдавая отчета, даже не догадываясь, что предпримет в следующий момент, бросился бежать вниз по течению, вдоль берега заводи, оскальзываясь и оступаясь на гладких, отполированных течением гольшах, хлюпая набежавшей в сапоги водой.

Дальний конец черного прямоугольника накренился, клюнул и опустился на противоположный берег реки. С треском и стоном лопнули бревна моста, послышался визг выдираемых с мясом гвоздей, и мост рухнул. Оглянувшись, Джерри увидел, как уносимые течением обломки досок и бревен проплывают по заводи над омутом.

При этом его абсолютно не интересовал вопрос о том, что же тут происходит. В безумном водовороте его мыслей, в его яростном, инстинктивном броске к спасению, места для удивления уже не оставалось. И лишь выбежав на свет, он вдруг понял, что находится в безопасности. Высокие берега реки защитили его. Черный объект лежал поперек реки, опираясь на берега, и до воды не доставал.

Заводь кончилась, и Джерри ступил в мелкую воду ниже по течению. Поглядев вверх, он впервые увидел истинные размеры нависшей над ним, будто небоскреба, конструкции. «Футов сорок, а то и пятьдесят в высоту, — подумал он, — а в длину раза в четыре больше».

Откуда-то донесся злобный, сухой треск, словно выстрел из ружья — и в тот же миг на фоне этой огромной массы черноты засияло ослепительно яркое пятно и тут же погасло.

«Боже мой, — подумал он, — удочка вдребезги, машина в лепешку, я торчу здесь, а Кэти?! Надо поскорее отсюда выбраться и позвонить ей».

Он развернулся и начал карабкаться вверх по косогору. Это было нелегко: Джерри путался а сапогах, но снять их не мог, потому что туфли остались в машине, а машина теперь блином лежала под рухнувшей на мост массивной штуковиной.

Вдруг, откуда ни возьмись, что-то тонкое и гибкое, вроде проволоки или веревки, со свистом вылетело из темноты и обвилось вокруг его груди. Джерри в панике вскинул руки и хотел сорвать с себя эту штуку, но не успел донести их до груди, как его резко дернуло вверх — только и мелькнули, размазанные скоростью быстро мчащаяся вода да речные берега. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но проволока или щупальце, обхватившее грудную клетку, выдавило из легких почти весь воздух, и крика не получилось.

Потом он оказался в темноте, и то, что тащило его, исчезло. Джерри на четвереньках стоял на какой-то плотной поверхности — плотной, но не твердой, словно он приземлился на толстый ковер.

Оставаясь на четвереньках, он скорчился и попытался побороть захлестывающие его волны ужаса. Горечью обожгла рот желчь, и он сглотнул, стираясь загнать ее обратно. Внутренности сбились в плотный, круглый комок,

и Конклин постарался усилием води сбросить напряжение и расслабиться.

Поначалу ему показалось, что вокруг царит тьма, но постепенно он понял, что свет здесь есть, но какой-то рассеянный и слабый, с призрачным голубоватым оттенком. Это было не самое хорошее освещение, будто затуманенное, и чтобы рассмотреть что-нибудь, приходилось сильно напрягать зрение – но все-таки это был свет, при котором можно что-нибудь разглядеть.

Он поднялся на колени и попытался определить, куда же попал. Это было нелегко – к голубоватому свету подмешались вспышки другого цвета, такие краткие и мимолетные, что невозможно было судить с уверенностью ни об их цвете, ни об источнике. В этом мерцающем сверкании обрисовывались неведомые тени и образы – странные, никогда не виденные им прежде. И неважно, думал он, какой они формы, потому что странность их заключалась отнюдь не в этом. Ведь даже в мерцающем свете одна из форм показалась ему знакомой – ряды шарообразных предметов одновременно поворачивались в его сторону, сверкая фосфорическими отблесками, словно глаза ночных животных, застигнутых врасплох светом фонарика или фар автомобиля. Однако он чувствовал, что все-таки это не глаза, и что заполняющий помещение голубоватый неверный свет исходит отнюдь не от них. Но, глаза это или что другое, они продолжали следить за ним.

Воздух был сухой и горячий, но в нем необъяснимым образом ощущалась какая-то затхлая сырость, и, наверно, это ощущение возникало благодаря наполняющему воздух запаху. Запах был странный – он не имел ничего общего с

всепоглощающей, тошнотворной вонью – но был отвратителен по какой-то непонятной причине; он словно проникал сквозь кожу и пластырем налипал на нее, будто становясь частью самого Конклина. Джерри попытался найти этому запаху определение, но не сумел. Это не было похоже ни на один из знакомых ему запахов.

«Дышать-то тут можно, – подумал он, – но кислорода явно маловато». Джерри задыхался и втягивал воздух с болезненными всхлипами.

Сначала он подумал, что находится в тоннеле, сам не понимая, что навело его на эту мысль. Но потом понял, что это какое-то большое помещение, напоминающее внутренность мрачной пещеры. Пытался определить глубину, но безрезультатно, потому что свет был слишком тусклым, а его мерцание видимости отнюдь не улучшало.

Джерри медленно и осторожно встал на ноги, опасаясь удариться о потолок. Но пространства над головой оказалось вполне достаточно, и он выпрямился в полный рост.

Где-то в глубине сознания раздался шепоток подозрения, признаться в котором он не желал даже себе. Но, стоя в этом голубом мерцающем пространстве, он постепенно приходил к мысли, что надо с этим подозрением примириться.

Значит, он попал внутрь разлегшейся над рекой громадной черной коробки. Проволока, веревка, щупальце – или что оно там такое – выскочило из коробки, захватило его и втянуло в коробку, каким-то образом протаскивая прямо сквозь стену.

Сбоку послышался негромкий звук – то ли смешок, то ли глоток. Обернувшись в сто направлении. Джерри по-

нял, что на полу что-то шлепается. Наклонившись, он увидел рыбу – судя по размерам и форме – радужную форель. Ее мускулистое тело было не меньше шестнадцати дюймов длиной. Ухватив ее, он понял, что рыбка-то презрядная! Попытался поднять, но она выскользнула из рук и снова забилась на поду.

«Итак, – сказал себе Джерри, – взглянем на события трезво, как бы со стороны, без скоропалительных выводов и объективно.

Имеем: нечто огромное и черное упало с неба, приземлившись на мосту и, судя по доносившемуся скрежету металла, прямо на стоявшую у обочины машину.

Имеем: нахожусь где-то, скорее всего, внутри этой черной приземлившейся штуковины. Эго место совершенно непохоже ни на что на свете.

Имеем: сюда принесли не только меня, но и рыбину».

Перечислив эти пункты, он ввел их в воображаемый компьютер и попытался свести концы с концами. Все сходилось к одному: он находится внутри корабля – пришельца из космоса, затянутый или поглощенный в его внутренности. Очевидно, пришелец собирает и изучает фауну планеты.

Сначала поймали его, а потом рыбу. А чуть позже, вероятно, появятся кролик, белка, енот, медведь, олень и рысь. «Скоро тут станет тесновато», – подумал Джерри.

Наблюдающие за ним блестящие шарики вполне могут оказаться рецепторами, наблюдающими и записывающими, делающими выборку данных и накапливающими их в памяти, отмечающими каждое его движение (и движение рыбины тоже), считывающими каждый импульс его мозга,

каждое колебание его психики, анализируют, выясняют, что он из себя представляет, классифицируют по каким-то признакам, заталкивают эти сведения в ячейки памяти, устанавливают его химический состав, нащупывают взаимопонимание с ним и выясняют его роль, функцию и назначение в экологии данной планеты.

Вероятно, этим заняты не только круглые штуковины; должно быть, мерцающий свет и скрытые за ним механизмы тоже являются частью этого исследовательского комплекса.

«Но я могу и ошибаться, – подумал Джерри. – Если подумать как следует, то я *наверняка* ошибаюсь». Но пока что удовлетворительно объяснить происходящее могло лишь подобное предположение: во-первых, он видел, как с неба опускается черный объект; во-вторых, его подцепили с берега реки – он помнил момент пролета над водой, длинный ряд деревьев по берегам, домишки Одинокой Сосны, выстроенные на каменистом ложе речной долины. Он видел все это, а потом вдруг оказался в темноте, в этом напоминающем пещеру пространстве. Место, куда его сунули, не могло быть ничем иным, кроме внутренностей черного объекта.

Если все это именно так, если это не ошибка, то упавший поперек реки объект должен быть живым, а если нет – то им управляет некто живой, и не просто живой, а разумный.

Джерри почувствовал, что инстинктивно сопротивляется этому выводу, потому что с точки зрения здравого смысла это чистейшей воды безумие – верить, что разумные существа из космоса высадились на Землю и первым делом отловили именно его.

Не без изумления он обнаружил, что первоначальный ужас понемногу отступает, но на его место приходит холод и пустота – то душевное безразличие, которое в чем-то страшнее ужаса.

«Разум, – думал он, – если есть здесь инопланетный разум, то должен существовать и способ вступить с ним в контакт и выработать какой-нибудь способ общения.»

Он попытался заговорить, но слова застряли в горле, даже не оформившись. Джерри попытался снова, и слова пришли, но это был лишь едва уловимый шепот. Он предпринял еще одну попытку, и на этот раз заговорил в полный голос, загрохотавший эхом в пустоте окружавшей его пещеры.

– Привет! – крикнул Джерри. – Есть тут кто-нибудь? Есть кто-нибудь поблизости?

Он подождал, но ответа не было, и Джерри заговорил снова, еще громче, взывая к разуму захвативших его существ. Слова рассыпались вокруг него дробной россыпью эха, бились отголосками и угасали. Шарообразные зеницы невозмутимо продолжали наблюдение. Мерцание не угасало. Но никто и ничто не откликнулся на его призыв.

3. МИННЕАПОЛИС, МИННЕСОТА.

Кэти Фостер сидела за пишущей машинкой в редакции «Трибьюн» и выстукивала статью – глупую статью для глупых людей. Черт бы побрал Джонни за такое задание! Он вполне мог бы послать ее куда-нибудь в другое место, чтобы не писать липу и без этого слюнявого мистицизма. Они называют себя Любящими – у нее перед глазами все

еще стояла сонная невинность их взглядов, негромкий, ровный поток эвфемизмов: любовь есть все, любовь побеждает все, любовь есть мера всех вещей. Нужно только очень горячо и долго любить кого-то или что-то, и вы получите воздаяние в виде ответной любви. Любовь — величайшая сила во Вселенной, скорее всего, единственная достойная сила, она — начало всех начал; суть всех вещей и конечный итог бытия. И любовью на любовь отвечают не только люди и не только твари живые. Если возлюбить любую материю, любой вид энергии, то они возлюбят и вас, и, вследствие этой любви, выполнят любое ваше желание, даже вопреки всем эмпирическим законам (которые, вещали они, быть может и вовсе не существуют), проделают любую работу, сделают что угодно, когда угодно и где угодно. «Но чтобы достичь этого, — торжественно провозглашали Любящие, и во взглядах их пылало священное пламя невинности, — человек должен тяготеть к пониманию этих вещей — материи, энергии, чего бы то ни было, и возлюбить так, чтобы они ощутили вашу любовь. В том-то и беда! — сокрушались они. — Полнотой понимания не обладает никто, ибо полнота понимания постигается только через силу любви. Как только любовь достигнет недостижимых глубин, ведущих к пониманию, человек воистину станет правителем Вселенной. Но это правление, — так говорили они, — не должно быть во имя одного лишь правления, но во благо совершенствования понимания и любви ко всему сущему во Вселенной».

«Чертов университет, — подумала Кэти. — Плодит таких вот липовых философов, ищущих смысл там, где никакого смысла и в помине не было, прячущихся от реальной жиз-

ни за частоколом несуществующего смысла».

Взглянув на стенные часы, она забеспокоилась: уже почти четыре, а Джерри до сих пор не звонит. Сказал, что позвонит, когда будет выезжать. «И если мы опоздаем на концерт, – решила она, – уж я задам ему перцу!» Ведь знает же, как ей хочется попасть на этот концерт. Она мечтала об этом не одну неделю. Конечно, Джерри не любит симфоническую музыку, но один-то уж раз может и потерпеть, пусть хоть весь вечер корчится. Она ведь столько для него делала, ходила во множество мест, куда совсем не хотелось, но шла – потому что он этого хотел. Даже на борьбу – Боже милосердный, даже на борьбу!

«Странный он, – подумала Кэти, – особенно в минуты раздражения. Но и славный тоже. Уж эти его вечные деревья! Жить не может без этих деревьев. Как можно, чтобы взрослый человек был так предан деревьям? У других бывает пристрастие к цветам, животным, к птицам, а у Джерри почему то – к деревьям. Он буквально помешан на них. Он их любит и вроде бы понимает, а порой, похоже, и разговаривает с ними».

Она выдержнула напечатанную страницу, вставила чистый лист и ударила по клавишам, кипя от злости и негодования. «Вот буду отдавать статью Джонни, скажу, что ее надо сунуть в дальний ящик стола, а еще лучше – просто швырнуть в мусорную корзину, чтоб никто не смог найти, если в дневном выпуске вдруг окажется мало новостей, и надо будет заполнить дыру на полосе».

В другом конце комнаты сидел Джон Х. Гаррисон, редактор городской хроники, и внимательно оглядывал комнату. Почти все столы были пусты, и он мысленно пробе-

жался по списку: Фримен отправился освещать встречу комиссии в аэропорту и наверняка ничего особенного эта говорильня не даст, несмотря на раздутую шумиху вокруг необходимости постройки новых посадочных полос – но, как бы то ни было, освещать это событие в новостях придется; Джей сейчас в Рочестерской клинике Майо, готовит статью о разработанной там новой методике лечения рака; Кэмпбелл все еще в мэрии, зевает на заседании комиссии по охране и развитию парков – скорее всего, как и в аэропорту, ничего путного это не даст; Джонс уехал в Южную Дакоту, распутывает дело с иском индейцев насчет Черных гор, собирая материал для воскресного обозрения; Найт на слушании дела об убийстве Джонсона; Уильямс в пригороде Вайзата, берет интервью у старой девы, утверждающей, будто ей стукнуло сто два года (хотя вряд ли); Слоун занят утечкой нефти в Виноне. «Боже ты мой! – думал Гаррисон. – И что же мне делать, если надо будет послать человека на место какого-нибудь крупного события? Хотя вряд ли – день все равно пропащий и почти наверняка к лучшему не изменится».

– Как наши финансовые дела? – спросил он у Голда – ассистента редактора городской хроники.

Голд посмотрел на торчавший из пишущей машинки лист.

– Хило. У нас не так уж много средств, Джонни. В общем, мало.

Зазвонил телефон. Голд снял трубку и что-то тихо сказал.

– Джонни, тебя. Вторая линия.

Гаррисон снял трубку у себя на столе и нажал кнопку.

– Гаррисон, – сказал он.

– Джонни, это я, Фрэнк Нортон, – сообщил голос на другом конце линии. – Из Одинокой Сосны, помнишь?

– О, Фрэнк! – искренне обрадовался Гаррисон. Рад тебя слышать. Как раз на днях говорил о тебе с некоторыми из моих ребят – как ты здорово устроился. Сам себе голова, да плюс омут с форелью у самого города. Собираюсь на днях к тебе заглянуть. Как ты насчет этого?

– Джонни, у меня для тебя кое-что есть,

– Голос у тебя какой-то возбужденный, Что случилось?

– Очень может быть, что к нам прибыли гости из космоса, Я, конечно, не уверен...

– Что?! Кто прибыл?.. – взревел Гаррисон, рывком откинувшись на спинку стула.

– Точно не знаю, но с неба опустилось что-то очень большое. Приземлилось поперек реки. Мост разлетелся к чертям.

– Оно еще там?

– Да, лежит, где приземлилось всего минут десять назад. Огромная такая штука, черная. Весь город как с ума посходил. Гвалт стоит невероятный! Один человек погиб.

– Погиб?! Как?!

– Стрелял в эту штуку, а она выстрелила в ответ. Сожгла его дотла, прямо на моих глазах. Я видел, как он стоял столбом и дымился.

– Боже мой! Какой материал, как снег на голову!

– Джонни, пока что я сам не разобрался в происходящем, Все случилось слишком быстро и совсем недавно, чтобы можно было сказать что-нибудь определенное. Поэтому, ты можешь прислать кого-нибудь сделать пару снимков.

— Фрэнк, погоди, не клади трубку, я скажу тебе, что собираюсь делать, но сначала поговори с кем-нибудь из дежурных репортеров. Расскажи ему подробно, что и как, а когда закончишь, трубку не клади. Я пока найду фотографа и кое-что улажу.

— Ладно, жду.

Гаррисон прикрыл трубку ладонью и протянул ее Голду:

— Это Фрэнк Нортон, владелец и редактор еженедельника в Одинокой Сосне. Мой старый приятель. Вместе в школу ходили. Говорит, с неба упал какой-то огромный предмет. Один человек убит. Штука упала минут пятнадцать назад. Запиши, что он расскажет, потом передашь трубку мне. Я хочу поговорить с ним еще раз.

— Разберусь, — Голд взял трубку. — Мистер Нортон, говорит Джим Голд, помощник редактора городской хроники...

Гаррисон повернулся на стуле и обратился к секретарю отдела Энни Даттон:

— Энни, свяжись с агентством по найму самолетов. Пусть приготовят для нас машину. Для полета в... Черт, где там поближе к Одинокой Сосне есть посадочная площадка?

— В Бемиджи. Ближе нет.

— Ладно, свяжись еще с прокатом автомобилей в Бемиджи, пусть приготовят машину. Пусть ждет у аэродрома. Мы перезвоним и уточним время прибытия.

Энни сняла трубку и принялась вертеть диск телефона.

Гаррисон встал, оглядел комнату и содрогнулся.

В одном углу выстукивал свой репортаж Финли. Но у

Финли еще молоко на губах не обсохло. Сандерсон ничуть не лучше, к тому же питает неизменную склонность писать чересчур язвительно. «Однажды, – подумал Гаррисон, – ей либо придется изменить стиль своих статей, либо оказаться за дверью редакции». Можно послать Джемисона, но этого только за смертью посылать. Вполне подходит для вдумчивой, серьезной работы, но для срочного репортажа чересчур скрупулезен и медлителен.

– Кэти! – наконец гаркнул Гаррисон.

Кэти Фостер подскочила от неожиданности на стуле, оставила машинку в покое, поднялась и направилась к столу редактора, подавляя ярость. Джерри все не звонит, статья по мере написания становится всё глупее и глупее, а если вдобавок придется пропустить концерт...

Голд приник к телефонной трубке, и только время от времени поддакивал, а пальцы его одновременно так и бегали по клавишам пишущей машинки. Энни повисла на другом аппарате, а Гаррисон снова уселся за стол и начал набирать номер.

– Это Гаррисон. Нам нужен фотограф. Кто там есть? А где Аллен? Выездное задание. Крайне важное. Первостепенной важности! – Он выслушал ответ и с сожалением выпалил: – О, черт! Значит, Аллена нет? Для этой работы нужен именно он, А где он? Вы можете с ним связаться?

Пауза. Затем:

– Да, я вспомнил, что он в отпуске... Ну ладно, тогда давайте его. – Он повесит трубку и повернулся к Кэти. – Есть работенка.

– Ну уж нет, только не сегодня. Сегодня вечером – никаких сверхурочных. Мой рабочий день уже заканчивается, а вечером я иду на симфонический концерт.

– Но, ради Христа, лапочка, это очень важно. Может, самое важное задание в твоей жизни. Может, нас впервые посетили пришельцы из космоса...

– Какие еще пришельцы?!

– А Бог их ведает! Пока мы еще не знаем...

Тут ему протянул трубку Голд.

– Фрэнк, минуточку. Сейчас поговорим, – Гаррисон положил трубку на стол.

– Самолет есть и стоит наготове, – доложила Энни. – В Бемиджи ждет машина.

– Спасибо, – сказал Гаррисон и обернулся к Голду. – Что у тебя?

– Насколько я понимаю, отличная статья. Железная. Масса фактов, куча деталей. Прямо блеск. Там на них что-то с неба свалилось.

– Заслуживает внимания?

– Я бы сказал, да.

Гаррисон развернулся к Кэти:

– Мне ужасно не хочется тебя просить, но больше просто некого послать. Никого подходящего под рукой, все заняты. Так что в Бемиджи полетишь ты и Уайт. Там вас ждет машина. Это материал века, ручаюсь. Передашь телефонограммой, и сразу в номер. Вы должны быть в Одинокой Сосне не позже шести. Звони не позже восьми. Тогда успеем дать в первом выпуске – все, что передашь.

– Ладно уж, но только если купишь у меня вот эти два билета. Будь я проклята, если собираюсь потерять уплаченные за них деньги!

– Согласен, покупаю. Как-нибудь выкручусь, – Гаррисон вынул из кармана бумажник. – Сколько?

- Тридцать зелененьких.
- Что-то многовато... Не могут они столько стоять.
- Хорошие места. Дешевле все равно не отдам.
- Ладно, ладно, – проворчал он, отсчитывая купюры.
- А если позвонит Джерри Конклин, непременно объясните ему ситуацию. Он должен был на этот вечер стать моим кавалером. Обещайте!
- Обещаю, – сказал Гаррисон, протягивая деньги.
- Потом поднял трубку;
- Извини, Фрэнк, пришлось давать последние наставления и напутствия. Ты слышал? Часам к шести у тебя будут наши. Я объясню, как тебя найти. Но, слушай, у тебя же своя газета. Почему же ты отдал это на откуп нам?
- Я уже дал сегодняшний выпуск, и до следующей недели выпусков не будет. А такие новости ждать не могут. Вот я и решил навести вас на след. Всего несколько минут назад в город с воем примчались две патрульных машины полиции штата. В остальном все без перемен.
- Может, будешь держать нас в курсе, пока наши не доберутся? Если что-нибудь случится, просто позвони.
- С удовольствием, – ответил Нортон.

4. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

День был трудный. На утренней пресс-конференции журналисты «требовали крови». В основном вопросы касались движения Ассоциации Коренных Американцев, требовавших возвращения территории племен в районе Черных гор, Южная Дакота, и в районе Монтаны, хотя достаточное внимание уделялось и выяснению ситуации в

энергетике, сосредоточившись вокруг предложения администрации установить в юго-западных пустынях системы гелиоустановок и бросить дополнительные средства на разработку криогенных линий электропередач. Пресса бушевала, явно не удовлетворенная ответами, но Дэвид Портер решил, что все в порядке. Последние несколько месяцев отношение прессы к нему колебалось между отворачиванием и яростью. Теперь же он был уверен, что со дня на день можно ожидать требования какой-нибудь фракции газетчиков о его отставке.

В зале пресс-центра повисла тишина, едва нарушавшаяся стуком телетайпов, выстроившихся вдоль стены и негромко бормотавших, выдавая очередную порцию новостей со всех уголков планеты. Рабочий день его помощницы Марсии Ленгли уже завершился, и она собралась уходить. Впервые за день телефоны на ее столе умолкли, и перестали перемигиваться сигнальные огоньки, сообщавшие о поступающих Звонках. Наступил покой, теперь информация будет собираться и накапливаться. Вечерние выпуски уже пошли в печать, а утренние еще только ждут новостей.

В комнату понемногу вползали сумерки. Портер протянул руку и включил настольную лампу. Круг света четко обрисовал грудку бумаг на столе, и при виде их Портер застонал. На стенных часах было почти 5:30. Он обещал, что заедет за Элис в 7:30 – значит, на работу с бумагами времени почти не осталось. В Мэриленде появилась какая-то новая забегаловка, и один из знакомых Элис весьма рекомендовал ее посетить, и несколько недель она то и дело напоминала об этом. Сегодня вечером они, наконец, соби-

рались отправиться туда ужинать. Дэйв откинулся на спинку кресла и погрузился в мысли об Элис Давенпорт. Ее старик был сенатором и с Портером не очень-то ладил, но по крайней мере не возражал против того, чтобы они встречались. «Что и составляет старого стервятника в достойном свете», – подумал Портер. Несмотря на своего родителя, во всем остальном Элис была девушка что надо – отличная собеседница, эрудированная, жизнерадостная, умная. Правда, время от времени у нее проявлялась скверная привычка затевать долгие, фанатичные дискуссии, вращавшиеся вокруг очередного увлечения Элис в социальной сфере. В данный момент это был спор из-за земель в Черных горах и Бигхорне, на которые предъявили права индейцы, и Элис страстно верила, что эти земли непременно надо вернуть федерации племен. Несколько месяцев назад ее разговоры касались проблем чернокожего населения Южной Африки. «А всему виной, – кисло подумал Портер, – чересчур хорошее образование, только предметы выбраны совершенно неправильно». Она не всегда говорила на подобные темы, и сегодня вечером, наверно, тоже не станет. За последние несколько месяцев они провели вместе несколько счастливых вечеров, потому что когда Элис сбрасывала облачение воителя за гроб Господень, то становилась прекрасным товарищем.

«Если как следует подналечь, – прикинул Портер, – то, даже при изрядной спешке на очистку стола уйдет никак не менее получаса». То есть еще останется время заехать домой, чтобы принять душ, побриться и переодеться. «Хоть раз», – пообещал он себе, – заеду за Элис вовремя. Но сперва надо выпить чашечку кофе».

Он встал и пошел к выходу, по дороге спросив у Марсии:

– Не знаешь, там кофе остался?

– Должен быть. Может, и сэндвичи остались. Но они уже заветрились.

– Мне нужна только чашка кофе, – буркнул он.

Не успел Дэйв дойти до середины комнаты, как вдруг один из телетайпов ожил, ударив безумной захлебывающейся очередью. Настойчиво и громко зазвенел звонок, призывая к вниманию.

Портер обернулся и быстро пересек комнату в обратном направлении. Это был телетайп линии «Ассошиэтед Пресс». Он подошел к машине и оперся о нее обеими руками. Печатающая головка размазанной молнией бегала вдоль рулона, выдавая строчки сообщения:

«КАК СООБЩАЮТ, В МИННЕСОТЕ УПАЛ С НЕБА БОЛЬШОЙ ОБЪЕКТ».

Машина замолчала, головка подрагивала, словно в ожидании.

– Что там еще? – спросила подошедшая Марсия.

– Не знаю. Метеорит, наверное. Давай, давай, – обратился он к машине. – Расскажи нам, что там такое.

Но тут пронзительно зазвенел телефон на его столе.

Марсия за пару шагов достигла стола и схватила трубку:

– Ладно, Грейс. Передам, – сказала она после паузы.

Ожил телетайп:

«ВОЗМОЖНО, ЭТО ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ИЗ КОСМОСА, ПРОИЗОШЕДШЕЕ СЕГОДНЯ ВОЗЛЕ ГОРОДА ОДИНОКАЯ СОСНА В СЕВЕРНОЙ МИННЕСОТЕ...»

– Звонила Грейс, – сказала за его спиной Марсия. – Тебя хочет видеть президент.

Портер кивнул и отвернулся от телетайпа. Включились другие телетайпы, но он уже вышел из дверей и успел пройти несколько шагов по коридору.

Едва он вошел в приемную, как Грейс кивком указала на дверь:

– Как раз вовремя.

– Что случилось, Грейс?

– Точно не знаю. Сейчас он говорит с военным консультантом. Что-то насчет нового спутника, неожиданно обнаруженного на орбите.

Широким шагом Портер пересек приемную, постучал во внутреннюю дверь, потом повернул ручку и вошел.

Президент Герберт Тайн заканчивал разговор по телефону и жестом указал Портеру на стул:

– Это был Уайтсайд. Вся растительность на его волосатой заднице встала дыбом. Похоже, наши станции слежения засекли на орбите нечто новое – генерал утверждает, такое большое, что впору сдрейфить. Говорит, это не наш спутник, и крайне маловероятно, чтобы его могли запустить Советы. Чересчур велик, чтобы кто-то из нас мог вывести на орбиту такого гиганта. Ни у нас, ни у них нет достаточно мощного носителя, чтобы потянуть такую штуковину, которую обнаружили станции слежения. Уайтсайд страшно расстроен.

– Что-то из космоса? – спросил Портер.

– Этого Уайтсайд не сказал, но именно так и подумал. Это было очевидно. Его едва удар не хватил. Он прибудет сюда, как только сможет.

– Какой-то объект упал или приземлился – точно не знаю – в северной Миннесоте, – сообщил Портер. – Телетайпы как раз начали выдавать сообщение, когда вы мне позвонили.

– По-твоему, эти два события взаимосвязаны?

– Не знаю. Судить, что там, в Миннесоте, пока рано. Я успел прочитать только начало сообщения. Быть может, это всего лишь большой метеорит. Во всяком случае, с неба действительно что-то свалилось.

– Боже мой, Дэйв, у нас и без этого хлопот полон рот.

– Совершенно согласен, сэр, – кивнул Портер.

– Как прошла пресс-конференция?

– Они меня замучили. В основном, вопросы касались Черных гор и ситуации в энергетике.

– И как ты управился?

– Сэр, я делаю то, за что мне платят, и честно отрабатываю свою зарплату.

– Да, наверно. Но это дается нелегко, так ведь?

В дверь постучали, потом она приоткрылась и в образовавшуюся щель заглянула Грейс.

– Это от Марсии, – она помахала криво оторванным листком телетайпа.

– Давай сюда, – сказал Тайн и протянул руку.

Она прошла через кабинет и вручила листок президенту. Тот быстро пробежал текст глазами и через стол пододвинул его Портеру.

– Чушь какая-то, – пожаловался он. – Там сказано, что на мост обрушилась большая черная коробка. Метеорит ведь не может походить на черную коробку, не так ли?

– Едва ли, – согласился Портер. – Метеорит падает с

чертовским грохотом и оставляет на месте падения громадный кратер.

– Как и любой предмет, упавший с неба. Например, сошедший с орбиты старый спутник...

– Именно так я и думаю. Они падают с громадной скоростью и взрываются, образуя огромный кратер. Конечно, если предмет достаточно большой.

– Этот, судя по всему, очень большой.

Оба уставились друг на друга.

– Ты думаешь... – начал президент, но замолк на полуслове.

На его столе замурлыкал интерком. Президент нажал на клавишу:

– Что там, Грейс?

– Генерал Уайтсайд, сэр.

– Ладно, давай.

Президент взял трубку, уголок рта сказав Портеру:

– Он уже знает о происшествии в Миннесоте.

Затем проговорил несколько слов в микрофон и замолк, выслушивая ответ. Со своего места Портер слышал, как жужжит и бубнит далекий торопливый голос в трубке.

– Ну ладно, – сказал наконец президент. – Только не будем терять голову. Дайте знать, как только узнаете что-нибудь новенькое. – Он положил трубку и повернулся к Портеру. – Кто-то из Национальной гвардии позвонил ему из Миннесоты. Нечто опустилось с неба и приземлилось – не рухнуло, а приземлилось, – и по-прежнему находится там. Величиной оно с огромное здание, совершенно черное и похоже на большую коробку.

– Странно, – заметил Портер, – все зовут его большой коробкой.

– Дэйв, что будем делать, если это действительно пришельцы из космоса?

– По обстоятельствам. Управимся как-нибудь. Паниковать не станем.

– Нужно как можно быстрее заполучить какие-нибудь факты.

– Правильно. Кое-что дадут сводки новостей. Надо как можно быстрее выслать исследовательскую группу и связаться с ФБР в Миннеаполисе.

– Надо оцепить район. Нельзя допустить туда наплыва людей, которые непременно начнут вмешиваться.

Президент щелкнул тумблером:

– Грейс, соедини меня с губернатором Сен-Поля. Он взглянул на Портера и пояснил: – Больше всего я боюсь паники.

Портер посмотрел на часы:

– Первые выпуски новостей пойдут в эфир по телевидению не позже, чем через час. Наверняка они уже сейчас дают экспресс-выпуски. Воображаю, как трезвонят мои телефоны! Все хотят знать реакцию Белого дома, упаси Господи. А ведь им, наверно, известно побольше, чем нам.

– Марсия еще там?

– Собиралась уходить, но теперь ей, конечно, пришлось остаться. Она – настоящий профессионал.

– Нам может понадобиться какое-то заявление.

– Пока нет. Не так быстро. Не стоит палить в белый свет. Сначала нужно узнать об этом побольше...

– Необходимо что-нибудь сказать людям, успокоить, как умеем. Чтобы они были уверены, что мы делаем все, что можем.

– Сначала их это не тронет. Некоторое время они будут галдеть о самих новостях.

– Может, устроить пресс-конференцию?

– Пожалуй. Если только до утра накопится достаточно данных. Как я понял, об этом объекте на орбите еще никто не знает. Только Уайтсайд и мы двое – и, разумеется, операторы, но они будут молчать.

– Новость все равно просочится, дай только срок.

– Я предпочел бы сказать об этом сам, чтобы не создавать впечатление замалчивания фактов. Энтузиасты НЛО только и твердят, что мы сознательно утаиваем информацию об НЛО.

– Согласен, – кивнул президент. – Собери-ка их на пресс-конференцию. Лучше мы запустим этот шар сами. И потом тут же назад. Люди при мне будут, но ты тоже пригодишься, так что когда будешь свободен, подходи. Может, к тому времени и факты подоспеют.

5. ОДИНОКАЯ СОСНА.

Рыба исчезла. Из темноты выскочил кролик, запрыгал туда-сюда – медленно и осторожно, шевеля ушами и фыркавая носом. «Какой озадаченный кролик, – додумал Джерри. – Небось, гадает, куда это его занесло». Енот царапал и кусал пол. Ондатра уже исчезла.

Джерри осторожно обследовал свое окружение, стараясь при этом не удаляться от того места, куда был заброшен. Ничего определенного найти не удалось. Он попытался приблизиться к странным силуэтам, вырисовывающимся в мерцающих вспышках света, но силуэты отсту-

пали и втягивались в пол. Потом осмотрел круглые блики, которые поначалу принял за глаза. Сперва он думал, что они расположены на стенах, но оказалось, что они висят прямо в воздухе. Можно было провести сквозь них руку, но это никак на них не влияло — глаза продолжали оставаться круглыми шарами света и следили за ним. Рука, протянутая к ним, казалось, встречала лишь воздух.

Мерцание продолжалось, голубоватый трепетный свет не менялся. Джерри показалось, что стало видно немного лучше, чем вначале — наверно, оттого, что глаза привыкли к полумраку.

Он несколько раз пробовал заговорить с теми, чье присутствие чувствовал здесь, но не обнаружил никакой ответной реакции, ни малейшего указания на то, что его слышали. Кроме ощущения, что за ним следят, не было ни малейшего признака чьего-либо присутствия. У Джерри сложилось впечатление, что воображаемый наблюдатель не питает к нему ни вражды, ни злобы — просто проявляет любопытство, и только. Станный чужой запах не ослабевал, но теперь Джерри к нему привык и почти не замечал.

Панический страх практически покинул его, но появилось скорбное отупение с примесью недоумения по поводу случившегося. «Как это так, — вопрошал он себя, — что мне довелось оказаться именно в том месте и именно в тот самый миг, когда должна была случиться эта катавасия?» Время от времени Джерри вспоминал о Кэти и концерте, но тут уж он ничего поделать не мог, и эта мысль снова отступала перед лицом более насущной проблемы — как выпутаться из этого переплета. Ему казалось, что время от

времени его темница приходит в движение – пару раз пол вздрагивал и раскачивался, будто выполняя какие-то стремительные маневры. Однако наверняка этого сказать было нельзя, и Джерри решил, что рывки вполне могли оказаться всего лишь конвульсивными движениями поглотившего его организма.

«Вот в том-то и загвоздка, – думал он, – машина это или живой организм?» Пищи для рассуждений практически не было, если не считать того, что что-то свалилась с небес; нынешняя ситуация дела тоже не проясняла. Скорее, это машина, чем организм. Заранее запрограммированная компьютеризованная машина, способная справиться практически с любыми ситуациями. Но было в этом создании нечто, вызывающее необъяснимое с точки зрения логики ощущение, что это все-таки живой организм.

Хотя никаких доказательств тому не было, но Джерри все больше склонялся к мысли, что это – живое существо, наделенное разумом и наблюдающее за ним; пришелец со звезд, который сразу после посадки принялся изучать местную жизнь, подхватив вначале его, потом рыбу, кролика, енота и ондатру. Этих пяти образчиков, несомненно, было достаточно, чтобы получить некое общее представление о принципах эволюции жизни на Земле.

«Он живой, – подумал Джерри. – Эта огромная черная коробка – живое существо». И пока он пытался понять, откуда возникла эта уверенность, к нему внезапно пришло знание, словно какой-то голос прошептал на ухо готовый ответ, как будто на него снизошло внезапное вдохновение. «Оно словно дерево», – понял он. Он чувствовал здесь то

же ощущение жизни, которое исходит от деревьев. «И это совершенная нелепость – что может быть общего между деревом и этим созданием?» Но эта мысль не отступала: то, внутри чего он заточен, сродни дереву.

Он попытался выбросить эту мысль из головы, потому что, по меньшей мере, она была просто нелепой. Но мысль отказалась покинуть его и к ней вдруг, словно очередное звено цепи, присоединилась еще одна – незванная мысль о доме. Джерри не понимал, что означает эта новая мысль. Означает ли она, что это место – его дом? Он внутренне восстал против этого, потому что здесь наверняка не его дом. Это место меньше всего походило на дом.

«И каким образом, – удивленно подумал Джерри, – эта мысль вообще могла прийти мне в голову?» Не оттого ли, что этот инопланетянин – если это живой инопланетянин – пытается вступить с ним в контакт, непосредственно влияя на сознание, впечатывает идеи и образы, стараясь тем самым навести мост через пропасть, разделяющую два разума? И если это так – а поверить в это было невероятно трудно – что же пришелец хочет сказать? Какая может быть связь между деревом и домом? Какие выводы надо извлечь из этих двух образов?

И подумав так, Джерри вдруг обнаружил, что все сильнее верит в то, с чего начал; большая черная коробка – гость из космоса, и не только живой, но и разумный.

«Для этой мысли, – подумал он, – почва была хорошо подготовлена». Многие годы говорили и писали, что в один прекрасный день космический разум может посетить Землю, со всеми причитающимися рассуждениями, с прогнозами, как все это будет и какотреагирует наше вели-

кое, темное и неразвитое общество. Так что мысль эта была не нова. Ее годами вколачивали в сознание общественности.

Тут к Джерри вприпрыжку подбежал кролик. Прижавшись к полу, он вытянул шею и понюхал носки его ботинок. Енот оставил пол в покое и побрел прочь. Ондатра так и не появилась.

«Братья меньшие, – подумал Джерри. – Эти животные – мои собратья по несчастью, ставшие вместе со мной образчиками фауны чужой планеты, собранной пришельцем для изучения».

Что-то тонкое и гибкое обхватило его, свалило с ног и швырнуло о стену. Но стены он не коснулся – она разверзлась, и Джерри вылетел наружу.

Почувствовал, что падает. В темноте почти ничего не было видно, но он заметил под собой какую-то смутную тень, инстинктивно вытянул руки, защищая лицо, и вверх тормашками свалился в крону дерева. Ветки замедлили его падение, и Джерри в отчаянии протянул вперед одну руку, другой продолжая защищать лицо. Пальцы наткнулись на ветку, и он вслепую ухватился за нее. Под его тяжестью ветка согнулась, но падение все-таки замедлила; Джерри выбросил вперед вторую руку, ухватившись за сук потолще – достаточно прочный, чтобы остановить падение.

Несколько секунд он болтался на дереве, чувствуя знакомый аромат сосновой хвои. Дул ласковый ветерок, и слышался шепот раскачиваемых им ветвей.

Он висел на дереве, исполненный благодарности за избавление из темницы, хотя, если подумать, слово «избав-

ление» было не совсем подходящим – его просто вышвырнули. Они – или оно? – получили все, что хотели, и, вероятно, вскоре туда же последуют кролик, енот и ондатра.

Зрение Джерри уже частично приспособилось к темноте. Он осторожно перебрался к стволу дерева, вцепился в него обеими руками и ногами и замер. Крона была настолько густой, что земли не было видно, и Джерри не знал, далеко ли до нее. «Не очень», – решил он. Пришелец выбросил его с высоты около сорока футов, да еще Джерри успел хоть немного пролететь, пока дерево не помогло ему прервать падение.

Передохнув, Конклин начал медленно спускаться вниз. Спуск в темноте оказался делом нелегким, потому что от ствола отходило множество веток, и приходилось постоянно маневрировать, чтобы не зацепиться за какой-нибудь сук. Дерево вряд ли было высоким и толстым – не более фута в диаметре, хотя по мере спуска ствол постепенно расширялся.

Неожиданно ноги коснулись земли, и колени под ним подогнулись. Джерри осторожно пощупал землю ногой, чтобы убедиться, что достиг ровной поверхности. Удовлетворившись результатом, он отпустил ствол и продрался сквозь нижние разлапистые ветки на свободное место.

Встав рядом с деревом, Джерри оглядел его, но тьма была такой густой, что ничего толком рассмотреть не удалось. Попытался определить направление на дорогу, возле которой остановил машину, и, к своему ужасу, понял, что совершенно утратил ориентацию.

Он немного побродил наугад в надежде отыскать ме-

сто, где деревья растут пореже, и видимость улучшится, но, пройдя всего несколько футов, наткнулся на другое дерево. Поменял направление – и снова с тем же результатом. Присев на корточки, Джерри посмотрел вверх, чтобы на фоне неба разглядеть темный силуэт пришельца с небес, но так и не нашел его.

Тогда он решил отыскать огни Одинокой Сосны, но как ни старался, не мог обнаружить даже искорки. Хотел было сориентироваться по знакомым созвездиям, но звезды не были видны – то ли небо затянуло тучами, то ли густые кроны деревьев не пропускали даже свет звезд.

«Боже, – подумал Джерри, присев на корточки, – я заблудился в лесу, всего в миле от города, пусть и небольшого, но все-таки города».

Можно, конечно, переночевать в лесу, но уже теперь стало довольно зябко, а под утро будет еще холоднее. «Можно развести костер», – подумал он, но тут же вспомнил, что не взял спичек; Джерри был некурящим, и спички ему были ни к чему. И дело не только в холоде. Нужно как можно скорее найти телефон и позвонить Кэти, а то она, наверно, рвет и мечет. Да еще надо как-то объяснить причину задержки.

Он вспомнил правило для заблудившихся: надо идти под гору, и обязательно к воде, а где вода – там и люди. Если пойти под гору, то можно добраться до реки, там – вдоль берега до какой-нибудь дороги. Или попытаться перебраться через реку в Одинокую Сосну. Однако этот вариант показался Джерри сомнительным – как говорится, не зная броду, не суйся в воду. Это может кончиться плачевно, если его вдруг вынесет в омут или на стремнину.

Может попытаться найти черный объект, совсем недавно служивший ему темницей? Если обогнуть его слева, можно выйти на дорогу, ведущую к мосту, но проблему переправы это не решит, ведь мост разрушен. К тому же, пришелец вполне мог перебраться на новое место; когда Джерри был внутри, пришелец вроде бы двигался.

Зато он где-то рядом. Вылетев оттуда, Джерри почти сразу же врезался в дерево, и вряд ли улетел дальше, чем на тридцать футов.

Он двинулся вперед, но через несколько секунд наткнулся на дерево. Путаясь в плотном подлеске, поминутно натыкаясь на деревья, запинаясь о коряги, Джерри, вынужденный каждые несколько футов менять направление, вскоре заблудился окончательно.

Оставив бесплодные попытки выбраться, он прислонился спиной к дереву, нижние ветви которого едва не касались земля. «Боже мой, — подумал он, — каким же дураком надо быть, чтобы так безнадежно заблудиться в трех соснах, пусть даже и в темноте»!

Немного передохнув, он двинулся дальше на ощупь. Порой он сам удивлялся собственному упрямству — в самом деле, почему бы не дождаться рассвета здесь? — но упорно продирался сквозь лес. Каждый шаг обещал удачу, ведь надо было только найти какой-нибудь ориентир — инопланетное создание, дорогу, просеку, — лишь бы только понять, куда его занесло.

И неожиданно нашел тропинку. Это было лучше, чем ничего, и Джерри решит идти по ней — тропа непременно должна вывести куда-нибудь.

Самой тропинки он не видел, и нашел ее совершенно

случайно, запнувшись обо что-то и рухнув лицом прямо на утоптанную землю. Тропинка была почти ровная и, хлопая ладонями по земле, он нащупал ее твердую поверхность. По обе стороны плотно стояли деревья и кусты подлеска.

Двигаться по тропинке можно было только на четвереньках, ощупывая ее руками. Вот так он и полз по тропе, не имея понятия, куда направляется.

6. ОДИНОКАЯ СОСНА

— Джонни, я не знаю, где они, — сказал Фрэнк Нортон по телефону. — Они даже не показывались. Ты говорил, что они будут к шести, и я ждал на месте. Может, они попали в пробку.

— Какого черта, Фрэнк! — взорвался голос Гаррисона. — С каких это пор у вас пробки на дорогах?

— Тут такое творится — хуже, чем в день открытия сезона рыбной ловли. Все рвутся сюда. Движение на подступах к городу перекрыто, дорожные патрули пытаются нас изолировать, но им приходится нелегко. Как только новости передали по радио и телевидению...

— Теперь снимать эту упавшую штуку поздно. Говоришь, она передвинулась?

— Довольно давно. Через мост и по дороге в глубь леса. Теперь уже стемнело, и снять ничего не удастся, но все-таки я успел кое-что снять, прежде чем оно поехало.

— Ты сделал фотографии?! — завопил Гаррисон. — Какого ж черта ты раньше молчал?!

— Джонни, их совсем немного, и они не идут ни в какое

сравнение со снимками профессиональной камерой. У меня обычный маленький бытовой аппарат. Я отснял две пленки, но не уверен, что получилось что-то стоящее.

– Слушай, Фрэнк, а ты не можешь как-нибудь переправить эти пленки мне? Ты не хотел бы их продать?

– Продать? Да они твои, если уж тебе нужно, Джонни, Я только хотел бы получить несколько отпечатков, и все.

– Не будь дураком. Эти пленки стоят денег. Кучу денег. Если ты сможешь их как-нибудь переправить, то я со своей стороны подсоблю с дорожной полицией. Можешь как-нибудь? Кто-нибудь может их подвезти? Я бы не хотел, чтобы ты их вез сам. Лучше оставайся там до приезда Кэти и Чета.

– На заправочной станции подрабатывает в свободное время один парнишка. У него мотоцикл. Он доставит их вам быстрее всех, если только не уьется по дороге.

– Ты можешь ему доверять?

– Абсолютно. Время от времени я даю ему подзаработать, мы с ним приятели.

– Скажи, что он получит сотню, если прибудет до полуночи. Мы придержим выпуск части тиража, чтобы тиснуть снимки в утреннем выпуске.

– Кажется, сейчас он на заправке. Я с ним свяжусь. Мы найдем кого-нибудь ему на смену. Черт побери! Если понадобится, я сам стану к колонке.

– В городке есть кто-нибудь из репортеров? Телевизионщики еще не объявлялись?

– По-моему, пока тихо. Но если они здесь объявятся, то наверняка свяжутся со мной. Но сейчас никого – полиция перекрыла дороги на совесть. В город мало кто успел по-

пасть. Некоторое просто бросили машины у заставы и добирались пешком. Дороги просто забиты, так что на мотоцикле из города будет выбраться намного легче. Паренек, о котором я говорил, может проехать по кювету или через поле.

— Тогда вперед!

— О'кей. Если не найду этого, найду другого. Да, Джонни, еще одно: как восприняла это известие страна?

— Еще рано судить. Я послал человека, чтобы устроил опрос общественного мнения прямо на улицах, в барах, у входа в театры — где попало. Он и узнает, что думают люди. Репортаж о реакции человека с улицы. А что?

— Мне звонили из Вашингтона. Какой-то начальник штаба, как он сказал. Он назвал свою фамилию, да я забыл. Генерал — это уж точно.

— Пока что Вашингтон не дал о себе знать. Им нужно время, чтобы нащупать почву под ногами.. Ты все еще думаешь, что эта штука со звезд?

— Она двигалась — поползла от реки в сторону леса. Это может означать, что она живая или, по крайней мере, очень сложная машина, или машина, которой управляет разумное существо. Местные в этом уже не сомневаются. Для них это пришелец из космоса. Видел бы ты эту штуку, Джонни! Ты тоже поверил бы в это.

Тут дверь кабинета Нортон распахнулась и в нее вошла женщина. За ней следовал нагруженный фотоаппаратурой мужчина.

— Минутку, — сказал Нортон, — кажется, твои люди прибыли. Только что вошли.

Он повернулся к женщине:

– Вы Кэти Фостер?

Та кивнула:

– А этот вооруженный до зубов парень – Чет Уайт.

– Фрэнк, – позвал Гаррисон.

– Да?

– Будь добр, передай трубку Кэти.

– Ладно. Пойду займусь пленками, – он вручил трубку Кэти. – Джонни на проводе.

– Вы сказали «пленки», или мне послышалось? – спросил Чет.

– Ага, отснял две катушки до того, как эта штука сползла с моста. Пока ее еще было видно.

– Так ее там нет?! – взвыл Чет.

– Она уползла – через мост и по дороге, в лес. Сейчас слишком темно и ее не видно, вряд ли удастся найти.

– Вы посылаете эти пленки Джонни?

– Да, у меня тут один парень на мотоцикле, он отвезет.

– Это хорошо. На машине там не пробиться. Черт бы побрал эта ваши двухрядные дороги. Впервые вижу такую катавасию. Мы прошли пешком не меньше двух миль, а машина осталась там.

– Не прощаюсь, – уже из дверей ответил Нортон.

В это время Кэти говорила Гаррисону:

– Джонни, это просто ужас какой-то! Все устремились сюда. Полицейские всех останавливают. Сплошной затор!

– Ну, вы-то теперь на месте. Отправляйтесь туда и выжмите из этого все, что может нам пригодиться. Поговорите с людьми, опросите их мнение. Как к этому отнеслись горожане? Что они думают об этой штуке? В общем, ты знаешь, что нам надо.

– Джонни, Джерри не звонил?

– Какой Джерри?

– Проклятье, Джонни, я же говорила перед отъездом. Джерри Конклин, мой кавалер. Я все тебе объяснила.

– Вспомнил. Я всем говорил. Минуточку.

Она услышала его отдаленный крик:

– Кто-нибудь говорил с парнем по имени Джерри Конклин? Кавалер Кэти.

Донесся нестройный хор голосов. Кэти терпеливо ждала.

Наконец снова раздался голос Гаррисона:

– Нет, Кэти, с ним никто не говорил.

– Проклятье, – только и сказала Кэти.

– Так, посмотрим, – продолжал Гаррисон, моментально позабыв о Джерри Конклине. – Сейчас четверть восьмого. В первом выпуске придется дать что есть. Мы знаем, что эта штуковина уползла за реку – Фрэнк держал нас в курсе... Позвони мне через пару часов. Очень жаль, что вы застряли в пути. Но я рад, что все-таки добрались.

– Джонни, что еще произошло? Обрисуй вкратце.

– Губернатор бросил в Одинокую Сосну половину патрульных машин. Перекрыты все дороги. Еще он поднял на ноги Национальную Гвардию и перевел ее в состояние боевой готовности. Пока никто не понимает, что творится. Считают, что это корабль из космоса, но утверждать наверняка никто не берется.

– Если позвонит Джерри, пожалуйста, объясни ему ситуацию.

– Ну, разумеется.

– Я тебе позвоню. Хотя погоди – ведь местные теле-

фонные линии наверняка будут перегружены. Может, кто-нибудь выйдет сюда по линии УАТС к половине десятого. Если не пробьются, пусть продолжают вызывать. У тебя есть этот номер?

— Точно. Ты можешь посадить там кого-нибудь, чтобы он отвечал и держал линию до твоего появления?

— Найду кого-нибудь. Сколько ему платить? Вообще, как насчет бюджета этой операции?

— Чем меньше, тем лучше. Но не меньше, чем надо.

— Ладно, тогда все. Я буду на связи.

Едва она положила трубку; как в кабинет вошел Нортон.

— Джимми уже в пути, — сообщил он, — с пленками. На станции побудет его приятель.

— Быстро ты это! — заметил Чет.

— Просто повезло. Джимми был на месте, а приятель слонялся вокруг заправки.

— Нам нужно сделать одну вещь, — заявила Кэти. — Джонни будет звонить где-то в половине десятого. Нужно, чтобы кто-то подержал немного линию, пока мы не вернемся. Вероятно, все линии будут заняты и пробиться окажется трудно.

— У меня есть такой человек, я только что видел его. Это Корявый Грант, наш старый спец по части напитков домашней перегонки. Дайте ему на бутылку, и он сделает все, что попросите.

— Надежный человек?

— Вполне, если речь идет о выпивке.

— Сколько ему платить?

— Пару зелененьких.

– Скажите, что я дам пятерку. И внушите, что он не должен подпускать к телефону никого на свете, какие бы веские доводы ни приводили.

– Можете на него положиться. У него мозги работают лишь в одном направлении. Сейчас он трезвый, так что все поймет.

– И что бы мы без вас делали?

– Да чего там! Мы с Джонни старые приятели. Вместе ходили в школу.

– Эта штука раздавила машину, когда упала, – сказал Чет. – Она еще там?

– Насколько мне известно, да. Ее охраняет патрульный полицейский. Приказано не трогать обломки, пока не появится кто-либо из начальства.

– А кто должен появиться?

– Понятия не имею.

– Тогда за дело, – сказала Кэти. – Я хочу взглянуть на эту машину и сделать пару снимков.

– Идите прямо по дороге, до самой реки. Это недалеко. Там полицейская машина с красными фонарями, по ней и найдете. А я пока поищу Корявого Гранта и пристрою его к делу. Еще увидимся.

Уже от конца первого квартала они увидели мигающие красные огни патрульной машины, и едва Кэти и Чет поравнялись с ней, им навстречу из тени шагнул полицейский.

– Мы репортеры, – представилась Кэти. – Миннеаполисская «Трибьюн».

– Позвольте ваши документы.

Кэти вытащила из сумочки бумажник и вручила поли-

цейскому пресс-карту. Тот достал из кармана фонарик и направил луч света на карточку.

– Кэтрин Фостер? Я читал ваши репортажи.

– Со мной Чет Уайт, наш фотограф.

– О'кей, – сказал полицейский, – но смотреть тут особо не на что. Эта штука за рекой.

– А машина? – спросила Кэти.

– Пока тут.

– Как насчет пары снимков?

Полицейский заколебался, потом решился:

– Думаю, ничего страшного. Только не трогайте, – ФБР просило оставить все, как есть.

– А причем тут ФБР?

– Мэм, откуда ж я знаю? Так приказали. Кто-то из них уже выехал.

Они обошли патрульную машину и прошли еще немного по дороге. Раздавленный автомобиль лежал у моста, точнее, у обломков моста. Самого моста больше не было. Автомобиль был сплюснен, словно побывал под прессом.

– В нем кто-нибудь есть? – спросила Кэти.

– Вроде нет, мэм.

Чет обошел машину, щелкая затвором и мигая вспышкой,

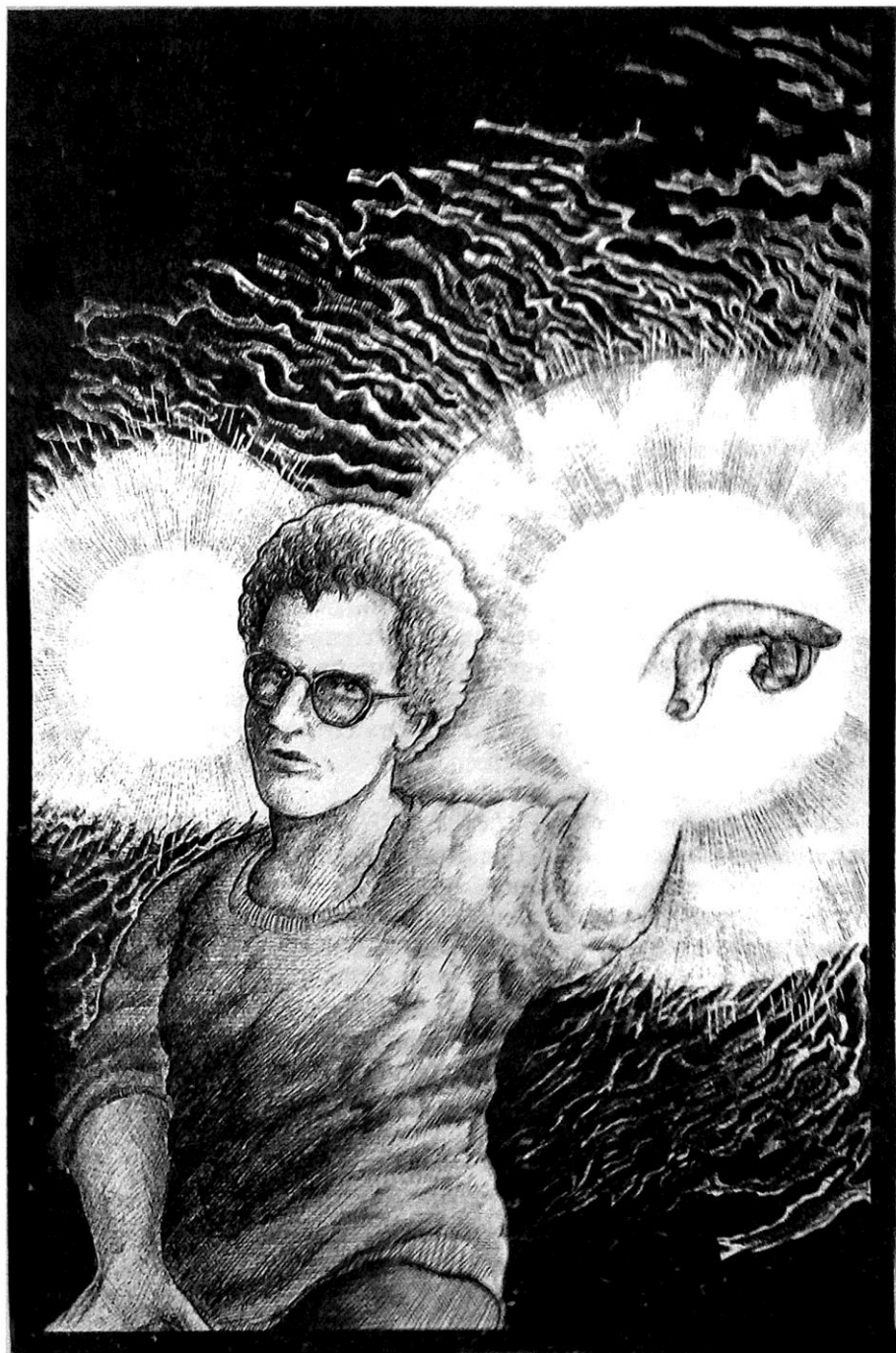
– А чья это машина? Знак остался?

Полицейский пожал плечами:

– Должен быть, только его не видно. Это был «шевроле» недавнего выпуска. Какая модель, сказать не могу.

– А кто владелец? Как вы думаете, что с ним?

– Видимо, кто-то остановился порыбачить в омуте под мостом. Говорят, тут водится крупная форель, и люди частенько останавливаются здесь.

– Если так, то вам не кажется, что он мог бы уже объявиться и рассказать о своих похождениях?

– Действительно, странно. А может, он был в реке, а когда мост сломался, его могло ударить бревном.

– Надо было попытаться его найти.

– Наверно. На этот счет мне ничего не известно.

– А вы видели эту штуку, которая упала?

– Недолго, пока не стемнело. Она уже уползла за реку, когда я приехал. Она была в нескольких сотнях футов от берега. Просто лежала. Но о-очень большая!

– Она была все еще на дороге?

– Да, но торчала по обе стороны. Намного шире дороги. Даже повалила несколько небольших деревьев.

– И лежит там до сих пор?

– Я почти уверен. Если бы она поползла, то сшибала бы деревья и наделала бы немало шума. А с тех пор, как я прибыл, все тихо.

– А что дальше? Я хотела сказать, на дороге?

– Мэм, за рекой идет заповедная зона – нетронутые сосновые леса. Некоторым большим деревьям исполнилась не одна сотня лет. Так что эта штука, что бы она собой ни представляла, попала в ловушку. Через лес ей не пробраться.

– А внутри нее были какие-нибудь признаки жизни?

– Не замечал. Это просто исполинская черная коробка – вроде гигантского неуклюжего танка, только без гусениц. Даже не представляю, как она двигается.

– А какое она производит впечатление? Как большой танк?

– Ну, не совсем. Просто большая черная коробка.

Большой продолговатый ящик который кто-то покрасил самой черной на свете краской.

– А можно как-нибудь перебраться на ту сторону?

– Да ни за что. Как раз под мостом глубокий омут, а по обе стороны от него стремнины.

– А если на лодке?

– Поспрашайте в округе – может, кто и перевезет через омут. Если только найдете лодку.

– Здесь у всех есть лодки, – вмешался Чет.

– Лучше не пытайтесь, – возразил полицейский. – Придется мне включить рацию. Наверно, мне прикажут не пускать вас.

– А обходного пути нет?

– Только не по дороге – они все перекрыты.

– А как же те, что живут за рекой?

– Там не живут, там заповедник. На многие мили – только лес. Никто там не живет.

– Офицер, – поинтересовалась Кэти, – можно узнать, как вас зовут? Могу я процитировать кое-что из нашей беседы?

Полицейский тщеславно назвалсся и добавил:

– Только вы уж не очень, с цитатами-то...

7. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер стоя наблюдал, как в зал входят репортеры. Они казались более подавленными, чем обычно, и было их гораздо больше, чем он ожидал. Все-таки для пресс-конференции было поздногато.

Они вошли, расселись по местам и стали тихо ждать начала.

– Я должен попросить у вас прощения за столь поздний час, – начал Портер. – Наверное, лучше было бы подождать до утра, но я подумал, что некоторые из вас захотят узнать то, что уже знаем мы. Хотя, быть может, это не намного больше того, что вам уже известно.

Обведя глазами зал, Портер продолжил:

– Собственно, нам известно только то, что неподалеку от городка Одинокая Сосна в северной Миннесоте упал некий объект. К северу от города протекает река Сосна. Данный объект упал таким образом, что перекрыл пространство между берегами реки. Что любопытно – упал он на мост, соединяющий берега. Мост был разрушен, а заодно и стоявший там автомобиль. К счастью, в машине в тот момент никого не было. Уже в сумерках объект передвинулся на другой берег. Кажется, он пребывает там и до настоящего времени.

Я полагаю, следует сообщить еще об одном: мы не знаем, связан ли этот факт с событиями в Миннесоте, но станции наблюдения засекли на околоземной орбите ранее неизвестный объект огромных размеров.

– Мистер секретарь, – задал вопрос представитель «Нью-Йорк Таймс», – вы сказали, что он огромен. Не могли бы вы уточнить, насколько огромен, и описать его орбиту?

– Мистер Смит, конкретные размеры пока не определены. Во всяком случае, можно сказать, что не менее нескольких миль в ширину. Что же касается орбиты, то она, кажется, называется синхронной. Высота около двадцати тысяч миль, и скорость обращения на этой орбите соответствует скорости вращения Земли. Насколько я понимаю, в данный момент объект завис где-то над Айовой.

– Дэйв, – поднялся человек из чикагской «Трибьюн». – Вы сказали, что новый объект засекли станции слежения. Значит, его засекли после появления на орбите или в момент выхода на эту орбиту?

– Я понял так, что объект был обнаружен на уже установившейся орбите несколько часов назад.

– Можно ли заключить, что этот объект является кораблем-маткой, с которого опустился объект в Одинокой Сосне?

– Мне кажется, что предположения – ваша прерогатива. Я не спешу делать скоропалительные выводы. Это заставило бы нас думать, что эти оба объекта прибыли из одного района космоса. А этого утверждать пока нельзя.

– Первоначальная оценка массы объекта, исходя из его размеров, исключает его запуск с Земли?

– Да, по-моему, да. Но, как я уже говорил, это еще не ясно.

– Вы сказали, что объект в Миннесоте двигался, – привстал корреспондент «Вашингтон Пост». – По-моему, вы сказали, что он упал поперек реки, а потом сдвинулся.

– Именно так.

– Вы можете нам сказать, как он передвигался? Как бы вы охарактеризовали его движение?

– Джордж, у меня просто нет слов. Я не знаю, как он двигался. Мы знаем только одно – он двигался. Только это. Я думаю, это может означать, что он передвигался самостоятельно, сам по себе. Вы должны давать себе отчет, что квалифицированных наблюдателей там не было, и все, что нам известно, взято со слов местных жителей.

– Не можете ли вы дать более детальное описание это-

го объекта? Более определенное, чем «исполинских размеров черная коробка».

– Боюсь, что нет. По этому вопросу мы не имеем дополнительной информации. Насколько нам известно, снимков пока не было. Падение объекта произошло под вечер, а через несколько часов после этого наступила темнота.

– Вы продолжаете утверждать, – задал вопрос сотрудник «Ассошиэтед Пресс», – что ничего толком не знаете, и, как я понимаю, никто не знает. И все же – на основании того, что нам известно – можно сказать, что неизвестный объект является представителем инопланетного разума. Вы можете как-то прокомментировать мои слова?

– Попытаюсь ответить вам прямо, без традиционного «я не знаю». Эта штука упала на дорогу. Значит, можно предположить, что она заранее выбрала подходящее для посадки место. Она передвигалась сама по себе, и это дает основание предположить, что на борту есть разумные существа, управляющие ею, или какой-то управляющий механизм. Как вы знаете, после выстрела из ружья этот объект сделал ответный выстрел, и стрелок был убит на месте. Это говорит о способности объекта обороняться. Вы и сами – да и любой другой – могли отметить эти вполне очевидные факты. Но, подводя эти итоги, больше ничего говорить не буду. Пока что нет никаких конкретных фактов, на основании которых мы могли бы сделать надежные выводы. Итак, нужно подождать. Нужны новые сведения.

– Похоже, вы совершенно исключаете возможность земного происхождения объекта на орбите, – заметил представитель «Эн-Би-Си». – Может, это какой-то новый, экспериментальный тип корабля?

– Мне кажется, в данных обстоятельствах возможно все. Прошу простить, если я исключаю какие-то из возможных вариантов. Но наши люди уверяют, что мы к этому никакого отношения не имеем.

– А кто-нибудь другой?

– Сомневаюсь.

– Вы говорите, это пришелец из космоса?

– Это вы сказали, Карл, а не я.

– Можно вмешаться еще раз? – спросил корреспондент «Нью-Йорк Таймс».

– Разумеется, мистер Смит.

– Вы не могли бы обрисовать в общих чертах, что конкретно делает правительство? Вы уже связались с другими странами? Как я понимаю, район Одинокой Сосны закрыт. Это было сделано по распоряжению федерального правительства?

– Насколько мне известно, ни о каких переговорах речи не велось. Позднее, когда узнаем обстановку более точно, мы, возможно, вступим в переговоры. Район города закрыт правительством штата. Губернатор разговаривал с президентом, но мы приказа не отдавали – это целиком местная инициатива. Очевидно, некоторые федеральные организации направят туда своих представителей.

– Спасибо, сэр.

– Но не согласитесь ли вы, – встал корреспондент «Лос-Анжелес Таймс», – что если упавший объект и тот, что висит на орбите – пришельцы из космоса, то это становится событием международного масштаба, а не чисто внутреннего?

– Я не могу говорить от лица госсекретаря, но скажу, что ваш вопрос не лишен логики,

– Давайте продолжим эту тему, – вмешался журналист из канзасской «Стар». – Если будет установлено, что упавший в районе Одинокой Сосны объект действительно является космическим кораблем со звезд или, по крайней мере, из-за пределов Солнечной системы, то – допуская такую возможность – смогли бы вы сделать прогноз национальной политики? Будет ли сделана попытка установить контакт или хотя бы провести ограниченный обмен мнениями с разумными существами, которые могут находиться на борту этого объекта?

– Так далеко в будущее мы не заглядывали. Пока нет сведений...

– Но если в течение нескольких дней такие сведения появятся, то какова будет реакция правительства?

– Если вы хотите спросить, не собираемся ли мы одним махом, без суда и следствия, уничтожить пришельцев, то вряд ли. Это не официальное заявление, это только мое представление о методах работы нашего правительства. Да, кто-то выстрелил в объект сразу же после посадки. Но это был поступок безответственного жителя Одинокой Сосны, который при виде объекта потерял контроль над собой. Я надеюсь, что все мы будем действовать, как разумные люди,

– А как, по-вашему, должны действовать разумные люди?

– Я полагаю, что разумные люди могли бы попытаться установить какой-то контакт. Хотя, вероятнее всего, он окажется весьма ограниченным. Но как только мы установим такую ограниченную связь, то сможем достичь и чего-то большего. Но боюсь, вы заставили меня выйти за рамки

моих полномочий. Пока мы не имеем никаких оснований давать официальные ответы на подобные вопросы. Эти вопросы еще даже не обсуждались. По крайней мере, насколько мне известно.

— Вы, конечно, осознаете — заметил корреспондент «Эй-Би-Си», — что если это тот самый случай — если мы имеем дело с иным разумом откуда-то из другого района Галактики — то это может оказаться самым значительным событием за всю историю человечества?

— Лично я вполне это сознаю. Но, опять-таки, сейчас я не отражаю официальной позиции. Я уже сказал, что этот вопрос еще не обсуждался. Наше понимание ситуации еще не дошло до этого.

— Мы понимаем это, Дэйв, — пояснил корреспондент «Эй-Би-Си», — мы просто задаем вопросы, которые могут прийти в голову очень многим.

— И на том спасибо.

— Но если мы перейдем к более насущным вопросам, — присоединился к разговору корреспондент балтиморской «Сан», — то не могли бы вы сказать, какой следующий шаг предпримет администрация?

— Я думаю, это могло бы быть наблюдение. В течение ближайших двадцати четырех часов мы намерены привлечь к этому максимальное число квалифицированных наблюдателей. Вероятно, многие из них окажутся учеными из всех уголков нашей страны, там будут не только люди, связанные с правительством. А в остальном, я думаю, будем действовать по обстоятельствам. Сомневаюсь, чтобы кто-то мог заранее предсказать, как они будут развиваться.

– Вернемся к объекту, обнаруженному на орбите, – подал голос представитель детройтской «Ньюс». – Не может ли эта огромная масса оказаться просто скоплением космического мусора? Над Землей давно носится множество хлама. Может быть, он просто собрался в кучу из-за взаимного притяжения?

– Возможно и такое. Но в физике я профан и не могу сказать этого наверняка. Этот вопрос еще не всплывал. Возможно, агентство по аэрокосмическим исследованиям может сказать что-нибудь на этот счет.

– Нельзя ли послать кого-нибудь, чтобы взглянуть поближе? Этот вопрос не рассматривался?

– Сомневаюсь. Но, возможно, с космической станции будет послан один из челноков. Такая вероятность есть, но это дело будущего.

– Если будет установлено, что нас посетили гости из Галактики, – поинтересовался корреспондент «Си-Би-Эс», – как бы вы оценили воздействие этого события на нас... на все человечество? Осознание факта, что там кто-то есть?

– Воздействие, несомненно, будет значительным. Но я не могу давать сейчас никаких комментариев. На такой вопрос вам следует искать ответ у наших ведущих социологов.

– Мистер секретарь, – от имени остальных сказал представитель «Нью-Йорк Таймс», – благодарим вас за встречу в столь поздний час. Надеемся, вы будете держать нас в курсе событий?

– Как всегда, мистер Смит,

Портер смотрел, как они один за другим покидают зал. Марсия поднялась из-за своего стола и встала рядом.

– Кажется, все прошло довольно хорошо, – заметила она.

– Сегодня они были настроены довольно мирно. «Крови» никто не жаждал, – согласился Портер. – Потом это дело может получить политическую окраску, но пока об этом говорить рано. Новость слишком свежа и с политической никак не связана. Но, дай только ребятам на Капитолийском холме пару дней, и это станет политикой.

Он вернулся к столу и сел в кресло, ожидая, когда Марсия соберется и уйдет.

В комнате было тихо. Где-то далеко звонил телефон, кто-то шел по коридору и звуки шагов гулким эхо отдавались в пустоте.

Портер взял трубку и набрал номер. На его счастье, ответила Элис:

– Я ждала, что ты позвонишь и сидела у телефона. Как прошла пресс-конференция?

– Неплохо. Они меня не съели.

– Бедняга Дэйв!

– Все нормально, я сам хотел этого. Отрабатываю свою зарплату.

– Ты никогда не просил.

– Ну, может, и нет, но сразу же ухватился за шанс получить эту работу.

– А у тебя есть шанс сбежать ко мне? Я уже приготовила выпивку.

– Боюсь, не получится, Элис. Лучше остаться здесь, где со мной можно легко связаться. Пока что, по крайней мере.

– Тогда привет! Увидимся после. Стой, минутку. Папа подает мне отчаянные знаки, хочет с тобой поговорить.

– Тогда передай трубку. Я всегда рад возможности поговорить с ним.

– Спокойной ночи, дорогой. Даю папочку.

В ухо Портера загудел голос сенатора:

– Дэйв, что там у вас происходит? Телевидение дает сообщение за сообщением, но, черт побери, ничего конкретного! Похоже, никто не знает, что происходит. Скажи, есть ли что-то реальное в том, что нас действительно посетили пришельцы из космоса?

– Мы знаем об этом столько же, сколько телевизионщики, – ответил Портер. – Есть еще одна свежая новость. Станции слежения засекли на орбите что-то необычное.

Он быстро пересказал сенатору сообщение о новом объекте.

– Видимо, действительно что-то есть, – согласился тот. – Пока что все это не похоже на глупые киношки и телефильмы. Никаких маленьких зеленых человечков.

– Никаких человечков. Мы должны примириться с мыслью, что это совсем не люди.

– Если там действительно кто-то есть.

– Вот именно.

– Мы, американцы, любим делать поспешные выводы. У нас избыток воображения и недостаток здравого смысла.

– Пока что страна воспринимает это нормально. Никаких истерик. Никакой паники.

– Пока что, – заметил сенатор. – Пока для истерики причин нет. Но еще немного, и пойдут самые нелепые и дикие слухи. Всегда найдутся чертовы дураки, которые распускают дурацкие слухи. И еще одно, Дэйв.

– Да?

– Есть ли намерение сделать это дело международным?

– Я не совсем понимаю...

– Мы поделимся этим с другими странами? Расскажем ли мы остальным о том, что происходит?

– Сенатор, я не понимаю вас. Пока делиться нечем.

– О Боже, Дэйв, есть чем! Если у нас в Миннесоте приземлились инопланетяне, их нужно брать под себя. Ты только представь – новый разум, новая техника!

– Я понял вашу точку зрения.

– По крайней мере, мы должны первыми получить то, что можем от них узнать. Ведь это может буквально перевернуть весь мир!

– А вы представляете, какие возникнут трудности при установлении контакта, если только в этой штуке сидят инопланетяне?

– Конечно, представляю. Я все представляю. Но у нас есть мозги – лучшие в мире ученые.

– Пока что это не обсуждалось.

– А ты оброни словцо. Я сам постараюсь встретиться с президентом. Но если бы и ты со своей стороны молвил...

– Словцо-то я оброну, но не уверен, что его услышат и поймут.

– Одно слово. Это все, что я прошу. Одно слово, прежде чем вы помчитесь в атаку, прежде чем начнется настоящая суматоха. Передать трубку Элис?

– Если она хочет.

Немного поговорив с Элис, он положил трубку, развернул свой стул и увидел, что кто-то стоит в проеме двери, ведущей в коридор.

– Привет, Джек, – сказал Портер. – Ты давно здесь? Надо было войти и сесть.

– Появился секунду назад, – ответил Джек Кларк, военный советник президента.

– Я только что говорил с сенатором Давенпортом.

– Что ему было надо?

– Простое любопытство. Хотел с кем-нибудь поговорить. Сегодня ночью многим потребуются собеседники. Подозреваю, что страна потихоньку встает на дыбы. Тревожиться пока не о чем, но уже как-то неуютно, строят много догадок или даже заботятся о спасении души.

– И пока что никаких признаков того, что это может быть всего лишь безобидный хлам из космоса?

Портер покачал головой.

– Нет, Джек, я так не думаю. Эта штука двигалась, черт ее дери!

– Может, это машина.

– Возможно, но этого достаточно, чтобы напугать меня.

Кларк вошел и сел на стул в углу стола.

– Как президент? – спросил Портер.

– Отправился спать. Но не думаю, что он заснет. Очень расстроен этими событиями. Особенно донимает его неизвестность. Подозреваю, что она тревожит всех.

– Ты только что сказал, что это может быть всего лишь машина и не более. Джек, почему ты стараешься отрицать возможность наличия разума внутри этой штуки?

– Черт его знает, почему. Наверное, ты прав: я именно стараюсь. Стараюсь убедить себя. Почему-то мысли о разуме вызывают у меня страх. В последние годы было

столько шума с НЛО, и теперь почти все имеют какое-то предвзятое отношение к ним.

– Но эта штука не НЛО в общепринятом смысле этого слова. У нее нет привычных характеристик: никаких сверкающих огней, воя, свиста, вращения.

– Это здесь ни при чем, – сказал Кларк. – Если будут доказательства, что эта штука живая или внутри нее кто-то живой, полстраны завопит от ужаса, а вторая половина решит, что наконец-то настал Золотой Век. И лишь немногие воспримут это нормально, как должное.

– Если обнаружится, что мы имеем дело с инопланетным разумом, то федеральному правительству, а особенно военным, придется многое объяснять. Уже много лет выдвигаются обвинения, что военные скрывают факты об НЛО.

– Послушай, ты думаешь, что один ты такой догадливый? Это первое, о чем я подумал, как только услышал о приземлении этого ящика.

– Но скажи мне честно, есть в этом что-то? Вы что-то скрываете?

– Откуда мне знать?

– А кому же знать, черт побери?! Джек, если мне придется отбивать атаки в этом направлении, я должен знать правду.

– Как я понимаю, об этом должна знать разведка – ЦРУ или ФБР.

– А не могут они в сложившихся обстоятельствах что-нибудь раскрыть?

– Сомневаюсь, – сказал Кларк.

8. МИННЕАПОЛИС

– Кэти еще не объявлялась? – спросил Гаррисон у Джима Голда.

– Пока нет. Корявый Грант продолжает держать линию. Кстати, он большой любитель поболтать, но мы уже исчерпали все темы для разговоров. Он дал мне вполне приличное описание этой штуковины и рассказал кое-что о реакции людей в городке. Весь материал я передал Джексону. Он только что закончил статью.

Голд взял трубку:

– Мистер Грант, вы еще здесь?

Некоторое время он молча слушал, затем положил трубку на стол:

– Он еще там.

Гаррисон сел за свой стол, взял доставленный посыльным из типографии отпечаток первого выпуска, развернул и просмотрел первую полосу.

Заголовок гласил:

«В МИННЕСОТЕ ПРИЗЕМЛИЛСЯ ОБЪЕКТ ИЗ КОСМОСА»

На этой полосе не было ничего, кроме репортажей, касающихся посадки космического объекта – это главное событие номера. Боковая колонка о реакции жителей Одинокой Сосны, материал для которой дал Фрэнк Нортон. Репортаж из кабинета губернатора. Интервью с начальником дорожного патруля. Сообщение вашингтонского бюро «Трибьюн». Аналитический очерк Джея Келли, в котором рассматривается вопрос о возможности разумной жизни во Вселенной и вероятность посещения

Земли одним из представителей этих разумных галактических форм жизни. Кроме того, там была карта, показывающая расположение Одинокой Сосны.

«Хорошее начало», – подумал Гаррисон. Теперь главное, чтобы вышла на связь Кэти и прибыли пленки Фрэнка.

– Парень с пленками появился? – спросил он у Энни.

– Звонил десять минут назад, из Аноки. Останавливался заправиться.

Гаррисон взглянул на стенные часы в дальнем конце комнаты – 10:05. Еще остается достаточно времени, чтобы проявить пленки и подготовить пару снимков для печати.

– А молодой человек Кэти не звонил? – вспомнил он. – Она сразу же спросит об этом, едва возьмет трубку.

– Пока никто не звонил. Я только что проверила почтовый ящик Кэти на тот случай, если мы не поднимали трубку и он оставил записку в ящике. Но там пусто.

– Наверное, надо позвонить ему домой. Ты знаешь его адрес?

– Да. Джерри Конклин. Студент университета. Телефон должен быть в справочнике.

Гаррисон обвел комнату взглядом. Совсем не похоже на то, что было вечером. Теперь за столами сидело много людей, причем большинство из них уже давно могло уйти домой. Например, Джей, который ездил в Рочестер за материалами о лечении рака. Он вернулся и написал статью, а потом написал еще аналитический обзор о разумной жизни во Вселенной, и все еще сидит здесь. Многие оставались на местах на тот случай, если еще понадобятся. «Хорошая команда, – подумал Гаррисон. – Но, черт побе-

ри, они не должны этого делать. Когда рабочий день кончается, все должны расходиться по домам».

— Я забыл о том, что мы должны приготовить жилье для Кэти и Чета. Где они переночуют? Есть там что-нибудь в этой Одинокой Сосне?

— Маленький мотель, — отозвался Голд. — Энни заказала комнаты по телефону. Но когда она позвонила, оказалось, что это уже сделал Фрэнк Нортон.

— Отлично.

К столу Гаррисона подошел редактор отдела экспресс-новостей Хол Рассел.

— Джонни, — сказал он, — бюро посылает новый материал. Белый Дом только что сделал заявление на пресс-конференции. На орбите замечен внушительных размеров объект неизвестного происхождения. Кажется, есть предположение, что он как-то связан с этой черной коробкой из Одинокой Сосны. Может быть, корабль-матка.

Гаррисон обхватил голову руками.

— Эта ночь когда-нибудь кончится? Придется оставить место в номере. Сними с первой полосы интервью с губернатором, остальное перетасуй. Этой новости нужно дать почти столько же, сколько и основному материалу. Придется переделать заголовок.

— Материал только начали передавать по телетайпу. Примерный объем семьсот пятьдесят слов. Нам не хватит места. Придется что-нибудь выкинуть или делать дополнительную полосу.

— Послушай, Хол, у нас всегда найдется масса ерунды, которую можно безболезненно выкинуть. Когда будет готов материал, принеси мне экземплярчик.

– Конечно, Джонни, замечано.

– Я пыталась дозвониться до Джерри Конклина, сообщила Энни. – Ответа нет. Не понимаю, что могло с ним случиться?

– Когда Кэти вернется, она оборвет ему уши, – сказал Голд. – Не хотел бы я быть на его месте.

Вразвалочку, натываясь на столы, к редактору городской хроники двигался неуклюжий, долговязый главный редактор Эл Латроп. В руке он держал оттиски, а на его лице была тревога. Он подошел к столу и навис над Гаррисоном, глядя на него сверху вниз.

– Не знаю, – прорычал он, – чего я нынче нервничаю. Мы ведем себя так, будто эта штука в Одинокой Сосне действительно из космоса. Словно она какой-то космический пришелец.

– Но она в самом деле из космоса, – сказал Гаррисон. – Она спустилась с неба и совершила мягкую посадку. Мы разгребли эти путанные новости...

– Но не так, как я себе представлял. По-нашему, выходит, будто там разумные пришельцы, а это НЛО.

– Прочти еще раз, – сказал Гаррисон. – Внимательно прочти первую полосу. Мы ничего такого не говорили. Мы написали только то, что передали нам очевидцы. Если они видели НЛО или что-то в этом роде, мы так и говорим. Но, кроме этого, мы ничего...

– Эта статья Джея...

– Только анализ. Чистые размышления, Джей так и говорит. Может ли существовать в космосе чужой разум, какой он мог бы быть, каковы шансы на посещение нашей планеты. Все это уже сто раз писалось в газетах, журна-

лах, передавалось по телевидению. Каждый абзац Джей начинает с оговорки «если». Если объект, опустившийся возле Одинокой Сосны, является разумным или чем-то совсем иным...

— Нужно быть осторожнее, Джонни, Мы можем посеять панику.

— Но мы максимально осторожны. Мы даем объективный репортаж и не выходим за рамки...

Зазвонил телефон, и Энни сняла трубку,

— Ладно, — согласился Латроп. — Будем осторожны и дальше. И не будем выходить за рамки.

— Это из фотолаборатории, — сообщила Энни Гаррисону. — Только что приехал мальчишка с кассетами.

Голд протянул трубку своего телефона Гаррисону:

— Кэти вышла на связь.

Гаррисон схватил трубку и сказал:

— Одну минутку, Кэти.

Он прикрыл микрофон рукой и повернулся к Голду:

— Передай, чтобы отдел новостей был готов получить снимки. Парочку на первой полосе и, может, несколько внутри. Зайди в лабораторию и посмотри, что там у них получается. Если снимки годятся, постарайся, чтобы редакция новостей сделала хороший разворот. В газете полно барахла, которое мы можем безболезненно вышвырнуть.

Латроп, как заметил Гаррисон, все еще брел по проходу, сжимая в руке оттиски.

— Итак, Кэти, что у тебя?

— Во-первых, — начала Кэти, — что слышно от Джерри?

9. ОДИНОКАЯ СОСНА

Кэти с трудом выбиралась из липких глубин сна: кто-то настойчиво колотил в дверь. Квадраты задернутых шторами окон были озарены интересным светом раннего утра. Она стала нащупывать в поисках выключателя незнакомой лампы на непривычном столе. Комната, даже при беглом осмотре, поражала скудностью обстановки. «Черт, куда это меня занесло? – удивилась Кэти, но тут же вспомнила, – ах, да, в Одинокой Сосне!»

Это Одинокая Сосна, и кто-то барабанит в дверь так, словно хочет сорвать ее с петель.

Она наконец нашла выключатель и зажгла лампу. Откинув простыню, нащупала босыми ногами шлепанцы, потом отыскала в ногах кровати свой халат и с трудом натянула его.

В дверь продолжали стучать.

– Слышу, слышу! – крикнула она. – Сейчас открою!

И, запахнув халат, пошла к двери.

На пороге стоял Фрэнк Нортон.

– Мисс Фостер, извините, что пришлось побеспокоить вас в такую рань, но что-то там происходит. Упавшая с неба штука режет деревья и буквально проглатывает их.

– Проглатывает деревья?

Он кивнул.

– Да, подрезает у основания и поглощает. Проглатывает огромные стволы.

– Пожалуйста, разбудите Чета. Он в соседнем номере. Номер три. Я буду готова через минуту.

Нортон направился к номеру три, и она закрыла дверь.

В комнате было до отвращения зябко. При выдохе изо рта вырывались прозрачные завитки пара.

Шипя от холода, она быстро влезла в одежду, встала перед зеркалом, прогладит гребнем по волосам. Она отдавала себе отчет, что выгладит сейчас не лучшим образом. Ну и черт с ним, с видом! Что еще можно ожидать, когда тебя вытаскивают из постели в такую рань?

«Нортон спятил» – подумала Кэти. – Этот объект за рекой никак не может поедать деревья». Это могло быть шуткой, однако Нортон не похож на человека, способного так шутить, да еще в такую рань. Зачем же тогда этой загадочной черной штуке поглощать деревья?

Когда она вышла в коридор, нагруженный камерами Чет был уже там.

– Ты превосходно выглядишь, – сказал он, – даже в такое время.

– Иди к черту!

– Прошу прощения, – повторил Нортон, – что разбудил вас еще до восхода. Я долго думал...

– Ничего, все в порядке, – ответила Кэти. – Нам платят, в том числе и за это.

– В городе появились разные корреспонденты, – сообщил Нортон. – Притащились ночью. Троубридж из миннеаполисской «Стар», пара человек из Де-Муа, «Реджистер» и «Трибьюн». Все с фотокорреспондентами. Думаю, будут и другие.

– А как им удалось пробраться? Дороги-то перекрыты.

– Уже нет. Патруль повернул прочь основную массу и снял ограждение. Теперь там осталось лишь несколько машин. Наверное, среди них и ваша. Патруль отвел их на

обочину. Они пропускают прессу и кое-кого по спецпропускам, но основную массу желающих держат на расстоянии.

— А с телевидения есть кто-нибудь? — спросила Кэти.

— Пара групп, — ответил Нортон. — Они подняли страшный шум. Хотят перебраться на тот берег, но ничего не получается.

— Нет лодок?

— Они искали лодки, но тут их мало, да и те находятся не здесь, а у озер. На этой реке никто лодками не пользуется.

Пока они шли по улице, им почти никто не встретился. «Наверное, — подумала Кэти, — все сбежались на берег или к разрушенному мосту смотреть, как черная штука поедает деревья».

Еще не дойдя до реки, они слышали временами стихающий, а потом снова возникающий треск падающих деревьев и какой-то рычащий неровный звук.

— Это она ест деревья? — спросила Кэти.

— Точно, — ответил Нортон. — Валит дерево, подхватывает и...

— Но там же большие деревья, — усомнился Чет.

— А эта штука тоже не маленькая. Вот сами посмотрите.

Возле жалких остатков моста уже собралась приличная толпа. На дороге приготовились к работе три группы телевидения. Машина, сплюснутая упавшим объектом, исчезла. Возле дороги стоял патрульный автомобиль полиции штата, рядом прогуливались два полисмена. Кэти заметила, что вчерашнего полицейского среди них не было.

За рекой лежала черная коробка. Кэти изумленно присвистнула сквозь зубы. Все упоминали о больших размерах, но все же она была не готова к тому, что увидела. Коробка достигала половины высоты самых могучих деревьев. Огромная и черная, чернее всего на свете. Но что странно – в остальном смотреть была не на что: никаких антенн, никаких выступов; ничего привычного по фильмам о летающих тарелках. Просто прямоугольная черная коробка-переросток. И, что тоже странно, в ней не было никакой угрозы, ничего страшного – за исключением размеров.

Одно из больших деревьев перед коробкой стало медленно клониться, потом с шумом и треском повалилось на землю. Перед коробкой лежали щепки, кора, ветки – остатки других поваленных деревьев. Изнутри доносились шум и ворчание: коробка жевала, проглатывала и усваивала древесину. Поваленное дерево, казалось, обрело собственную жизнь – оно подпрыгивало, перекачивалось из стороны в сторону и потихоньку подтягивалось к переднему краю коробки.

– Чертова штукавина просто всасывает и пережевывает их, – пояснил Нортон. – Она начала работать почти полчаса назад и с тех пор переместилась почти на длину своего корпуса. По-моему, это не меньше трехсот футов.

– Что она делает? – поинтересовалась Кэти. – Пытается прорубить себе дорогу через лес?

– Если так, – сказал Нортон, – то путь ей предстоит неблизкий. Лес тянется миль на двадцать, сплошные чащи.

Они стояли и смотрели, хотя особенно смотреть было не на что. Просто громадная черная коробка валит деревья

и втягивает их в себя. Пугала, как отметила про себя Кэти, медленная неумолимость движения, ощущение мощи, уверенности, что никто не в силах ей помешать.

Кэти подошла к полицейской машине.

— Слушаю, мисс, — скачал один из полицейских. — Могу я вам чем-то помочь?

— А где машина? Та, что была раздавлена этой штуковиной. Вчера она была здесь.

— Приехал грузовик и увез. У водителя были все нужные бумаги. Мы ему не мешали. Связались на всякий случай с начальством по радио. Нам ответили, что все правильно.

— А кто отдал приказ?

— К сожалению, мисс, на этот вопрос я ответить не могу.

— ФБР?

— Я не имею права это обсуждать, мисс.

— Ну, ладно. Не можете, так не можете. Но что дальше будет, сказать-то вы можете?

— Прибудут инженерные войска и наведут временный мост. Мы ожидаем их с минуты на минуту. У них есть готовые сборные мосты.

Подошел Чет.

— Я снял все, что можно снять отсюда, — сообщил он. — Нужно подобраться поближе. Мы тут с Троубриджем и остальными обсуждали эту проблему. Думаем, что можно переправиться на тот берег и без лодки. Пониже заводи не очень глубоко, правда, течение довольно сильное. Во всяком случае, так нам сказали местные. Но если образовать цепочку, взявшись за руки, то перебраться можно.

Один из патрульных прислушался к их разговору.

– Переходить реку запрещено, – вмешался он. – У нас на этот счет есть приказ.

– Если будете переходить, то не забудьте меня. Я тоже пойду, – сказала Кэти.

– Черта с два! – отозвался Чет, – Останешься здесь и будешь охранять имущество. Его придется оставить на этом берегу. С собой я смогу взять только камеру и пару кассет.

– Чет, я иду на ту сторону. Если идут другие, то иду и я...

– Попку подмочишь, да и вода холодная.

– Мне и раньше случалось промокать и простужаться.

– Вся беда в том, что нашей помощи требуют эти олухи с телевидения. Хотят, чтобы мы тащили их тяжеленные бандуры.

Патрульный подошел ближе.

– Реку переходить нельзя, – повторил он. – У нас имеется соответствующий приказ.

– Покажите нам его, – воинственно сказал Чет.

– Письменного приказа нет. Все приказы устные, по радио. Никому не разрешено переходить реку.

Появился Трuebas из миннеаполисской «Стар».

– Я слышал, что вы сказали, – вмешался он. – Вам придется применить силу, чтобы остановить нас. Не думаю, что вы на это пойдете.

К первому полицейскому присоединился второй.

– Чертовы газетчики! – с отвращением процедил он и посоветовал товарищу: – Включай радио. Доложи, что тут происходит.

Подошел еще один журналист.

– Я Дуглас, газета «Стар», Канзас-сити. Мы понимаем, что у вас приказ, но нам позарез необходимо на ту сторону. Это наша работа. И по ту сторону реки федеральные земли. А вы – представители власти штата. Без решения суда, без ордера...

Патрульный ничего не ответил.

Дуглас повернулся к Кэти:

– Вы намерены идти с нами?

– Будь я проклята, если не пойду.

– Тогда держитесь поближе ко мне и не отставайте.

– Благодарю вас, сэр.

– Держи, – Чет протянул Кэти фотокамеру, – повесь на шею и не потеряй. Я помогу этим увальням с телевидения.

– А что делать с остальной аппаратурой?

– Сложим в кучу у дороги. Патрульные присмотрят за сохранностью.

– Как же, ждите, – проворчал патрульный.

Он отвернулся и пошел к машине, где его товарищ уже говорил по рации.

– Ребята, вы не очень-то вежливо обошлись с патрульными, – заметил Нортон.

– Мы потом извинимся, – заверил его Чет. – Черт возьми, у нас есть работа и ее нужно делать.

– Но есть же законы. Нельзя загораживать пожарные выходы и тому подобное.

– Это река, а не пожарный выход, – возразил Чет.

– Ладно, – согласился Нортон, – я пойду с вами. С другой стороны от Кэти. Будем присматривать, чтобы она не утонула.

Вернулся один из полицейских.

– Можете перейти, мы не возражаем. Но целиком на вашу ответственность. За все будете отвечать вы, если влетите в задницу, – добавил он, глядя на Дугласа в упор. – Хорошенько зарубите это у себя на носу.

– Спасибо, сэр, – ответил Дуглас. – Весьма охотно. Еще раз спасибо.

На берегу уже начала формироваться цепочка из тех, кто готовился форсировать реку. Люди толпились, кричали, суеились. Тробрэйдж поспешил взять командование на себя.

– Ну, хватит толкаться, – крикнул он. – Станьте в цепочку и крепко держитесь за руку стоящего рядом. Расслабьтесь и сделайте глубокий вдох. Вода ледяная – можете отморозить себе яйца.

Тут он вдруг вспомнил о Кэти.

– Кэти, извини.

– Ничего, не расстраивайся. Ничего нового я не услышала.

Цепочка полезла в воду.

– Боже! – взвыл телеоператор, первым ступивший в реку. – Вода – точно лед!

– Спокойствие, – ответил кто-то из задних, – только спокойствие!

Шаг за шагом они пересекли речку. В самом глубоком месте вода доходила до пояса высокому мужчине.

Войдя в воду, Кэти заскрежетала зубами. Но они осторожными шагами продвигались к середине, ее правую руку обхватила мощная ладонь Дугласа, а левую, словно тисками, сжимал Нортон, и Кэти забыла про обжигающий холод, целиком сосредоточив внимание на ходьбе.

Ведущий достиг противоположного берега, за ним второй, и они вместе помогли выбраться на берег остальным.

Стуча зубами, Кэти карабкалась на берег, мотая висящей на шее камерой Чета из стороны в сторону. Чет протянул руку, помог ей преодолеть последние несколько футов, и снял камеру.

– Немного пробегись или, на худой конец, попрыгай на месте, – посоветовал он, – Старайся все время двигаться, так будет легче согреться. А то ты похожа на мокрую курицу.

– Да и у тебя вид не лучше. Кстати, у всех остальных тоже.

Кое-кто из остальных уже побежал по крутому берегу реки. Кэти присоединилась к ним. Слева от них нависал сошедший с небес объект, теперь уходивший в те же небеса, словно высокая стена. Грохот падающих деревьев и рокочущий гул, раздававшийся изнутри черного объекта, был здесь громче, чем на том берегу.

Фотографы заняли боевые позиции и взяли черную коробку на прицел.

Вблизи объект производил более внушительное впечатление, чем на расстоянии. Здесь делались зримыми истинные размеры и ощущалась его величественная непоколебимость – огромный черный блок медленно полз вперед, не уделяя ни малейшего внимания людям, окружившим его, словно муравьи, будто просто не замечал или игнорировал их, будто они не существовали – просто мелкие твари, недостойные его интереса.

Кэти отстала, оказавшись у заднего конца объекта, пытаясь определить, каким же образом он передвигается. Не

было ни колес, ни гусениц – вообще никаких движителей. Казалось, он не касается земли, оставляя зазор в несколько дюймов. Кэти хотела опуститься на колени и просунуть в зазор ладонь, чтобы проверить, действительно ли он существует, но передумала – в последнюю секунду мужество изменило ей. Так можно запросто остаться без руки – решила она.

Коробка, как оказалось, была не идеальным параллелепипедом: обращенная к Кэти стена уходила вертикально вверх, но задняя стена, а может, и передняя, немного выдавалась вперед, так что самая близкая к земле часть была чуть выпуклой. По какой-то непонятной причине вся эта штука напоминала черепаху, спрятавшуюся внутри своего панциря.

Кэти направилась в сторону, противоположную движению объекта, и тут же обо что-то споткнулась, больно ударившись пальцем ноги, но удержалась на ногах и не упала. Наклонившись, чтобы взглянуть, обо что споткнулась, Кэти увидела на земле что-то белое и гладкое. Присев, она отвела в сторону траву и ветки подлеска, и обнаружила, что это свежий пенёк, почти не выступающий над землей.

Пораженная, она провела ладонью по идеальной поверхности среза. Кожу смочили капельки живицы, уже собравшиеся там. Выходит, эта чертова коробка не валит деревья, как она думала, а подрезает, и уже потом толкает своим весом, чтобы они падали вперед.

«А это значит, – подумала Кэти, – что лесоповал – не просто прокладывание дороги, эта черная штука специально сконструирована для подобных операций». Едва она

успела подумать об этом, как задняя стена «черепахи» вдруг свернулась и ушла наверх, словно дверь автоматического гаража, отреагировавшего на сигнал.

Дверь поднялась на пять-шесть футов и через отверстие вылетели три больших белых предмета. Вместе с ними вылетел фонтан иголок, коры и веток, словно трава из сенокосилки.

Задняя стенка встала на место.

«Мусоропровод? – подумала Кэти. – Неужели я видела мусоропровод этого механизма?» Эти тюки могли быть отходами производства, хотя такой уверенности у Кэти не было.

Она подошла к одному из белых тюков, осторожно протянула руку, но тут же отдернула, так и не прикоснувшись к его белой поверхности.

Белый материал был плотно спрессован, но не связан никакой веревкой или проволокой. Кэти все-таки решилась – ткнула пальцем и почувствовала упругое сопротивление, потом рискнула отковырнуть кусочек белой субстанции.

«Похоже на хлопок. Любопытно! Тюки хлопка, вылезающие из внутренностей загадочного монстра, поедающего деревья».

С противоположного берега донесся шум и пронзительный скрежет металла. Кэти обернулась. На том берегу стоял большой грузовик, оборудованный краном, и стрела крана, развернувшись, подхватила с платформы продолговатую деревянную конструкцию; в кузове лежало еще несколько таких же. Кэти догадалась, что это приехали военные инженеры – собирать из готовых блоков временный

мост. «Может, – с надеждой подумала она, – нам больше не придется переходить реку вброд». Она прикинула, сколько понадобится времени на сборку моста и надеялась, что не так уж много, потому что снова лезть в ледяную воду не хотела.

Услышав за спиной быстрые шаги, она обернулась и увидела Чета, мчавшегося к ней в сопровождении других фотографов и телеоператоров.

– Что тут у тебя? – пропыхтел Чет. – Откуда эти тюки?

– Их только что выплюнула коробка.

Чет принял боевую стойку, прищурив зорким глазом к видискателю камеры, готовясь сделать снимок. В это время подбежали остальные. Телевизионщики начали лихорадочно устанавливать свою аппаратуру, некоторые тут же затеяли съемку ручными видеокамерами, в то время как остальные возились со штативами и электронным оборудованием.

Кэти медленно отошла. Больше она ничего не могла сделать. «Стыдно, – подумала она, – ведь это отличная новость для дневных выпусков, и она окажется на экранах телевизоров намного раньше, чем выйдет «Трибьютн». Так бывает иногда, – философски успокаивала она себя. – Что-то выигрываешь, но что-то и теряешь. И поделаться тут нечего».

Что же это могло означать? Черный коробчатый монстр поглощал деревья и выбрасывал тюки белого вещества, внешне очень похожего на хлопок, вместе с мусором – вероятнее всего, отходами производства? Что это за вещество? Побочные продукты переваривания дерева? Можно понять, откуда берутся ветки, листья, кора, опилки

– от деревьев. Но что это за белое вещество? Что-то такое она уже слышала раньше, еще в дни учебы в колледже, только не могла вспомнить. Естественные науки и математика всегда давались ей плохо.

Наконец выскочило нужное слово – «целлюлоза». Может, это она и есть? Кэти смутно припоминала, что древесина в значительной степени состоит как раз из целлюлозы. Кажется, все растения включают в свой состав целлюлозу. Но сколько же ее в них? Достаточно, чтобы стоило пережевывать древесину и выделять ее? И похожа ли она на хлопок? И если это действительно целлюлоза, то на кой черт нужно этой странной машине ее производить?

Обдумывая все это, Кэти продолжала пятиться от громадины, закинув голову и стараясь лучше оценить размеры и масштаб черного объекта.

Ее остановило дерево. Кэти наткнулась на него спиной, отступив уже к самому концу просеки, оставленной ползущим через лес объектом.

– Кэти, – раздался позади тихий голос, – Кэти, неужели это ты?

Она сразу же узнала этот голос, сердце ее яростно заколотилось, и Кэти обернулась с вопросом:

– Джерри?! Что ты здесь делаешь?

А этот проклятый дурак стоял и ухмылялся; довольный, что сумел незаметно подкрасться к ней и напугать. На нем были высокие болотные сапоги, лицо исцарапано, рубашка порвана во многих местах.

– Джерри, – повторила она, не веря своим глазам.

Он прижал палец к губам в знак молчания и предупредил:

– Не так громко.

Кэти бросилась к нему, и он крепко ее обнял.

– Осторожно, – приговаривал он, – осторожно. Отойдем-ка отсюда.

И с этими словами увлек ее под прикрытие нависающих над землей веток.

Кэти почувствовала, что по щекам ее катятся слезы.

– Но почему осторожно, Джерри? Я так рада тебя видеть. Меня послал сюда отдел городской хроники, я оставила для тебя записку и велела передать...

– Осторожно, – повторил он. – Меня не должны заметить.

– Не понимаю. Почему нельзя? И почему ты вообще здесь?

– Вчера я оставил машину у омута и начал ловить форель. Потом опустилась эта чертова штука, расплющила машину, а я...

– Так это была твоя машина?

– Ты видела ее? Наверное, ей досталось как следует.

– В лепешку. Они утащили ее.

– Кто утащил?

– Не знаю. Увезли на грузовике. Скорее всего, ребята из ФБР.

– Проклятье!

– Почему?

– Этого я и боялся. Они обнаружат номер и выйдут на меня.

– Джерри, но почему ты должен прятаться? По какой такой причине?

– Я был в этой штуке. Внутри. Она втянула меня каким-то щупальцем.

– Внутри? Как же ты сумел выбраться оттуда?

– Она меня вышвырнула, – объяснил он. – Я приземлился на дерево, и это меня спасло.

– Джерри, я ничего не понимаю. Почему оно втянуло тебя внутрь?

– Наверное, чтобы исследовать, определить, что я такое. Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Всю ночь я просидел в лесу и никак не мог найти дорогу, потерял ориентацию. Я чуть не замерз до смерти. И все думал, думал.

– Значит, ты что-то придумал? Что же именно?

– Я решил, что не имею ни малейшего желания приобрести репутацию ненормального, побывавшего в летающей тарелке.

– Но это не летающая тарелка, Джерри.

– В принципе, это то же самое. Эта штука из космоса. Она живая. Я знаю это наверняка.

– Ты знаешь?..

– Да, знаю. Сейчас нет времени объяснять, откуда эти сведения. Но можешь мне поверить, что так оно и есть.

– Почему бы тебе не пойти со мной? Я не хочу, чтобы ты бродил, как дикарь, по лесу.

– Это ведь газетчики, не так ли?

– Да, конечно.

– Они меня на куски разорвут. Они забросают меня вопросами.

– Нет, я им этого не позволю.

– А у моста стоит полиция штата.

– Да, разумеется.

– Очень может быть, что они отслеживают меня. Для этого их и поставили. Наверное, уже поняли, что в машине

никого не было, что хозяин машины отправился ловить рыбу в омуте. На мне болотные сапоги. Они меня узнают по сапогам.

– Ладно, ладно. Что же ты думаешь делать?

– Я пробрался и осмотрел берег ниже по течению. А когда заметил патрульных, сразу понял, что возле моста переходить нельзя. Четвертью мили дальше есть мелкое место. Там я проберусь в город. Позднее мы встретимся.

– Раз ты так хочешь, Джерри, то будь по-твоему. И все же я уверена, что ты мог бы перейти на ту сторону, не прячась, а просто со мной.

Он покачал головой.

– Я уже все продумал. Я знаю, что начнется, если кто-нибудь заподозрит, что я был внутри этой штуки. Нет, будет лучше, если мы встретимся позже. Теперь иди, а то скоро тебя начнут искать.

– Сначала поцелуй меня, – сказала Кэти. Старый бродяга, ты же меня так и не поцеловал.

10. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Когда Дэйв Портер вошел в конференц-зал, все были уже в сборе. Кое-кто только что прибыл и рассаживался по местам. Президент сидел во главе стола. Начальник штаба генерал Генри Уайтсайд сидел справа от него, а комендант Белого Дома Джон Хаммонд – слева.

Джон Кларк, военный помощник президента, сидел в конце стола напротив президента. Он выдвинул один из немногих свободных стульев, словно приглашая пресс-секретаря сесть рядом.

– Спасибо, Джек, – сказал Портер, уселся на предложенный стул и придвинулся к столу.

– Дэйв, – спросил президент, – есть какие-нибудь новые телетайпные сообщения?

– Пока ничего, сэр. Думаю, все уже знают последнюю новость – пришелец начал двигаться и проглатывать деревья. Он превращает их в тюки целлюлозы.

– Об этом сообщили еще сегодня утром. Больше ничего нет?

– Ничего серьезного. Значительное внимание уделяется новому объекту на орбите.

– Хорошо. Давайте подведем итог – что нам известно о сложившейся ситуации? Генерал, не хотите ли начать доклад первым?

– Пока все спокойно, по крайней мере, внешне, – взял слово Уайтсайд. – Публика очень интересуется событиями, но паники нет. Пока нет, хотя она может разразиться в любой момент, если все будут настроены соответствующим образом. Напряжение, как я подозреваю, весьма ощутимое, но пока все находится под контролем. Кое-где отмечены выходы каких-то ненормальных, в нескольких колледжах и университетах прошли демонстрации мирного характера. Молодежь выпускает пар. Дорожный патруль вполне контролирует ситуацию в Миннесоте. Одинокая Сосна окружена кордоном. Общественность, кажется, воспринимает ситуацию вполне нормально. Особых требований на пропуск в закрытую зону не поступает. Губернатор привел в состояние повышенной готовности Национальную Гвардию, но особых причин пускать ее в ход пока нет. Представителей прессы в Одинокую Сосну пока

пропускают. Несколько фотокорреспондентов переправились через реку к пришельцу. Ничего не случилось. Пришелец продолжает заниматься своим непонятным делом. Признаюсь честно, мы были встревожены вчерашней гибелью местного парикмахера, но пришелец больше не проявлял никакой враждебности. Как я понимаю, сейчас там работает группа агентов ФБР из Миннеаполиса. Очевидно, более подробное сообщение может сделать глава службы.

Директор ФБР Тимоти Джексон кивнул:

— Пока что лишь предварительный рапорт, Генри. Как докладывают наши люди, пришелец не имеет снаружи каких-либо видимых следов оружия, По крайней мере, ничего такого, что можно было бы принять за оружие. Он, собственно, вообще не имеет снаружи никаких примет — ничего не торчит, ничего не прикреплено.

— А как же тогда был убит парикмахер? — спросил президент.

— Мы и сами хотели бы это знать, — ответил Уайтсайд.
— Но пока никаких намеков.

— Стив, ты послал туда своих людей? — обернулся президент к советнику по науке доктору Стиву Аллену.

— Они уже должны быть на месте. Ожидаю донесения с минуты на минуту. Но должен вас предупредить, что не стоит уповать на какие-то немедленные результаты. Мы явно имеем дело с чем-то, далеко выходящим за границы нашего опыта.

— Вы имеете в виду, — спросил государственный секретарь Маркус Уайт, — что мы столкнулись с внеземным разумом? С пришельцами из космоса?

– Всегда есть соблазн забежать вперед, – пожал плечами Аллен. – Признаюсь, мне хочется сказать, что это так. Но прямых доказательств у нас пока нет. Объект, несомненно, явился из космоса, и, как я уже говорил, на что-либо нам известное он не похож. Но, будучи ученым, я не хочу делать каких-либо скоропалительных выводов, не располагая строго аргументированными фактами.

– Вы просто уклоняетесь от ответственности, – сказал госсекретарь.

– Нет, Маркус, я просто воздерживаюсь от необоснованных выводов. Конечно, трудно представить, что эта штука имеет земное происхождение, но пока мы точно ничего не знаем. Некоторый оптимизм внушает тот факт, что вреда нам этот объект не причиняет и, надеюсь, причинять не намерен. Пока что он ведет себя мирно.

– Ломать деревья – не совсем мирное поведение, – заметил Уильям Салливан, секретарь по внутренним делам. – Представьте, мистер президент, этот район – один из наших лучших национальных заповедников. Совершенно нетронутый участок дикой природы, несколько тысяч акров белой сосны – в точности такой, как в момент появления в Америке белого человека. Нет, это просто трагедия.

– Мне кажется, – вмешался Хаммонд, – что этот лесоповал и выделка целлюлозы указывают на присутствие некоего организующего разума.

– Хорошо запрограммированная машина вполне справится с таким занятием, – возразил советник по науке.

– Но кто-то же должен эту машину запрограммировать.

– Это верно.

– Я считаю, – госсекретарь был невозмутим, – что по-

теря нескольких деревьев – такая мелочь, что не стоит о них скорбеть перед лицом текущих событий.

– С вашей точки зрения, – настаивал секретарь по внутренним делам. – Хотя с моей точки зрения это немало. Меня беспокоит бесцеремонность пришельца. Это не просто акт вандализма, он действует так, будто имеет законные права войти к вам во двор и срубить яблоню или обворовать сад.

– Мы зря теряем время, – сменил тему госсекретарь. – Мы должны выработать какую-то внутреннюю политику, а не спорить по мелочам. Если этот посетитель в Миннесоте окажется носителем инопланетного разума, у нас должна быть соответствующая позиция на сей счет. Мы должны быть готовы полностью контролировать ситуацию. Мы ведь не уверены, что это единственный пришелец. Возможно, остальные только ждут сигнала, чтобы явиться сюда. А если появятся новые, то нам надо спланировать первоочередную политику. Нужно заранее знать, как относиться к этим пришельцам. Уже сейчас необходимо наметить какие-то общие направления, пусть и без конкретных деталей – пока у нас есть время. Если мы этого не сделаем сейчас, то впоследствии придется решать наспех, и не всегда в свою пользу.

– Вы говорите так, что можно подумать, будто эта штука в Миннесоте является представителем новой нации, – заметил Уайтсайд. – Но мы не знаем, что это такое. И как в таком случае мы можем определить свою политику? Как военный, я считаю важнейшим направлением выработку способов обороны от возможной агрессии.

– Обороны? – повторил Уайт. – Но пока нет никаких признаков необходимости в какой-либо обороне.

– Нужно обсудить еще один вопрос, – сказал представитель ЦРУ Лесли Логан, – вопрос безопасности.

– Как это понимать? – спросил госсекретарь.

– А вот как. Если я Миннесоте мы имеем дело с внеземным разумом, если обнаружим, что черный объект прибыл, скажем, с другой планеты и является продуктом разума, эволюционировавшего иным путем, то он может стать источником очень интересных и ценных сведений. Совершенно иная техника – вот с чем мы будем иметь дело. И если мы сможем кое-что узнать об этой технике, то, возможно, сумеем кое-что употребить и в наших национальных интересах. Об этом нельзя забывать ни на минуту, в каком бы направлении ни шли исследования этого объекта, и я думаю, было бы неразумно делиться этими сведениями с остальным миром. Мы должны немедленно принять меры, предотвращающие утечку информации за пределы страны.

– Пока что посадку совершил только один пришелец, – ответил госсекретарь, – но могут быть и другие. А если это так, то велика вероятность, что высадка космического десанта будет произведена и в других странах. В таком случае, мы не сможем ничего укрыть, и будет разумнее поделиться полученными сведениями с остальным миром. И тогда мы сможем ожидать, что, в случае посадки объектов в других странах, с нами тоже поделятся знаниями.

– Во-первых, мы не знаем, будут ли другие десанты. А если и будут, то весьма немногие государства имеют достаточно мощные научные кадры, чтобы эту информацию добыть.

– Быть может, это и так, но если мы проявим чрезмер-

ную осмотрительность при огласке полученных сведений — это произведет на мировую общественность крайне негативное впечатление.

— Будьте спокойны, — вставил научный консультант, — мы хоть что-нибудь, да обнаружим.

— Мы можем опубликовать какие-то общие сведения, — сказал представитель ЦРУ. — Этот жест произведет благоприятное впечатление. Но я призываю не спешить и проявить предельную аккуратность.

— Весь мир заинтересовался этими событиями, — сообщил госсекретарь. — Я уже начал получать осторожные запросы. Сегодня утром со мной говорил по телефону сэр Бэзил из британского посольства. Думаю, завтра позвонит Дмитрий из советского, а потом и остальные. И мне кажется, что если мы с самого начала не станем прятать карты в рукав — это очень хорошо повлияет на международный климат. Очень скоро может сложиться мнение, что это дело международного значения и потому не может являться делом одной нации. Лично я склонен приветствовать идею приглашения ученых со всего мира для участия в наблюдении, научении и оценке полученных сведений.

Представитель ЦРУ покачал головой:

— Я с вами не согласен.

— Энди, а что вы можете сказать по этому поводу? — повернулся президент к министру юстиции Энди Роулинсу.

— Я не могу прокомментировать с ходу, — ответил тот. — Насколько я помню, в международном законодательстве нет ничего подходящего для нашего случая. Возможно, что-нибудь есть в каких-то соглашениях. Мне потребуется несколько дней.

– Вы рассуждаете как адвокат, – упрекнул его госсекретарь.

– Я и есть адвокат, Маркус.

– Тогда скажите, что вы думаете как человек, а не как юрист. Если эти мысли разойдутся с вашими драгоценными книгами, мы вас не осудим.

– Меня поражает то, что мы, обсудив собственные интересы, перешли к международным, ни словом не обмолвившись об интересах нашего гостя. Не знаю, с добром или со злом он явился в наш мир, но пока мы этого не выясним, мы, как радушные хозяева, не должны отказывать ему в гостеприимстве.

– Энди, – оживился госсекретарь, – это как раз то, что я пытаюсь сказать. Как всегда, у вас это получилось гораздо лучше.

– Но он уничтожает деревья! – воскликнул секретарь по внутренним делам.

– Хотя я и признаю, что мы должны быть гостеприимными хозяевами, – сказал Уайтсайд, – но не могу не настаивать на необходимости сохранять бдительность. Нельзя забывать о ней, ведь мы имеем дело с незнакомцем.

– Вы думаете, нам все же придется защищаться? – поинтересовался госсекретарь.

– Я не говорил этого, Маркус. Я лишь сказал, что мы должны быть начеку.

– Сегодня на пресс-конференции было довольно много вопросов относительно объекта на орбите, – заговорил Портер. – Журналисты интересовались, не собираемся ли мы послать на разведку челнок с космической станции? Я

ответил, что этот вопрос обсуждается. Как там сейчас? Кажется, об этом уже упоминали.

— Челнок может отправиться через час, — ответил представитель НАСА Джон Кроуэлл. — Требуется лишь приказ президента. Станция оповещена и команда челнока наготове.

— Насколько сложна эта операция? — поинтересовался президент.

— Довольно простая. Станция и объект находятся на геосинхронной орбите и разделены лишь несколькими тысячами миль. Мы уже использовали телескоп станции — как вам известно, не очень мощный — но все же получили некоторую информацию. Объект крупнее, чем предполагалось. Он имеет двадцать миль в диаметре и пять в толщину. Форма дисковидная. Скорее всего, составлен из отдельных блоков.

— У всех запрашивается мнение, — сказал Портер, — что этот объект как-то связан с нашим пришельцем. Может, это корабль-матка?

— Думаю, нужно послать челнок и выяснить, что там такое. Это опасно? — обратился президент к Кроуэллу.

— Определенно ничего сказать нельзя. Никакой особой опасности я не вижу. Но при столкновении с неведомым опасности не избежать.

— Что скажут остальные? — президент обвел взглядом присутствующих. — Будут ли какие-либо возражения?

— Могут возникнуть осложнения, — подал голос министр юстиции, — но мы все-таки должны выяснить, с чем имеем дело. А пилоту должен быть дан строжайший приказ вести себя крайне осторожно, чтобы ничего не потревожить. Никакого героизма и никаких лишних маневров.

– Согласен, – сказал госсекретарь.

– И я тоже, – присоединился секретарь по внутренним делам.

Вдоль стола прокатилась волна одобрительных возгласов.

11. ОДИНОКАЯ СОСНА

Джерри уже успел переправиться через реку и ждал Кэти, спускавшуюся к нему по склону холма за мотелем. Он сидел на краю зарослей сливовых деревьев, скрывающих его от взоров со стороны моста, удаленного от этого места на четверть мили вверх по течению.

Кэти обогнула дерево, увидела Джерри и бросила ему принесенные туфли:

– Больше тебе не придется ходить в сапогах. Я правильно определила размер?

– У меня восьмой, – сообщил Джерри.

– Эти восемь с половиной. Извини, я не знала, но лучше больше, чем меньше... В город, несмотря на полицейские кордоны, уже набежали зеваки. Так что, если ты будешь в нормальной обуви вместо сапог, никто на тебя не обратит ни малейшего внимания.

– Спасибо. Из-за сапог я чувствовал себя не в своей тарелке.

Она подошла и села рядом. Джерри протянул руку, обнял ее, привлек к себе и склонился, чтобы поцеловать.

– Приятное местечко, – сказала Кэти. – Давай посидим здесь, поговорим. У меня к тебе масса вопросов. Утром ты не дал мне и слова сказать. Так что давай, рассказывай все по порядку.

– Ну, в общем, я тебе уже говорил. Я побывал внутри этой штуки, и не один. Там была еще рыба из реки, кролик, енот и ондатра.

– Ты говорил, что они, видимо, хотели тебя осмотреть, исследовать. А остальных тоже хотели исследовать?

– Да, наверно. Представь, что ты инопланетянин и совершаешь посадку на неизвестной планете. Тебе ужасно хочется определить, какие здесь водятся твари.

– Начни, пожалуйста, с самого начала.

– Ты все равно будешь перебивать меня своими вопросами,

– Нет-нет, не буду. Обещаю хранить мертвую тишину.

– И обещай, что не будешь писать обо мне.

– Это зависит от твоего рассказа. Может, из него выйдет хорошая статья. Но если ты будешь против, то обещаю не писать. Может, я поссорюсь с тобой из-за этого, но если ты скажешь «нет», то статьи не будет.

– Ну что ж, это справедливо. Вчера я опрометчиво сделал крюк, чтобы добраться до этого места. Мне рассказывали, что ниже моста водятся огромные радужные форели. Я считал, что не смогу уделить рыбалке больше получаса – нужно было идти с тобой на концерт и...

– А, так ты помнил о концерте?

– Как же я мог забыть? Ведь ты грозилась, что...

– Ладно, давай дальше!

На протяжении дальнейшего рассказа она перебила его всего несколько раз и, когда он закончил, спросила:

– Почему же ты не вернулся в Одинокую Сосну, когда ночью оказался на свободе? Ты ведь знал, где можно перейти реку вброд.

— Тогда еще не знал. Я заблудился и проторчал в лесу до утра, понятия не имея, где нахожусь. Я не мог найти даже эту черную штуку, которую теперь называют пришельцем. Потом я нащупал какую-то тропинку и двинулся по ней на четвереньках. Стоило подняться, как я начинал наткаться на ветки. Я рассчитывал, что тропа куда-нибудь меня приведет, но напрасно. В конце концов она исчезла совсем, и тогда я понял, что надо ждать утра. Я забрался под небольшую елку, ветки которой опускались наподобие шатра, образуя что-то вроде логова. Они защищали меня от ветра, но все равно было ужасно холодно, а костер я развести не мог — не было спичек.

— И ты сидел там до рассвета?

— Да, а потом услышал треск падающих деревьев и утробное урчание, которое издавал, как я потом выяснил, пришелец, поглощая и пережевывая стволы. Я не понимал, что происходит — это же заповедник, и порубка здесь категорически запрещена. Я обрадовался — значит, кто-то может сказать мне, как добраться до Одинокой Сосны.

— Ты увидел кордон у моста и перепугался, не стал показываться из чащи?

— Правильно. Я осторожно двинулся на разведку вниз по реке, обнаружил вот этот брод. Потом услышал голоса людей на берегу — это появились вы — и пошел посмотреть. Любопытно было узнать, кто пришел. И там, к своему вящему удивлению, увидел тебя.

— Все-таки я до сих пор не совсем понимаю, почему ты боишься, что кто-то узнает о твоих приключениях и о том, что ты побывал внутри пришельца?

— Не понимаешь? У меня нет никаких доказательств. Я

буду выглядеть еще одним болваном, который хочет заработать дешевую популярность на сказках о посадке летающей тарелки. Теперь, наверно, вся страна, раскрыв рты, ловит новости из Одинокой Сосны. Достаточно и того, что народ встревожен.

— Верно. Особенно возбужден Вашингтон. Я говорила тебе о представителях ФБР. А сегодня утром к ним присоединилась целая армия научных наблюдателей.

— Если кто-то заподозрит, что я побывал в пришельце, они вопьются в меня клещами и выпьют кровь по капле. Начнут допрашивать и так далее. Я, конечно, с чистой совестью могу рассказать все — но где у меня доказательства, что я не сочиняю?

Скорое, всего, не поверят, но история попадет в газеты, и полстраны будет считать меня мистификатором. А другая половина, хуже того, поверит...

— Да, я понимаю.

— К тому же мой рассказ вряд ли кому поможет. Зато если я попаду к ним в лапы, меня уже не выпустят. Будут долго устраивать перекрестные допросы, будут стараться поймать на вранье, ошибках, противоречиях. Или хуже того — потащат в Вашингтон, а у меня и без того работы по горло, нужно писать диплом.

— Да, ты совершенно прав, хотя я и не вполне уверена, что выбор ты сделал правильный,

— То есть, ты не станешь выжимать из меня разрешение на статью?

— Ну что ты, я не осмелюсь. Это будет выглядеть чистойшей уткой, дешевой сенсацией, Никаких доказательств, только твои слова. Воображаю, что сказал бы об этом Эл Латроп.

– Кто такой Латроп?

– Наш главный редактор. Он, как волк, дерется за документальные подтверждения, и такая статья мимо него не проскочит. Даже Джонни ее не пропустит – он ведь знает, что у нас есть Латроп...

– Вот это радость, так радость! Я боялся, что мне придется долго препираться с тобой.

– Я просто волосы на себе рву. Какая была бы сенсация! Без сомнений, пошла бы в эфир. Ее перепечатала бы каждая газета. Миллионы людей проглотили бы ее в один момент. Ты мгновенно стал бы знаменитостью, героем...

– Или болваном-мистификатором.

– Это тоже может быть,

Кэти снова откинулась на его согнутую руку. «Как здесь хорошо», – подумала она. Солнце уже склонилось к западу, на небе ни облачка. Журчит река с веселой скороговоркой струй, минуя препятствия каменистого русла. За рекой ярко-желтые осины – такие яркие на фоне вечнозеленых сосен – безмолвно кричат о надвигающейся осени,

– Но ты ведь понимаешь, – продолжала Кэти, – что на тебя все равно выйдут, как только прочтут сплюснутый номерной знак или номер двигателя.

– Да, я отдаю себе в этом отчет и хочу выиграть время. Хочу прийти в себя, подумать, нащупать почву под ногами. Я должен сообразить, что же делать. Может, к тому времени вопрос о том, чья это машина, уже не покажется таким важным.

– Даже если тебя обнаружат, вовсе нет необходимости упоминать, что ты был внутри пришельца. Никто и не заподозрит чего-либо подобного. Тебя и не станут спраши-

вать об этом. Нужно просто выждать, пока этот шум и гам немного утихнет, пока выйдет немного пара. Думаю, вскоре пришелец подкинет им задачки потруднее. Через несколько дней ты сможешь потребовать страховку за машину. К тому времени я думаю, будет уже легко узнать, кто и куда ее утащил. И зачем.

— Это подождет. У меня есть проблемы поважнее — нужно как можно скорее вернуться в университет.

— Примерно через час Чет поедет в Бемиджи, повезет к самолету в Миннеаполис кассеты с пленкой. Паренек с бензоколонки сегодня утром пригнал машину Чета, вытащив ее из пробки у кордона, где мы вчера были вынуждены бросить ее. Ты можешь поехать с ним в Бемиджи, а там пересесть на самолет.

— Кэти, у меня нет с собой денег на билет.

— Чепуха, у меня есть деньги. Не забывай, что в редакции я взяла кучу денег на расходы.

— Я верну. Но придется немного обождать.

— Ничего, я вставлю эту сумму в отчет о командировке. Ну, на худой конец, как-нибудь перераспределю.

— Ох, как не хочется уезжать. Здесь так хорошо. А вернусь, так буду с трепетом ждать, когда зазвонит телефон или кто-нибудь хлопнет меня по плечу.

— Им нужно время. Возможно, они не будут спешить с поисками хозяина машины. Есть и другие задачи.

— Когда уезжает Чет?

— У нас еще есть немного времени.

— А когда ты намерена возвращаться в редакцию?

— Понятия не имею. Надеюсь, буду торчать здесь не слишком долго. Я вот что подумала, ну, о том, что ты мне

говорил. Ощущение дома, которое проецировал в твое сознание пришелец... Как ты думаешь, что это может значить?

— Я думал об этом. Это что-то необычное. Вряд ли в моей ситуации можно было ожидать чего-то подобного. Мысли у меня идут по кругу, не могу ухватить главное.

— В самом деле, странно.

— Конечно. Если бы это случилось не со мной, я бы сказал, что все это принципиально невозможно,

— А общее впечатление? Что может этот пришелец?

— Я пытался определить, что это такое — машина, управляемая кем-то разумным, или живое существо? Иногда мне казалось так, иногда эдак. Я до сих пор на распутье. Это преследует меня, не дает покоя. Может, если все изложить какому-нибудь ученому, наверно, экзобиологу, он бы понял то, чего я никак не могу ухватить.

— Но именно такого разговора ты и стараешься не допустить.

— Я стараюсь не допустить огласки, столкновения с правительственными агентами, всякими там спецслужбами, которые примутся запугивать меня или, наоборот, будут делать из меня дурака. И у всех не будет никакого понятия о том, что же происходит в действительности.

— Может, еще день-два, и пришелец улетит, — попыталась успокоить его Кэти, — и мы больше никогда его не увидим. Может, он заглянул к нам совсем ненадолго и скоро продолжит свой путь к неизвестной нам цели.

— Не думаю. Мне почему-то кажется, что это не так.

— Я знаю одного ученого в университете — это доктор Альберт Бэrr, экзобиолог. Не очень известный, но не-

сколько работ опубликовал. Год назад Джей писал о нем статью. По-моему, он неплохой парень, и тебе стоит поговорить с ним.

— Да, возможно я к нему загляну, — сказал Джерри.

12. КОСМОС

— Ты что-нибудь видишь? — спросил первый пилот челнока у второго. — Локатор показывает, что мы близко, но я совершенно ничего не вижу. А ведь должен что-нибудь видеть: блики или отражения. Солнце-то у нас за спиной.

— Ничего не вижу, — отозвался второй пилот. — Минуту назад мне что-то померешилось, но сейчас я абсолютно ничего не вижу.

— Я боюсь натолкнуться на эту чертову штуку. Может, свяжешься со станцией?

Второй пилот взял микрофон и стал вызывать:

— Станция... Станция, это Челнок. Скажите, где мы сейчас находимся?

— Челнок, — послышался голос, — по нашим данным, вы прямо над целью. Неужели вы ничего не видите?

— Ничего. Не видим никакого объекта.

— Уходите влево, — поступил приказ, — вы слишком близко. Попробуйте зайти под другим углом.

— Уходим влево. Попробуем под другим углом.

Вдруг первый пилот схватил его за руку:

— Бог мой! Ты видишь? Ты видишь, что это такое? Только посмотри!

13. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

И снова, как это всегда бывало, к несказанному удовольствию Дэйва Портера, он почувствовал гордость за Элис Давенпорт и за то, что его видят с ней, что эта красивая, шикарная женщина согласна проводить свое время с ним. Они сидели друг напротив друга за столиком в укромном, погруженном в сумрак уголке уютного вашингтонского ресторанчика. На столе мерцали свечи, откуда-то, словно издалека, доносилась музыка. Она подняла бокал и посмотрела на Дэйва.

– Видимо, это еще не самое худшее, – сказала Элис. – Сегодня ты пока не выглядишь таким измученным, как бывает порой. Как там, все нормально?

– Пресс-конференция прошла прекрасно. Они меня практически не били. Сегодня мы почти друзья. Не было даже особо трудных иди неловких моментов. Надеюсь, так пойдет и дальше. Я сумел убедить президента, что по этому вопросу следует играть чисто. Никаких недомолвок, никакой скрытности. Совещание с президентом и его ратью – вот это было нечто совсем иное. Кое-кто из этих негодяев явно страдает манией преследования. Сплошные параноики.

– Хотят надеть намордник на газеты и телевидение?

– Нет, не совсем так. Хотя, как я подозреваю, кое-кто был бы счастлив пережать горло прессе. Но я о другом. Салливан – тот прямо бился в истерике. Видите ли, погублены деревья. Госсекретарь требует немедленно выработать политику в отношении пришельца. ЦРУ советует держать в секрете все, что мы узнаем от пришельца и о

пришельце. Уайтсайд волнуется, как это мы сможем обороняться от пришельца.

– Дэйв, ты сказал «президент и его рать», словно ты не состоишь в этой рати. Ты не любишь этих людей президента и тех, кто вокруг него, не так ли?

– Вопрос не в том, люблю я их или нет. Я должен с ними работать. Но я должен сохранить свою позицию, не принимать условий, которые мне навязывают. Чем дальше, тем я вижу это яснее. Некоторые из них мне нравятся. Вот хотя бы Джек Кларк, военный советник президента. Как правило, мы находим общий язык.

– Но мы пока так и не знаем, с чем там имеем дело в Миннесоте.

– Нет, конечно, не имеем ни малейшего представления. Совершенно очевидным кажется только то, что гость явился из космоса, но это единственная достоверная информация, которой мы располагаем. Некоторые из принимавших участие в совещании, включая и советника по науке, не хотят признавать даже этого. Поэтому неудивительно, что мы ничего не знаем об этом объекте. Он приземлился всего лишь двадцать четыре часа назад. Если через неделю нам что-нибудь удастся узнать, то можно считать, что нам здорово повезло. Возможно, пройдет немало времени, прежде чем забрезжит понимание.

– Если он пробудет у нас столько времени.

– Верно, ничто не мешает ему улететь через денек-другой. И в таком случае нам хватит материала на годы, чтобы спорить и доказывать свои версии, любые предположения, любые идеи насчет того, как нужно было его принять. Надеюсь, он пробудет здесь достаточно долго, и нам все же удастся что-нибудь выяснить.

— Чего я боюсь, так это того, что он останется у нас слишком долго, и мы начнем сердиться. За наши драгоценные срубленные деревья или за что-то другое. Дэйв, нам нельзя позволить, чтобы возникла ненависть к пришельцу. Мы не можем себе позволить попасть во власть слепой ненависти. Можно не любить его, но нужно уважать, как любую живую тварь.

— Это в тебе говорит студент-антрополог.

— Можешь смеяться, конечно, но так и должно быть, если мы хотим добра. Вероятно, во Вселенной есть и другие формы жизни, а, следовательно, неизбежно должен существовать и разум. Но разумных форм жизни не так уж много...

— Мы даже не знаем, живая эта штука или нет.

— Она должна быть разумной. Пришелец опустился на дорогу, выбрав для посадки наилучшую из площадок, он срезает деревья и извлекает из них целлюлозу. Уже одно это говорит о каком-то разумном направлении действий.

— Запрограммированная машина...

— Я не могу принять такого предположения. Тогда программа должна гибко реагировать на миллионы ситуаций и различных обстановок. Сомневаюсь, что это возможно. Когда пришелец совершил посадку, он ведь мог и понятия не иметь, на какой планете находится. И даже если это машина, то где-то должен существовать и разум, вложивший программу в эту машину.

— Понимаю, но так можно рассуждать бесконечно долго. Получается замкнутый круг.

— Ты можешь опровергнуть выводы, но в любом случае мы имеем дело с результатами разумной деятельности.

Конечно, мы не можем принять идею, что это живое существо. Такая черная угловатая штука, похожая на ящик, говорим мы, не может быть живой. Ничего подобного нет на Земле, значит, пришелец должен быть машиной. Но это нелогично. Вторая причина – пришелец производит целлюлозу. Зачем? Нам целлюлоза необходима, чтобы делать бумагу и другие материалы, А ему зачем? Похоже, бумагу он делать не собирается. С нашей точки зрения, все это совершенно бессмысленно. И никто не подумал, что для него целлюлоза может быть сокровищем, а деревья – манной небесной. Вроде золота и бриллиантов для нас. Может быть, он преодолел многие световые годы, пока не наткнулся на планету, где существует целлюлоза. Вряд ли в Галактике так уж много планет, где растут деревья или подобные им растения.

– У меня ужасное предчувствие, – вставил Портер, – что ты приближаешься к какому-то конкретному заключению.

– Да, это так. Напрашивается параллель из нашей истории, которая может нас кое-чему научить. С неба падает какая-то штука, начинает брать все, что ей хочется, и совершенно игнорирует нас. То же самое сделали белые люди, придя в Америку, в Африку или куда-то еще, куда они направлялись для завоевания новых земель. Мы были такими же самодовольными, такими же уверенными в своем праве делать все, что захочется.

– Боюсь, что такой же вывод могут сделать и другие. Ты первая, но будут и другие. Индейцы, например.

– Коренные американцы, – поправила Элис.

– Будь по-твоему, пускай коренные американцы.

– И вот еще что. Нужно приложить максимум усилий, чтобы найти способ коммуникации с пришельцем. Может быть, что-то такое, о чем мы никогда не думали. Даже концепции такой не создали. Совершенно новая точка зрения и перспектива. То, что мы узнаем, может перевернуть всю нашу жизнь, изменить нас. Я всегда думала, что где-то на пути мы вступили на неверный маршрут. Может быть, пришелец вернет нас на путь истинный.

– Согласен. Но как нам войти в контакт? Чтобы обмен информацией имел какой-то смысл, нам нужно выйти за пределы примитивного языка простых знаков. Это должна быть полноценная беседа. И, возможно, мы вообще не сможем с ним разговаривать.

– Конечно, потребуется время, – согласилась она. – Нужно иметь терпение. Мы должны дать ему – и себе – шанс. Более того, нужно стараться не спугнуть его, не заставить покинуть Землю. Нужно удержать его здесь любыми способами.

– Пока что, Элис, не было и речи о том, чтобы заставить его покинуть нас. И даже если бы мы этого хотели, никто не имеет ни малейшего понятия, как это сделать.

14. ОДИНОКАЯ СОСНА

Кэти проснулась среди ночи от холода, свернувшись в постели калачиком, в темноте подавлявшей ее пустой комнаты мотеля.

Она думала о той тьме и холоде, через которые пронесся пришелец, чтобы прибыть на Землю.

Неужели это сон, удивилась она, сон уже забытый, но

еще длившийся первые мгновения после пробуждения? Во всяком случае, сна она совершенно не помнила.

Но мысль о пришельце, пронизывающем холоде и пустоте космоса не покидала ее. «Издали ли он явился к нам?» – подумала Кэти. Может, его дом находится за многие световые годы отсюда, на невообразимом расстоянии, во тьме, пронизанной светом миллиардов далеких звезд. И он несясь сквозь космос, подгоняемый нетерпением, видя свою цель, гонимый пустотой души, такой же глубокой и огромной, как пустота космоса. Гонимый голодом, неизвестным нам голодом, устремившись на поиски Земли или похожей на Землю планеты. Но почему именно такой же Земли? Потому, что на ней есть деревья? Она яростно потрясла головой. Должно быть что-то более ценное, чем деревья, что-то во много крат более ценное.

«Может, – подумала она, – пришелец совершает только галактическую разведку, создавая карту Галактики, или следует по полузабытому, смутному пути какого-то древнего путешественника, исполняя некую миссию? И человеческий разум не может воспринять цель этой миссии».

«Темнота и холод, – снова подумала она. – Почему они все время возвращаются? Холод, пустота, да еще одиночество, ничтожность отдельного «я». В бесконечном пространстве, где нет ни искры соприкосновения, ни хотя бы понимания, а только громадное, бесконечное безразличие, не обращающее ни малейшего внимания на все, что движется через него. Какое мужество способно выдержать это – добровольно кануть в утробу пустот? Какие мотивы должны двигать им сквозь эту бесконечность?»

Очевидно, у него есть какая-то глобальная цель. Тогда

это оправдывает то, что он совершил. Но если его цель – Земля, то он не мог знать, отправляясь в путь, что достигнет своей цели. Конечно, ведь никто, даже в самых невероятных далях пространства, ничего не может знать о Земле, не может иметь ни малейшего представления о ее существовании.

«Бедное, одинокое существо, – подумала Кэти. – Бедный испуганный пожиратель деревьев. Бедный пришелец из неведомого далека, ты идешь на Землю из бескрайних, безликих, безразличных пространств».

15. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер уже облачился в пижаму и расстилал постель, когда раздался звонок. Он машинально посмотрел на часы, стоявшие у изголовья кровати. Было почти два часа ночи.

– Это я, Джек, – послышался далекий голос, – Джек Кларк. Ты уже спишь?

– Еще минута, и я бы спал.

– Дэйв, кажется дело серьезное. Ты можешь подъехать в свой кабинет в Белом Доме? Мы придем туда.

– Кто это «мы»?

– Я, представитель НАСА, консультант по науке и Уайтсайд.

– А президент?

– Он спит. Не хотим его будить. Нужно обсудить некоторые вещи.

– Например?

– У тебя открытая линия связи, а это можно обсуждать лишь по секретному телефону. Дело очень серьезное, весьма и весьма серьезное.

– Буду через пятнадцать минут.

– Наверное, не мешает пригласить коменданта Белого Дома... Ты не против?

– Хаммонда? Конечно. Вызови его.

– Ладно.

Портер положил трубку. «Черт побери, – подумал он, – что могло случиться?» Кларк явно возбужден и встревожен, да и голос у него какой-то странный. Наверное, кто другой мог бы и не заметить этого, но только не Портер – он знал Кларка достаточно давно.

Его взгляд с сожалением остановился на постели. Почему бы просто не завалиться в кровать, не закрыться с головой и не послать к черту Кларка и всех остальных? Бог свидетель – он просто устал. За прошедшие сутки практически не сомкнул глаз. Но Дэйв знал, что всего лишь примеряется к этой мысли, оценивает ее. Через пятнадцать минут он уже будет шагать по коридору к пресс-центру. Портер начал снимать пижаму, направляясь к шкафу, в котором хранились носки и белье.

...Выйдя на подъездную дорожку, он остановился рядом с машиной и посмотрел на небо. Где-то на севере, далеко отсюда, шел на посадку реактивный лайнер – слышался его приглушенный гул. Портер поискал взглядом мигающие огни самолета, но их не было. Лишь ветер разметал по тротуару шуршащие осенние листья.

Все уже были на месте и ждали его. Все, кроме Хаммонда. Из кухни было доставлено кофе – на одном из столов стоял в окружении чашечек сверкающий хромом кофейник.

Уайтсайд занял стул за столом Портера и раскачивался

на нем взад-вперед. Кроуэлл – человек из НАСА – и доктор Аллен сидели бок о бок на небольшом диванчике. Кларк разливал кофе, готовясь раздать его присутствующим. В помещение пресс-центра быстро вошел Хаммонд.

– Что случилось? – спросил он. – В твоём голосе была тревога, когда ты говорил со мной, Джек.

– Не знаю, насколько эта тревога велика, – отозвался Кларк, – но нам нужно кое-что обсудить. Челнок вылетел на разведку, и станция передала рапорт.

– Что они сообщают?

Кларк жестом указал на Кроуэлла. Взгляды всех присутствующих обратились к представителю НАСА.

– Новый орбитальный объект, недавно обнаруженный, – начал тот, – как многие и предполагали, совершенно определенно связан с черным объектом в Миннесоте.

– Каким именно образом? – поинтересовался Хаммонд.

– Это вовсе не объект в классическом понимании этого слова. Это скопление пришельцев, аналогичных тому, что приземлился в Миннесоте. Сотни, может быть, тысячи таких же черных параллелепипедов. Пока что не было времени сосчитать их точно.

– То есть, рой таких же черных пришельцев, сгруппировавшихся в некое подобие колеса?

Кроуэлл кивнул.

– Можно было бы и не посылать челнок. Наблюдая в телескоп со станции, можно увидеть ту же картину. Наблюдатели видели не объект, а скопление частиц.

– Не совсем отдельных частиц, – уточнил Кларк.

– Но они еще остаются в скоплении, – сказал Хаммонд.
– Значит, рой пока не собирается распыляться.

– Наверняка сказать этого нельзя. Пилоты челнока сообщают, что по краям рой как бы начинает разрезаться. Частицы удаляются друг от друга. Все пришельцы – неудобное слово, но не знаю более подходящего – по краям диска вроде бы не так плотно и аккуратно упакованы, как по центру. Означает ли это, что рой собирается разделяться, мы не знаем. Если взять аналогию с пчелиным роем, то такая ситуация вполне нормальна. В пчелином рое, который сохраняет стабильность, всегда имеется периферийная группа пчел, этот рой покидающая и к нему возвращающаяся. Возможно, в нашем случае эта аналогия неверна. Пилоты челнока в этом не уверены. Ссылаются на плохую видимость.

– Плохая видимость? – удивился Уайтсайд. – А что им мешает?

– В космосе часто трудно бывает обнаружить какой-то предмет, – сказал Кроуэлл. – Нет соответствующего фона, на котором бы он выделялся. Объекты в космосе видны в основном только благодаря отражаемому ими свету.

– Но есть ведь солнце, – вставил Уайтсайд. – Рой должен быть почти в полном солнечном освещении. И отраженного света должно вполне хватить.

– В том-то и проблема, генерал. Отраженного света не было. Это приводит меня к убеждению, что мы имеем дело с так называемыми абсолютно черными телами.

– Черными телами? Я что-то слышал о них, но...

– Тело, поглощающее энергию. В данном случае это свет Солнца. Абсолютно ерное тело будет поглощать всю энергию, все падающее на него излучение, не отражая ничего.

— Да, конечно, — включился в беседу Аллен. — Я должен был и сам это понять. Чтобы путешествовать в пространстве, нужно много энергии. Таким способом они ее и накапливают. Может быть, ее в совокупности получается немного, но они берут все, что могут взять. Не только излучение Солнца в пространстве, каким бы слабым оно ни было, но и другие виды излучений. Удары микрометеоритов, к примеру. Это, конечно, энергия кинетическая, но, может, они способны трансформировать ее в потенциальную. Или вот космические лучи, а в них много энергии. Все это поглощается. Они как бы энергетические губки.

— Вы уверены в этом, доктор? — сухо спросил Хаммонд.

— Ну, не совсем. Но гипотеза весьма здравая. Возможно, все обстоит именно так. Должны же быть какие-то способы, чтобы космическая машина могла извлекать энергию, необходимую для существования. — Он обратился к Кроуэллу. — Еще до того, как вы сообщили нам о новых сведениях, я подозревал нечто подобное. Мои люди на Одинокой Сосны сообщают, что пришелец посылает какие-то сигналы — модулированные сигналы, заметьте. Значит, он с кем-то общается. Я спросил себя: с кем он связывается? Ответ казался очевидным: с другими, подобными себе. Больше никто не может раскодировать ту сумятицу, которую он передает.

— Что означает, — вклинился Уайтсайд, — что он передает своим родственникам, какие внизу прекрасные леса. Приглашает их как следует угоститься. Еще немного, и вниз посыплются новые черные коробки, рассядутся по нашим лесам и поправят салфеточки, собираясь приступить к сытному обеду.

– Генри, – сказал Хаммонд, – ты снова спешишь с выводами. Мы не можем утверждать наверняка.

– Но возможность существует, – упрямо стоял на своем генерал. – Мы не можем закрыть на это глаза. Бог мой, какой ужас!

– Что еще выяснили ваши люди? – спросил Портер у Аллена.

– Почти ничего. Пришелец состоит не из металла – в этом мы абсолютно уверены – но не знаем, из чего. Мы попытались взять образцы...

– Вы хотите сказать, что ваши люди подошли и попытались отковырнуть кусочек?

– Черт, да они вскарабкались на него, облепили, как муравьи. Осмотрели каждый дюйм. Он не обращал на них никакого внимания, даже не дрогнул. Продолжал спокойно валить деревья.

– Ради всего святого! – воскликнул Кларк. – Что же это такое?

Ему никто не ответил.

– И еще одно озадачивает меня, – продолжал Кроуэлл. – Каким образом оказался на орбите этот рой. Чтобы вывести объект из космоса на орбиту, нужно время – несколько витков вокруг Земли, и только тогда вы получите нужную орбиту и нужную скорость. Если бы этот рой делал какие-то предварительные маневры, наши станции засекли бы его еще раньше. Но они его не обнаружили. Они нашли его уже на орбите. И еще, этому скоплению пришельцев необходимы данные о Земле – планете, вокруг которой они хотят выйти на орбиту, особенно если это геосинхронная орбита. Нужно до десятой доли после запя-

той знать скорость вращения планеты, время вращения, силу тяжести. Получается, что рой возник как по мановению волшебной палочки, сразу оказавшись на нужной орбите, имея нужную скорость, и как это они и сделали, я просто не могу сообразить. Я бы сказал, что сделать такое невозможно.

— Итак, вы знаете все новости, — подытожил Хаммонд. — Что будем делать? Ведь именно для этого мы собрались, а? Нужно набросать план действий, чтобы утром я мог сказать старику, что у нас есть кое-какие ответы на вопросы;

— Во-первых, нужно предупредить всех губернаторов, — сказал Уайтсайд. — Нужно, чтобы они привели в боевую готовность соединения Национальной Гвардии.

— И это гарантирует нам хорошенькую панику по всей стране, — усмехнулся Хаммонд.

— Да и наши международные соседи начнут нервничать, — добавил Кларк.

— А может передать сообщение секретно? — предложил генерал. — Пусть просто будут готовы в любой момент дать соответствующую команду гвардейцам.

— Информация просочится наружу, — усомнился Портер. — Понятия секретности не существует, если речь идет о сорока восьми губернаторах штатов. Даже пятидесяти, считая Гавайи и Аляску. Если мы обойдем их, они тут же начнут совать нос во все дыры, выясняя, почему мы это делаем. Губернаторы — это политиканы, а некоторые из них болтуны вдобавок. У всех есть персонал...

— Дэйв прав, — сказал Хаммонд Уайтсайду, — паника будет распространяться сама собой...

– Если до этого дойдет, – вставил Портер, – стране нужно сообщить все, в том числе и то, что мы делаем. И почему это делаем. Через несколько дней они все равно узнают об этом. Так что лучше будет, если мы сообщим правду. Пусть информация идет от нас, а не от кого-то другого.

– Так. А кроме Национальной Гвардии, что мы можем сделать еще? – спросил Уайтсайд.

– Вы настаиваете на том, что пришельцы – враги? – в свою очередь спросил его Аллен.

– По крайней мере – потенциальные противники. Пока мы не узнаем о них побольше, нужно рассматривать их как потенциальную угрозу. А если они начнут вторжение, то автоматически переходят в разряд врагов.

– Наверное, настало время изложить ситуацию некоторым нашим союзникам, – сказал Хаммонд. – Пока мы от этого воздерживались. Но если рой начнет распадаться, то это будет касаться уже не только нас одних. Наверное, мы обязаны дать остальным знать о том, что происходит,

– Президенту нужно было присутствовать на этом совещании, – заметил Уайтсайд.

– Нет, – возразил Хаммонд, – пусть спит. Ему необходим отдых. Наступает долгий трудный день.

– А почему бы нам не предположить, что не одни мы выслали челнок? – спросил Портер. – У Советов тоже есть станция. Они тоже могли послать челнок. Мы объявили о новом объекте в космосе уже почти двадцать четыре часа назад. Так что время у них было.

– Не могу сказать наверняка, – ответил Хаммонд. – Но это выглядит маловероятным. Их станция расположена

дальше и полет челнока должен занять солидное время. Конечно, расстояние большого значения не имеет, но все же... Кроме того, у них меньше причин волноваться. Пришелец не у них, а у нас.

– А какая разница? – спросил Кларк.

– Мы не хотим, чтоб они туда летели, – сказал Портер, – и говорим: «Слушай, приятель, мы эти штуки знаем вдоль и поперек». Почему такая уверенность, что они знают меньше нашего – а то и побольше?

– По-моему, ваш спор имеет чисто академический характер, – сказал Хаммонд.

– Может, и так, – согласился Портер, – но мы должны стараться выглядеть не глупее, чем есть на самом деле.

– Вернемся к вопросу обороны, – предложил Уайтсайд. – Вы наложили вето на Национальную Гвардию. Если мы не можем привести в готовность эти части, то нужно предупредить регулярную армию.

– При условии, если существует возможность сделать это без разглашения тайны, – Хаммонд переложил блокнот с места на место, – если вы гарантируете, что не будет утечки информации.

– Это можно обеспечить, – пообещал Уайтсайд.

– Меня беспокоит опасность паники. Пока что все идет нормально, но стоит нажать не на тот рычаг, и вся страна загудит, как улей. Все эти годы было столько разговоров и дискуссий относительно НЛО, что люди полностью созрели для паники.

– Мне кажется, наоборот, разговоры насчет НЛО действуют нам на руку, – высказал свое мнение Портер. – Идея посещения Земли инопланетянами уже навязла в зу-

бах. Многие свыклись с мыслью, что однажды нас посетят другие разумные существа. Они уже подготовлены к этому, и потрясение будет не слишком сильным. Многие считают, что нам будет только лучше, если появятся летающие блюдца. У нас уже нет страхов, порожденных «Войной миров» Уэллса. По крайней мере, они уже не доминируют. Мы уже подготовлены в философском смысле.

— Возможно, это и так, — согласился Кларк. — Но стоит какому-нибудь дураку сказать полную глупость, и тут же начнется паника. Это как цепная реакция.

— Согласен, — кивнул Хаммонд. — Возможно, ты верно отражаешь проблему, Дэйв. Нужно рассказать стране все, что нам уже известно, дать им немного времени обдумать то, что они узнают. И если появятся новые пришельцы, люди будут наполовину готовы к этому. Необходимы успокаивающие слова, а главное — не переборщить. Пусть у них будет время на трезвое размышление, чтобы обдумать и пропустить через себя эту сенсацию.

— Итак, — сказал Кларк, — у нас есть следующее: военные будут проинформированы о сложившейся ситуации. Гвардию пока не трогаем, но она должна быть в состоянии боевой готовности. Скажем все, что можем сказать нашему народу, как и другим странам, скажем все откровенно. А как насчет ООН?

— Давайте пока оставим ООН в покое, — предложил Хаммонд. — Они и сами прибегут, не задержатся. И, как я понимаю, старик должен дать добро на весь наш план. Он проснется через пару часов — долго ждать не придется. Когда начнем действовать, времени терять будет уже нельзя.

— Джон, я хотел бы немедленно связаться с моими пар-

нями, — поднял руку генерал. — Не представляю, чем это может помешать. Все будет семейным делом, так сказать.

— Нет возражений. Это твое.

— Как я понимаю, — обратился Аллен к Кроуэллу, — станция ведет непрерывное наблюдение. Они нам сообщат, если там что-то начнется?

— Конечно. Мы узнаем об этом моментально.

— А что, если кому-нибудь, из наших союзников захочется пострелять, и он предложит ударить по рою ядерным зарядом? — спросил Уайтсайд. — Взорвать их к чертям собачьим? Или хуже того — начнут действовать самостоятельно?

— Генри, тебе в голову всегда приходят самые ужасные мысли, — констатировал Хаммонд.

— Но это возможно, — не унимался генерал. — Пусть лишь кто-то как следует перепугается.

— Будем надеяться, что именно этого и не произойдет, — сказал Портер. — Не думаю, что это вероятно. Но, видимо, следует разбудить госсекретаря. Его нужно ввести в курс дела. Может, он будет завтракать с президентом. Он и еще кто-то — министр юстиции, например. Я позвоню.

— И это все? — спросил Кроуэлл.

— Кажется, да.

— Наверное, уже не стоит ложиться спать, — заметил Кларк, поднимаясь из-за стола. — Часа через два начнет светать.

— Я не поеду домой, — сообщил Портер. — В конференц-зале есть удобный диван. Залягу там. А если хорошо подумать, то их там два. Кто со мной?

— Думаю, я не прочь, — отозвался Кларк.

16. ОДИНОКАЯ СОСНА

Шаркая ногами, Корявый Грант вошел в кафе «Сосна» и рухнул на табурет у стойки. Услышав грохот захлопнувшейся двери, появилась Салли.

– Ты работаешь с утра? – удивился Корявый. – Я думал, с утра будет Джуди.

– У Джуди насморк, так я ее заменяю.

Кроме них в кафе никого не было.

– А где все? – спросил Корявый. – В город понаехало столько народу...

– Спят допоздна, – сообщила Салли, – те, что у нас. А многие ночуют в Бемиджи, приезжают сюда утром и уезжают вечером. Им тут просто не хватило мест.

– А эти двое из «Трибьюн» здесь? Парень с камерами и девица-писательница?

– Они приехали раньше, когда еще были свободные номера в мотеле.

– Отличные ребяташки, настоящие белые люди. Девушка дала мне пять долларов только за то, чтоб я отвечал по телефону и не вешал трубку, – чтоб линию не заняли. А фотограф вчера сунул мне бутылку за то, чтоб я последил, что творится за рекой, а он бы мог немного поспать. Сказал, чтоб я его растолкал, ежели что. Но ничего. А виски доброе. Не то, что ваша дешевка.

– Да, они просто чудо. Дают хорошие чаевые. От наших не дожدهшься.

– Пока они ничего не узнали. Видать, у той черной штуковины за рекой ничего не выведает. Вашингтонские-то стараются всюю, но у них мало чего идет. Я пого-

ворил с одним, он в мусоре копался, который от этой штуковины остается, как она сделает тюки с ватой. Тот говорил, семян сосны почти нет. Шишки разломаны, но семян ни единого. Это, говорит, неестественно. Говорит, что эта штуковина, должно быть копит их внутри. Может, она их ест – как белки вон и всякие такие зверюшки. Он только головой помотал – мол, нет.

– Чего будешь есть, Корявый?

– Пожалуй, кусочек пирога.

– Колбасы или бекона?

– Ну, за их ты уж больно дорого дерешь, мне не по карману. Только пирог. И кучу сиропу. Я люблю, когда много сиропу.

– Сироп в кувшине. Наливай, сколько влезет.

– Ладно. Тогда побольше масла. Чутьочку побольше масла. Но за бесплатно.

Салли ушла на кухню, распорядилась насчет пирога и вернулась.

– А пришелец далеко успел забраться в лес? – спросила она. – Я давно уж не смотрела.

– Больше мили, ежели на глазок. Чешет по прямой день и ночь. Выплевывает мешки с ватой каждые несколько минут. Целую кучу накидала. Вот только не возьму в толк, зачем? Не вижу смысла. Вообще как-то в голове не укладывается.

– Должна же быть какая-то причина.

– Наверно, да не вижу. И еще не пойму – чего ж он именно нас-то выбрал.

– Но где-то это должно было произойти. Вот мы случайно и подвернулись. Если он искал деревья, то лучшего места не сыскать.

– Воображаю, как очарованы таким поведением гостя мужики с лесничества. Трясутся над каждой елкой. А чего, спрашивается? Обыкновенные деревья, только и всего. Точь-в-точь как другие.

– Это же заповедник,

– Как же, знаю, – буркнул Корявый. – Дурость одна.

17. ОДИНОКАЯ СОСНА

Пришелец покрылся какими-то опухольями – по всей черной поверхности образовались вздутия, – но, тем не менее, он продолжал ровно двигаться вперед, подрезая и пережевывая деревья, поглощая их и каждые несколько минут выбрасывая спрессованные тюки целлюлозы и груды отходов через поднимающуюся вверх заднюю штору.

– Мы понятия не имеем, что происходит, – сказал Кэти один из патрульных. – Может, ребята из Вашингтона понимают, хотя лично я сомневаюсь. Во всяком случае, они держат это при себе, так что неизвестно, разобрались они в чем-то или только делают вид. Бугры на пришельце мы обнаружили сегодня утром, как только стало светло. Должно быть, появились ночью и с тех пор постоянно увеличиваются. Когда я видел их утром, они были гораздо меньше, чем сейчас.

– Можно мне подойти поближе, – спросила Кэти, – ведь некоторые ребята уже там?

– Только осторожно, и не подходите слишком близко. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал.

– Пришелец пока никому не сделал вреда. Мы живем практически рядом с ним с самого дня посадки, и создается впечатление, что он нас даже не замечает.

– Кто его знает? Лично я не стал бы зря рисковать. Ведь он уже убил одного, помните?

– Но тот в него выстрелил.

– Все равно я этой штуковине не верю. То есть, не совсем доверяю. Это же не человек.

Кэти и патрульный стояли на полпути между прищельцем и рекой, через которую был перекинут собранный из секций временный мост. За ним уходила широкая просека, вырубленная прищельцем в лесном массиве, усыпанная тюками целлюлозного вещества и кучками древесных отходов. И целлюлоза, и отходы лежали очень аккуратно, на равных расстояниях друг от друга.

– Патрули не пропускают зевак, – сказал полицейский, – держат их по ту сторону реки. Мы пропускаем только официальных представителей и прессу. Помните – вы находитесь здесь на собственный страх и риск. Вам это объяснили?

– Да, конечно.

– Я не понимаю, как этим зевакам удалось пробраться сюда. Их тут не меньше двух сотен. Мы поставили кордоны на всех дорогах, но они все равно просачиваются.

– Они оставляют машины неподалеку от кордонов и идут через лес пешком. Нужно ставить цепь, чтобы не пропускать их.

– Да, наверное. Они только путаются под ногами.

– А вон идут Фрэнк Нортон и Чет, мой фотограф. Как только они подойдут, мы двинемся дальше.

Патрульный пожал плечами.

– Только спокойненько. Что-то должно произойти. Я нюхом чую, только никак не могу понять, что.

Кэти подождала Нортонa с Четом, и втроем они пошли по просеке в сторону пришельца.

– Джерри успел на самолет? – спросила Кэти.

Чет кивнул.

– В обрeз. Оставалось всего несколько минут. Я отдал ему все пленки, и он обещал их доставить. Слушай, я хотел спросить у тебя, откуда он-то здесь взялся? Помнится, он где-то пропадал, и ты все его разыскивала.

– У него сломалась машина и он пешком добрался до Одинокой Сосны, чтобы найти телефон. Тут мы и столкнулись, прямо на улице. То-то удивились! Мы ведь не ожидали встретить тут друг друга.

– Он вроде бы славный парень.

– Он и правда славный.

– Однако не очень разговорчивый – всю дорогу молчал.

– Он всегда такой.

Они присоединились к группе репортеров, толпившихся сбоку от пришельца.

– Ты сегодня утром звонил Джонни? – спросила Кэти.

– Ага, насчет пленок. Он говорит, доставили вовремя, так что лаборатория успела дать снимки в утренний номер.

– Он ничего не говорил насчет того, чтобы подменить меня.

– Ни слова. А ты ожидаешь, что тебя подменят?

– Не знаю, просто он мог решить, что кто-то другой с этой работой справится лучше. Джей, например. Меня он послал просто потому, что никого более подходящего под рукой не оказалось.

— Не думаю, что тебе стоит тревожиться. Джонни честный парень. Пока ты делаешь дело как надо, он тебя отсюда не уберет.

— Если он попытается кого-то послать сюда вместо меня, то я подниму скандал. Это моя работа, Чет, и я намерена ее выполнить.

— Будешь драться?

— Черт меня побери, если не буду. Да еще как!

— Смотрите, — сказал Нортон, — кто-то написан номер на боку пришельца. Видите —101? На боку, возле передней грани.

Кэти подняла голову и увидела цифры, написанные зеленой краской примерно в фут вышиной.

— Интересно, кому понадобилось это сделать?

— Очевидно, одному из вашингтонских олухов, — фыркнул Чет. — Они всё должны пометить знаками и цифрами для отчета.

— Какая нелепость!

— Ну, можем ли мы судить о работе наблюдателей? — заметил Нортон. — Может, у них была веская причина написать этот проклятый номер.

— Наверно, — согласилась Кэти,

— Как вы думаете, что представляют собой эти опухоли? — спросил Нортон.

— Понятия не имею, — покачала головой Кэти, — Мне его жалко. Раньше он был такой гладенький, аккуратный, симметричный со всех сторон. А теперь эти вздутия...

— Значит, он тебе показался красивым?

— Может, и не красивым, но пристойным. Нечто такое, что согласуется с нашими представлениями о пришельце

из космоса. Аккуратный, симметричный, внушительный.

– Бог мой! – воскликнул Нортон, – Вы только посмотрите!

Одно из самых больших вздутий на боку пришельца вдруг лопнуло, раскрывшись по всей длине. Из него вынырнула миниатюрная копия пришельца. Черный параллелепипед, показавшийся из вздутия, имел три-четыре фута в длину, но в остальном ничем не отличался от большого пришельца, не считая отсутствия бугров. Разрыв расширялся у них на глазах, и маленькая черная коробочка, показавшаяся наружу, наконец освободилась и кувыркнулась вниз. Несколько раз она перевернулась, потом застыла в том же положении, что и большой пришелец. Маленький пришелец тоже был черного цвета, но не бездонно-черный, а лаково-черный, блестящий, словно мокрый. Несколько секунд он лежал неподвижно, затем развернулся и помчался, скользя над грунтом, к заднему концу родителя.

Толпа репортеров поспешно расступилась, давая ему дорогу. Оператор с телекамерой яростно требовал, чтобы все отошли и дали ему возможность снимать.

«Теперь все ясно, – подумала, отступая за остальными, Кэти. – Это биологический объект. Не машина, а существо, живое существо, ведь оно только что родило детеныша!»

Тем временем вскрылась следующая опухоль и показалась еще одна копия пришельца, Сам он, казалось, этого даже не заметил и продолжал невозмутимо пережевывать деревья.

Первый детеныш обогнул родителя сзади, ринулся к

тюку целлюлозы, разорвал его и стал заглатывать содержимое — точь-в-точь как старший пришелец разделялся с деревьями!

Чет уже мчался к нему с камерой наизготовку. С трудом затормозив, он обрел равновесие и прильнул к видоискателю, щелкая, как автомат, затвором и через каждые несколько кадров меняя точку съемки. Остальные фотографы мчались к нему, отталкивая друг друга, пытаясь занять наиболее выгодную позицию, и окружили детеныша неровным кольцом.

— Я должен был сразу догадаться, — сказал мужчина, стоявший рядом с Кэти. — Когда я увидел эти опухоли, я должен был сразу догадаться. Эта штука почкуется. И это отвечает на один из самых главных вопросов, который мы задавали себе все время.

— Верно. Это живое существо.

Он быстро взглянул на нее, видимо, впервые обратив внимание, а потом поднял руку в приветствии.

— Квинн, — представился он. — «Нью-Йорк Таймс».

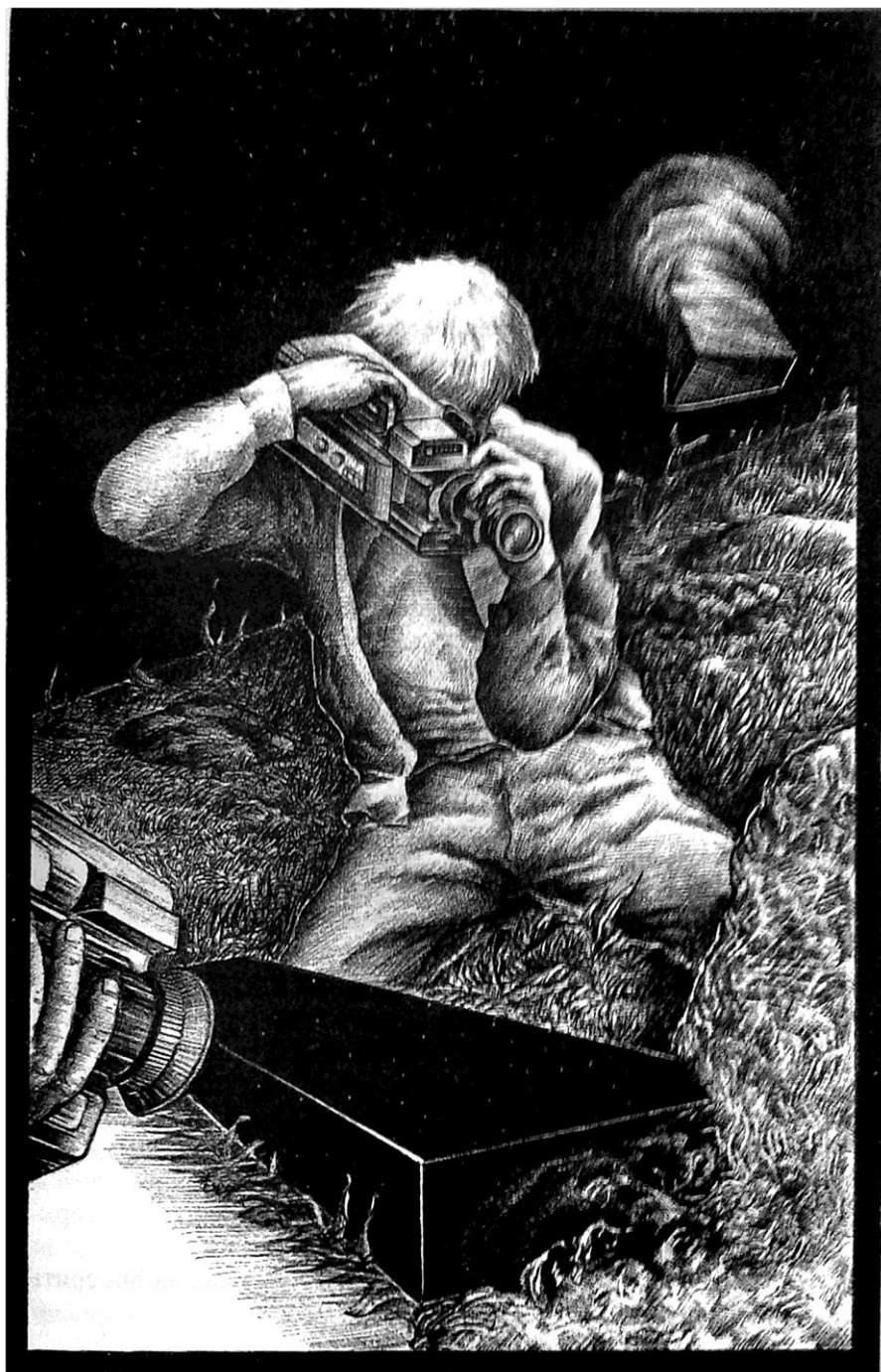
— Фостер, — назвала свою фамилию Кэти. — Миннеаполисская «Трибьюн».

— Вы быстро добрались сюда. Я слышал, вы здесь с самого начала?

— Прибыли вечером, в день посадки.

— Вы понимаем, — продолжал он, — что мы сейчас ведем репортаж с места события века? А может, и всей истории человечества.

— Не думаю, — отрезала Кэти, но тут же устыдилась своей резкости. — Простите, мистер Квинн, я вела себя чересчур дерзко. Да, конечно, и об этом думала.

Детенышей было уже много, и они разбежались, отыскивая тюки с целлюлозой, чтобы насытиться, фотографии и репортеры разошлись по сторонам и уже не собирались в кучу.

Один из детенышей упал и остался лежать, подпрыгивая и извиваясь, словно упавшее на бок животное, которое не может подняться на ноги. Он лежал рядом с родителем, но тот не обращал на его затруднения ни малейшего внимания.

«Бедняжка, упал на бок, — подумала Кэти, — и никак не может подняться на ноги». Хотя и не понимала, откуда знает это, потому что никто на свете не сумел бы определить, где у пришельца верх, а где низ.

Кэти быстро подошла к упавшему, приподняла его за край и наклонила. Он быстро перевернулся и заскользил прочь в поисках ближайшего тюка.

Выпрямившись, Кэти протянула руку и похлопала ладонью напоминающий стену амбара бок пришельца.

— Мамуля, — прошептала она себе под нос, ведь пришелец не мог слышать ее, — я помогла твоему ребеночку сделать первый шаг.

Оболочка пришельца под ее рукой вдруг изогнулась и сложилась, обхватив ладонь, на секунду задержалась, потом отпустила. Под ладонью снова была ровная, гладкая поверхность.

Кэти стояла, потрясенная, пораженная, не в силах поверить в случившееся.

«Она заметила меня, — заметались в голове беспорядочные мысли, — знала, что я здесь, что я сделала и пыталась пожать мне руку. Она благодарила меня».

18. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

– Что нам известно насчет приплода? – спросил президент у Портера.

– Какого приплода, сэр?

– Ну да, пришелец в Миннесоте ожеребился, или как там.

– Только телетайпные сообщения, сэр. Пока что детей четырнадцать, но будут и еще.

– Ничего себе выводок!

– Вероятно, вы знаете больше, чем я. Ведь у доктора Аллена там свои люди. Видимо, он уже докладывал вам.

– Да, конечно. Но Аллен – старая баба, а его наблюдатели – тонкогубые очкарики. Они ничто не скажут, пока не убедятся на все сто. Не скажут даже о своих предположениях, потому что если окажется, что они неправы, их же друзья будут смеяться над ними. То, что они говорят, так пересыпано учеными словечками – всякими «если» и «быть может» – и не поймешь, что же они имели я виду на самом деле.

– Не хотите же вы сказать, что доктор Аллен некомпетентен, – сказал Хаммонд. – Он ведущий специалист, имеет репутацию...

– Да, он специалист, – помахал рукой президент, – и его друзья-ученые испытывают глубокое уважение к нему. Но все-таки он человек не моего склада. Я люблю людей прямых, которые говорят то, что думают. А в беседе с Алленом я иногда не понимаю, о чем он говорит. Мы разговариваем с ним на разных языках.

– Но если отбросить все это, – не уступал Хаммонд, –

отсеять научный жаргон и недомолвки, то что же он думает об этом?

– Он озадачен, – сообщил президент, – ужасно озадачен. Похоже, вначале он был убежден, что пришелец – машина. Теперь он вынужден признать возможность того, что это не машина. Эти почки и детеныши изнасиловали его научный ум. Честно говоря, мне не очень важно знать, что он думает. Все равно до конца недели он несколько раз изменит свое мнение. Больше всего меня волнует то, как воспринимает новости страна.

– Пока еще рано судить, – ответил Портер. – Еще мало данных, чтобы сделать надежные выводы, и никакие кайме процессы пока не пошли. Пока они еще размышляют, обдумывают, разбираются. Но у меня такое предчувствие, что...

Он замолчал и испытующе поглядел на Хаммонда и госсекретаря.

– Ну, выкладывай, – не утерпел президент. – Что за предчувствие?

– Наверное, вам может показаться глупостью...

– Ничего, пусть будет глупость. В своей жизни я слышал много глупостей, и очень многие оказались весьма полезными. Во всяком случае, все это пока между нами. Маркус и Джон возражать не будут. Они свою порцию глупостей уже высказали.

– Мне кажется, процесс появления детенышей может сделать пришельца чем-то симпатичным для людей. Понимаете? Народ смягчится. Материнство и все такое сильно смягчает людей.

– Не хочу сказать, что согласен на сто процентов, –

сказал госсекретарь Маркус Уайт. – Лично меня все это страшно напугало. Мало того, что на орбите у нас кружится тысяча или больше таких созданий, так теперь еще оно начало размножаться. А что, если все они спустятся и начнут делиться?

– Люди об этом пока не беспокоятся. Почкование может дать нам некоторую передышку.

– Маркус, – повернулся президент к госсекретарю, – я слышал, вы беседовали с русским послом. Что он поведал?

– Не очень много. Похоже, он все еще ждет инструкций из Москвы. Возможно, Москва еще не решила, какую ей занять позицию. Он много болтал, но ничего конкретного. Слегка намекнул, что его правительство может потребовать своей доли участия в исследовании пришельца на нашей территории. Я ему не дал совершенно никаких ориентиров на тему нашей политики в данном вопросе. Для начала проинформировал, что мы пока считаем это сугубо внутренним делом. Лично я думаю, что уже можно рассмотреть вопрос о приглашении иностранных ученых. Это облегчит международное положение и не принесет нам особого вреда.

– Это ты говорил еще вчера, – напомнил президент. – С тех пор я довольно много думал над твоим предложением. В настоящее время я склонен дать отрицательный ответ.

– Иван боится, что мы узнаем от пришельца то, что даст нам превосходство в военной области, – вставил Хаммонд. – Вот к чему сводится его намек о необходимости участия. Они тоже хотят получить свой кусок пирога. Я думаю, нужно проявлять сдержанность до тех пор, пока мы не будем хотя бы приблизительно знать, что имеем.

— Перед самым вашим приходом, — сказал президент, — я говорил с Майком из ООН. Он думает, что придется выдержать настоящее сражение, если мы не хотим, чтобы в дело вмешалось ООН. Наши «братья» в Африке и Азии, и добрые друзья в Южной Америке считают, что это дело выходит за рамки узконациональных интересов. Они кричат, что пришелец из космоса имеет международное значение.

— Ну, некоторое время мы сможем выдержать их натиск, — заметил Хаммонд. — Они мало что могут сделать, кроме как попытаться обратить против нас общественное мнение всего мира. А резолюции могут выносить, пока не посинеют. Все равно провести эти резолюции в жизнь они не смогут.

— Будем пока держаться этой позиции, — подвел итог президент. — Но если на нас вдруг плюхнутся новые пришельцы, ситуация может резко измениться.

— Как надо вас понимать, мистер президент? — обратился к нему госсекретарь. — Вы что, даже не хотите рассматривать мое предложение о международном сотрудничестве?

— Пока нет, — ответил президент. — Но только пока. Мы будем постоянно помнить об этом и ждать дальнейшего развития событий. Я еще не сказал своего последнего слова. И проблема не закрыта.

— Что для нас теперь жизненно важно узнать хотя бы ближайшие намерения пришельца, — сказал Хаммонд. — Какова его цель? Почему он вообще здесь? Чего ждут остальные? Кто они — кочевники, хватающие по дороге все, что попадется, или научно-исследовательская экспе-

диция? Ищут они контакта с другой цивилизацией или являются просто стаей флибустьеров? Наша реакция во многом будет зависеть от ответа на эти вопросы, от того, что же они собой представляют.

— Это может занять много времени, — указал Портер.

— Но нужно попробовать, — настаивал Хаммонд, — правда не знаю, каким образом. Еще несколько дней, и ребята Аллена начнут выдавать ценные и весьма значительные факты. Нам нужно еще немного времени.

На столе президента ожил интерком. Президент снял трубку и некоторое время слушал молча, потом распорядился:

— Дайте ему трубку.

Снова молчание. Президент все заметнее хмурился.

— Спасибо, — сказал он еще через несколько минут. — Пожалуйста, непрерывно держите меня в курсе.

Президент положил трубку и оглядел сидящих в комнате:

— Возможно, времени у нас уже нет. Кроуэлл из НАСА сейчас сообщил: станция уведомляет нас о том, что рой начинает разлетаться.

19. ОДИНОКАЯ СОСНА

— А они милые, — сказала Кэти.

— Ничего милого я в них не вижу, — отозвался Чет, — просто продолговатые черные коробки, постоянно путающиеся под ногами.

Они действительно суетились вокруг, поспешно передвигаясь от тюка к тюку, поглощая их один за другим ак-

куратно и обстоятельно, не оставляя без внимания ни грамма ваты. Они не ссорились между собой за обладание едой и вели себя корректно. Если тюк был уже занят, опоздавший быстро менял позицию, отыскивая свободную порцию целлюлозы. Часть тюков уже была съедена, но оставалось еще довольно много. Прожорливые детки-пришельцы имели запас таких тюков еще на целую милю, если не больше. А взрослый пришелец продолжал трудиться в конце проделанной им просеки, с прежней регулярностью выбрасывая все новые и новые пакеты ваты, вгрызаясь в лес все дальше и дальше.

— Мне кажется, — призналась Кэти, — они растут. Они явно стали гораздо больше, чем час назад.

— Вот уж не думаю, — возразил Чет. — Не забывай, что они всего час как появились.

— Мне тоже кажется, что они выросли, — произнес Квинн из «Нью-Йорк Таймс». — Я думаю, это вполне возможно. Если у них соответственно высокий уровень обмена веществ — гораздо более эффективный, чем у земных организмов, — то...

— Но если они так быстро растут, — прервала его Кэти, — то уже через несколько дней вполне могут сами валить деревья и выделять целлюлозу.

— Тогда нашему заповеднику конец, — констатировал Нортон. — Если все они вырастут...

— Наверное, в какой-то момент людям из лесничества придется принять определенное решение. Пока что мы считаем эту штуку гостем, но сколько можно терпеть гостя, который пожирает все вокруг?

— Или гостя, который рождает целый выводок потомства у вас в гостинной? — добавил Нортон.

– Проблема вот в чем, – сказал Чет. – Что делать? Ведь эту штуку не прогонишь, словно свинью, забравшуюся в огород.

– Что бы вы ни говорили, – упорствовала Кэти, – а мне эти малыши нравятся. Они так спешат и такие голодные...

Она снова, в очередной раз, попыталась найти пришельца, которому помогла встать на ноги. Но отличить их друг от друга возможности не было. Они были совершенно одинаковые, как новенькие полтинники.

И еще Кэти помнила о том моменте, когда помогла малышу и тронула бок его мамы. Она помнила ощущение ласкового пожатия черной шкуры пришельца. «Я не поверю, – подумала она с яростью, – что может быть нечто плохое в существе, которое способно так реагировать, пусть даже это и очень странное существо. Что это было? Жест признательности? Благодарность за оказанную услугу? Выражение дружбы одной формы жизни по отношению к другой? Или извинения за все неприятности и неудобства, которые пришелец причинил нам своим появлением?»

Если бы только все это можно было превратить в репортаж и передать через пару часов по телефону в «Трибьюн»! Но это было невозможно. Если такую статью сразу не зарубит Джонни, людоеды за верстальным столом все равно не пропустят такое. Ведь это вторжение репортера в сам репортаж, к тому же информация в нем совершенно бездоказательная. «Но каким образом, – подумала Кэти, – можно документально подтвердить рукопожатие с пришельцем?»

Нортон в это время разговаривал с Квинном:

– Вы что-нибудь выудили у правительственных наблюдателей?

– Очень мало, – махнул рукой тот. – Они измерили температуру пришельца – по крайней мере, температуру его шкуры. Наверное, пытались выяснить, бьется ли у него сердце. Узнали, что поверхность шкуры состоит не из металла, но что это такое, понятия не имеют. У пришельца нет никаких колес, катков или гусениц, чтобы перемещаться. Он просто плывет в нескольких дюймах от земли, словно не подчиняется тяготению. Один наблюдатель сказал, что, возможно, мы узнаем с помощью пришельца, как управлять гравитацией, но второй чуть не загрыз своего не в меру болтливого коллегу. И еще они знают, что пришелец посылает сигналы. Вот, практически, и все.

– Я не уверен, – присоединился к беседе Чет, – что они вообще что-то знают. Лично я не представляю, как нам узнать что-то новое.

– О, у них есть свои методы, – сказал Квинн. – Они наверняка узнали кое-что, хотя, видимо, немного. Может быть, мы сейчас имеем дело с чем-то, превосходящим наши знания и понимание. Может, необходимо изменить способ мышления, чтобы понять пришельца.

Наступила относительная тишина. Урчание и треск, с которыми пришелец пожирал деревья, вдруг прекратились. И теперь стало слышно то, что до этого тонуло в шуме работы пришельца: дальний птичий щебет, шум ветра в кронах сосен, журчание ручья.

Репортеры и фотографы, находившиеся на просеке, удивленно оглядывались. Некоторое время все было спокойным.

«Наверное – подумала Кэти, – пришелец сделал передышку». Но почему именно сейчас? До сих пор он ни разу не останавливался, равномерно вгрызаясь в лес, удлиняя за собой широкую просеку.

Пришелец начал медленно и величественно подниматься, сначала почти незаметно, но постепенно набирая скорость. Он поднялся выше сосен и на мгновение завис совершенно беззвучно. Не было ни рёва двигателей, ни шума моторов, ни пламени, ни дыма – неизменных атрибутов любого земного двигателя. Пришелец просто всплыл, повиснув над кронами деревьев. В лучах заходящего солнца на его боку четко выделялся номер 101, ярко-зеленый на черном фоне.

Потом медленно, словно гонимый ветром, пришелец начал уходить на восток, поднимаясь все выше. Набрав скорость, он изменил направление движения с восточного на южное, по мере удаления уменьшаясь на глазах.

«Значит, он улетает, – подумала Кэти, – покидает нас. Он побывал у нас, приготовил пищу для детей, а теперь отправился в путь, исполнив свое предназначение».

Она стояла и смотрела, пока пришелец не стал маленькой точкой. Наконец и точка пропала. Кэти стояла на опустевшей просеке, и ей вдруг показалось, что ушел друг.

Оставшиеся на просеке детеныши пришельца продолжали суетиться, жадно насыщаясь белыми волокнами целлюлозы. Один из наблюдателей был занят тем, что рисовал на их боках номера. Только краска на этот раз была не зеленой, а красной.

20. МИННЕАПОЛИС

Джонни Гаррисон покинул свое рабочее место в редакции уже после полуночи. Теперь, сидя за рулем машины, которую он вел по Двенадцатому шоссе, Джонни попытался расслабиться. Оказалось, сделать это нелегко. Редакторская работа завершена, но Голд останется на месте, пока не утвердит свежие гранки. «Волноваться не о чем», — пытался успокоить себя Гаррисон. Голд надежный парень, и на него можно положиться на случай каких-то непредвиденных ситуаций. Но очень может быть, что ничего и не произойдет. В последний момент удалось выбить немного места и втиснуть краткую сводку НАСА о том, что объект на орбите начинает разлетаться. Кроме этого сообщения практически ничего нового не появилось. Не было и никаких официальных комментариев. Когда Гаррисон позвонил в агентство «Трибьюн» в Вашингтоне, Мэттьюс, несший круглосуточную вахту (процедура, к которой прибегали лишь в случае, если ожидалась новость чрезвычайной важности), был расстроен.

— Эти подлецы все знали еще несколько часов назад, — от злости он чуть не брызгал слюной. — Я уверен, что знали и откладывали сообщение. Судили да рядили у себя в Белом Доме, как быть с такой новостью. Потом разрешили НАСА сделать сообщение самостоятельно — видимо, рассчитывают, что оно произведет меньшее впечатление. Я лично думаю, Белый Дом не знает, что делать. Они стучат зубами от страха. Я пытался связаться с Дэйвом Портером, но его невозможно найти, как и любого другого из его персонала. Думаю, его уже и след простыл. Последние два

дня Портер только и делал, что заверял нас, будто Белый Дом ни за что не будет скрывать ничего...

– Что там у вас вообще происходит?

– Слишком огромное дело для них, Джонни, им с тихим ни справиться. Слишком большое по масштабу и слишком необычное. Я уверен, что в президентской команде сейчас идет яростный спор – что предпринять. Они не могут прийти к единой точке зрения. Ситуация просто беспрецедентная. Это нечто совершенно новое и непростое. Это тебе не энергетический кризис.

– Но положение с энергией тоже пока не сахар,

– Черт побери, Джонни, ты же понимаешь, о чем я!

– Да, пожалуй.

Шоссе было почти пустым, встретилось всего несколько машин. Закусочные вдоль шоссе еще работали, но все остальные учреждения были совершенно безжизненными, не считая слабого света люминесцентных ламп у станций техобслуживания и одиноких желтых пятен окон в будках заправщиков. На севере неровным пунктиром мерцали огни пригорода.

«Мы действовали верно», – размышлял Гаррисон, прокручивая события последних двух дней. – Мы сразу после посадки пришельцев забросили в Одинокую Сосну Кэти и Чета. Этот ход оправдал себя. Кстати, Кэти справляется со своей миссией отлично». Правда, был момент, когда он думал послать ей на замену Джея, но теперь был даже рад, что не сделал этого. Может, Джей по мелочам написал бы лучше, но такая дискредитация репортерских способностей Кэти была бы ничем не оправдана. У редактора, напомнил он себе, задача не только сделать номер. Есть и другая, не менее важная – воспитывать свой персонал.

«В общем, мы работали честно, — подумал он. — Никакой гонки за сенсациями, публиковали только то, что видели собственными глазами. Полная ответственность за материал». Хотя временами было трудно провести эту тонкую линию между сенсацией и беспристрастным деловым репортажем.

Небо было безоблачным. Огромная яркая луна клонилась к западу. Здесь не было зарева городских огней, превращающих ночное небо в белесую муть, и оно было усеяно мириадами звезд. Холодный ветер задувал в открытое слева окно.

«Может, стоит перед сном выпить чего-нибудь покрепче? Джейн, конечно, уже в постели, но не спит — ждет шума подъезжающей машины. И встречать будет в дверях». Внутри у Джонни потеплело — он подумал, что все эти годы Джейн всегда встречала его в дверях. Дети уже давно уснули. В доме непривычно тихо без их возни, и будет приятно посидеть спокойно в гостиной, выпить вместе с Джейн пару рюмочек.

Висевшая впереди луна вдруг померкла. «Облако», — подумал он, и тут же по позвоночнику пробежал холодок. Нет, это не облако. Оно не опускалось бы сверху и просвечивало бы по краям, а не было бы таким черным и прямоугольным. Гаррисон медленно снял ногу с акселератора и так же медленно начал тормозить. Чернота, затмившая луну, заслонила впереди уже все звезды. Он вырулил на правую обочину и остановился. Впереди, не более, чем в полумиле, огромная чернота, закрывшая звезды, опустилась на шоссе.

Гаррисон открыл дверцу и вышел на дорогу. Рядом

остановилась еще одна машина. Какая-то женщина, выглядывая в окно, спросила тонким, взволнованным фальцетом:

– Что происходит? Что это там?..

– Я думаю, это еще один пришелец, – ответил Гаррисон. Такой же, как и на севере.

– Боже! – взвизгнула женщина. – Скорее прочь отсюда!

– Не волнуйся, Глэдис, – успокаивающе сказал мужчина за рулем. – Это вовсе не пришелец.

Он вышел из машины и присоединился к Гаррисону, стоявшему в свете фар. Они глядели на нависшую перед ними черноту.

– Вы уверены в этом? – спросил наконец мужчина.

– Не совсем, но очень похоже. Я сразу подумал, что это может быть один из них.

– Какой он большой! Я читал в газетах о пришельце на севере и видел снимки, но как-то не представлял, что он может быть таким большим.

Перекрывавшая дорогу чернота была огромна. Она накрыла обе полосы движения и разделительную полосу травы – черная, прямоугольная и высоченная. Опустившись, она уже не двигалась – просто лежала посреди дороги, как сгущение мрака.

Женщина вылезла из машины и подошла к ним.

– Давайте уедем, – попросила она. – Мне здесь как-то не по себе.

– Черт побери, Глэдис, – отмахнулся мужчина, – перестань ныть. Пришелец на севере еще никому не причинил вреда.

– А тот, кого он убил? Это ты называешь «не причинил вреда»?

– Тот выстрелил в него первым. А мы не стреляем. Мы не собираемся его трогать.

«Это наверняка пришелец, – решил Гаррисон. – Точь-в-точь как на фотографии. Черный, похожий на кирпич, как его и описывала Кэти. Не считая размеров». Гаррисон не был подготовлен к восприятию этих гигантских, ошеломляющих пропорций.

Сзади подъехало еще две машины. Они остановились, и люди, вышедшие из них, направились к Гаррисону и мужчине с женщиной. Еще одна машина промчалась мимо, но не остановилась, а свернула влево, пересекла разделительную полосу и умчалась на восток.

«НАСА сообщило о том, что рой на орбите начинает распадаться, – подумал Гаррисон. – Черт побери, они не только разлетаются, они еще совершают посадку на Землю. Вот один из них расселся посреди дороги, и весьма вероятно, что он не единственный кто опустился на нашу планету. Остальные тоже распылились где-то по земному шару. Первая высадка в Одинокой Сосне была только разведкой. Пришелец в Одинокой Сосне, прежде чем скрыться, послал своим родичам сигнал на орбиту. А теперь начинается вторжение». Гаррисон понимал, что это, скорее всего, вторжение не в классическом понимании этого слова. Разведка большими силами? Или просто добрососедский визит – разум с другой планеты посетил нас, чтобы передать привет?

Направившись к пришельцу, Гаррисон покосился через плечо и заметил, что лишь один из стоявших решился последовать за ним; но мимолетный взгляд не позволил определить, кто именно. «Наверное, стоило бы подождать,

пока второй поравняется со мной», — решил Гаррисон, но останавливаться не стал. Ему не хотелось вступать в бессмысленную болтовню, которая неизбежно возникла бы при таких обстоятельствах. Посыпались бы всякие вопросы: «Почему, как вы думаете, он приземлился здесь? Чего он хочет? Что это за штука? Откуда она, как вы думаете?»

Гаррисон прибавил шаг и почти бежал по обочине. Когда до огромной черной стены оставалось всего несколько ярдов, он взял вправо, к дальнему краю шоссе, и пошел вдоль пришельца. Теперь он уже не сомневался, что это пришелец — гладкий черный параллелепипед без каких-либо выступов, лишенный особых примет. Лежит неподвижно, беззвучно: ни постукивания, ни жужжания. Джонни подошел и, широко растопырив пальцы, дотронулся ладонью до гладкой поверхности. Она была твердой, но совсем непохожей на металл, и теплой. Теплота эта вызывала ощущение прикосновения к живому. «Словно прикосновение к человеку, — подумал Гаррисон. — Словно гладишь кота или собаку». Несмотря на непроницаемую твердость шкуры пришельца, ее тепло говорило о наличии жизни.

Пока Гаррисон стоял, опираясь ладонью о теплую шкуру пришельца, его внезапно пронзила ледяная дрожь, от которой застучали зубы и онемели мышцы лица, словно обратившись в камень. Мозг тут же стал лихорадочно анализировать эту дрожь, отыскивая причину. Не страх, понял он, не паника, не желание издать дикий вопль, не стремление рухнуть на колени — это лишь ужасный холод, но исходящий от сознания, а не от тела и сознанию совершенно непонятный.

Он медленно, с усилием отвел руку от пришельца, хотя в усилии не было необходимости – ее ничто не удерживало.

Гаррисон опустил руку и замер, чувствуя, как его постепенно покидает его леденящий холод, уходит до капли, оставляя по себе лишь воспоминание.

«Прикосновение к неизведанному, к непознанному, – подумал он, – недоступному человеческому пониманию». Прикосновение, несущее в себе холод и бесконечность космического пространства, сияние далеких солнц, темных планет, не похожих на Землю, и непроницаемая чуждость жизни, родившейся в темноте этих чужих планет. Словно его забросили в место, которое он не понимал и не мог понять, сколько бы там ни находился. Невозможность познания, вот что это было.

И тем не менее, эта черная штука казалась такой обычной, словно огромная коробка от туфель.

Он попятился, глядя вверх, на поднимавшуюся перед ним огромную, отвесную, черную стену. И, черт побери, он вдруг обнаружил, что ему хочется опять подойти и коснуться этой непонятной черной поверхности, чтобы снова почувствовать тепло, а может быть, и холод.

Но не шагнул вперед, не тронул пришельца, наоборот – отошел еще немного, повернулся и поспешно удалился тем же путем, каким пришел. Но не бежал, так как чувствовал, что для бегства нет причин. И все-таки намеренно делал широкие шаги, чтобы поскорее отойти от пришельца.

Вернувшись на шоссе, на достаточном удалении от пришельца, Гаррисон обнаружил, что подъехало еще не-

сколько машин и толпа выросла. Он не увидел человека, шедшего следом, но, впрочем все равно не узнал бы его, потому что успел тогда бросить лишь мимолетный взгляд искоса через плечо.

От толпы отделился один мужчина и пошел навстречу Гаррисону:

– Что вы видели? Что происходит?

– Почему бы вам не пойти и не посмотреть самому? – резко ответил Гаррисон, быстро минуя его.

«Странно, – отметил Гаррисон, – нет никакой паники». Если страх и есть, то не бросается в глаза. Было в пришельце нечто такое, что развеивало чувство страха. Может, его форма? Отсутствие намека на чуждое, инопланетное происхождение? Люди воспитывались на идиотских киношках о пришельцах, и реальность должна показаться им совсем обыденной.

Его автомобиль стоял с горящими фарами и работающим двигателем. Гаррисон сел за руль, немного подал машину вперед, развернулся, пересек разделительную полосу и выехал на восточную сторону шоссе. Милю спустя он свернул на обочину, чтобы позвонить из придорожного автомата.

Взволнованный голос Голда ответил уже после второго гудка:

– Хорошо, что ты позвонил. Я гадал, звонить тебе или нет; боялся, что разбужу.

– А зачем?

– Понимаешь, приземлился еще один пришелец, прямо у нас под носом. Сидит в аэропорту.

– Это еще не все. Есть еще один – опустился на Двенадцатом шоссе в миле от Ридждейла. Блокирует дорогу.

– Ты там?

– Да. Он опустился в полумиле передо мной, когда я ехал домой. Наверное, мне надо вернуться. Может быть, это не единственная посадка в округе. Ты мог бы кого-нибудь сюда выслать, чтобы держать эту штуку под наблюдением?

– Сейчас посмотрю. Тут был Джей, но я послал его в аэропорт вместе с фотографом.

– А что в аэропорту?

– Ничего особенного. Сидит. Народ в диспетчерском пункте, конечно, немного взволнован, но в это время воздушное движение не очень напряженное. Пришелец опустился как раз поперек взлетной полосы.

– По телетайпам есть какие-нибудь сообщения о посадках?

– Только отрывочные сообщения. Ничего существенного, ничего подтвержденного. В Техасе кто-то позвонил в полицию и сообщил, что видел спускающегося пришельца. Еще одно сообщение из Нью-Джерси. О посадке, но никаких официальных комментариев.

– Кажется, рой на орбите начинает разлетаться по нашей бедной планете.

– Слушай, Джонни, а почему бы тебе не поехать домой и не отдохнуть? Пришельца наверняка можно объехать. В печать мы все равно не выйдем раньше, чем через двадцать часов.

– Нет. Если слишком устану, то прилягу на кушетке в медпункте. От Кэти новостей нет?

– Ничего, да и с какой стати она будет звонить? Скорее всего, спит давно.

– Думаю, нужно ее отозвать. С Одинокой Сосной покончено. Теперь самое главное для нас происходит здесь, а Одинокую Сосну поможет держать под прицелом хотя бы Нортон. Кэти нужна здесь. Она теперь специалист по пришельцам.

– Ладно, я передам ей. Если позвонит, конечно.

– Все. До встречи.

Он повесил трубку, достал из кармана новую монету и набрал еще один номер. Послышался голос Джейн:

– Ты скоро? Я жду-жду, а тебя все нет...

– Я уже ехал домой, но по дороге кое-что произошло.

– Так ты не вернешься?

– Пока нет. Один из пришельцев совершил посадку прямо на шоссе. Я еду назад в редакцию. Голд говорит, что еще одни пришелец сел в аэропорту прямо на взлетно-посадочную полосу.

– Пришелец опустился на Двенадцатое шоссе?

– Да, всего в миле от Ридждейла.

– Джонни, но ведь это в пяти милях от нас!

– Да, но ты не волнуйся. Бояться нечего.

– Джонни, но это же так близко! Мне страшно.

21. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Они опускались всю ночь, как возвращающиеся домой птицы, хотя и были пришельцами на чужой им планете. Они искали и находили в темноте удобные для приземления, безлюдные площадки, ведь тьма для них – не помеха. Они находились друг с другом в постоянной связи, и если что-то чувствовал один, это узнавали и все остальные.

Они приземлялись на залитых водой землях дельты Миссисипи у ее устья, на широких равнинах Техаса, в пустынях Юго-Запада, на тропических пляжах Флориды, на пшеничных полях Запада, в шуршащих кукурузных полях центральных штатов, на лугах деревень Новой Англии, на хлопковых плантациях и на полях сладкого картофеля на Юге, на бетонных полосах больших аэропортов, на автострадах, пересекавших континент вдоль Западного побережья, в лесах Орегона, Вашингтона и Мейна, в лесных массивах Огайо и Индианы.

Они опускались в тишине, нарушаемой лишь негромким посвистом потревоженного их вторжением воздуха, и зависали в одном-двух дюймах от поверхности земли, не потревожив почти никого из миллионов спящих американцев. Немногие были свидетелями приземления пришельцев, не считая тех случаев, когда они опускались в аэропортах.

Они оставляли мерцающие следы на экранах радаров дальнего обнаружения в постах стратегических воздушных сил, но дежурные были предупреждены о вторжении, так что их волновало лишь то, чтобы за мельканием пришельцев не пропустить другие воздушные объекты.

Если они опускались в лесных районах, то почти немедленно принимались пожирать деревья и выделять целлюлозу. В пригороде Вирджиния, неподалеку от Вашингтона, один из пришельцев, не найдя деревьев, начал поглощать дома. Другой, в Орегоне, приземлился рядом с огромной лесопилкой и принялся методично пережевывать приготовленные к отправке доски и брусья. Но большинство опустилось в менее населенных землях и теперь просто затаились, выжидая.

22. МИННЕАПОЛИС

Когда Гаррисон вошел в комнату, Голд разговаривал по телефону. Здесь были еще три корректора и два заспанных помощника редактора.

Голд положил трубку и поднял на Гаррисона усталые красные глаза;

– Звонил какой-то чокнутый. Сказал, что некая секта, называющая себя Любящими, намерена отправиться ж аэропорт, расположиться перед пришельцем и любить его да потери пульса. Это не те ли ненормальные, о которых писала Кэти?

– Они. Кстати, ее статья так и не попала в номер?

– Да, я ее не видел, но помню, что давал Кэти это задание.

– Наверное, осталась у нее в машинке. Она как раз работала над материалом, когда я отправил ее в Одинокую Сосну. Ну, говорю, почему бы тебе не отправиться отдохнуть?

– Я бы не ушел даже за миллион долларов. Такое бывает раз в жизни, и не хотелось бы упускать этот случай.

– Ладно, если хочешь... Тогда надо сесть и подумать, что конкретно мы собираемся делать. Возможно, нам придется вызывать сюда народ ни свет, ни заря. Будут какие-то предложения?

– Джей в аэропорту. Слоуна я успел перехватить, когда тот уже уходил, и направил его на Двенадцатое шоссе. Джонс только что вернулся из Южной Дакоты и ему нужно писать материал об индейцах для воскресного выпуска.

– Давай пока забудем об индейцах и споре вокруг Чер-

ных гор, — предложил Гаррисон. — Джонс опытный парень, может нам понадобится, к тому же он успел хорошо выспаться. Так что со спокойной совестью вызывай его через час-полтора.

— Фримена тоже можем вызвать рано. Он знает подходы к губернатору и администрации штата. Губернатор, видимо, вызовет Национальную Гвардию. Нам нужен кто-то, чтобы сообщал сводку действий администрации штата. Я звонил в дорожную полицию — они уже действуют. Пришельца на Двенадцатом шоссе возьмут в плотное, тройное кольцо. И в аэропорту тоже. Но там имеется своя охрана, так что особой помощи от полиции им пока не нужно.

— У них могут возникнуть другие проблемы, когда утром увеличится плотность воздушного сообщения.

— Уже возникли. Потеря одной взлетно-посадочной полосы — это тебе не шутка.

— Черт возьми, почему он выбрал именно аэропорт?

Голд покачал головой:

— С таким же успехом можно спросить, почему второй сел именно на шоссе. Почему они вообще садятся в одном месте, а не в другом? — Он взял листок, вырванный из телетайпа, и продолжил: — Такое по всей стране, но в основном случайные наблюдения — сообщают водители грузовых машин или запоздалые прохожие.

— Полуночники, вроде нас с тобой, — сказал Гаррисон.

— Вот именно.

— Нужно кого-то послать для сбора информации с государственных и местных учреждений, которые могут касаться этой истории. Вильямс вроде бы свой человек в

местном отделении ФБР. Правда, оттуда мы мало что выудим, но если кто и способен что-то разнюхать, так это Вильямс.

— Кэмпбелл наверняка мог бы поговорить с людьми из университета, — предложил Голд, — физиками, психологами, инженерами — всеми, кто занимается авиацией. Может, кто-то из социологов или психологов сделает прогноз насчет реакции общественности. И нельзя забывать о церкви — это событие может оказать какое-то влияние на религиозное мышление,

— Источники информации нужно выбирать осмотрительно. Кое-кто из проповедников любит работать языком в любом направлении и без всякой мысли, бесконечно и на любую заданную тему.

— Для такой работы хорош Робертс.

Но тут зазвонил телефон. Гаррисон взял трубку.

— Это ты, Джонни? — раздался голос Кэти. — Что ты там делаешь так поздно?

— К нам пожаловали новые друзья-пришельцы. А ты чем занята? Мы хотели тебе позвонить, но решили, что ты крепко спишь.

— Я действительно спала, но прибежал Корявый, постучал в дверь и разбудил.

— Корявый?

— Это старик, который занимал для меня линию и принимал звонки.

— Да, теперь помню. А зачем он стучал?

— Он как раз проснулся, когда увидел пришельцев.

— Много?

— Около дюжины. Они приземлились эскадрилей за

рекой и сразу же двинулись поглощать деревья и вырабатывать тюки с целлюлозой.

– Но Корявый...

– Я как-то дала ему пять долларов, а Чет бутылку хорошего виски. Так что теперь он предан нам душой и телом.

– Вы с Четом нужны нам здесь. Кажется, из Бемиджи рано утром летит самолет. Вы успеете на него?

– Времени еще вагон. Мы успеем даже подойти поближе и посмотреть новых пришельцев. Корявый пошел расталкивать Чета.

– О'кей. Все это на ваше усмотрение, но не опоздайте на самолет. У нас тут назревают адские события.

– Нужно дать Корявому еще пятерку,

– Хоть десятку.

– Нортон будет держать нас в курсе событий, а Корявый поможет ему в этом.

23. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Проснувшись, люди включили приемники, надеясь услышать прогноз погоды. Вместо этого из динамиков доносились комментарии последних событий, смесь фактов, размышлений и фантазий.

Люди слушали, испытывая первый приступ легкого испуга. Пришелец в Миннесоте был новостью, сенсацией. Он был всего лишь один, а потом улетел, оставив после себя малышей, и на этом все как бы кончилось. Теперь же целая орда пришельцев набросилась на беззащитную Землю. Они, конечно, вели себя мирно, особых хлопот не

причиняли, но возникал вопрос: чем все это может кончиться? Какие это существа и что им нужно на Земле?

Люди занялись своими обычными делами, отправились на работу, но весь день встречались с другими людьми, которые с удовольствием обсуждали последние новости. Напряжение росло с каждым часом, слухи накладывались один на другой. Чувство дискомфорта, неловкости иногда переходило в откровенный страх. Работа в этот день не клеилась.

Фермер в Айове, не включавший по утрам радио, на заре отправился по своим обычным делам и был ошарашен, обнаружив посреди кукурузного поля абсолютно черную громаду пришельца. Он поспешил вернуться в дом и выбежал наружу с дробовиком, набив карманы жилета патронами так, что жилет отвис. Сев на маленький трактор, он поехал в поле до ограды, перелез через нее и осторожно приблизился к пришельцу. Судя по всему, тот ничего плохого не делал, просто лежал неподвижно. Фермер обошел вокруг него, дважды поднимал ружье, держа палец на спуске, но стрелять так и не решился. «Кто знает, чего может удумать эта штука, когда я выстрелю», — вполне резонно решил он, вернулся к трактору и уехал заниматься другими делами.

Пилот лайнера посмотрел налево и в нескольких милях от своей машины обнаружил пришельца.

— Посмотри! — подтолкнул он второго пилота. — Идет параллельно нашему курсу. Я думал, они все уже на земле.

Он стал наблюдать за черной «коробкой» пришельца, уравнивал скорость и не делал попыток приблизиться или отдалиться.

На углу грязной улицы гетто, воздев руки к небу, стоял мужчина, вещавший прохожим:

– Наши братья из космоса пришли к нам на помощь. Они помогут нам противостоять тем, кто держит нас в нищете и страданиях. Так возрадуемся же, братья, тому, что наконец пришла помощь!

Люди, слушавшие его безумные речи, или хмурились, или ухмылялись, но никто ему не верил – они привыкли никому никогда не доверять. Однако люди чувствовали в нем фанатическую силу примитивной яростной радости, которая трогала их души.

...Через час в этом районе начались грабежи и пожары.

В Новой Англии некто (кто именно, установить так и не удалось) забрался на колокольню и ударил в колокол. Люди из любопытства начали собираться, желая узнать, почему звонит колокол. Многим церковь показалась подходящим местом, когда на Землю опустились пришельцы. Священник, поспешно выбежавший из дома, обнаружил толпу. Это собрание ему показалось крайне уместным, и он начал молитву. В других деревнях тоже ударили в колокола, и богобоязненные люди потянулись и церкви. И так по всей стране.

Национальная Гвардия окружила приземлившихся пришельцев кордонами, а дорожная полиция изо всех сил старалась наладить движение на автострадах. Тысячи туристов кинулись к тем местам, где опустились черные блоки пришельцев. Кое-где они взлетали на сотню футов и двигались вдоль автострад.

Оторопевшие водители останавливали машины и, разинув рты, глазели на невиданные доселе черные параллелепипеды. Было немало дорожных происшествий.

24. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Министр обороны Уинстон Мэллори сказал президенту:

– Генерал Уайтсайд предлагает проверить, как эти объекты реагируют на огневую атаку. В сложившихся обстоятельствах, мне кажется, нужно дать ему свободу действий. Пока пришелец был один, мы еще могли позволить себе роскошь предоставить ему делать все, что он пожелает, а самим выжидать. Но теперь, когда они вторглись в нашу страну...

– Я возражаю против термина «вторжение» в вашем понимании этого слова, – перебил его госсекретарь. – Да, значительное число пришельцев совершило посадку, но они не чинят насилия над нашими гражданами, не жгут наших городов.

– Они сжевали новостройки за Потомаком и практически все запасы леса на лесопилках западного побережья, – вмешался министр внутренних дел Уильям Салливан. – Они поедают наши леса в Огайо, на Мейне, в Мичигане, Вашингтоне, Орегоне...

– Но они никому не нанесли физического вреда, – возразил госсекретарь. – Они просто позаимствовали у нас немного целлюлозы. Но они не...

– Минуточку, Маркус, – остановил его президент. – Я хочу услышать, что предлагает Уайтсайд? Открыть по ним огонь из танков?

– Ничего подобного. Просто испытание, чтобы узнать, как реагирует эта штука на огневую атаку. Помните, в Миннесоте был убит каким-то лучевым ударом или разря-

дом человек, выстреливший по пришельцу из ружья. Он стрелял из охотничьего ружья, заряженного, видимо, картечью тридцатого калибра. Но мы не знаем, как убил его пришелец. Внешне у него не было никакого оружия, никаких устройств, внешних выступов, приспособлений. Но когда в него выстрелил этот человек...

— Значит, вы хотите опять выстрелить тридцатым калибром и узнать, каким способом защищается пришелец? На этот раз вы используете дистанционное устройство?

— Совершенно верно. Мы установим камеры ускоренной съемки, проследим полет пули, момент удара и ответную реакцию пришельца, выясним, что происходит с его поверхностью и пулей.

— Хорошо, — согласился президент, — но только если вы уверены, что генерал дальше этого не пойдет.

— Нам только необходимо понять принцип, на котором действует ответный огонь пришельца. Как только мы это узнаем, можно будет идти дальше.

— Если потребуется.

— Разумеется, если потребуется.

— И, Бога ради, попросите Генри, чтобы он был предельно осторожен. Только один выстрел, чтобы получить необходимую информацию.

— Он выполнит все ваши указания. Я предупреждал его об этом.

— Маркус прав, — продолжал президент, — пока ничего страшного не случилось. Не считая добычи целлюлозы, уничтожения деревьев и этой истории с жилым кварталом в Вирджинии.

— Многие могли пострадать, — указал Салливан. — Чи-

стая случайность, что все успели вовремя выбраться из домов. Ведь там почти все спали. И еще... Они сидят на посадочных полосах в наших аэропортах, летают параллельно нашим авиалайнерам, словно изучают их. Пока ничего не произошло, но кто может поручиться, что не произойдет и в дальнейшем? Достаточно одной авиакатастрофы, и будут сотни жертв.

– Так вы хотите, – спросил госсекретарь, – чтобы мы выкатили против них пушки?

– Нет, конечно нет. Зачем так утрировать? Но мы должны что-то предпринять. Нельзя же сидеть сложа руки.

– Мы привели в боевую готовность Национальную Гвардию, – сообщил президент. – Войска держат каждого пришельца в изоляции, не позволяя посторонним приближаться к ним. Таким образом, я надеюсь, нам удастся избежать несчастных случаев.

– А что, если наши посетители и в других местах начнут сносить дома, чтобы добывать целлюлозу? Что мы тогда будем делать?

– Но ничего подобного не было, – возразил госсекретарь. – Да и в Вирджинии пришелец, сжевав пару домов, остановился, словно сообразил, что совершает ошибку.

– Мы примем соответствующие меры, если будет необходимо, – ответил президент. – А пока не будем терять времени. Надо узнать о пришельцах как можно больше.

– Меня поражает, – вставил Уайтсайд, – что пока они приземляются только в США, захватив небольшую часть Канады. И ни единого в Африке, Азии или Европе. Почему только мы?

— Думается, я могу выдвинуть предположение, — подал голос доктор Стивен Аллен, консультант по научным вопросам. — Предположим, мы послали экспедицию на чужую планету. Полдюжины кораблей или сотню — роли не играет. Мы ищем некую вещь, как эти пришельцы ищут, вероятно, целлюлозу. Мы почти ничего не знаем об этой планете. Что-то сообщили приборы, исследования на расстоянии — и ничего больше. Мы посылаем вниз на разведку один корабль. Он совершает посадку в одном районе, обнаруживает столь необходимое нам вещество и сообщает, что местная жизнь достаточно дружелюбна. На первый взгляд, на этом континенте нет ничего враждебного, а об остальных пока не известно. Естественно, для посадки мы предпочтем именно этот континент...

— Довольно хорошо подмечено, — одобрил президент, — не так ли, Маркус?

— Да, хотя я думаю иначе. Я бы предположил, что пришельцы захотят получить представление обо всей планете.

— У вас есть еще что-нибудь? — спросил президент у советника по науке.

— Одна большая загадка. Как бы мы к этому ни относились, но бесспорно доказан факт, что пришельцы умеют управлять гравитационными полями. Они парят в нескольких дюймах над поверхностью почвы. Вчера пришелец в Миннесоте плавно поднялся на приличную высоту без всяких намеков на использование каких-либо реактивных двигателей. Другие пришельцы совершали посадку, словно планируя. Но чтобы планировать, нужны крылья, несущие плоскости, а у пришельцев нет ничего подобного.

— Вы, кажется, весьма этим озабочены, — заметил министр обороны.

– Я в ярости, – признался Аллен. – Любой ученый на моем месте впал бы в неистовство. Мы рассуждаем о гравитационных волнах, подразумевая, что они будут подобны электромагнитным. Мы намерены обнаружить их, хотя никто еще даже не предполагает, каким образом их можно зафиксировать. Мы даже не уверены, что применяем правильную методику. А часть ученых продолжает утверждать, что ничего подобного вообще не может существовать, в природе нет никаких гравитационных волн. И пока что, действительно, ничего обнаружить не удалось. Но даже если бы мы их обнаружили, ценность этого, была бы чисто теоретической. Никто понятия не имеет, как можно использовать эти волны практически.

– Ваши люди работают с пришельцами всего лишь несколько дней, – сказал министр обороны. – Вполне вероятно, что им удастся обнаружить что-то ценное.

– Не только наши люди, но и все квалифицированные специалисты, которых удалось привлечь. Я связался с несколькими университетскими лабораториями. Через несколько дней у нас будет мощный, обеспеченный всем необходимым отряд для полевых работ. Но беда в том, что мы почти ничего не можем сделать. Нам доступно только наблюдение. Мы просто стоим и смотрим на них. Если бы можно было изловить одного и как следует за него взяться, вот тогда, может, мы бы и открыли что-то значительное. Но пока это из области фантастики. Предпринимать подобные акции очень опасно. Поступало предложение поработать с одним из малышей, оставленных в Миннесоте, но я против. Если малыш заплачет, если, не дай Бог, мы сделаем ему больно, на помощь, без сомнения, поспе-

шат взрослые. Я, конечно, не уверен в этом, но рисковать нет ни малейшего желания.

– Вы упомянули университеты и лаборатории, – подхватил госсекретарь. – Но только наши, как я понимаю. А разве в других странах не найдутся ученые, которые...

– Маркус, – довольно резко перебил его президент, – давай без этого. Пока мы условились; что это наша игра. Наша, поскольку пришельцы на нашей территории.

– Несколько пришельцев опустились в Канаде.

– С Канадой мы легко договоримся, – вставил Уайт.

– Русские хотят подключить своих наблюдателей. Лично я против...

– Думаю, чисто символическое участие русских не повредит, – ответил министр обороны. – Если мы будем чересчур резки или проявим слишком большую нетерпимость...

– Я надеюсь, Уинстон, ты думаешь совсем не о том, о чем я хотел сказать...

– Эта мысль уже приходила мне в голову, – признался Мэллори. – Если окажется, что мы нащупываем нечто, способное поколебать баланс сил...

– А если мы что-то обнаружим и поделимся с ними, это будет означать дальнейшую эскалацию. Кто еще так думает?

– Я не говорю – делиться. Я говорю о небольшом, чисто символическом участии – о представительстве ученых, чтобы не унижать их национальную гордость.

– Я согласен с Уинстоном, – сказал Уайт. – Мы можем позволить себе кое-что, чтобы сохранить реноме наших друзей.

– То, о чем вы говорите – просто великодушное снисхождение, – заговорил молчавший Хаммонд. – Они это сразу поймут, ведь в подобной ситуации они поступили бы аналогичным образом. Нет, или мы работаем с ними на равных, или оставляем все для себя. И еще одно – мы должны отдавать себе отчет, что пока нам делить нечего. И возможно, при всем уважении к доктору Аллену и его усилиям, мы так ничего практического и не получим.

– В этом случае, – предложил Уайт, – было бы совсем неплохо привлечь их к работе. Это весьма способствовало бы улучшению наших отношений. А поскольку мы ничего не нашли, то и делить нам нечего.

– Маркус, – произнес президент, – ты предлагаешь рискнуть, а это чревато...

– Ладно, забудем то, что я сказал, – предложил Мэллори, – просто мне в голову вдруг пришла такая идея.

– Но меня это очень смущает, – не согласился Уайт. – К тому же, неясно, как реагировать на предложения о помощи и сотрудничестве со стороны наших союзников и искренних друзей. Они предлагают нам помощь...

– Да уж, представляю, – усмехнулся Хаммонд.

– И позднее, возможно, нам придется их об этой помощи просить, – продолжал Уайт, игнорируя это замечание. – Мы ведь пока совершенно не знаем, с чем столкнулись.

– Мне кажется, – заметил президент, – лучше пока все оставить, как есть. Давайте не трогать другие страны и займемся исключительно нашей. Были небольшие волнения – немного мятежей, грабежей и пожаров в таких местах, как Чикаго, Нью-Йорк, Сен-Луи. Есть какие-нибудь новости по этому вопросу, Дэйв?

– Ничего существенного, – ответил Портер. – Можно считать, что нам повезло, хотя следовало заранее подготовить общественное мнение. Нужно было проинформировать прессу и предупредить народ сразу же, как только появились признаки, что рой может разлететься.

– Ты страдаешь по этому поводу?

– Черт возьми, мистер президент, но это действительно так. Допустить, чтобы НАСА само публиковало свой тощий бюллетень – просто низкая хитрость.

– Дэйв, мы ведь это уже обсуждали.

– Да, и вы ошибались,

– Но и ты был с нами.

– Нет, я был против и кое-кто меня поддержал.

– Только некоторые.

– Сэр, такие вещи нельзя решать простым голосованием. Здесь каждый в совершенстве знает свое дело. Я тоже знаю свое. Пока нам везет, и я надеюсь, что завтра утром мы сможем опять это повторить, Единственное, чего я боюсь, так это выступлений каких-либо религиозных сект. Сейчас все ненормальные и лжепророки до предела напрягают голосовые связки. Все евангелисты бросились читать молитвы. В деревенских церквях яблоку негде упасть. В Миннеаполисе группа «Детей Цветов» второго поколения пыталась прорваться сквозь полицейский кордон к пришельцу, опустившемуся на взлетной полосе аэропорта. Они собирались продемонстрировать ему свою любовь,

– Не думаю, что стоит слишком волноваться по этому поводу, – сказал Хаммонд,

– Страсти кипят, – напомнил Портер, – но пока внутри

– так сказать, под крышкой. Легко может прорваться наружу латентный страх, а святоши – выйти из-под контроля разума. Мы на грани вооруженных стычек на улицах городов. А это произойдет, если только надувшиеся пивом консерваторы заденут пляшущих на улицах провозвестников Золотого Века...

– Вы как всегда преувеличиваете, – пожал плечами Хаммонд.

– Хорошо, если это так,

– Мне это осторожное ожидание не по душе, – вмешался Салливан. – Мне кажется, пора действовать, и действовать энергично. Надо, чтобы люди увидели, что мы предпринимаем определенные шаги и держим ситуацию в своих руках.

– Мы ввели в действие Национальную Гвардию, – напомнил президент. – К тому же, почти к каждому пришельцу высланы группы наблюдателей-экспертов.

– Все это пассивные действия,

– Дело вот в чем, – сказал президент, – похоже, что бы мы ни предприняли, все будет ошибкой.

25. МИННЕСОТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Доктор Альберт Барр с интересом посмотрел на Джерри Конклина.

– Звонила мисс Фостер и сказала, что вы хотите со мной поговорить. Она намекнула, что вас интересует что-то, связанное с пришельцами. – Доктор повернулся к Кэти и добавил: – Вы заверили меня, что это не интервью для газеты.

– Да, это так. А о подробностях я не говорила потому, что Джерри, по-моему, хочет сам все рассказать.

– Понимаете, – начал Джерри, – меня это очень беспокоит. Я места себе не нахожу с того момента, когда это произошло.

– Пожалуйста, расскажите обо всем подробно и с самого начала, – предложил Барр.

Он развалился за своим столом, глядя на посетителей с насмешливым любопытством. У него были соломенные волосы, и он был моложе, чем ожидала Кэти, да к тому же обладал фигурой профессионального футболиста. В открытое окно кабинета врывались летние звуки университетского городка – пронзительный смех девушек, крики студентов, ворчание отъезжающего автомобиля, шорох покрышек и визг резины по асфальту, когда автомобиль резко взял с места. Свет опускающегося к западу солнца, пробивающийся сквозь листву осенних берез, был окрашен в желтый цвет.

– Вы, очевидно, читали, – начал Джерри, – что при посадке пришельца в Одинокой Сосне была раздавлена машина?

– И это была ваша машина? – немедленно отреагировал Барр.

– Да, была. Я оставил ее у моста, собираясь немного половить рыбу. Мне сказали, что там водятся приличные радужные форели.

Барр не перебивал, пока Джерри рассказывал свою историю. Пару раз казалось, что он едва сдерживался, чтобы не задать вопрос, но все-таки промолчал.

– Я обязательно должен обсудить с вами некоторые

моменты, — сказал экзобиолог, когда Джерри закончил рассказ, — но сначала поясните, почему вы пришли именно ко мне? Что конкретно вы хотите от меня?

— Две вещи, — сказал Джерри. — Первое — ощущение дома. Пришелец заставил меня почувствовать это. Мысль о доме. Я долго думал, откуда могла мне прийти такая мысль, и не нашел пояснения. Пришлось предположить, что эту мысль индуцировал мне пришелец. Ведь в такой обстановке, в какой оказался я, не могло быть и речи об ощущении дома. Но ощущение было реальным. Не мимолетным, а продолжительным. Словно пришелец или то, что было внутри него, управлял, мной, заставляя думать о доме.

— Вы хотите сказать, что он действовал на вас телепатически?

— Я не знаю, как он на меня действовал. Если вы понимаете под телепатией, что он разговаривал со мной или пытался разговаривать, то это не так. Я, правда, пробовал с ним заговорить, хотя это может показаться глупостью, но в тех обстоятельствах я вел себя, как мне кажется, совершенно естественно. Я был замкнут в непонятном для меня месте и пытался добыть любую информацию, которая могла бы хоть как-то объяснить, что происходит и куда я попал. Вот я и пытался говорить с ним, чтобы установить хоть какой-то контакт, получить хоть какой-то ответ. Наверное, внутренне я был уверен, что это невозможно, но все-таки сделал попытки.

— Вы не считаете себя в каком-то смысле телепатом?

— Нет. По крайней мере, я не замечал в себе таких способностей. Я вообще никогда ни о чем подобном не думал. Нет, я не считаю себя телепатом.

– И все же вы разговаривали с ним или вам казалось, что он с вами разговаривает?

– Доктор Барр, этого я не утверждал, – возразил Джерри. – Я ни на секунду не сомневался, что пришелец не может разговаривать со мной. Ни слов, ни картинок в сознании, ничего такого. Только продолжительная, непонятно откуда возникающая мысль о доме, вот и все.

– А вы уверены, что чувство исходило от этого существа?

– Откуда же еще? Я убежден, что в таком месте мысль о доме никогда не пришла бы мне сама собой. Для этого у меня не было никаких предпосылок. Для меня в тот момент гораздо важнее было другое...

– Вы сказали, две вещи. Какая же вторая?

– Мне показалось, что пришелец – как бы дерево или что-то в этом роде.

– Это уже после того, как вы узнали о целлюлозе?

– Нет, целлюлоза тут ни при чем. Просто я все время искал ответ на вопрос: что представляет собой этот объект? И подсознательно у меня возникло ощущение такого сходства.

– Вы закончили лесотехнический факультет. Скорее всего, вы знаете о деревьях все.

– Он влюблен в них, – вмешалась в разговор Кэти. – Иногда у меня складывается впечатление, что он разговаривает с ними.

– Она немного преувеличивает, – сказал Джерри, – но это верно – я довольно много знаю о деревьях. И нужно сказать, я испытываю к ним настоящую симпатию. Есть люди, которые помешаны на животных или разводят цве-

ты, или наблюдают за птицами. А я страстный приверженец деревьев.

– Вы сказали одно слово: сходство. Почему вы употребили именно его?

– Наверное, потому что я ощущал это, даже не сознавая. С самого начала, когда я попал внутрь, я был страшно испуган. До смерти, до крика, хотя и не кричал. Но очень скоро, гораздо быстрее, чем можно предположить, страх прошел. Да, я испытывал напряжение, подавленность, но панического страха уже не было. Я даже начал испытывать любопытство, прежде чем меня выбросили наружу.

– Наверное, вы понимаете, что экзобиологи – странные люди. Собственно, в прямом значении этого слова такой науки нет и специальности тоже. Просто некоторые специалисты-биологи – иногда химики, психологи, медики – из чисто личного интереса занимаются таким ответвлением биологической науки. Мы стараемся предугадать, чего можно ожидать от живого материала в неземных условиях. Но вы должны отдавать себе отчет, что такой науки вообще-то не существует.

– Конечно, – кивнул Джерри, – Но ведь кроме вас кто-то еще будет думать о том, что можно найти в космосе и на других планетах.

– Итак, сделав такую нелестную ремарку – продолжал Барр, – я, тем не менее, должен с вами согласиться. Ваше предположение о разумной древоподобной форме жизни может оказаться весьма и весьма близким к истине. Лет двадцать назад некоторые ботаники начали выдвигать гипотезы, что в определенных условиях некоторые растительные формы могут обладать сенсорными характери-

стиками. Могут чувствовать, испытывать примитивные переживания. Уже давно известно, что у некоторых людей имеются так называемые «зеленые пальцы» — их забота о растениях словно добавляет тем некоторую энергию, в то время как у других людей, не имеющих этого дара, растения вянут и погибают. Есть и такие, которые утверждают, что некоторые люди дружелюбно говорят со своими растениями. Если растения действительно обладают такой сенсорной чувствительностью, то остается пара шагов до получения полной эмоциональности и способности к разумному мышлению. Вы не могли бы конкретнее и полнее объяснить, каким образом пришли к мнению, что пришелец может быть растительной формой жизни, родственной нашим деревьям?

— Я не уверен, что сумею объяснить. Просто когда я работаю с деревьями или даже смотрю на них, у меня возникает особое чувство. Какое-то ощущение родственности с ними, что ли. Может, это звучит и странно...

— И вы предполагаете, что испытали подобное чувство родственности к пришельцу?

— Нет, не такое. Пришелец слишком чужой, чтобы испытывать такие чувства. Просто и осознал, что какие-то качества, какие я обнаруживаю у деревьев, имеются и у пришельца. Он был как бы деревом, но в то же время совершенно отличался от него.

— Кажется, я начинаю понимать. Вы уже кому-нибудь об этом рассказывали?

— Нет, что вы! Другие могли надо мной просто посмеяться. Вы не стали смеяться и спасибо за это.

— Правительство было бы не прочь получить такие

данные. Научные наблюдатели тоже были бы благодарны за подобную информацию.

— У меня нет никаких данных, — ответил Джерри. — Они попытались бы вытянуть их у меня, подумав, что я скрываю их подсознательно. Или подумали бы, что я еще один ненормальный энтузиаст НЛО и пытаюсь заработать дутый авторитет на пришельце.

— Я понимаю вас. На вашем месте я проявил бы точно такую же сдержанность.

— Вы говорите так, словно верите мне.

— А почему бы и нет? Какие у меня основания вам не верить? У вас имеется насущная потребность рассказать это кому-то, кто может вас понять. Я рад, что вы обратились именно ко мне. Ничем особенным я вам не помог, но все равно я рад, что вы обратились ко мне. Теперь об этом ощущении дома... Вы уверены, что правильно истолковали это понятие? Не могло произойти ошибки?

— Нет. Я уверен, что испытал основательное ощущение, заставляющее меня думать, что я дома.

— Я не об этом. Возможно ли, что пришелец вовсе не старался вам что-то передать, а просто вы «нечаянно» подключились к его мыслям. Возможно, у вас есть зачатки телепатических способностей, хотя вы об этом и не подозреваете. Именно они помогли вам уловить эмоции пришельца, которые были такими сильными, что их смог уловить даже обычный человек. Я вот подумал: может он не передавал вам мысль о вашем доме, а просто вспомнил свой собственный?

— Вы имеете в виду, что этот дом — Земля? — взволнованно спросила Кэти.

– Судите сами, – сказал Барр, – пришелец явился бог весть из каких глубин Галактики. Никто и представить себе не может, из какой дали он прилетел в поисках новой планеты, нового дома – вместо потерянного по какой-то причине. Наверное, Земля для него и стала такой планетой, где можно жить той жизнью, которую он считал навсегда потерянной. Он прилетел сюда, чтобы сказать: «Наконец-то я дома!»

26. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Пришельцы наблюдали. Некоторые, совершая посадку, оставались на месте, другие через некоторое время поднимались в воздух. Они кружили над промышленными районами, прочерчивали воздушное пространство над городами, проносились над огромными территориями возделываемых земель. Они эскортировали самолеты – держась на почтительном расстоянии и никогда не вмешиваясь в полеты, – летали вдоль автострад, выбирая участки с самым интенсивным движением, своими маневрами повторяли изгибы речных берегов, явно заинтересованные речными судами.

Другие, отыскав приличный лесной массив, принимались поглощать деревья. Было проглочено также несколько складов на лесопилках. В районе Сен-Луи пришелец опустился на свалку старых автомашин, проглотил с десятков развалин и улетел восвояси. Но, несмотря на все это, особого вреда они не причиняли. Большинство людей, с которыми они вступали в относительный контакт, испытывали лишь некоторый дискомфорт. Никто не пострадал.

Пилоты перестали нервно вздрагивать, обнаружив, что за ними черной тенью неотступно следует пришелец. Количество столкновений на дорогах постепенно начало уменьшаться. Водители привыкли к появлению пришельцев над автострадами, хотя сперва были случаи довольно серьезных аварий, не говоря уже о погнутых бамперах.

Сначала пришельцы были для властей ужасной обузой. Они требовали неусыпного внимания Национальной Гвардии, дорожной полиции и прочего персонала, что, естественно, вызывало изрядные финансовые расходы.

В некоторых больших городах поднимались волнения. Это касалось районов, где сама экономическая и социальная ситуация подталкивала к ним. Мятежи сопровождались грабежами и пожарами, были раненые, несколько человек погибли. В университетских городках прошли массовые, но довольно мирные демонстрации. Ни одна из них не вызвала особого резонанса. Весьма активизировались и объявились на площадях религиозные и всяческие иные фанатики. Кое-где энтузиасты культов получили завидную популярность. Авторы газетных комментариев и телевизионные обозреватели породили добрую сотню разнообразных мнений насчет пришельцев, из которых лишь в нескольких были крупинцы истины.

Появились различные слухи, по мере распространения обрстая домыслами и преувеличениями. Зародыши будущих легенд набирали силу.

Весьма популярны были рассказы о так называемых «похищениях». Довольно многие говорили, будто пришельцы брали их под свое покровительство. Другие сообщали, опять же без достаточных оснований, что пришель-

цы переносили их внутрь своих тел, где они созерцали чудесные видения или получали сообщения для передачи своим сородичам-землянам. Мнения насчет достоверности этих рассказов разделились. Вспомнили, что в ранние периоды сенсационных сообщений о летающих тарелках также нашлось довольно много людей, утверждающих, что они вступали в контакт с этими тарелками и их экипажами.

Но как бы ни ширились эти слухи и легенды, в одном население было уверено на сто процентов: Земля действительно подверглась нашествию пришельцев из космоса, и не произошло ничего из того, что десятилетиями предсказывалось авторами научно-фантастических произведений.

Все это вылилось, как заметил обозреватель какой-то захолустной газеты из Теннесси, в огромный космический пикник.

В северо-восточной части Айовы фермер только что закончил вспашку своего ста шестидесятиакрового поля, как там появился пришелец. Он пролетел по периметру поля очень низко, едва не касаясь вспаханной земли. Фермер стоял рядом и наблюдал за маневрами пришельца.

— Клянусь, — рассказывал он потом репортерам из ближайшего городка, которые прибыли взять у него интервью, — эта штука явно что-то посеяла на поле. Так оно выглядело. Видимо, пришелец ожидал, когда я закончу пахать, и после этого сразу же появился. Когда он закончил и сел на пастбище, я пошел посмотреть, что он там сделал. Но на поле я так и не попал — эта черная штуковина тут же преградила мне путь. Нет, пришелец не угрожал, даже двигался не слишком быстро, но ясно дал мне понять, что

на поле ходить не следует. Я пробовал еще несколько раз, но он меня отгонял. Нет, он не сделал мне ничего плохого, но все же спорить с ним я не стал, он ведь такой огромный. Весной попробую еще раз, может, к тому времени он потеряет ко мне интерес. А пока подожду. Посмотрим, что получится.

Репортер посмотрел на сидящего на поле пришельца.

– Кажется, на нем что-то нарисовано, – сказал он, прищурившись. – Вам не видно?

– Угу, ясно, как божий день, что это номер. Сто один. Написан зеленой краской. Какому болвану пришло в голову писать на пришельце номер?

В небольшом городке в Алабаме несколько лет всех волновал вопрос строительства городского стадиона. Обсуждалось, кто и по какому проекту будет строить, кто ремонтировать. Наконец стадион был построен. Несмотря на многочисленные разочарования, день открытия стадиона должен был войти в историю города. Гвоздем программы должна была стать футбольная игра на прекрасном травяном покрытии.

За день до открытия из голубизны неба выплыл огромный черный блок пришельца и опустился, медленно и грациозно, в чашу стадиона, зависнув в нескольких дюймах от тщательно ухоженной травки поля. Сделал это он так нахально, словно стадион и травку создали специально для таких вот черных пришельцев.

Как только прошло первое потрясение, заинтересованные представители местной власти и группы населения проявили соответствующую активность. Была выражена надежда, что пришелец задержится лишь на несколько ча-

сов. Но черная коробка явно собиралась остаться надолго. В итоге открытие было отменено, а игра перенесена.

Собрания всяческих группировок не прекращались, время от времени выдвигались разнообразные проекты. К отчаянию авторов, все они отклонялись как непрактичные. Люди шерифа задержали пробравшихся на поле с ящиком динамита группу спортивных фанатиков, которые собирались ни больше, ни меньше – подорвать пришельца.

В Пенсильвании на картофельное поле опустился еще один пришелец. Владелец поля обложил пришельца сухими ветками, облил бензином и поджег, но тот не обратил на огонь ни малейшего внимания.

2?. ОДИНОКАЯ СОСНА

Салли, официантки кафе «Сосна», принесла Фрэнку Нортону яичницу с ветчиной и села напротив с намерением поболтать. Тут открылась дверь и в кафе, шаркая ногами, ввалился Корявый Грант.

– Иди к нам, Корявый, – пригласил его Нортон. – Садись, я возьму тебе завтрак.

– Это будет жутко любезно с твоей стороны, Фрэнк. Если ты не против, ловлю на слове. Я был за рекой и видел, как пришельцы исправно валят лес. Путь туда довольно долгий, но я поднялся до рассвета, чтобы успеть раньше всяких там туристов. Хотя туристы ходят глядеть на них уж не так охотно. Я хотел проверить, не начинают ли твари почковаться.

– Ну, и как? – полюбопытствовала Салли.

– Пока нет. Кажется, для этого им понадобится много-

го больше времени, чем первому. Но могут начать в любой день. У каждого позади длинная полоса тюков с ватой... не помню, как оно называется...

— Целлюлоза, — подсказал Нортон.

— Верно, — согласился Корявый, — я так и думал.

— С каких это пор ты начал интересоваться пришельцами? — спросила Салли.

— Не скажу точно. По-моему, с самого начала, как только появился первый. Девица-писательница из Миннеаполиса попросила поддержать для нее линию, и я первым сообщил, когда было второе пришествие. Я как раз проснулся, вышел к реке, гляжу — а они там приземляются всей оравой — тихо и неторопливо, как на похоронах. Ну, думаю, нужно сказать ей. Наверно, думаю, ежели такой старый алкоголик, как я, начнет барабанить ей в дверь среди ночи, она на меня не рассердится. Пошел и разбудил. Она потом дала мне десять долларов. Да-а, она и парень с камерой — весьма и весьма милые люди.

— Верно, — вставила Салли, — как все репортеры и парни с телевидения. Как-то странно, что они уехали. Правда, много людей продолжает приезжать посмотреть на молодых пришельцев, но ведь они не более чем туристы. Зайдут за чашкой кофе с пончиком, не больше, и чаевых не дают. Думают, что в таком городишке, как наш, это не принято, да и заказывают так мало, что не стоит и на чай разоряться.

— Сначала, — продолжал Корявый, — я ходил смотреть на пришельцев каждый божий день на тот случай, ежели вдруг произойдет что-то новое и я мог бы тут же дать знать той девице из Миннеаполиса. Но постепенно я к ним

так привык – к пришельцам, то есть, – что это уже вроде и не главное. Мне просто нравится наблюдать за ними. Они мне кажутся уже совсем людьми. Сначала я их боялся, а теперь совсем не боюсь. Я даже подхожу к ним, кладу ладонь на шкуру, и они кажутся мне теплыми, будто человек.

– Если ты хочешь завтракать, – прервал его Нортон, – то скажи Салли, что тебе дать. Я скоро уйду.

– Ты говорил, что платишь за меня?

– Да, так я сказал.

– Франк, но нечему...

– Считай, что у меня возникло такое желание. Но я уже начинаю жалеть, так что если ты не поспешишь...

– Ладно, тогда я возьму стопочку блинчиков и яишенки, но чтобы желток был целый, похожий на солнышко. И, если есть, еще сосиски, пару лишних кусков ветчины и немного масла...

28. ГДЕ-ТО В ШТАТЕ ЮТА

– Если эти яйцеголовые не установят камеры через полчаса, – пожаловался сержант полковнику, – наступит темнота, и нам придется все переносить.

– Сержант, – ответил полковник, – они просто хотят, чтобы все прошло гладко с первой же попытки. Вторую я делать не намерен. Вы, может, не знаете, но наша миссия вызвана указанием прямо из Вашингтона. Мы выполняем задание чрезвычайной важности, и нам не простят, если прошляпим такой случай.

– Но, сэр, они уже два часа нацеливают свои камеры,

смотрят и снова прицеливаются. Просто куча старых ку-дахчущих баб, вот на кого они похожи. На боку у при-шельца, ближе к хвосту, сделана мелом отметина – ми-шень. Винтовка нацелена – я сам устанавливал прицел и знаю, куда она выстрелит. Но почему винтовка? Почему бы не применить что покрупнее? Пуля тридцатого калибра ничего этой дуре не сделает, даже не пощекочет.

– Если честно, сержант, то я и сам этого не понимаю. Но так было приказано – только тридцатый калибр и толь-ко с расстояния в сто ярдов. И ничего иного. А камеры и прочие инструменты расположить так, как требуют эти джентльмены...

Полковник замолчал, увидев, что к нему направляется один из ученых.

– Полковник, – сказал тот, – можно начинать испыта-ние. Но сперва убедитесь, что все ваши люди выведены за границу двухсотярдовой зоны. Мы ожидаем очень сильно-го ответного разряда.

– Надеюсь, – заметил сержант, – что ваше устройство сработает и нажмет на курок,

Ученый спокойно посмотрел на него:

– Не беспокойтесь, оно обязательно сработает.

– Сержант, позаботьтесь, чтобы все люди покинули опасную зону, – распорядился полковник. – Нужно как можно скорее закончить испытания.

Сержант ушел, на ходу отдавая приказания.

– Как камеры? – поинтересовался ученый у техника.

– Начнут действовать одновременно со спусковым устройством, по единому сигналу, – отозвался техник. – Однако, пленки уйдет уйма – камера просто пожирает ее.

– Полковник, – обратился ученый к военному, – не считаете ли вы, что и нам пора уйти?

Пришелец лежал неподвижно и бесстрастно, как и много часов назад, посреди песчаного пустыря. Нарисованный мелом крест тускло белел на его черной шкуре.

– Черт побери! – выругался полковник. – Меня убивает то, что мы все суедемся вокруг, а он стоит неподвижно. И ведь он знает, чем мы тут занимаемся. Как вы считаете?

– Думаю, что знает, – ответил ученый, – но ему все равно. Он вроде бы не принимает нас всерьез. Презирает, если можно так выразиться.

Наконец они покинули опасную зону и остановились, повернувшись лицом к пришельцу.

– Сержант! – рявкнул полковник. – Зона очищена от людей?

– Все чисто, сэр, – проорал в ответ сержант.

Полковник кивнул представителям научной группы из Вашингтона. Один из них, державший в руке коробочку дистанционного включения спускового устройства винтовки, на что-то нажал. Винтовка выстрелила, и в тот же момент пришелец ответил ослепительной яростной вспышкой.

Огненная энергия на мгновение скрыла из виду установку с укрепленной на ней винтовкой. Полковник вскинул руку, прикрывая глаза от ослепительного сияния. Когда он отнял руку, то увидел, что винтовка и установка, к которой она крепилась, раскалились докрасна. Металл постепенно оплавлялся, а вся установка погружалась в песок. Расположенные неподалеку кусты превратились в облачко вихрящегося пепла.

Полковник перевел взгляд на пришельца. Тот все так же неподвижно стоял на месте, только исчез белый крест на его боку.

29. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Крепко сжимая старыми пальцами бокал с коктейлем, сенатор Давенпорт прохаживался из угла в угол.

— Черт возьми, Дэйв, — сказал он наконец. — Вы там, в Белом Доме, должны что-то предпринять. Нельзя же позволить, чтобы все так и продолжалось, чтобы они брали все, что им захочется.

— Но, папа, — возразила Элис, — они ничего не берут. Они практически ничего не делают.

Сенатор остановился и бросил на дочь горящий взгляд.

— Ничего?! — с пафосом воскликнул он. — Они пожирают наши леса, склады древесины, они расправились, наконец, с теми машинами...

— Это была просто свалка старых машин. Какой-то ушлый торговец собирался подновить их и подсунуть ничего не подозревающим покупателям.

— Торговец, тем не менее, уплатил за них хорошие деньги, — не сдавался сенатор. — К тому же он уплатил и за аренду площадки. Он намеревался получить прибыль и имел на это полное право. Он зарабатывал свою прибыль.

— Вы говорите, что администрация должна действовать, — вступил в разговор Портер. — Какого же рода действий вы ожидаете от нее, сенатор?

— Откуда мне знать! — взревел тот. — Я не президент и не его советник. Если бы я мог предложить дельный совет,

никто не стал бы меня слушать. Не понимаю, что происходит? Никто не понимает. Вы – пресс-секретарь, кому, как не вам, объяснить, наконец, что происходит? Что вы скрываете? Есть у вас какая-то информация?

– Вот так вопрос, – улыбнулся Портер. – Но скажу прямо – едва ли я могу объяснить вам что-то конкретно.

– Эта ваша размазня научный советник, он ведь что-то делает все это время. Он имеет под рукой столько людей, тратит на это миллионы. А где результаты? Почему их нет? Я слышал, что сегодня военные провели опыт – выстрел по пришельцу. Вы знаете, что из этого получилось?

– Я не знаю.

– Но, Дэйв, допустим, ты знал бы... Разве сказал бы?

– Наверное, нет.

– Вот видишь, – заявил сенатор, обращаясь к Элис. – Вот эти бандиты из Белого Дома.

– Но Дэйв сказал, что не знает.

– А если бы знал, то все равно бы не сказал.

– Но ты должен признать, он был честен с тобой.

– Честен, черт побери! Я называю это невежеством!

– Прошу простить меня, сенатор, если вы меня так поняли, – вмешался Портер. – И заранее прошу простить меня, если не могу сообщить вам ничего нового. Дело в том, что, скорее всего, вы знаете почти столько же, сколько и я. Что касается активных действий любого рода, то Элис права. Пришельцы пока что не совершили ничего серьезного, что заставило бы нас предпринять активные действия. Кроме того, даже если они что-то и сделали, то что мы можем предпринять? У меня такое ощущение, что их лучше не трогать. Нам же будет хуже.

– Они крушат страну! Они поглощают запасы нашей лучшей древесины. Это скажется на строительном бизнесе. Они грабят склады. Пиломатериалы и так достаточно дороги и, тем не менее, цены теперь вновь полезут вверх. Новые дома станут дороже, чем сейчас, а ведь цены на них и без того достаточно высоки. Большинство семей даже сейчас не может позволить себе такие расходы.

Если пришельцы не прекратят пасти наши авиалайнеры воздушные компании вскоре сократят количество рейсов! Слишком увеличивается вероятность аварии, а страховки... Страховые компании уже поговаривают об увеличении взносов. Но ведь авиакомпания уже едва выдерживают на таком уровне выплаты. Нового повышения они не перенесут. Полеты прекратятся вообще.

– Более чем вероятно, – сказал Портер, – что мы находимся в начальной стадии. Потом ситуация стабилизируется. Сейчас мы переживаем худший момент. Люди нервничают, склонны преувеличивать последствия. Нужно дать немного времени...

– Не думаю, что со временем ситуация может улучшиться. Вы считаете, что люди успокоятся. Я так не думаю. Чертовы культовые группировки и всякие проповедники расшатывают социальную стабильность. Но не они представляют большую опасность. Народ знает, что эти типы просто ненормальные и немногого стоят. А вот вспышка религиозности – это уже опасно. В средние века имелись случаи подобного религиозно-маниакального поветрия. Крестьянин бросал свою землю, ремесленник – свою мастерскую. Промышленность уже начинает страдать от последствий происшествия, участились случаи прогулов, допускаются серьезные ошибки в работе.

– Все это, в конечном итоге, сводится к доллару, – указала Элис. – Наши промышленники и финансовые воротилы опасаются, что могут понести убытки,

– А что здесь плохого? – спросил сенатор. – Деньги – основа нашего экономического устройства. И нашего социального устройства тоже, если на то пошло, даже если это вам не кажется очевидным, хотя вы над этим не думали. Я говорю вам – страна медленно катится к катастрофе. И только мямли в Белом Доме этого не понимают.

– Думаю, мы понимаем все, – возразил Портер. – Но мы более оптимистичны в оценке сложившейся ситуации. И мы считаем, что есть более первостепенные проблемы.

– Что именно, например?

– Ну, например, большое количество...

– Стоп! – с триумфом в голосе воскликнул сенатор. – Я так и знал! Я знал, что вы от меня что-то скрываете!

– Уверяю вас, сенатор...

– У вас что-то готовится, верно? Вы что-то узнали о пришельцах, что еще не подлежит огласке?

– Если и узнали, то мне об этом ничего не известно.

Сенатор сел в кресло и залпом допил коктейль.

– Можете мне не говорить. Я могу подождать, пока не наступит время для всех. Вы знаете какую-то новость и никому не раскрываете. Отлично. Этот слабоумный госсекретарь готов всем поделиться со всеми. Даже с Иваном. Этого нельзя допустить ни в коем случае...

– Сенатор, вы ошибаетесь. Мы ни черта не знаем того, чего не знали бы вы.

– Сказано джентльменом, – произнес сенатор. – Я знал, что на вас можно положиться. Вы из тех, кто умеет дер-

жать язык за зубами. – Он посмотрел на часы и добавил: – Уже поздно, я вас задержал. Берите Элис и ступайте, а то опоздаете занять заказанный столик.

30. ОДИНОКАЯ СОСНА

Один из пришельцев отстал от товарищей. Справа и слева от него другие пришельцы все так же методично продолжали валить деревья, аккуратно выплевывая тюки целлюлозы, но этот остановился, выпав из цепочки.

Корявый Грант тоже остановился. Он только что вышел на просеку из нетронутой части леса, увидел, что произошло, сдвинул шляпу на затылок и вытер лоб.

– Что за черт? – произнес он. Корявый опустил руку, достал из заднего кармана брюк плоскую бутылку и приложился, запрокинув голову. Хлебнув из горлышка, он поднес бутылку к глазам, чтобы проверить уровень жидкости и с огорчением отметил, что уровень снизился до критической отметки. Напиток был не из лучших, а если честно – просто самый дешевый из доступных. Но все равно, это была выпивка, и ее исчезновение настроило Корявого на минорный лад. В бутылке оставалось, самое большее, на пару приличных глотков.

Корявый аккуратно завернул крышку и опустил бутылку в карман, где она была в полной безопасности. Потом, шагая осторожно, чтобы не упасть, он отправился выяснять, что же стряслось с пришельцем. Может, он просто устал и потому остался лежать? Может, остановился отдохнуть, хотя этого никогда не бывало? Пришельцы никогда не прерывали своей работы, не выказывали никаких признаков усталости.

Нортон купил Корявому завтрак, и это сэкономило деньги, которых хватило как раз на бутылку виски. Нет, что ни говори, а Нортон приличный парень.

Пришелец оказался на большом расстоянии от Корявого. Но тот упорно брел, покачиваясь, по вырубленной пришельцем просеке, обходя разбросанные тюки целлюлозы, пока не добрался до пришельца.

– Что случилось, приятель? – спросил он, подойдя вплотную и положив ладонь на черный бок, затем оперся на руку, чтобы сохранить равновесие.

Он почувствовал что-то неладное и на выяснение этого Корявый потратил немало времени.

Но потом понял – пришелец был холодный. Исчезло приятное дружелюбное тепло, которое он всегда чувствовал, прикоснувшись ладонью. Он удивленно покачал головой, прошел еще несколько футов вдоль пришельца и снова потрогал его. Поверхность была такой же холодной.

Спотыкаясь, Корявый двинулся в обход пришельца, снова и снова трогая поверхность. Повернувшись, он прижался к холодной черной шкуре спиной и сполз на землю, сев на корточки.

Он холодный и неподвижный. И больше не парит над землей в нескольких дюймах над грунтом, а лежит неподвижно.

«Может, пришелец умер?» – спросил себя Корявый. – Может, пришелец умер?» Холод и неподвижность – признаки смерти. Но если он умер – то почему? И еще... Если он умер, значит – раньше был живой? Но для Корявого это давно уже не было вопросом. Он давно считал пришельцев живыми, и даже больше – своими друзьями. Грант

удивленно перебирал неуклюжие мысли в своей голове. У него давно уже не было друзей. «Странно, – подумал он, – что я сыскал приятеля не среди соплеменников, а среди вовсе иного народа.»

Скорчившись у холодного бока черного, неподвижного пришельца, не закрывая глаз, чувствуя, как катятся по заросшим щетиной щекам слезы, Корявый Грант оплакивал кончину друга.

31. МИННЕАПОЛИС

Эл Латроп, главный редактор «Трибьюн», сидел во главе стола. Рассеянно, со скучающим видом он постукивал карандашом по столу. «Зачем мы здесь собрались?» – подумала Кэти. Их было всего трое: она, Джей и Джонни. Конечно, Джонни здесь на место, но остальные? За время работы в «Трибьюн» они никогда не удостоивались приглашения в конференц-зал, как называлась эта комната. В основном здесь собирались редакторы, задолго до выпуска номера обсуждали материалы, решали, что с ними делать. Но обычно такие пятиминутки устраивались к концу дня, а сейчас... Еще ведь совсем недавно был перерыв на завтрак.

– Я подумал, – изрек Латроп, – что нам необходимо собраться и поговорить о долгосрочных планах нашей работы в том, что касается пришельцев. С самого начала, как мне кажется, мы поработали неплохо... Даже лучше, чем обычно: мы давали полную и объективную информацию. И думаю, мы будем продолжать в том же духе. Но сейчас настало время придать материалу иное звучание. Джонни,

ты сидишь на материале с первой посадки пришельца в Одинокой Сосне. Что ты можешь сказать? Есть у тебя какие-нибудь мысли о том, что нам предпринять дальше?

— Эл, может быть еще рано что-то делать, ограничимся простой передачей фактов? — предложил Гаррисон. — Сначала мы имели дело с фактами, обладающими сильным воздействием на публику благодаря своей новизне и необычности. И мы, конечно, старались не выходить за рамки чисто объективного, фактического репортажа. Новости уже сами по себе имели достаточный потенциал воздействия. Я лично — и все остальные — думаю, что мы не должны выходить за рамки простого воспроизведения фактов. Джей умудрился написать несколько статей общего характера и при этом не выходил за пределы того, что уже было написано о пришельцах и о проблеме пришельцев в целом. Он оперировал общими идеями. Во всем остальном мы просто давали репортажи, освещали текущие новости.

— Но теперь, — констатировал Латроп, — публика в общем и целом приняла ситуацию. Кто-то, может, с трудом принял ее, но почти все уяснили, что пришельцы действительно здесь и могут остаться надолго. Я думаю, сейчас самое время копнуть поглубже, попытаться сделать кое-какие выводы, показать возможные последствия...

— Дать нашим читателям пищу для размышлений, — пояснил Гаррисон.

— Вот именно, подбросить им пару простых вопросов, над которыми они могли бы как следует поразмышлять.

— Я не имел в виду, что мы должны немедленно покинуть эту комнату и сесть за работу. Нет. Просто настала

пора как следует над этим подумать, решить для себя, какого рода материалы мы станем давать в недалеком будущем. Многие из наших людей, уже давно занимающихся пришельцами, наблюдают за ними, пишут о них. Вот вы, Кэти и Джей, больше всех занимались этим. Что вы думаете? Кэти, как вы, например, относитесь к пришельцам?

— Они мне нравятся, — немедленно выпалила она.

— Ну, вот уж не ожидал! Отлично, продолжайте. Почему они вам нравятся?

— Ну, во-первых, они не причинили нам особого вреда, Неудобства — да, но никакого насилия.

— В Одинокой Сосне, насколько я помню, был убит человек.

— Он напал первым — был агрессивен и поплатился за это. А кроме него никто не пострадал. Пришельцы — вполне приличные люди.

— Люди?

— Да, конечно. Не похожие на нас, но все равно люди — разумные существа. Я думаю, у них наличествует определенная этика, мораль.

— Возможно, — согласился Джей, — но ведут они себя невежливо, игнорируют нас — словно считают нас низшей расой, недостойной внимания. А иногда — словно они нас вообще не замечают.

Кэти открыла было рот, но промолчала. Если бы она могла рассказать им о Джерри и «рукопожатии», хотя это было нечто личное и более значительное, чем просто рукопожатие. Но это невозможно.

— Вы хотите что-то сказать? — обратился Латроп к Кэти, словно почувствовав ее колебание.

Она покачала головой.

– Только то, что действительно думаю о них как о людях. Я не могу сказать – почему, не могу определить это чувство, но это именно то, что я испытываю.

– Вот что интересно, – задумчиво сказал Джей. – Эти пришельцы явились из черт знает каких глубин Галактики. Для того, чтобы размножаться, им требуется целлюлоза – питать их малышей. Да и сами они, скорее всего, потребляют ту же целлюлозу в небольшом количестве. Но что я хочу сказать... Очевидно, они прибыли из иной звездной системы – оттуда, где имелись растения, из которых они могли извлекать целлюлозу. Вряд ли на какой-нибудь другой планете, даже в солнечной системе существуют такие условия, хотя бы приближенно напоминающие земные. Следовательно, они пересекли расстояние, равное многим световым годам. Ведь даже не на каждой планете солнечной системы могли существовать такие условия. На такой планете условия должны приближенно походить на земные, приближенно...

– Черт побери, Джей, – возмутился Гаррисон, – к чему ты клонишь?

– Можно сделать несколько выводов, – все так же задумчиво продолжал Джей. – Самым важным мне представляется вот какой. Физики утверждают, что любое тело не может передвигаться быстрее света. Значит, путешествие пришельцев продолжалось очень долго, возможно – несколько тысячелетий.

– Только отчаяние могло заставить их отправиться в полет, – сказала Кати. – Что-то ужасное произошло на их планете, изгнав в космос. И они отправились искать новую

планету, возможно, понятия не имея, где и когда найдут ее. Без целлюлозы они не могут размножаться, им грозила опасность гибели всего рода.

— Вы словно собираетесь выступить их адвокатом, — пошутил Латроп.

— Она, возможно, права, — Джей посмотрел на Кэти. — Такой сценарий очень правдоподобен. Они могли осмотреть некоторое количество планет по пути, пока не нашли подходящую — нашу. Тогда их раса должна быть крайне долгоживущей.

— Ты говоришь, что нам нужны статьи общего плана для подвала, — сказал Гаррисон. — Вот тебе идея — первый класс! То, что нам сейчас предложили Кэти и Джей, может послужить отличным проблемным фоном. Дать им задание заняться этим делом?

Латроп задумчиво помолчал,

— Нет, слишком много теоретизирования, не хватает твердой основы. Спекуляция какая-то получается.

— Согласен, — кивнул Гаррисон. — Но то же можно сказать практически обо всем, что можно написать. Это будут гипотезы, основанные лишь на очевидных фактах. Мы не имеем права с умным видом рассуждать о совершенно чужой и незнакомой нам форме жизни. Предположение Кэти, что пришельцы искали место, где могли бы растить своих детей, не лишено смысла. Но кто может поручиться, что дело обстоит так же с точки зрения самих пришельцев? Они могут иметь совершенно другие концепции. Их стиль жизни, если можно так выразиться, может быть совершенно невозможен для нашего восприятия и понимания.

– Да, наверное ты прав, – ответил Латроп. – Единственное, что я хочу, так это чтобы никто из нас не бросился в погоню за сенсациями. Кстати, Мэттьюс из нашего информационного бюро в Вашингтоне сказал, что пошли слухи, будто бы произошло некое испытание оружия против пришельцев. Что-нибудь есть по этому поводу? Какие-нибудь телетайпные сообщения?

Гаррисон покачал головой.

– Мэттьюс докладывал не более получаса назад, что на пресс-конференции в Белом Доме был задан такой же вопрос. Портер, пресс-секретарь Белого Дома, дал отрицательный ответ. Сказал, что ему ничего не известно по этому вопросу.

– Насколько можно полагаться на слова Портера?

– Трудно судить. Пока что он вроде бы ничем себя не скомпрометировал. По слухам, в Белом Доме идет большой спор. Портер настаивает на полной гласности. Но если испытания и проводились, так это дело рук военных. Вполне возможно, что результаты будут засекречены. Тогда Портеру придется туго.

– Еще что-нибудь?

– Обычный поток новостей. Несколько дней назад пришелец появился на свежевспаханном поле в Айове, принялся летать над ним, пока не облетел все поле из края в край, а теперь никого туда не допускает. Кажется, этот пришелец – наш старый знакомый.

– Что ты хочешь этим сказать?

– На нем есть номер сто один, написанный зеленой краской.

– Это тот, который первым совершил посадку в Оди-

нокой Сосне, – воскликнула Кати. – Номер на ней написал один из наблюдателей вашингтонской партии.

– На ней?

– У нее ведь были детки, верно? Значит, это «она». Как это я пропустила такой материал?

– А он вообще не попал в газету, – сообщил Гаррисон. – Я спас его из пачки негодных бюллетеней. Не понимаю, как это получилось. Мы дадим его в сегодняшний выпуск.

– Да, нужно следить, чтобы подобное не повторялось, – согласился Латроп. – Это хороший материал. Его нужно было дать своевременно.

– Иногда это случается. Эл. Тут ничего не поделаешь. Я думаю, не сгонять ли Кэти в Айову посмотреть, что там происходит. А вдруг пришелец вспомнит ее?

– Нелепое предположение, – рассмеялся Латроп. – Пока ни один из них не обращал никакого внимания на отдельного человека.

– Откуда нам знать наверняка, – сказал Гаррисон. – Конечно, пока еще ни один из них не пытался сказать «привет» случайному прохожему. Но это не значит, что они не замечают людей. Кэти несколько дней пробыла в Одинокой Сосне и...

– Ну и какая польза, если старина Сто Первый вспомнит ее? Мы ведь не можем взять у него интервью.

– Да, знаю, – сказал редактор городской хроники. – Просто у меня предчувствие. По-моему, идея не так уж плоха.

– Ладно, вперед! Отдел городской хроники ведешь ты, и раз у тебя такое предчувствие...

Внезапно дверь широко распахнулась и в комнату вошел Джим Голд:

- Джонни, на проводе Корявый Грант. Он только что нашел мертвого пришельца!
- Кого мертвого?
- Мертвого пришельца, – повторил Голд.

32. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер взял трубку.

– Дэйв, – сказал президент, – ты можешь зайти ко мне? Я хочу, чтобы ты кое-что послушал.

– Буду тотчас же, мистер президент.

Портер положил трубку и встал из-за стола. Его помощница Марсия Ленгли вопросительно посмотрела на него из своего угла.

– Не знаю, – пожал плечами Портер. – Скорее всего какие-нибудь неприятности.

Войдя в приемную, он ткнул большим пальцем в сторону двери кабинета:

– Кто у него?

– Генерал Уайтсайд, – ответила Грейс.

– И только?

– Да. Прибыл пару минут назад.

Портер постучался и открыл дверь. Президент сидел на краешке стола, а Уайтсайд расположился на стуле у стены.

– Входи, Дэйв, – кивнул президент, – бери стул. Генерал хочет поведать нам что-то невероятное.

– Благодарю, сэр, – сказал Портер.

Президент обошел стол и сел лицом к собеседникам.

– Я слышал, полчаса пресс-конференции дались тебе нелегко, – сказал он Портеру.

– Они хотели узнать о каких-то испытаниях вооружения. Я сказал, что ничего не знаю.

– Хорошо, – кивнул президент. – Как прошла эта маленькая ложь?

– Сэр, о большинстве вещей говорить можно и нужно, но я счел, что хотя испытания и не носят грифа секретности, все же не стоит о них пока распространяться.

– Очень хорошо, что вы догадались, – кисло сказал генерал.

– Как я понимаю, теперь мы не скоро сможем говорить на эту тему.

– Для этого я тебя и пригласил, – сказал президент. – Я достаточно уважаю твое мнение и не хочу, чтобы ты оперировал в информационном вакууме. Когда ты услышишь, что сообщит Генри, то сам поймешь, что лучше пока держать язык за зубами.

Президент кивнул генералу:

– Генри, будь добр, еще раз с самого начала.

Генерал устроился поудобней и начал:

– Кажется, вы знакомы с условиями эксперимента. Мы установили на платформе винтовку тридцатого калибра, и снимали траекторию пули на пленку со скоростью несколько тысяч кадров в секунду,

– Да, мы это знаем, – кивнул президент.

– Это было невероятно, – сказал Уайтсайд.

– Ладно, Генри. Давай по порядку.

– Когда пуля ударила в пришельца, то сделала в его шкуре вмятину. Не пробила, а сделала лишь вмятину – точь-в-точь как пуховая подушка, если ткнуть в нее кулаком, или щека – если ткнуть пальцем. Потом вмятина по-

что тотчас же исчезла и в ответ на выстрел ударил разряд энергии, ударил точно в винтовку и расплавил ее. Что интересно, сама пуля практически не была отброшена, – потеряв энергию, она упала совсем рядом. Там мы ее и нашли.

Генерал умолк, с шумом втянул воздух и продолжал:

– Наши ученые сказали, что пришелец преобразовал кинетическую энергию пули в потенциальную, чтобы потом ее применить в деле. Абсолютной уверенности, конечно, нет, но все указывает именно на это – словно пришелец поглотил энергию пули, проанализировал ее и ответил еще более мощным разрядом, уничтожившим оружие. Выстрел пришельца был идеально точным. Ученые говорят, что ему помогла траектория полета пули. Разряд вернулся к исходной позиции, отследив ось баллистической кривой, только в новой форме. Ученые говорили что-то о волновом пучке или отраженной волне, но это я не совсем понял. То есть пришелец возвращает энергию по той же траектории, по которой летела пуля – или вообще любой снаряд, – разрушая тем самым стрелявшее оружие.

Он помолчал, снова шумно вздохнул и оглядел собеседников: – Вы понимаете, что это означает?

– Идеальная система обороны, – ответил президент, – возвращает то, чем в него попали.

– И, вероятно, в другом виде, – сказал генерал. – Это может быть не заряд тепловой энергии, а, скажем, пучок гамма-лучей. Во всяком случае, так думают парни в лабораториях.

– Сколько человек, кроме нас троих, знает об этом? – поинтересовался президент.

— Довольно многие: техперсонал, солдаты и так далее — все свидетели эксперимента. Но если иметь в виду мою информацию, то, кроме нас, еще трое.

— Им можно доверять?

— Можно. Они болтать не станут.

— Наверное, для надежности, — сказал президент, — нам нужно настаивать на том, что испытание вообще не проводилось. Справишься, Дэйв? Я понимаю, что ты чувствуешь...

— В общем-то, мне это не по сердцу, — сказал Портер, — но я согласен. Однако следует иметь в виду, что кто-нибудь из военнослужащих или технического персонала обязательно рано или поздно проговорится. Может, пойти другим путем? Скажем: да, мол, испытание было, но данных мало, они озадачивают и ни к чему не ведут.

— Я считаю, что надо держать рот на замке, — возразил Уайтсайд. — Это единственный надежный способ.

— Дэйв, — сказал президент, — я никогда не просил тебя что-то замалчивать, но на этот раз прошу тебя хранить молчание. Конечно, была утечка информации в отношении объекта на орбите. Пожалуй, ты был прав, когда настаивал на полной открытости. Нужно было дать тебе свободу, не дожидаясь бюллетеня НАСА. Но сейчас совсем другое дело.

— Это может дать столь необходимое нам преимущество. Вот если бы понять, как они это делают!

— Можно подключить Аллена.

— Мистер президент, лучше бы этого не делать. Конечно, он может помочь с ответом, но пусть лучше не знает, что было на самом деле. Знают шесть человек; а это так

много. Аллен слишком мягок и любит поговорить. Он одержим мыслью, что научные сведения следует распространять. Его люди не имеют допуска и...

— Можешь не развивать свою точку зрения, — перебил Уайтсайда президент. — Ты совершенно прав. Аллена посвящать в это дело не будем.

— Мои люди считают, — продолжал генерал, — что для пришельца это вовсе не оборонительная реакция. То есть, она не предназначена для обороны от внешнего противника. Они считают, что пришельцы поглощают энергию из любого доступного источника. В космическом пространстве они используют разные виды излучений или крохотные частицы материи, а при случае — крупные, если те сталкиваются с ними. Таким образом, они могут преобразовывать кинетическую энергию материальных частиц в потенциальную, поглощая необходимое ее количество. И эта их способность — как бы встроенный клапан безопасности против переизбытка энергии.

— Вы использовали пулю тридцатого калибра. Как ваши люди оценивают, насколько пришельцы могут выстоять против артиллерийских снарядов?

— Ядерная бомба, наверно, сумеет их уничтожить, но все остальное, я думаю, они способны выдержать. Вмятина, сделанная пулей, была очень мала и неглубока. Если это будет снаряд, вмятина увеличится, но запас прочности у пришельца гораздо больше. В течение всего эксперимента он стоял не шелохнувшись, даже когда в него попала пуля. Я бы хотел провести серию экспериментов со снарядами увеличивающихся калибров.

— Тогда нам не удастся сохранить завесу секретности, —

предупредил Портер.— Возможно, этот единственный эксперимент нам как-то удастся замять, но если вы начнете серию, этого скрыть уже никак не удастся.

— Это верно, — согласился президент, — пока удовлетворимся тем, что имеем. А теперь надо выяснить, как пришельцы устроены, что они из себя представляют. Возможно, Аллен вскоре даст информацию, которая нам поможет.

— Но ему не с чем работать, — заметил Портер. — Почти все, что может его команда — это лишь стоять в сторонке и наблюдать.

На столе у президента раздался гудок. Нахмурившись, он протянул руку и нажал на кнопку.

— Грейс, я, кажется, просил...

— Прошу простить меня, сэр, но я подумала, что вам необходимо это знать. Здесь доктор Аллен. Он говорит, что должен немедленно встретиться с вами. Кажется, в Миннесоте обнаружен мертвый пришелец.

33. МИННЕАПОЛИС

Комната давила на него, и это было странно, потому что раньше такого не бывало. Впервые за два долгих года, прожитых здесь он заметил, какая тесная у него комната, обратил внимание на ее захламленность и в то же время — скудость и убожество. Он увидел грязные стекла и потеки сырости на стенах.

Он отодвинул бумаги в сторону и встал, глядя в окно на детей, затеявших одну из своих бессмысленных, с беготней и криками, игр, понятную только им одним. По разбитому тротуару хромала старуха с тяжелой хозяй-

ственной сумкой. Напротив, у крыльца облупившейся развалюхи, сидела грязная дворняга. На своем обычном месте у поворота стояла старая машина с помятыми крыльями и облезлым бампером.

«Вот черт, что со мной?» – подумал Джерри Конклин. Но ответ был известен ему заранее.

Это дело рук пришельцев. С тех пор, как началось посещение, он перестал быть самим собой. Внутреннее беспокойство лишило его возможности заниматься и не давало работать, донимало его и не оставляло в покое ни на минуту. Оно мешало работать над дипломом, а диплом – это не шутки. Он просто обязан написать дипломную работу.

«Может, лучше рассказать всю историю властям?» – подумал он. И тогда, избавившись от беспокойства, он мог бы посвятить себя работе. Но почему-то сделать это был не в силах. Он укорял себя, что боится насмешек, которые могла бы вызвать эта история, боится выставить себя на посмешище. Но основная причина была не в том. А понять другие причины он не мог; думал, что, рассказав все Барру, сумеет успокоиться. Но это не помогло, хотя экзобиолог выслушал его на полном серьезе. Сама исповедь облегчения тоже не принесла.

А теперь, когда прошло столько времени, он просто не мог ничего рассказать. Это было бы полнейшей глупостью, ведь появилось столько ненормальных, которых «похищали пришельцы». Расскажи он свою историю – тут же окажется в числе лунатиков и безумцев, поклоняющихся пришельцам. Если прежде рассказать все было трудно, то теперь это стало просто невозможно.

Хотя, вероятно, еще не все кончено. Рано или поздно следователи найдут номер его раздавленного автомобиля или номер двигателя, узнают имя владельца и выйдут на него. Возможно, они уже все нашли, а он притаился. Наверное, надо было бы что-то сделать с машиной, вот только что? Стоило бы заявить в страховую компанию, но как им это объяснять? Сначала он хотел заявить, что машину похитили, но потом передумал, решив не поддаваться минутному побуждению – иначе теперь выпутаться было бы нелегко.

Джерри Конклин отошел от окна, сел за стол и снова разложил перед собой бумаги. «Несмотря ни на что, – подумал он, – сегодня нужно хоть как-то поработать». А после шести явится Кэти, и они поедут куда-нибудь перекусить.

Без Кэти он пропал бы. Только ее сила и спокойствие, любовь и забота помогли ему справиться с тревогами этих нескольких дней.

Зазвонил телефон, он снял трубку и услышал голос Кэти:

– Джерри, мне очень жаль, но встретиться сегодня мы не сможем. Я снова уезжаю в Одинокую Сосну.

– О, черт! Я так надеялся, что мы увидимся. Что там на этот раз?

– Нашли мертвого пришельца. Вашингтон, наверно, пошлет исследователей. Нужен кто-нибудь из наших на месте событий, и Джонни выбрал меня.

– Что с ним случилось?

– Никто не знает. Его просто нашли мертвым. Корявый Грант нашел. Помнишь, я тебя знакомила?

– Ага, припоминаю. А с чего он решил, что пришелец мертв?

– Он был холодный и больше не парил, а неподвижно лежал на земле.

– И теперь все ринутся резать мертвого пришельца на части, чтобы определить, как он устроен,

– Да, наверно так.

– По-моему, это ужасно.

– И по-моему тоже, но это вполне логичный поступок.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю. Через денек-другой. Тогда и позвоню.

– Я рассчитывал, что мы встретимся сегодня вечером.

– Я тоже, Джерри. Мне ужасно жаль. Я страшно огорчена.

– Да ладно, ведь это твоя работа. У меня тоже есть чем заняться, я ведь над дипломом сижу. Надо же его наконец написать!

– Да, Джерри, вот еще что... Нашелся старик Сто первый.

– Сто первый?

– Ты что, забыл? Я же тебе говорила: какой-то тип из Вашингтона написал зеленой краской номер на первом приземлившемся пришельце.

– Да-да, ты говорила! Значит, его нашли. Где?

– На ферме неподалеку от маленького городка в Айове. Называется Хутор Дэвиса. Фермер считает, что он что-то посадил на его поле и теперь никого туда не пускает. Когда фермер пытается приблизиться, Сто первый отгоняет его прочь.

– Что же он мог посеять?

– Может, и ничего. Это лишь предположения фермера. Джонни как раз собирался послать меня туда, но тут пришло сообщение из Одинокой Сосны.

– Но зачем нужно посылать именно тебя?

– У Джонни предчувствие. Он работает по наитию, и по наитию ведет отдел городской хроники. Иногда это ему удается, Можно назвать это интуицией газетчика. Ну, мне пора. Самолет ждет, и Чет переминается с ноги на ногу.

– Я буду скучать, Кэти.

– Я тоже. Смотри, не теряй времени, пока меня нет.

– Постараюсь, Спасибо, что позвонила.

Он положил трубку и уставился в стену. Комната снова начала смыкаться вокруг него. Он явственно увидел грязь на окнах и подтеки на стенах,

«Старина 101-й в Айове, – подумал он. – Охраняет поле. Почему именно в Айове? Там почти нет деревьев, не то, что в Миннесоте. Фермер говорит, что пришелец что-то посеял, И что же? Должно быть, фермер ошибается».

Джерри встал, прошелся по комнате, ужасающе отчетливо припомнив те несколько часов, которые провел во чреве Сто первого, снова вспомнил лучезарные диски, голубое свечение, мерцание. «Там было что-то такое, – подумал он, – что я должен был понять, и обязательно бы понял, если б оставался внутри подольше».

Тут он остановился, мысленно обозвав себя идиотом. Он ведь не разговаривал с ним в полном смысле этого слова, лишь ощутил чувство дома, сходство с деревом. «И все это – понял он, – могло исходить вовсе не от пришельца, а быть результатом каких-то неожиданных aberrаций в моем собственном мозгу».

Джерри вернулся к столу и снова сел, положил перед собой бумагу, взял ручку и начал что-то писать. Тут он понял, что работать не сможет, То, что он написал, было какими-то странными, чужими каракулями. Он испытывал ярость и смущение, пытаясь разобрать написанное.

«Возможно, — думал он, — ответ как раз находится на ферме в Айове». Но ехать туда — просто безумие, ведь пришелец прогонит его оттуда, как прогоняет всех. Он прекрасно понимал, что это была только его фантазия, но ничего не мог поделать с собой. Фантазия постепенно превратилась в уверенность: надо ехать в Айову, хотя он понятия не имел, что будет потом, когда он туда доберется.

Встав из-за стола, он принялся мерить шагами комнату, борясь с самим собой. Ему не давала покоя одна мысль, впившаяся в мозг, как клещ. Ему нужен ответ, а это единственный способ его отыскать. Может, все это бред и ничего не выйдет, но он чувствовал, что должен рискнуть. Кэти говорила, что Джонни Гаррисон действует по наитию, и интуиция порой дает хорошие плоды.

Джерри боролся с собой до вечера, но в конце концов решил отправиться в Айову. Он чувствовал, что это долг. А машина?.. Если попросить у Чарли, то он может одолжить машину.

Чувствуя слабость во всем теле и покрывшись испариной, он взял трубку и набрал номер Чарли.

34. ОДИНОКАЯ СОСНА

Сквозь бинокль Кэти видела за рекой копошившихся возле мертвого пришельца людей. Разобрать, что они там

делают, было невозможно. Было ясно одно: с помощью каких-то пил они вырезали из его тела большие куски — видимо, готовили образцы для отправки в Вашингтон или куда-то еще для тщательного изучения. У них было какое-то оборудование, но на таком расстоянии нельзя было разобрать, какое именно. И невозможно было найти кого-то, кто ответил бы на ее вопросы. Правила безопасности и режим секретности выполнялись строго. Мост, навешенный через реку армейскими инженерами, тщательно охранялся постом Национальной гвардии. Патрули гвардейцев охраняли и берега, чтобы никто не мог перейти на ту сторону вброд.

Другие пришельцы не обращали ни малейшего внимания на активную деятельность возле тела их товарища. Они все продолжали крушить деревья и выплевывать позади себя тюки целлюлозы. Некоторые отпочковались, и по просеке, пожирая целлюлозу, сновала дюжина малышей.

Кэти опустила бинокль на колени.

— Что-нибудь видно? — поинтересовался Нортон.

— Не могу ничего толком разобрать, — сказала Кэти и передала ему бинокль, — Хочешь попробовать?

— Если я что и увижу, то все равно ничего не пойму. Я предполагал, что для исследований они перевезут тело пришельца, например, в Миннеаполисский университет. Но, наверно, оно весит слишком много.

— Вероятно, потом они так и поступят. Сейчас им, по моему, надо как можно быстрее взять пробы тканей, если только это можно так назвать.

Нортон поднес бинокль к глазам и довольно долго смотрел, потом вернул бинокль Кэти.

– Я еще никогда не сталкивалась с такой секретностью, – сказала девушка. – Очень уж они это быстро. Мы с Четом были тут всего через несколько часов после звонка, а они уже успели перекрыть все щели. Обычно для прессы делают какие-то исключения, чтобы мы могли получить представление о том, что же все-таки происходит. Но на этот раз – каменная стена. Никто даже не сказал, будет ли информация по этому поводу. Нас просто вывели из игры.

– В Вашингтоне, видимо, это считают крайне важным делом. Совершенно секретным.

– Наверняка. Более того, эта новость застала их врасплох и заставила быстро принимать решения. Кто бы мог подумать, что один из пришельцев вдруг умрет, и в руки им попадет такой лакомый кусок. Если же мы напишем, что уровень секретности слишком высок, правительство всегда сумеет откреститься, сказав, что мы преувеличиваем.

– Очень скоро Одинокая Сосна будет битком набита репортерами, как раньше. Может, кому-нибудь повезет больше.

– Я пыталась, но тут просто не за что уцепиться. Даже эти толстомордые охранники у моста наотрез отказываются разговаривать. Обычно офицеры хоть что-то сообщают, чтобы показать, какие они важные особы. В общем, Фрэнк, мне здесь делать нечего. С таким же успехом я могла бы оставаться в редакции. Здесь от меня никакой пользы. Я даже представить себе не могу, что скажу Джонни. Может, кто-то другой справился бы лучше – Джей, например...

– Не может. Ты же сама сказала, что здесь никто не хочет разговаривать.

– Что меня убивает в такой ситуации, так это то, что даже слухов нет – даже на самом высоком уровне секретности. Кто-то что-то слышал, добавил что-нибудь от себя, рассказал кому-то, тот еще кому-то, и пошло-поехало. А здесь – полнейшая тишина. Корявый знает столько же, сколько и я. Салли тоже ничего не знает. Если бы она что-то знала, то наверняка поделилась бы новостью со мной...

– Надо еще подождать.

– Мы с Джерри хотели поужинать вместе, рассчитывали приятно провести вечер. Бедный Джерри, ему сейчас так тяжело! Шесть лет учебы, перебивается случайными заработками, живет в маленькой ужасной комнатухе. Наверное, нам нужно было пожениться, тогда бы мы жили у меня в приличной квартире. Но Джерри не пойдет на это. Он не может позволить женщине содержать его. У него есть мужская гордость, и я уважаю его за это. Но все равно мне его жаль. Правда, ему бы не понравилось, если бы он узнал, что я его жалею. Он был бы сражен в самое сердце. Так что я не показываю своих чувств. Правда, мы могли бы жить вместе – тут нет ничего ужасного, многие так делают, – но мы оба против. Нам это кажется непристойным, и мы уговорились...

– Ничего, все устроится, – сказал Нортон, стараясь ее утешить. – Еще немного, и он получит диплом, станет доктором, найдет хорошую работу...

– Не знаю, зачем я тебе это рассказываю, Фрэнк. Как-то само вырвалось. Не стоило этого делать.

– Хорошо, что ты выговорила. Если это хоть чем-то помогло, то я рад.

Некоторое время они молча сидели, подставив лица нежаркому осеннему солнцу. Наконец Нортон сказал:

– Через день-другой, ближе к выходным, смотаюсь куда-нибудь на несколько дней – устрою себе отпуск. Я так делаю каждую осень. Обычно не так поздно, но тут были эти дела с пришельцами... Цепляю на крышу машины каноэ и еду куда-нибудь в глушь. Останавливаюсь у известной одному мне речушки, и несколько дней посвящаю гребле на каноэ. Просто плыву вдоль реки и спокойно, не напрягаясь, наблюдаю приближение осени. Ну, немного рыбачу, а в основном глазею по сторонам. Таким образом, я как бы прощаюсь с осенним лесом, пока не настали дожди и слякоть.

– Это, должно быть, превосходно.

– Еще бы! Может, ты звякнешь Джерри и пригласишь его сюда? Скажешь Джонни, что хочешь взять отпуск на несколько дней, и присоединяйтесь ко мне. Сделаем великолепную вылазку на природу. Ты отдохнешь от своих репортажей с горячих точек, а Джерри – от занятий. Вам обоим это пойдет на пользу.

– Я бы не прочь, но не могу. Я уже использовала весь отпуск в июле, а Джерри нужно писать дипломную работу.

– Жаль. Превосходно было бы отправиться.

– И мне жаль, – вздохнула Кэти. – Во всяком случае, спасибо за приглашение.

35. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Едва Портер собирался уходить, как в пресс-центр вошел президент. Пресс-секретарь удивленно поднялся из-за стола и сказал:

- Что-то вы засиделись на работе, сэр.
- Как и вы. Я увидел свет и решил зайти.
- Чем могу быть полезен?

– Выслушайте меня. Иногда мне бывает нужен человек, с которым можно было бы посидеть и спокойно поговорить.

Президент подошел к стоящему у стены дивану, опустился на него, вытянул ноги и сцепил руки за головой.

– Дэйв, – сказал он, – неужели все это происходит в действительности? Не кошмарный ли это сон?

– К сожалению, все это происходит на самом деле. Хотя временами и я задаюсь тем же вопросом.

– Вы видите какой-то конец этому? Какое-то логическое завершение?

Портер покачал головой:

– Пока нет, но у меня возникла какая-то внутренняя убежденность, что со временем все образуется. Так бывает всегда, даже в самых тяжелых ситуациях.

– Весь день люди ломятся ко мне в дверь и требуют активных действий. Всем надо, чтобы я что-то делал. Пусть их требования кажутся глупыми, но эти люди отстаивают свою правоту, а они отнюдь не дураки. У меня лежат пачки писем, в которых просят назначить день всенародного молебна. Мне звонят люди, которых я всегда считал вполне разумными, и предлагают по всей стране сделать молебен в один день. Черт меня подери, если я соглашусь! Разумеется, иногда президенты обращались с подобными предложениями к стране, но в тех случаях, которые действительно к этому вынуждали. Сейчас же я не думаю, что этот случай подходит для молитвы.

– Всеми виной религиозная горячка, раздутая из-за пришельцев. Когда люди не понимают, что надо делать, они всегда обращаются к религии. Провозглашают мистическое отступление в мир ирреального в поисках понимания сил, находящихся вне пределов понимания, в поисках какого-нибудь символа, который заменит познание.

– Я все это понимаю, – сказал президент, – и в некотором смысле даже симпатизирую им. Но сейчас общенациональная молитва стала бы нагнетанием стоящих перед нами проблем. Все происходящее чертовски выбивает меня из колеи, но паники я не чувствую. Дэйв, может я неправ?

– По-моему, дело в том, что эти люди, подталкивая вас к общенациональной молитве, хотят обратить всех окружающих в свою веру или заставить их имитировать ее.

– Примерно час назад я пробовал спокойно разобраться, с чем же мы имеем дело в действительности. Я думал, что если разберусь, то наверняка придумаю что-нибудь путное. Во-первых, я сказал себе – это, по крайней мере, не угроза и не физическое насилие, никакой специфической опасности со стороны пришельцев нет. Пришельцы, собственно, оказались весьма воспитанным народом. Как мне кажется, они пытаются понять, кто мы такие, что мы за общество, хотя некоторые его аспекты должны быть чрезвычайно трудны для их понимания. А если это так, значит они намерены действовать в рамках нашего общества, стараясь вписаться в него. Конечно, в этом я уверен не на все сто процентов, но эта мысль внушает мне некоторую уверенность. Конечно, в любой момент может произойти нечто такое, что ситуация резко переменится. По-

лиция в том алабамском городке, где пришелец занял новый стадион, лишь в последний момент успела арестовать группу каких-то ненормальных, пробивавшихся к пришельцу с ящиком динамита, Я полагаю, что они хотели взорвать пришельца.

— Даже если их бы не задержали, у них бы ничего не вышло. Чтобы нанести ощутимый вред пришельцу, нужно что-то посерьезнее ящика динамита,

— Ты прав, Дэйв — если результаты проведенного Уайтсайдом эксперимента верны, а я почти уверен в этом. Но этот случай мог изменить отношение пришельцев к нам. Это был бы акт откровенной агрессии. Пока мы не узнаем больше, чем знаем до сих пор, мы не можем позволить себе никакого насилия, даже случайного и непреднамеренного. Подозреваю, что пришельцы, если серьезно займутся этим, дадут нам сто очков вперед по любому виду агрессии. И в соревнования по стрельбе я бы с ними вступать не стал.

— Да, нам действительно не мешает побольше узнать о них. Как там дела у Аллена с мертвым пришельцем? От него были какие-нибудь сообщения?

— Только рапорт о начале работ. Пока они делают то, что можно сделать на месте. Потом попробуют переместить тело в более выгодные для работы условия.

— Да, вот это будет работенка — тащить такую махину.

— Мне доложили, что это можно сделать. Как я понял, армейский инженерный корпус работает над этой проблемой.

— Есть какие-нибудь предложения о возможных причинах смерти пришельца?

– Забавно, что ты, наконец, задал этот вопрос, Дэйв. Лично мне он пришел в голову в первую очередь. Как только речь заходит о смерти, мы тут же интересуемся причиной. Все мы очень озабочены вопросами жизни и смерти. Мне, например, сразу вспомнился Герберт Уэллс. Его марсиане были беззащитны перед болезнями землян. Может, и в нашем случае пришельца убила какая-нибудь бактерия, вирус или грибок. Но похоже, Аллена причина смерти вообще не интересует. По крайней мере, он не упоминал о ней, просто выразил живейшую радость, что ему в руки попался пришелец. Что-то в этом парне есть такое, от чего у меня иногда мурашки бегут по коже. Мне иногда кажется, что он вообще не человек. Он слишком погружен в науку. Для него ученые – особое братство, существующее отдельно от остального человечества. Такой подход не может не беспокоить. Очень может быть, что Аллен узнает нечто, не подлежащее широкой огласке. Мы пытались внушить ему эту идею, и он, кажется, понял. Я знаю, как ты к этому относишься, Дэйв, но...

– Если информация имеет значение для безопасности страны, то я всегда буду за ее неразглашение. Я просто против секретности как таковой. Я уверен, что работа над телом мертвого пришельца что-то даст, и мы сможем это спокойно огласить. Если сведений будет достаточно, пресса удовлетворится. Конечно, некоторые заподозрят, что мы часть сведений утаили, но жаловаться будет не на что. Меня волнуют те люди, которые проводят работу. Пресса может добраться до кого-нибудь из них.

– Я предупреждал Аллена. Он использует людей только из своего отдела – никаких посторонних. Клянется, что

доверять им можно. Маловероятно, что кто-то сможет войти с ними в контакт или выудить что-то достаточно важное. Мы набросили на Одинокую Сосну такую «сеть», что никто не проскользнет.

Президент встал, направился к двери, потом вернулся и снова сел.

— Мне не нравится еще одно, — сказал он, — эта проклятая ООН. Они намерены объявить, что пришельцы — не наше, сугубо внутреннее дело, а вопрос международного значения. Но ты, разумеется, уже в курсе.

Портер кивнул:

— Сегодня на пресс-конференции я получил несколько трудных вопросов. Пришлось «прогуляться по очень тонкому льду».

— Резолюция будет принята, как пить дать. Тут мы ничего не можем поделать. Лишь с полдюжины государств примут нашу сторону. Мы пытались надавить, но толку это не дало. Все обездоленные «братья» наши будут голосовать против нас.

— Провести-то резолюцию они могут, а вот воплотить в жизнь — черта с два.

— Конечно, но мы не можем ударить лицом в грязь на глазах у всего мира. Надо подумать и о международном престиже.

— Возможно, пора забыть о престиже. Это наша игра. Ведь пришельцы сидят на нашей шее.

— Может, ты прав, Дэйв, но есть и другие соображения. Госсекретарь приходит в отчаяние от такой перспективы.

— Он всегда приходит в отчаяние.

— Я знаю, но сейчас мы имеем дело не только с госсек-

ретарем и ООН. Другие тоже не прочь задать нам перцу. Против нас «зеленые» – говорят, мол, мы ничего не делаем для защиты лесов от пришельцев. Лесозаготовители подняли вой до небес. Фермеры, видя, как пришельцы устраиваются посреди их полей, приходят в волнение. Все деловые круги просто бурлят. Настроение на бирже меняется постоянно. Иногда я ловлю себя на мысли, пусть и глупой: ну, почему именно мы? Почему не Европа, не Южная Америка, или – спаси Боже – Советский Союз?

– Я понимаю ваши чувства. Это уже переполнило чашу терпения...

– Если бы унялось выиграть хоть один раунд, если бы не приходилось так драться за каждый дюйм. Возьми, скажем, энергетический билль. Все это чудесно в виде проекта, но в настоящее время уже невыполнимо. Можно взять сотню первоклассных инженеров, и каждый присягнет, что план реален. Солнечная энергия из пустынь на Юго-Западе, еще несколько миллионов на криогенные линии передач и аккумуляторы. Еще год – и все. Будет достаточно энергии, чтобы снабдить всю страну, будет система электропередач, распределяющая энергию почти без потерь. Но что думает по этому поводу Конгресс? Черт, они ничего подобного не видят. Половина из них на крючке у больших электрокомпаний, а у второй половины куриные мозги, и даже удивительно, как они, покидая Капитолий, находят дорогу домой...

– Когда-нибудь настанет день, и они сами придут к вам с этим. Рано или поздно они поймут...

– Разумеется, – согласился президент, – рано или поздно. Когда бензин будет стоить пять долларов за галлон и

придется часами стоять в очереди, чтобы получить свои три галлона по карточке. Когда зимой будет холодно, потому что нельзя будет позволить себе обогревать дом природным газом. Когда начнут пользоваться только двадцатипятиваттными лампочками, чтобы иметь возможность оплатить счет за электричество...

36. АЙОВА

Солнце село и начали сгущаться ранние сумерки, когда машина Джерри Конклина свернула к заправке.

– Наполните бак и проверьте уровень масла, – сказал он заправщику.

Пока тот хлопотал у насоса, Джерри отошел к обочине. Заправочная станция находилась на краю небольшой деревушки – такие Джерри за день миновал во множестве; это были просто тихие торговые центры для ближайших фермеров. Само селение состояло из ряда аккуратных домов и небольшого делового квартала. Кое-где в домах зажигались огни, движение на шоссе было небольшое. Над деревней нависла вечерняя тишина, время от времени нарушаемая лаем собак.

Джерри постоял у обочины, оглядел дорогу, но внутреннее напряжение не отпускало. «Глупо, – подумал он, – вот так поддаваться иррациональному импульсу. Следовало бы знать, что поездка ничего не даст». Глупо думать, что 101-й узнает его – хотя, в каком-то смысле, он действительно мог узнать Джерри. Но если бы и узнал – вряд ли это могло утешить.

Он подъехал к той ферме уже ближе к вечеру, потратив

много часов на неудачные попытки отыскать это место и несколько раз останавливаясь, чтобы узнать дорогу.

Фермер во дворе чинил отраду для свиней.

— Ага, там он, поле стережет, — сообщил он в ответ на расспросы Джерри. — Только без толку туда ходить. Ступайте, коли хотите, да только я и так могу сказать, что будет. Я бы проводил вас, да вот работа. Эти хрюшки вчера выломали загородку, нужно починить, чтоб не разбежались.

Джерри пришел в поле. Старик 101-й сидел на скошенном лугу рядом с возделанным полем. Когда он подошел, пришелец даже не пошевелился, чтобы его отогнать. Джерри обошел вокруг черного блока, стараясь припомнить, как тот выглядел, когда сел на мост. И хотя воспоминание о том, как этот пришелец лежал поперек реки, разделив мост в мелкую щепу, было еще ясным, теперь он почему-то не мог отождествить его с тем, что видели глаза. Теперь пришелец почему-то казался мельче, хотя, Бог свидетель, он был не так уж мал.

Джерри обошел пришельца, коснулся его ладонями, чтобы ощутить его приятное тепло, слегка похлопал, а потом игриво ткнул кулаком. Пришелец и «ухом не повел».

— Скажи мне, — попросил Джерри, — что я должен знать.

Пришелец ничего не сказал и вообще не обратил на него внимания. Но Джерри почему-то был уверен, что тот знает о его присутствии, хотя откуда появилась такая уверенность, объяснить не мог.

Он долго разговаривал с ним, опираясь на него ладонями, но тот хранил молчание. Наконец Джерри пошел

прочь, время от времени оборачиваясь, но пришелец продолжал неподвижно лежать на лугу, словно находился тут испокон веков.

«Хотя, он меня не гнал, — думал Джерри. — Он отгонял всех, кто пытался приблизиться к полю, кроме меня. Значит, узнал».

— Мистер, — сказал подошедший заправщик, показывая Джерри измерительный прут, — вам нужно кварту масла.

— Ладно, давайте, этой машине всякий раз нужна кварта масла.

Расплатившись, он вывел машину на шоссе и направился в сторону центра.

Но, достигнув делового района, объехал квартал и снова выехал на шоссе с противоположной стороны, направляясь туда, откуда только что приехал.

Он возвращался на ферму, хотя сам не мог объяснить, зачем. «Очевидно, из врожденного упрямства или от нежелания сдаваться, — подумал он, — от необъяснимой уверенности в том, что пришелец 101-й все-таки даст ответ». Разворот был сделан практически машинально, без всяких колебаний. И лишь оказавшись на автостраде, Джерри вдруг осознал, что возвращается. Сделав это, он не стал сопротивляться, решив: будь, что будет.

Он понимал, что возвращаться к самой ферме нельзя. Хотя фермер и вел себя дружелюбно, Джерри заметил перемену в его поведении после того, как тот увидел, что прогонять Джерри пришелец не стал; лицо фермера потемнело — наверно, начал что-то подозревать.

«Собственно, — подумал он, — к ферме подъезжать и не надо. Можно остановиться на проселке, пройти мили пол-

торы пешком и, таким образом, добраться до пришельца». Стемнело, и вряд ли кто-нибудь его заметит. Ночь стояла ясная, близилось полнолуние, и отыскать дорогу будет нетрудно.

Приближаясь к ферме, Джерри испытал несколько неприятных минут: боялся, что не сможет найти нужное место. Но там были хорошие ориентиры: ржавый железный мосток через ручей и одинокий дуб на пастбище, возле старой копны сена. Шел уже одиннадцатый час, когда Джерри нашел проселок. Проехав еще около мили, он остановился. Отсюда можно будет дойти до пришельца.

То ли он хорошо сориентировался, то ли просто повезло, но вскоре он обнаружил ферму. На лугу темнел черный силуэт 101-го. И все же он находился дальше от пришельца, чем предполагал. Джерри побрел через поле, время от времени спотыкаясь о борозды, преодолел пару оград из колючей проволоки, что было и нелегко, и неприятно. Похолодало, и он застегнул пиджак на все пуговицы, поднял воротник, но от холодного ветра это не спасало. Слева в овраге ухала сова, да иногда, при перемене направления ветра, слышался отдаленный лай собак.

Джерри двигался сквозь тоскливую пустоту сумерек. Ему казалось, что в любой миг из пустоты может материализоваться какая-то опасность, хотя он не мог себе представить, что может ему угрожать.

Путь был словно бесконечным. Он как будто не двигался, а лишь перебирал ногами, оставаясь на одном месте. Чтобы преодолеть это жуткое ощущение, он безжалостно гнал себя вперед, порой срываясь на бег. Но вскоре оставил попытки бежать, потому что слишком часто спо-

тыкался. Потом, совершенно внезапно на месте. Впереди, залитый светом луны, высился силуэт 101-го.

Джерри тяжело проковылял последние ярды пути и рухнул без сил рядом с пришельцем, укрывшись за его теплым боком от пронизывающего северо-западного ветра. У Джерри возникло странное желание больше никуда не уходить отсюда, словно он достиг укрытия. Но это было глупо, поэтому он заставил себя встать на ноги и прислонился головой к боку пришельца, переводя дыхание.

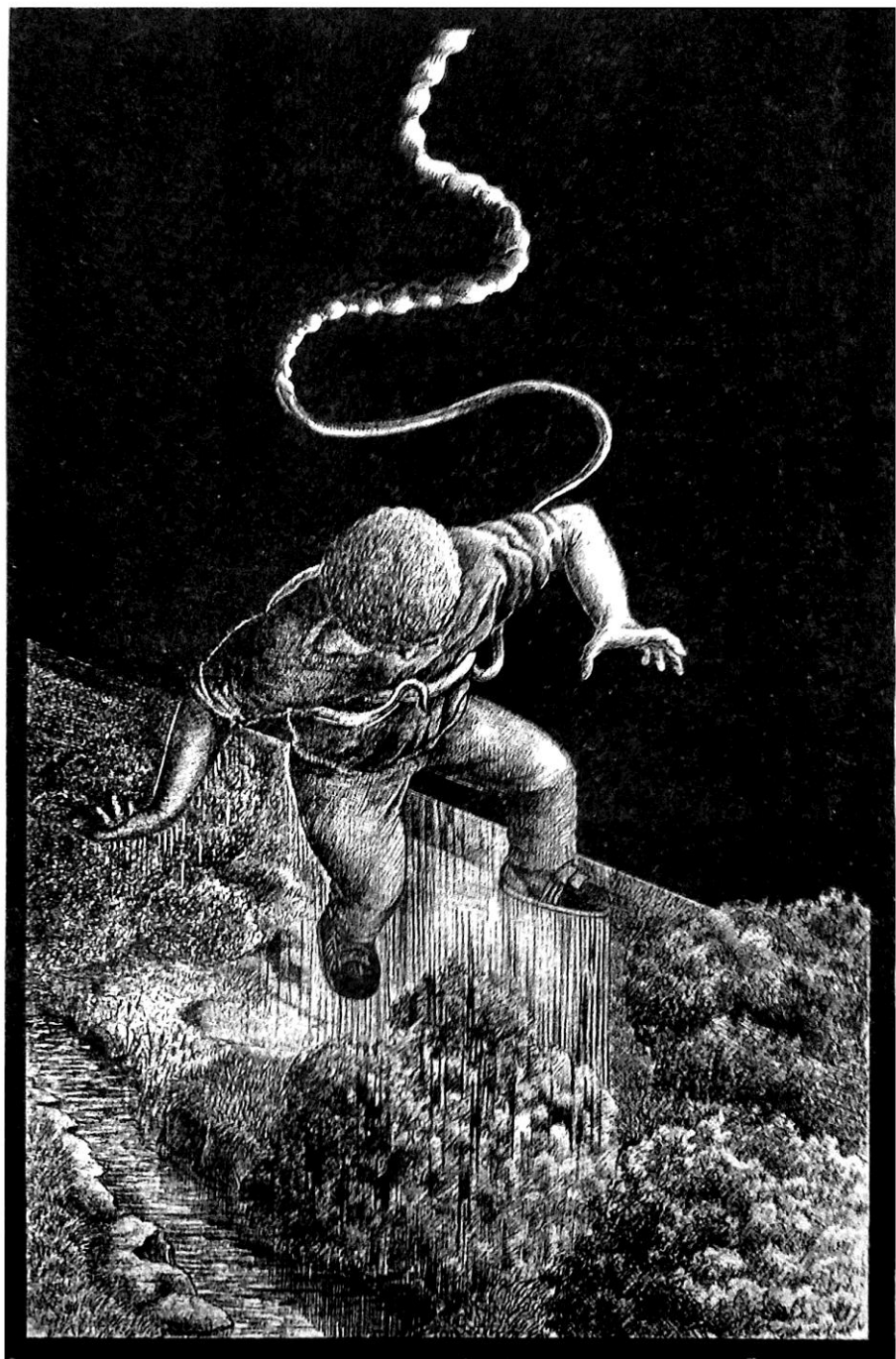
Он поднял голову и посмотрел на мерцающие звезды, внезапно исчезающие в черной пустоте тени пришельца. Но ощущение одиночества и потерянности не исчезло. Джерри предполагал, что это чувство исчезнет, стоит ему добраться до пришельца и вот он здесь. А что изменилось?

Он снова попался на удочку собственных заблуждений. Это была очередная глупость, ошибка, помрачение, которое началось в тот момент, когда он поднял трубку и попросил Чарли одолжить машину.

И все же он был уверен, что поступил правильно, хотя с точки зрения логики уверенность эта была ничем не оправдана.

Дыхание его стало легче, и Джерри отодвинулся от пришельца, повернулся лицом в сторону скошенного луга, но никак не мог сделать ни шагу, чтобы вернуться к машине.

И в тот момент, когда он уже был готов решиться на этот первый шаг, что-то со свистом хлестнуло сверху и железной лентой обвилось вокруг его груди. Уже в полете он успел на секунду увидеть освещенное бледным светом луны поле, черное русло ручья, внезапную вспышку света в окне дома фермера.

А потом он оказался на коленях в той странной темноте, точнее в синеватом туманном сумраке и почувствовал привкус плесени в горячем сухом воздухе. Снова с невероятной скоростью мелькали вспышки, открывая его взгляду подвижные невероятные силуэты, и смотрели на него ряды круглых светящихся глаз. «Словно я и не уходил», – подумал он.

Джерри медленно встал, и тут же едва не рухнул от нахлынувших ревушим потоком ощущений, пришедших откуда-то извне. Он снова опустился на колени, склонил голову, прижавшись к полу и упираясь в него ладонями, чтобы не растянуться ничком. Ощущения буквально грохотали в его мозгу. Их было так много и они были так сильны, что он не мог отключиться от них или хотя бы понять, что они означают.

– Полегче, полегче, – выдохнул он. – Дай прийти в себя.

Поток ощущений иссяк, и Джерри невольно покачнулся, будто из-под него выдернули опору.

Затем ощущения возникли снова, но теперь были гораздо тише и мягче – они подкрадывались, словно кот, подступающий к зазевавшейся птице.

37. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

– Папа, – сказала Элис, – до меня доходят очень неприятные слухи.

Сенатор Давенпорт, спокойно отдохавший в кресле, посмотрел на дочь поверх стакана с шотландским.

– Что же это ты такое слышала, дорогая моя?

– Все эти кулуарные разговоры на Капитолийском холме – не в открытую, а те, что вполголоса – насчет хитрого способа избавиться от пришельцев. Вроде распыления психотропных веществ на деревья, которые те едят, или выделения миллионов долларов на биологические исследования, чтобы вывести бактерию или грибок, смертельный для их организмов. Говорят, что лучше истратить несколько миллионов, чтобы вернуть все назад, чем выбрасывать гораздо большие суммы на исследование пришельцев.

– Я действительно слышал что-то подобное, – удивительно мягко сказал сенатор. – Но это борьба с сельскохозяйственными вредителями, а не война с пришельцами.

Сенатор пересел так, чтобы видеть Портера.

– Быть может, наш друг из Белого Дома сумеет как-то прояснить этот вопрос?

– Я предпочел бы остаться в стороне.

– Кое-кто из мальчиков начинает нервничать, – пояснил сенатор дочери. – Их тревожат слухи и сложившаяся ситуация. Пока что они только ведут разговоры, но весьма скоро смогут пойти дальше.

– В настоящее время преждевременно даже думать об уничтожении пришельцев, – сказал Портер. – Я слышал разговоры о разработке носителей избирательного заболевания, смертельного только для организмов пришельцев. Мое мнение – это пока всего лишь разговоры. Никто понятия не имеет, как взяться за решение этой задачи. Сначала нужно узнать, кто такие эти пришельцы, как действует их организм. Только поняв это, можно прогнозировать реакцию пришельцев на различные химические вещества

и бактерии. Селективность болезни – тоже опасная штука. А вдруг в расчеты вкрадется ошибка, и бактерия окажется опасной не только для пришельцев. Мы рискуем выпустить на свободу джинна, который сотрет с лица Земли не только пришельцев, но и само человечество.

– Чудовищная идея, – скривилась Элис. – Что плохого сделали пришельцы?

– Ну, этого я не знаю, – заметил сенатор. – Поговори с настоящим «зеленым», и он тебе живо распишет, что если не принять решительных мер, пришельцы уничтожат все заповедники. Вот тебе и вред. Или поговори с президентом лесозаготовительной компании, у которого один из наших черных друзей только что очистил пару складов. Или с диспетчером в аэропорту, который бледнеет при известии о появлении пришельцев – вдруг произойдет столкновение с пассажирским лайнером? – или у которого целую бетонную полосу занимает черный блок гостя из космического пространства.

– Это голоса меньшинства, – убежденно сказала Элис. – Какие-то группы преследуют свои мелкие интересы, пытаясь навязать их нам.

– Я удивлен, дочь. Ты всегда, казалось, была ориентирована на взгляды меньшинства. Бедные угнетенные чернокожие, несчастные угнетенные краснокожие...

– Это другое дело. Это – культурные группы. Твои же – экономические. Бедные угнетенные бизнесмены, которым вдруг прищемили хвост.

– Нет, «зеленые» экономикой не интересуются, – возразил сенатор. – «Зеленые» действуют под влиянием эмоций. Они – нарушители спокойствия по своей природе.

– Я лично начинаю подозревать, – вмешался Портер, – что общественное мнение может вскоре изменить свою позицию относительно пришельцев. Сначала они были сенсацией. Теперь превращаются в раздражающий фактор. Они уже – уродливые черные блоки, портящие пейзаж или летающие там, где их никто не просит. И в некоторых местах они начинают нарушать ход повседневной жизни. Еще несколько месяцев – или даже недель – и раздражение перерастет в отвращение или даже ненависть. Именно ненависть в той области, которую мы называем общественным мнением, а не выражением интересов отдельных групп. Очень жаль, если так случится. Нам нужно терпение, если мы хотим выяснить, что же представляют из себя пришельцы.

– Аллен работает над мертвым пришельцем в Миннесоте, – напомнил сенатор. – Удалось ему хоть что-то выяснить?

– Мне ничего не известно, сенатор. Ничего определенного. Он не сделал даже предварительного сообщения. Но есть кое-какие кулуарные разговоры... В общем, якобы пришельцы – это растения, точнее принадлежат к тому же органическому классу, что и растения...

– Растения?! Боже, что за чушь!

– Да. Я пытался нащупать источник слухов, но пока безуспешно.

– А другие разговоры, – поинтересовался сенатор, – насчет того, что пришельцы способны управлять гравитацией? Вот что меня действительно интересует. Это было бы для нас весьма полезно.

– Эти предположения основаны преимущественно на

том факте, что пришельцы зависают в нескольких дюймах над землей, не касаясь ее. Они взлетают и приземляются вроде бы без реактивных двигателей – по крайней мере, в нашем понимании. Так что мысль об управлении гравитацией – просто попытка ухватиться за соломинку, чтобы хоть чем-то объяснить совершенно невероятный – с нашей точки зрения – факт, противоречащий законам физики,

– Вы все время говорите о том, что мы могли бы получить от пришельцев, – сказала Элис. – А вам не приходит в голову, что они могут думать аналогичным образом – они хотят получить что-то от нас?

– Ну, еще бы, – ответил ей отец. – Они получают от нас целлюлозу. И это пустяки, если мы действительно сможем с помощью пришельцев овладеть законами гравитации.

– Еще они съели несколько старых машин.

– Единственный раз, да и то всего несколько штук. Машины они больше не трогают.

– Вот я и думаю, – продолжала Элис, – а зачем им понадобились машины? Я не понимаю тебя, папа. То ты настроен весьма воинственно – пришельцы, мол, уничтожают нашу заповедную природу и нашу экономику, теперь – наоборот.

– Я изменил свою позицию. Сейчас я вижу некоторые очень привлекательные стороны пришельцев. Нам нужно только верно разыграть карты, – сенатор повернулся к Портеру. – До меня продолжают доходить слухи о военных испытаниях против пришельцев. Пытаюсь узнать что-то подробнее, но не получается. Вам об этом ничего не известно?

– Я знаю то же, что и вы, До меня доходят слухи, и только.

– Ничего определенного, никаких подробностей?
– Абсолютно никаких, – развел руками Портер.
– У этих посетителей должна быть какая-то система защиты, – сказал сенатор. – Ведь в космическом пространстве они могут быть подвержены разнообразным опасностям. Было бы хорошо выяснить, чем они обладают.

38. МИННЕАПОЛИС

Редакторы собрались в конференц-зале на пятиминутку. Через полуприкрытую дверь доносился стук пишущих машинок и монотонный гул голосов.

– Готова статья Джонса об индейцах из Черных гор, – начал Гаррисон. – Надо дать ее в ближайшем номере.

– Я думал, мы прибережем ее для воскресного номера, – сказал Латроп.

– Я так и хотел, но скопилось много материалов. Если его еще немного подержать, он устареет. Есть еще очерк, над которым Джемисон работал несколько недель, о том, что сможет сделать настоящий энергетический кризис с нашим районом. Хорошая работа. Джемисон работал очень кропотливо, встречался с компетентными людьми – экспертами в этой области. Материал большой, но, кажется, место у нас сегодня будет. Особых новостей нет. Думаю, можно дать заголовок на первой полосе вверху.

– О пришельцах нет ничего подходящего?

Вместо ответа Гаррисон посмотрел на Голда. Тот пожал плечами.

– Ничего особенного. Это уже начало приедаться нашим читателям.

– Я чувствую, – согласился Гаррисон, – материалы о пришельцах уже не имеют того веса, что неделю назад. Острота новизны притупилась. Мы выжали из истории с пришельцами все, что смогли. Пока людей сильно волновала тема, все было хорошо. Ну а если мы будем упрямо пичкать их одним и тем же...

– Как Кэти? Она все еще в Одинокой Сосне, не так ли?

– Да, – ответил Голд. – Но там пока что ничего выудить не удастся. Очень плотный заслон секретности и там, и в Вашингтоне. Не помню ничего подобного. Всегда удавалось хоть что-то выжать, а сейчас – полный нуль.

– Получается, там действительно происходит что-то очень серьезное, иначе к чему такая секретность? Но мы, очевидно, так и не узнаем ничего, пока кто-то не начнет говорить.

– А как дела в вашингтонском бюро?

– Они тоже не могут ничего раздобыть, – сообщил Хол Рассел, редактор отдела экспресс-новостей. – Я говорил с Мэттьюсом пару часов назад. То ли они действительно не знают, то ли лгут. Доходят кое-какие слухи, но совершенно ничего достоверного. Видимо, кто-то знает, но таких людей очень мало. Если в Вашингтоне секрет знают десять человек, то один наверняка проговорится. Любые новости всегда выплывают наружу.

– Тогда зачем держать Кэти в Одинокой Сосне? – спросил Латроп. – Если уж Вашингтон держит язык за зубами, то у нее и подавно нет шансов.

– Кэти – талантливый репортер, – ответил Гаррисон. – У нее столько же шансов узнать что-то в Одинокой Сосне, сколько у Мэттьюса в Вашингтоне.

– Я думаю, ее нужно вернуть сюда, – заявил Латроп. – Многие в отпусках, а тут то одно, то другое, и у нас не хватает людей. Она может пригодиться здесь.

– Как скажешь, – ответил Гаррисон, внезапно впадая в ярость.

– Если нужен «подвал» о пришельцах, – сказал Голд, – можно использовать идею Джея. Он отыскал в университете человека, который занимается коренными американцами. Этот человек проводит параллель между нами и пришельцами, белыми людьми и индейцами в тот момент, когда белые впервые появились на континенте. Он считает, что поражение индейцев было результатом их отсталой технологии, в результате чего и погибла культура индейцев. Когда индейцы захотели получить железный топорик вместо каменного томагавка, они захотели этого так сильно, что начали продавать свои земли, природные ресурсы и заключая несправедливые сделки, выгодные лишь для белых.

– Такой материал будет косвенной пропагандой в пользу индейцев, – заметил Латроп. – Вы с Джеем должны это понимать.

– Джей не собирался писать статью только с индейской точки зрения, – парировал Голд. – Он собирался проинтервьюировать ученых экономистов, историков...

Латроп покачал головой.

– При сложившейся в Черных горах ситуации, мне кажется, не стоит об этом писать. Как бы объективно ни была написана статья, нас обвинят в предвзятости.

– Хорошо, – согласился Голд. – Это только идея.

39. АЙОВА

Речка журчала и накатывалась на берега. Деревня Причал Дика, расположенная на возвышении в нескольких футах от воды, представляла собой группу старых облупившихся домиков. За ними возвышались крутые склоны гор Аойвы. Неподалеку от берега был расположен остров, образуя узкую протоку. Такие острова были во множестве разбросаны по всей реке. Миссисипи, разливаясь по долине Айовы, превращалась в затопленные джунгли. На востоке синели горы Висконсина.

Джерри стоял на берегу, глядя, как продвигается небольшая весельная лодка, которую приводил в движение пыхтящий крохотный моторчик. Лодка неуверенно продвигалась вверх по протоке, подпрыгивая в тех местах, где течение было особенно сильным. На корме, скорчившись, сидел человек, заботливо опекавший старый мотор.

Оказавшись напротив пристани, он направил лодку к ней, и после некоторых маневров она ткнулась носом в дощатый, расшатанный настил. Когда человек выбрался из лодки, Джерри увидел, что он старше, чем казался издали. У того были седые спутанные волосы и слегка сутулые плечи, но двигался он с легкостью юноши.

Мужчина поднялся на берег. Когда он приблизился, Джерри спросил:

– Вы, случайно, не Джимми Квинн?

Мужчина остановился и посмотрел на Джерри своими ясными, голубыми глазами, от уголков которых разбежались морщинки, похожие на гусиные лапки.

– Он самый, – ответил мужчина. – А вы кто будете?

– Меня зовут Джерри Конклин. Мне сказали, что вы скоро будете. Как я понял, вы прекрасно знаете здешние места.

– В Виннишике меня знают сызмальства, – с достоинством ответил Квинн. – Меня даже зовут речной крысой. Да так оно и есть – я знаю здесь все вдоль и поперек. Нет такого уголка, куда бы я не сунул нос. Я здесь и рыбачил, и охотился, и был траппером. Так чем же вам помочь?

– Я слышал, некоторые пришельцы совершили посадку где-то здесь.

– Пришельцы? Пришельцы?.. Ага, теперь понял. Вы про эти черные штуки вроде коробок. Говорят, они спустились с неба.

– Вот именно. Похоже, вы их видели?

– Видел. Там, на Гусином острове. Это большой остров посередке, милях в четырех-пяти вниз по течению. Их было штуки три-четыре. Видал-то я только их верхушки над деревьями. Было уж поздненько, вот я и не стал там торчать. Может, и днем не стал бы. От этих штук прям мороз по коже. Какие-то они диковинные, вовсе не наши. Я по первоначалу-то не понял, что оно этакое, а потом смекнул: выходит дело, пришельцы. А вам откуда ведомо? Я никому не говорил, а то решат, что я спятил. Правду сказать, может, так оно и есть. Слишком долго ходил я по этой реке.

– А вы не могли бы переправить меня к ним?

– Только не нынче вечером. Уж, почитай, ночь на дворе. А ночью по реке лучше не ходить. С моим мотором до Гусиного путь нескорый. Стемнеет на полдороге.

– Тогда завтра или, скорее всего, послезавтра. Со мной

поедет еще один человек. Только я не сразу смогу ее найти, да еще пока она доедет из Миннеаполиса.

– Женщина?

– Да, женщина.

– А на кой ей пришельцы?

– Может быть, она знает о них больше всех в мире.

– Будь я проклят, – вздохнул Квинн. – В наши дни просто неведомо, чего ждать от женщин. Если я вас туда отвезу, перепадет ли мне что-нибудь?

– Мы заплатим.

– Наличными?

– Наличными, – подтвердил Джерри.

– Вы что, хотите к ним подобраться поближе? Ежели они еще там. Они ж могли и улететь, сами понимаете.

– Хотим подобраться.

– Скажу вам честно, мистер: близко к ним не подойду. Отвезу туда и обожду вашего возвращения, но к ним и на шаг не подойду.

– Да вам и не надо с нами идти, только покажите, где они – вот и все. И подождите нас.

– Кликните меня, как понадобится. В общем сказать, я весь день на реке. Возвращаюсь к вечеру.

– Мы нас найдем, – сказал Джерри.

40. ВАШИНГТОН. ОКРУГ КОЛУМБИЯ

– Это лишь предварительный доклад, – сказал советник президента по науке Аллен. – Позднее будет сделано более подробное сообщение.

– Значит, вы что-то обнаружили, – сделал вывод президент.

— Да, кое-что, но в это трудно поверить. Мне пришлось потратить немало времени, чтобы поверить самому. А вот данные анализов — это неоспоримые факты, оспаривать которые нет оснований.

— У вас несколько встревоженный вид, доктор — заметил Уайтсайд.

— Еще бы! — согласился Аллен. — То, что мы обнаружили, противоречит всему, что мы знали до сих пор. Эти проклятые твари целиком состоят из целлюлозы.

— Из целлюлозы? — переспросил президент. — Из этого белого волокнистого вещества?

— После того, как они переработают ее, она перестает быть белой и волокнистой, — Аллен оглядел комнату. — Нас здесь четверо. Должен быть еще кто-то?

— Нет, на этот раз никого, — ответил президент. — Возможно, позднее, когда мы узнаем больше, будут проведены дополнительные пресс-конференции с другими лицами. Но сегодня нас только четверо. Генерал Уайтсайд заинтересован особо и желает знать, что вам удалось обнаружить. Дэйв находится здесь потому, что знает все. И давайте договоримся: строго конфиденциально. Надеюсь, ваши сотрудники не станут болтать.

Аллен резко выпрямился:

— В это посвящены, кроме меня, только четверо. Они прекрасно понимают необходимость секретности.

— Но ведь там работали и другие, — заметил Уайтсайд.

— Остальные просто полевые рабочие — собирали образцы, делали черновую работу. К лабораторным, исследованиям были привлечены только четверо, и только они знают то, что я хочу вам сейчас сообщить.

– Ладно, доктор, – сказал президент. – Тогда продолжайте. Мы вас внимательно слушаем.

– В целом это существо состоит из целлюлозы, но в неизвестной нам форме. Чтобы точно описать картину, мне придется применить специфическую научную терминологию.

– Непонятную там, – догадался президент. – Придется вам, доктор, максимально упростить ее.

– Постараюсь. То, что я вам расскажу, будет сильно упрощено и поэтому не совсем похоже на истину. Но вы получите некоторое понятие о том, с чем мы столкнулись. Внутри это существо состоит из прессованной целлюлозы. Целлюлоза спрессована так плотно, что способна выдерживать структурные нагрузки в несколько тонн на квадратный дюйм. Это может показаться невероятным, но вот цифры... Мы не имеем ни малейшего понятия, как можно добиться такого, какой процесс может превратить волокнистое вещество в столь плотную массу.

– Вы говорите о внутренней структуре этих тварей, доктор Аллен, – сказал Уайтсайд. – Означает ли это, что внутренняя часть отличается от наружной?

Аллен поежился.

– Да, генерал. Внешняя оболочка – нечто совершенно иное. Ее можно назвать целлюлозно-силиконовым полимером, хотя мы и не понимаем природы некоторых химических связей этого полимера – например, кремнийоксидных, гидрооксидных, – то есть связей между водородом и кислородом. В целлюлозе много кислорода. Кремний-кислородные связи имеют несколько совершенно неизвестных там разновидностей. В некоторых случаях решет-

ка имеет тетраэдральную структуру, аналогичную структуре полевого шпата или кварца. Трудно сказать, что это такое. Хотя, по ряду признаков, это можно назвать полимером.

— Как я понимаю, вы хотите сказать, что кожа пришельцев подобна скальной породе, — уточнил Портер.

— Да. Если не прибегать к профессиональным терминам, то именно это я и имею в виду. Твердая, как скала, даже тверже. Одновременно силикон придает ей некоторую эластичность и упругость. Камень нельзя согнуть или сделать в нем выемку. Это вещество — можно. Но потом оно принимает первоначальную форму. Это вещество одновременно обладает высокой прочностью, упругостью и термической стабильностью. Итак, мы рассмотрели возможности практического применения этих свойств. Конечно, пока это только теория, но вполне здравая. Если пришельцы пересекают огромные космические пространства, они должны откуда-то черпать энергию. Высокая термическая стабильность внешней оболочки указывает на то, что они могут накапливать огромное количество энергии от ударов частиц межзвездной пыли, из которых даже самые мелкие имеют огромный запас кинетической энергии. Мы полагаем, что наружная оболочка пришельца способна преобразовывать кинетическую энергию в потенциальную, а потенциальную — в любой нужный пришельцам вид энергии. Иногда они могут сталкиваться и с большими кусками вещества. Такой кусок сделает вмятину в оболочке пришельца, стенка поглотит необходимое количество энергии, а лишнюю отразит, подобно зеркалу, в процессе восстановления оболочки.

Портер бросил быстрый взгляд на Уайтсайда. Генерал неподвижно застыл и казалось, что сейчас у него отвиснет челюсть.

— Кроме того, — вздохнул Аллен, — мы имеем основание полагать — я не хотел бы сейчас вдаваться в подробности, почему мы думаем именно так, на бытовом языке сделать это просто невозможно, — что оболочка пришельцев имеет способность изменять направление и интенсивность гравитационного потока, управляя таким образом силой притяжения, действующей на пришельца. Следовательно, пришельцы могут делать свои тела то невесомыми, то имеющими отрицательный вес, так что сила гравитации их не притягивает, а отталкивает. Это объясняет их способность парить в одном-двух дюймах от земли. Управление гравитацией может хотя бы отчасти объяснить их передвижение в космическом пространстве. Локализуя источник гравитации в направлении перемещения, пришельцы могут притягиваться к нему, или отталкиваться от источника, находящегося позади.

Аллен замолчал и поочередно оглядел слушателей:

— Ну и вот... Это кажется безумием, и я продолжаю убеждать себя, что этого не может быть. Мы говорим, что они — чужаки. Это действительно чужаки — они совершенно чужды нам по своей сути. Но мне не дает покоя вот что: если они настолько отличны от нас физически, насколько же далеки они от нас психологически? Каковы наши шансы когда-нибудь понять пришельцев? И смогут ли они понять нас?

— Возможно, интеллектуальная разница между нами не так уж и велика, — сказал Портер. — Пока что они нас не-

плохо понимали. Каким-то образом они узнали многое, чего заранее знать не могли. И они удерживаются в пределах основных норм поведения.

— Надеюсь, что вы правы, искренне надеюсь, — ответил Аллен и обратился к президенту, — Через пару недель мы будем знать больше. Возможно, обнаружится, что мы заблуждались, и придется изменить некоторые наши теории. Или мы получим новые решающие данные. В настоящий момент я в общих чертах ознакомил вас с тем, что нам пока известно. Конечно, можно углубляться в этот предмет бесконечно, но в этом нет особого смысла.

Он поднялся и на мгновение замолчал, потом добавил:

— Еще одно. Это интересно, хотя и не столь значительно, и тоже бросает свет на события, связанные с пришельцами. Разумеется, вы слышали о Сто первом?

— Первый пришелец из Одинокой Сосны, — кивнул президент. — Как я понимаю, он теперь в Айове.

— Верно. Фермер утверждает, что 101-й вначале мотался нал полем взад-вперед, словно что-то сеял. Теперь он охраняет свежевспаханное поле и никого к нему не допускает. Одному из наших наблюдателей все же удалось подобраться к краю поля. Он обнаружил, что пришелец засеял поле семенами сосны. Теперь мы получили ответ на ранее озадачивший нас факт — почему в отходах деятельности пришельцев нет семян сосны. Теперь мы понимаем, что они отделяли семена от коры и веток, чтобы впоследствии высеять их в благоприятных условиях.

— Понадобится очень много времени, чтобы вырастить из семян деревья, — сказал президент. — Должно быть, 101-й все бросил и теперь охраняет свои посевы.

– Наверно, это не совсем так, – ответил Аллен. – Как обнаружил наблюдатель, некоторые семена уже проросли. Специалисты-лесотехники уверяют, что они не могли прорасти так быстро – это неестественно. Мы полагаем, что 101-й каким-то образом ускорил прорастание семян, чтобы затем воздействовать и на побеги, ускоряя их рост аналогичным образом.

– А для нас возникает новая проблема, – подхватил Уайтсайд, – сотни, тысячи пришельцев, захватывающие наши поля и изгоняющие с них исконных владельцев. Фермеры поднимут восстание.

– Вначале меня просто мутило от пришельцев, – произнес президент, – прямо кишки выворачивало. Мне кажется, что частично – или даже полностью – это связано с тем, я – чистый и неискушенный в таких делах политик. У меня политические нервные окончания. Любая угроза приводит меня в трепет. Я понимаю, что один неверный ход в игре с пришельцами может поставить крест на всей моей карьере политика. Но чем дальше, тем больше я привожу к убеждению, что с пришельцами можно сосуществовать мирно. Создается впечатление, что они придерживаются примерно тех же мнений, что и мы. Если бы мы только смогли наладить с ними контакт, то сразу же появилась бы база для надежного взаимопонимания. И то, что они засеяли поля семенами сосны, говорит только в их пользу. Они знают, что такое сельское хозяйство, что такое восстановление естественных природных ресурсов. Они мыслят теми же категориями, что и мы.

Аллен открыл было рот, но промолчал.

– Вы хотели что-то сказать? – спросил президент.

– В общем, да. Не знаю, стоит ли говорить, но, пожалуй, не помешает. Если вы помните, первый пришелец во время посадки в Одинокой Сосне раздавил автомобиль.

– Да, помню. К счастью, в нем никого не было. Мы еще удивлялись, куда же делся владелец машины, почему он или она так и не появился.

– Вот именно, – согласился Аллен. – Если вы помните, мы забрали остатки машины.

– Помню, – кивнул президент.

– Теперь мы установили личность владельца – по номеру. Владелец – студент-лесотехник Миннесотского университета. Его зовут Джерри Конклин. Несколько дней спустя он вернулся в Миннеаполис. Насколько мы знаем, он никому не рассказывал, что случилось с его машиной. Он даже не заявил в страховую компанию. Некоторое время он вел себя совершенно нормально, но когда мы выяснили его личность, он неожиданно исчез. Сейчас его разыскивают сотрудники ФБР.

– И что вы намерены узнать, когда найдете его? – любопытствовал Уайтсайд.

– Я и сам не знаю. Но согласитесь, его реакция кажется странной. Должна же быть какая-то причина, почему он никому не рассказал о случившемся. Странно, что он не потребовал возмещения убытков, даже не попытался выяснить, кто угнал его машину. Я не могу избавиться от ощущения, что ему что-то известно, и он мог бы нам очень пригодиться.

– Не слишком давите на него, когда найдете, – сказал президент. – По-моему, этот парень не сделал ничего преступного, за исключением того, что держит рот на замке.

41. МИННЕАПОЛИС

Когда Кэти входила в квартиру, как раз звонил телефон.

Она взяла трубку, послушала секунду и сказала:

– Джерри, где ты? Ты чем-то расстроен или взволнован? Не могу понять, Что случилось?

– Я пытался связаться с тобой, – услышала Кэти. – Звонил домой и в редакцию. Мне сказали, что ты еще в Одинокой Сосне, но там ответили, что ты уже уехала.

– Я только что из аэропорта. Ты в городе? Что-то тебя плохо слышно, какие-то помехи.

– Я в Айове. Местечко называется Причал Дика. Это на Миссисипи, напротив так называемой Виннишикской Нижины. Ты слыхала о нем?

– Причал Дика? Нет, никогда не слышала. Виннишик смутно представляю. Но ты-то каким образом..

– Кэти, я ездил на ту ферму в Айове. Разговаривал со Сто Первым. Он снова брал меня...

– Он тебя помнит?

– По-моему, да. Собственно, мы не разговаривали – он мне просто показывал. У меня сложилось впечатление, что это очень важно. Но для нас или для Сто Первого – не знаю.

– Но при чем же здесь Причал Дика? И Виннишик?

– Он назвал мне место, вернее, показал. Зачем – не знаю. Ну, в общем, я выполнил – по крайней мере, частично. Здесь есть остров под названием Гусиный. На нем три пришельца. Но почему это важно, не знаю. Уверен только, что важно. Так мне внушил Сто Первый. Я должен отпра-

виться туда и хочу, чтобы ты поехала со мной. Если это что-то важное, ты первой должна все знать. Ты ведь с самого начала была в курсе этой истории с пришельцами.

– Хорошо, – сказала Кэти, – выезжаю немедленно. Но объясни мне дорогу – как добраться до этого Причала Дика. Я буду там через несколько часов.

42. МИННЕАПОЛИС

Много дней и ночей несли они свою бессменную вахту, и вот теперь бдениям настал конец. В потрясенном молчании группа Любящих, пробившихся к пришельцу, когда тот приземлился на взлетно-посадочную полосу аэропорта Миннеаполиса, смотрела, как он медленно взмывает с бетонной дорожки и уплывает в небо.

– Мы потерпели поражение, – сказал один из них – изможденный юноша с курчавыми волосами и лицом аскета.

– Нет, мы не проиграли, – возразила стоявшая рядом изящная девушка. – Он ощутил нашу любовь. Я знаю, что ощутил.

– Но не подал нам знака. Он не взял нас, а других брал...

Один из охранников аэропорта, дежуривший у нагроможденных вокруг пришельца баррикад, сказал, ни к кому не обращаясь:

– Баста! Все кончилась. Пора расходиться по домам.

– А мы и так дома, – ответил юноша с лицом аскета. – Наш дом – Земля. Наш дом – Вселенная.

– Не понимаю я этих ребятишек, – сказал охранник своему товарищу. – А ты понимаешь? Боже, они торчали

здесь столько дней – просто слонялись или сидели вокруг с сонным выражением на лицах, и все...

– Нет, – ответил тот, – не понимаю я их, да и не пытаюсь.

– А теперь мотайте отсюда! – обратился первый охранник к Любящим. – Спектакль окончен. Нечего вам тут делать.

Толпа начала расходиться. Любящие медленно разбредались по летному полю.

– Нечего их было вообще сюда пускать, – проворчал второй охранник. – Это против правил. Могли и убить кого-нибудь.

– Да нет, опасности не было, – возразил первый. – Полоса закрыта. А если бы мы не пустили их, могла бы завязаться потасовка на много дней. Комиссия решила, что так лучше, да оно и верно. Ребятишки вели себя вполне прилично и никакого беспокойства не причиняли.

– Они любили этого пришельца. Демонстрировали ему свою любовь. Можешь вообразить себе подобный идиотизм?

Первый охранник хмыкнул что-то неодобрительное.

К этому времени пришелец превратился в маленькую черную точку на западном небосклоне.

Тем временем в редакции «Трибьюн» Голд положил трубку и повернулся к Гаррисону:

– Пришелец с Двенадцатого шоссе тоже улетел. Примерно тогда же, когда и пришелец из аэропорта.

– Словно получили приказ. Интересно, что они задумали?

– Это вторая фаза, – сказал Голд.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, первая фаза была, когда они появились и начали за нами наблюдать. Теперь они узнали достаточно и переходят к новым действиям.

– Откуда такие выводы?

– Не знаю, Джонни. Просто предполагаю.

– Может, они нас покидают? Выполнили задуманную программу и теперь отправляются обратно в космос. Может, мы их никогда больше не увидим.

В комнату, шаркая ногами, вошел Хол Рассел, редактор отдела экспресс-новостей, и остановился у стола редактора городской хроники.

– Только что пришло сообщение по телетайпу, – сообщил он. – Они взлетают повсюду, а не только у нас.

Гаррисон посмотрел на Голда:

– Слушай, звякни в Одинокую Сосну, узнай, что там у них.

Голд взял трубку и стал набирать номер.

– Что-нибудь еще? – спросил Гаррисон у Рассела. – Есть какие-нибудь предположения или выводы?

– Ничего. Только то, что они уходят. Посидели на месте, а теперь отваливают.

– Черт побери! И что же с этим делать? Тут есть рациональное зерно, но как его откопать? Кто-нибудь его обязательно откопает, и лучше, если это будем мы. Я чувствую, что это прекрасный материал, но с какой стороны к нему зайти?

– Это сделают только Джей и Кэти, – сказал Рассел. – Они знают о пришельцах больше всех. Может, у них есть какие-то предположения.

— Кэти здесь нет — отправилась на какую-то безумную гусиную охоту. Она позвонила мне вчера вечером и сообщила, что напала на след. Но не сказала ничего конкретного, просила только поверить на слово. Эл будет рвать и метать — ведь он буквально приказал вызвать ее из Одинок Сосны. А она опять куда-то сорвалась.

Гаррисон обвел комнату взглядом.

— Куда это Джея черти унесли? Почему он не на месте? Кто-нибудь знает, где он? Может ты знаешь, Энни?

— Он еще не уходил с работы, но я и понятия не имею, где он может сейчас быть, — покачала головой секретарь отдела городской хроники.

— Может, он в столовке, — предположил Рассел.

Голд положил трубку и сказал:

— Пришельцы из Одинок Сосны тоже исчезли, только кое-кто из молодняка продолжает жевать целлюлозу.

— А что думает Нортон? — спросил Гаррисон.

— С Нортоном я не говорил, только с Корявым Грантом, — он остался вместо него. Нортон в городе нет — этим утром он отправился в водный поход, чтобы отдохнуть на лоне природы.

43. ВАШИНГТОН. ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер подождал, пока представители прессы усядутся поудобнее, и сказал:

— Пока никакого официального заявления я сделать не могу. Большинство из вас уже знает, что пришельцы исчезли. Как я подозреваю, большинство ваших вопросов будут связаны именно с этим. Я отвечу, как смогу, но сомневаюсь, что удовлетворю ваше любопытство.

– Мистер Портер, – обратился к нему репортер из «Нью-Йорк Таймс», – один из возможных ответов, который напрашивается сам собой: пришельцы возвращаются обратно в космос. Очевидно, они готовятся возобновить полет к неведомой цели. Вы можете как-то подтвердить правильность этого предположения?

– Нет, мистер Смит, не могу. Нам этот ответ тоже пришел в голову. НАСА ведет наблюдения. Наши орбитальные станции и, надо полагать, советские, проводят непрерывное зондирование околоземного пространства. Но пока нет никаких сведений. Конечно, нам надо охватывать обширное пространство, и пришельцы вполне могли скрыться от наблюдения. Увидеть что-то мы сможем лишь тогда, когда пришельцы образуют что-то вроде первоначального роя.

– Если советские станции что-то засекут, они сообщат нам?

– Не могу сказать наверняка, но думаю, что сообщат.

– Дэйв, мой вопрос может на первый взгляд показаться двусмысленным, – сказал представитель «Вашингтон пост», – но я надеюсь, что вы...

– «Вашингтон пост» никогда не задает двусмысленных вопросов, – ответил Портер.

Зал отреагировал взрывом смеха. Портер поднял руку, призывая к тишине;

– Продолжайте. Я заранее уверен, что вопрос без подвоха.

– Я хотел спросить следующее. Не секрет, что появление пришельцев стало источником многочисленных проблем для вашингтонской администрации. Будет ли их исчезновение такой же проблемой, или облегчением?

– Я ошибся, – заметил Портер. – Вопрос все же с подвохом. Но я попытаюсь ответить на него с предельной честностью. Во-первых, исчезновение пришельцев окончательно не доказано. И быть может, мы вскоре их снова увидим – возможно, они просто переносят базу в более отдаленные районы. Что же касается вздоха облегчения, который может испустить администрация по поводу исчезновения пришельцев – не буду отрицать, пришельцы были, есть и будут источником беспокойства. Мы столкнулись с беспрецедентными проблемами, с неожиданными трудностями уже при оценке воздействия факта появления пришельцев на разные слои населения. Признаюсь, иногда мы пребывали в полной растерянности, но с ситуацией, по-моему, справились в целом удовлетворительно.

Это с одной стороны. Во-вторых, после некоторого периода работы с пришельцами мы пришли к выводу, что люди вполне могут ужиться с ними и даже получать от них кое-какую выгоду. Лично я, если пришельцы уйдут, почувствую себя как бы обделенным. Возможно, мы могли бы узнать много полезного, изучая пришельцев.

– Вы сказали, мы могли бы много узнать от них, – подхватил корреспондент канзасской «Стар». – Нельзя ли более конкретно?

– В общих чертах это выглядит, примерно, так: мы были в контакте с инопланетной расой, мы смогли бы узнать от них многое в сфере технологии, получить свежесть взглядов, узнать принципы и способы мышления, в которых до сей поры были полными невеждами.

– Хотелось бы все-таки получить подробный ответ. Мы знаем, что доктор Аллен уже довольно много времени ра-

ботаает над мертвым пришельцем. Неужели у него нет новых сведений, имеющих значение для нас?

– Пока ничего определенного. Несколько дней назад я говорил, что строение этих существ основано на целлюлозе, но пребывающей в совершенно новом для нас виде, который, по всей вероятности, останется неясен нам еще в течение некоторого периода. Возможно, нам удастся узнать секрет преобразования целлюлозы в тела пришельцев, и тогда мы сможем использовать целлюлозу в качестве заменителя многих идущих на убыль естественных ресурсов.

– Ранее вы предположили, – сказал корреспондент чикагской «Трибьюн», – что пришельцы просто меняют местоположение. То есть вы имели в виду, что они решили спрятаться?

– Я ничего такого не говорил, Гарри, и вы понимаете, что я не это имел в виду.

– Но вывод напрашивается сам собой. Что могло заставить их искать убежище?

– Прежде всего, я не говорил, что они скрываются. А если они действительно хотят спрятаться, то я понятия не имею, чем это вызвано.

– Мистер Портер, – поднялся корреспондент «Нью-Йорк Таймс», – похоже – по крайней мере, на первый взгляд, – что пришельцы приступили ко второй фазе своего плана, если можно так выразиться. Сначала они наблюдали и осваивались с обстановкой. Теперь же сделали следующий ход – скрылись, что может оказаться прелюдией ко второй фазе...

– Мистер Смит, вы предлагаете мне строить ничем не

обоснованные предположения. Единственный ответ, который я могу дать – это отсутствие у меня какой бы то ни было реакции. Ваши предположения действительно правдоподобны. Но у меня нет никакой конкретной информации, которая подтвердила бы их.

– Благодарю, сэр. Я просто полагал, что этот вопрос все-таки следует задать.

– Я рад, что дал исчерпывающий ответ.

– Дэйв, нам следует все-таки углубиться в этот вопрос, – вмешался представитель милуокского «Джорнэл». – Мне кажется, «Таймс» задал хороший вопрос. Эти штуки нас осмотрели с ног до головы и изучили наше устройство лучше, чем мы думаем, достаточно подробно, чтобы у них сложился план дальнейших действий.

– Я не оспариваю правомочности подобного вопроса, как прекрасно понимает мистер Смит, – сказал Портер. – Я согласен, что мы не должны упускать это из виду. Но, не имея никакой информации, на этот вопрос я отвечать не стану. Хочу лишь возразить против подобной точки зрения. Создается впечатление, что пришельцы замышляют какие-то козни, что у них имеются какие-то враждебные намерения и они разрабатывают планы, готовясь привести их в действие. Пока что они не дали никакого повода для подобных предположений.

– Но откуда нам знать, каковы их истинные мотивы?

– Это верно. Их мотивы нам неизвестны.

– Меня заинтриговала ваша фраза об «отдаленных районах», – вмешался представитель «Лос-Анжелес Таймс». – Мистер секретарь, а что, в Соединенных Штатах так много отдаленных районов?

– Я жалею, что использовал подобный термин. Вы придаете ему слишком большое значение; я просто имел в виду, что пришельцы покинули плотно заселенные районы. Они могут появиться где-то в других местах, но пока что мы не получили таких сообщений. Что же касается вашего вопроса об отдаленных районах, то, я бы сказал, их еще не так уж мало. Обширные лесные районы имеются и в Новой Англии, и в северной Миннесоте, и в Висконсине, и в Мичигане. Аналогичные регионы есть и в остальных штатах, в частности, в Скалистых горах есть ряд отдаленных районов; это заявление можно распространить и на юго-западные пустыни.

– Создается впечатление, что вы не верите в то, что пришельцы ушли навсегда, вернулись в космос, – сказал корреспондент «Вашингтон пост». – Почему вы так считаете?

– Я и не думал, что моя личная позиция так заметна. Совершенно верно, я не уверен, что они ушли навсегда. Но это только мое мнение, и оно не имеет отношения к позиции правительства – надеюсь, вы отметите этот факт. Мне кажется, пришельцы не покинули бы так быстро планету, на которой нашли необходимые ресурсы, которые, кстати сказать, они специально разыскивали. Едва ли во Вселенной много планет, на которых пришельцы могли бы найти такие лесные богатства, необходимые им для производства целлюлозы.

– То есть, обнаружив такую планету, они немного задержатся.

– Именно так я и думал, но это мое частное мнение.

– На протяжении всего срока развития ситуации с

пришельцами, – сказал представитель агентства Ай-Эн-Эс, – администрация сохраняла, я бы сказал, надежду, даже оптимизм. Вам пришлось пережить некоторые испытания и трудные ситуации, но вы всегда старались поддержать этот оптимистический настрой. Можете ли вы сказать, что ваши мысли столь же оптимистичны, как кажется?

– Вы хотите спросить, является ли подмеченный вами оптимизм неподдельным или это только поза политика?

– Спасибо, Дэйв, вы закончили вопрос за меня.

– Я полагаю, что в любых ситуациях имеется смысл сохранять оптимизм из чисто политических соображений. Но могу без смущения сказать, что в данном случае для оптимизма есть веская причина: пришельцы не проявляли враждебности. Нам кажется, они стараются определить, как же им вести себя с нами. Почти не нарушались наши основные нормы поведения, словно пришельцы старались вести себя прилично. По-моему, в Белом доме придерживаются мнения, что специально пришельцы не намерены причинять нам какого-то вреда.

– В ваших устах это прозвучало так, будто вы почти не допускаете такой возможности.

– Да, – согласился Портер, – я считаю это маловероятным.

44. АЙОВА

Почти полчаса они продирались через полузатопленные джунгли, состоявшие из деревьев, лиан и кустов. Почва была неровной и сильно затрудняла продвижение: между островками раскисшей грязи бежали узкие ручейки

и стояли затхлые болотца. Пока что не было видно никаких признаков луга, располагавшегося посреди острова, где тот слегка приподымался над уровнем воды. Квинн обещал, что они обязательно достигнут луга, если только будут придерживаться правильного направления и смогут преодолеть лесистый участок.

Время от времени, когда деревья немного редели, они видели перед собой одного-двух пришельцев, располагавшихся, видимо, посреди луга. Первый раз они увидели пришельцев с реки, как только стал виден Гусиный остров.

— Туточки они, — сказал Квинн. — Я думал, улетели. Утром по радио говорили, будто пришельцы уходят.

Наконец им показалось, что дорога пошла слегка в гору. Идти стало легче — болотца попадались все реже, подлесок поредел, хотя деревья росли все так же густо.

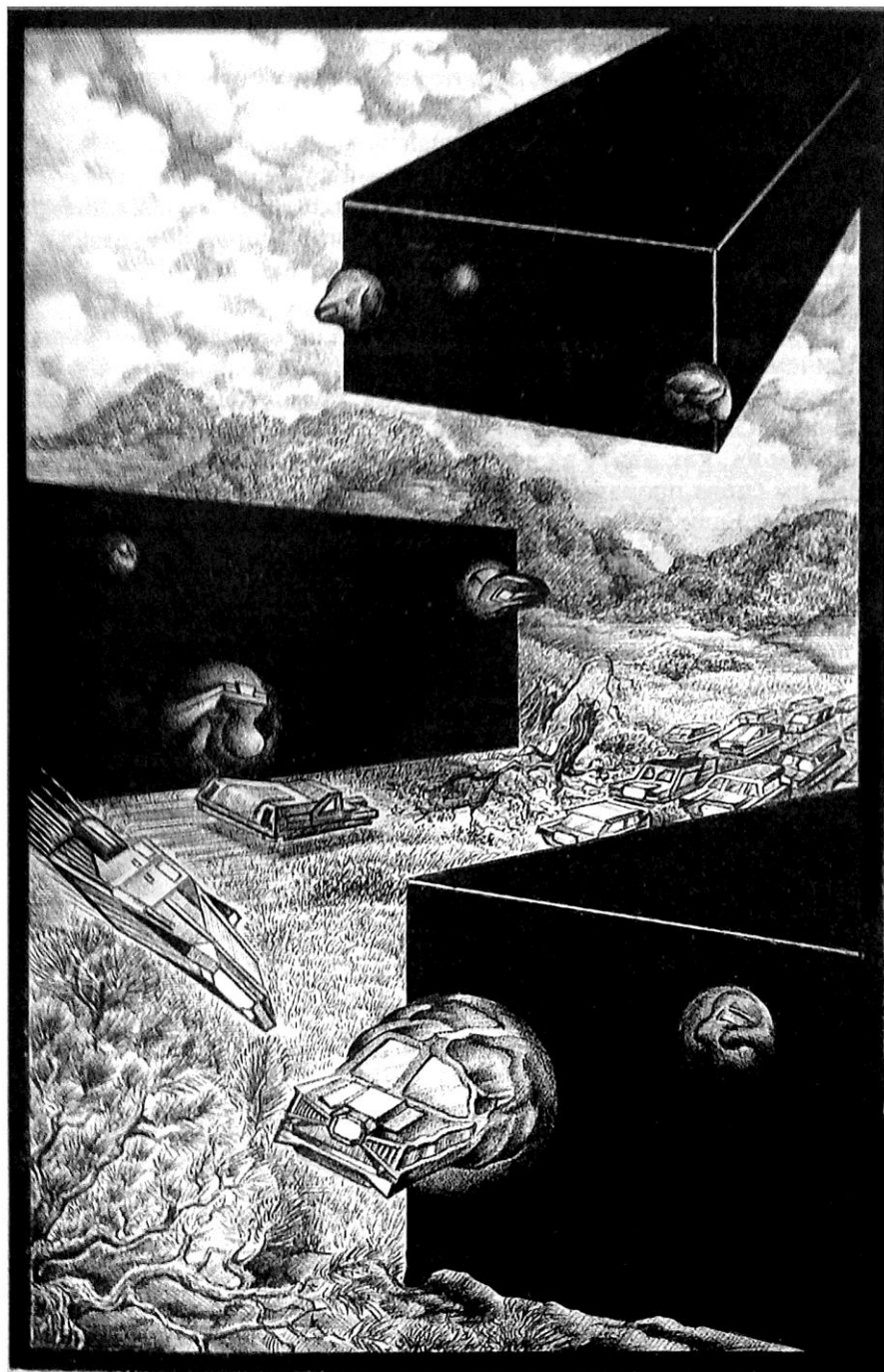
— Кажется, мы почти у цели, — заметил Джерри.

И наконец они действительно оказались на месте. Деревья расступились и перед ними открылся широкий луг. Едва ступив на него, они внезапно замерли в изумлении.

На лугу, в некотором удалении друг от друга, сидели три пришельца. Но внимание привлекали не сами пришельцы.

Между черными их блоками ровными рядами были выстроены машины или что-то очень на них похожее. Эти штуки копировали форму автомобилей; у них были дверцы, окна, руль, у каждой впереди располагалась единственная зажженная фара, хотя ни колес, ни чего-нибудь похожего не было и в помине.

— Автомобили! — удивилась Кэти. — Джерри, это автомобили, но без колес.

– Что бы это ни было, – сказал Джерри, – но пришельцы продолжают то ли делать, то ли отпочковывать их.

Это зрелище – длинные ровные колонны автомобилей настолько поразило Кэти, что на пришельцев она не обращала ни малейшего внимания. Но после слов Джерри она взглянула на них и увидела, что все трое находятся в процессе почкования. Однако сами почки были иной формы – продолговатыми и бугристыми, – чем тогда, когда пришельцы выводили отпрысков.

Почка на ближайшем из пришельцев лопнула, и из нее показался предмет, похожий на автомобиль. Влага на нем поблескивала, но испарялась прямо на глазах, открывая взору глянцевою полировку.

– Желтая, – отметил Джерри. – Ты обратила внимание, что все машины разного цвета? Красные, зеленые, серые – какие только пожелаешь.

Желтая машина выдвинулась из раскрытой почки, вывалилась и зависла в нескольких дюймах от земли. Потом быстро развернулась и помчалась к ближайшей колонне автомобилей. Там она встала рядом с зеленой машиной и замерла. По другую сторону от зеленой машины замерла красная.

– Здорово! – восхищенно сказала Кэти. – Всех цветов радуги.

– Я же только что сказал, только ты не слушаешь.

– Но это же не машины. Выглядят-то они, как машины, но этого просто не может быть. Зачем это пришельцам машины?

– Откуда я знаю? Но на вид они, как машины. Только выдуманные футуристом – словно мечта конструктора,

решившего привлечь к себе внимание. Колес у них нет, но колеса им, конечно, и не нужны, потому что они могут парить. Эти автомобили – или что они там такое – должны работать по тем же принципам, что и пришельцы. Иначе и быть не может это ведь дети пришельцев, только несколько иной формы.

– Но зачем им почковать детей в виде машин?

– Наверное, они предназначены для нас, – предположил Джерри.

– Для нас?

– Подумай сама. Пришельцы явились сюда и обнаружили место, которое им подходит – масса деревьев, которые они могут без помех перерабатывать в целлюлозу. Возможно, машины – плата за использование наших деревьев.

– Чушь какая! Зачем им платить? Они пришли, обнаружили деревья и используют их, и могут спокойно продолжать в том же духе. А нам зачем столько машин? Нам их и на десять жизней хватит – здесь их не меньше сотни.

– Это не только для нас двоих, это для всех.

– А на всех их, наоборот, не хватит.

– По-моему, они способны наделать их в достаточном количестве. Смотри, здесь только три пришельца, и меньше чем за неделю они произвели столько машин. А возьми тысячу, десять тысяч пришельцев, дай им шесть месяцев...

– Наверное, ты прав. Они могут сделать очень много машин. Если подумать, то прийти сюда тебе велел 101-й. Он знал, что ты тут обнаружишь, и хотел этого.

– Может, не только 101-й. Пришельцы хотели, чтобы мы нашли машины, а 101-й стал их передаточным звеном.

Скорее всего, каждая из этих тварей знает, что делают остальные, то есть они могут общаться между собой — наподобие общения пчел. Когда 101-й приземлился, то послал всем остальным сигнал.

— Ты думаешь, пришельцы хотят, чтобы мы сообщили об этих машинах?

— Они используют нас, — согласился Джерри. — Мы для них как пресс-атташе. А заодно испытатели, наверно. Может, они хотят, чтобы мы проверили, нормально ли работают эти машины — они в этом уверены. Они знают о нас многое, но, должно быть, не совсем, по-моему, достаточно. Когда завод выпускает новую модель, ее сначала испытывают...

— И они выбрали тебя, потому что ты для них — особая персона. Ты первым был внутри и вступил с ними в контакт. Возможно, ты единственный контактер. Эти истории насчет похищений могут быть лишь...

— Но тебе 101-й пожал руку. Ты что, забыла?

— Да, но откуда он мог знать, что я буду здесь, с тобой? Откуда ему знать, что ты мне позвонишь?

— По всей видимости, он и не знал. А может...

— Что?

— Кэти, эти твари могут оказаться гораздо умнее, чем мы предполагаем. Они могут видеть нас насквозь.

— Знаешь, мне как-то не по себе. Раньше я никогда их не боялась, но теперь мне вдруг стало страшно. Вдруг почудилось, что все это ловушка, а мы сами идем в нее, не ведая, куда держим путь.

— Может, и ловушка, но автомобили они делают для нас — причем автомобили, которые могут парить, а то и

летать. Им не нужны дороги – они могут попасть куда угодно, им не нужен бензин. Они практически вечны, им не нужен ремонт. Они дают нам их, как плату за деревья, за целлюлозу, которая позволит им снова производить потомство, предотвратит вымирание их вида. Если бы нам угрожало полное вымирание – да мы не только автомобили, а и все на свете отдали бы той расе, которая спасла бы нас.

– Ты забегаешь вперед, я не успеваю за тобой. Я еще не свыклась с мыслью, что это действительно машины и они сделаны для нас, а ты уже говоришь так, словно абсолютно уверен в этом. Откуда у тебя такая уверенность?

– Наверное, ее внушил мне 101-й. Кое-чего я сразу не понял, но теперь это начинает выплывать. И это вполне разумно, уверяю тебя. Они изучили нас и поняли, чего мы хотим, чем нас можно купить, за что мы готовы продать душу и...

– Джерри, откуда вдруг такой надрыв?

– Это не надрыв. Просто я начинаю осознавать, что происходит, но ничего нельзя поделать. Даже если мы сейчас повернемся и уйдем, этого уже не остановить. Эти машины найдет кто-то другой. Наверное, так и должно быть. Может, в конечном итоге все и образуется. Но они чересчур умны для нас. Люди – пройдохи в торговых делах, а тут мы встретили достойного противника.

– Так мы и будем тут стоять, стараясь убедить себя, что все это не сказка. Только воздух сотрясаем. А я все еще не уверена, что это настоящие машины.

– Пойдем, – сказал Джерри, – и проверим, настоящие ли они.

45. МИННЕАПОЛИС

У Голда был выходной, и Джей, возвращаясь в редакционную комнату после ленча, остановился у стола редактора городской хроники и уселся на стул Голда. Гаррисон, сгорбившись за столом, от нечего делать рисовал на гранках чертиков. Энни сидела в своем углу. Она уже успела покончить с принесенным на ленч сэндвичем, и теперь художественно очищала апельсин.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил Джей у редактора городской хроники.

Гаррисон покачал головой:

— Тишь да гладь. По-моему, не только у нас, но и повсюду, насколько мне известно. Хол говорит, что на теле-тайпах в смысле пришельцев совершенно тихо — разве что неподтвержденные сообщения о том, что их видели в Техасе и Монтане.

— Обождем, ничего другого не остается. Мы сделали, что могли — обзвонили весь штат. Пожалуйста, сообщите нам, если что-то станет известно. Имейте в поле зрения редакторов еженедельников, шерифов, мэров, бизнесменов, просто знакомых. Если они что-то сообщат, тут же дайте знать нам.

— Я вот сижу и думаю, что ещё не все испробовано, мы должны предпринять какие-то шаги.

— Но это уже не твоя забота, Джонни, точнее — не только твоя.

— Знаю, черт возьми, но именно я хотел бы найти ответ, какой-нибудь крохотный намек на то, куда подевались пришельцы.

– И почему они ушли.

– Верно, но сначала их нужно найти. Необходимо что-то такое, чтобы дать на первую полосу. Я бы лично голосовал за северную Миннесоту – где-то в заповедниках. Они могут скрываться там...

– Или в Канаде. А может на Северо-Западном побережье Тихого океана. Да есть еще много диких мест, где они могли бы укрыться.

В отделе городской хроники зазвонил телефон. Энни отложила апельсин и взяла трубку.

– Тебя, Джонни, – сообщила она. – Это Кэти. Третья линия.

Гаррисон сграбастал трубку, дав Джею знак взять трубку на столе Голда.

– Кэти, где тебя черти носят? Что у тебя?

– Я в Айове. Местечко называется Причал Дика. Это на берегу Миссисипи. Со мной Джерри.

– Джерри?

– Ну, ты помнишь, тот самый, с которым я должна была идти на концерт. На который ты купил билеты.

– А, помню. Но при чем тут это и почему ты в Айове?

– Мы нашли трех пришельцев. На Гусином острове...

– К черту подробности! Итак, пришельцы. Что с ними? Что они делают?

– Автомобили.

– Кэти, брось шутить. Не поддевай меня – сегодня и без того был жуткий денек. Я больше не вынесу.

– Они действительно делают автомобили. Мы получили парочку: у меня желтый, а у Джерри красный. С острова мы прилетели на них. Управлять ими очень легко.

– Прилетели? На автомобиле?!

– На них можно летать. Они без колес и парят над грунтом, как пришельцы. Просты в управлении – стоит только понять принцип. Мы с Джерри потратили на их изучение не больше часа. Тут такие штуки, нужно их нажимать. Вроде как летишь на самолете. И совершенно безопасно. Если угрожает столкновение, они сами уворачиваются – не надо ничего делать...

– Кэти, – холодно проговорил Гаррисон, – скажи мне правду, ты не шутишь? У вас действительно есть эти машины?

В трубке она услышала голос Джея:

– Кэти, это Джей. Я с параллельного аппарата. Это не розыгрыш?

– Да чтоб мне пусто было!

– Кэти, – сказал Гаррисон, – держи себя в руках. Ты несешь околесицу. Зачем пришельцам делать машины?

– Мы полагаем, что это своеобразная плата за порубку деревьев. Но это только предположение, не подкрепленное фактами. Они совсем не возражали, когда мы взяли две машины и улетели.

– И теперь, когда у вас эти машины...

– Мы возвращаемся. Будем часа через три-четыре, а может раньше – мы не знаем скоростных характеристик этих машин. Полетим, так что дороги нам не нужны. Двигемся вдоль реки на север.

– О Боже, Кэти, это невозможно! Ты говоришь, что они делают машины...

– Ну, не уверена, что это вполне машины...

– Секунду, Кэти, – вмешался Джей, – погоди, не вешай трубку.

Он закрыл микрофон ладонью и поглядел на Гаррисона:

– Джонни, она прекрасный репортер. Чертовски хороший репортер!

Гаррисон тоже прикрыл трубку:

– Знаю, но ради всего святого, не могу же я внести это в номер! Что, если это чушь?

– До сдачи номера в типографию еще пять часов. К тому времени она будет здесь и успеет написать материал, а мы сделаем снимки.

Гаррисон кивнул, убрал ладонь с микрофона и сказал в трубку:

– Хорошо, Кэти, мы тебя ждем. Ничего не будем делать, пока ты не приедешь. Подготовим фотографов. Ты сможешь посадить эту штуку на крышу здания?

– Не знаю. Думаю, что смогу. С ней легко управиться.

– Кэти, на чем работают эти машины? – спросил Джей.
– Им нужен бензин или что-то еще? Что?

– Ничего. Пришельцы их отпочковывают. А питаются они так же, как их «родители». Джерри считает, что это просто пришельцы, но в форме машин. Их там не меньше сотни. На острове было только три пришельца, и за неделю, или даже меньше, они отпочковали около сотни машин.

– Хорошо, – подвел итог Гаррисон, – на этом закончим, но никому, ничего не рассказывай – пока что это исключительно наш материал. И, пожалуйста, осторожно, не рискуй. Мы хотим видеть тебя в целости и сохранности.

– До встречи, – бросила Кэти.

Гаррисон положил трубку и посмотрел на Джея.

— Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что мы купили железный топорик вместо нашего каменного томагавка.

Гаррисон что-то буркнул под нос и ответил:

— Да, я понимаю. Нужно было дать статью, когда ты ее принес.

— Я могу написать еще.

— Нет, черт побери, теперь такие статьи дадут все газеты. Сейчас нужен другой материал. Что будет с нашей автопромышленностью, если пришельцы наплодят машин на всю страну и будут раздавать их в виде уплаты за деревья? Что будет с теми, кто потеряет работу в Детройте и на других заводах? Или с нефтеперерабатывающей промышленностью, когда все перестанут покупать бензин? Что станет с техобслуживанием и бензоколонками? А с теми, кто там работает? Что будет, когда отпадет необходимость в строительстве дорог? Что будет с инвестиционными компаниями, живущими за счет разработки автомобилей? А что будет, если, обеспечив нас автомобилями, пришельцы примутся производить холодильники, электроплиты и кондиционеры? А как власти штата будут регистрировать новые бесплатные машины? Как регулировать их движение? И какой брать с них налог? И, черт меня дери, вряд ли пришельцы делают это из дружеских побуждений. Они ведь не испытывают к нам никакой дружбы, разве что благодарность. Вот если бы они наладили контакт с правительством, действовали через их каналы...

— Скорее всего они вообще не подозревают о том, что существует правительство. Они могут понятия не иметь о централизованном правлении. Вероятно, им просто неве-

дома мысль о политике. Они изучили нас и нашли способ, с их точки зрения самый лучший, расплатиться с нами за деревья. И рассматривали они людей, а не правительство. Они, вероятно не ведают, что с нами творят, не имея ни малейшего представления о нашей сложной экономической структуре. Наверно им известна лишь такая простая экономическая система, как натуральный обмен. Ты – мне, я – тебе. И вся чертовщина в том, что люди на это купятся. Как только они узнают о бесплатных машинах, как только машины попадут к ним в руки, даже в правительстве никто и слова не скажет против пришельцев.

– Вот потому-то они и прячутся – чтобы мы не мешали им делать машины. Чтобы людские орды не ринулись за бесплатными машинами. Их там тысячи, и все штампуют машины. Как ты думаешь, сколько им понадобится времени, чтобы сделать их в достаточном количестве?

– Откуда мне знать? – сказал Джей. – Я даже не знаю, прав ли ты. Я молю Бога, чтобы дело ограничилось машинами, тогда мы как-нибудь перезимуем.

46. ВАШИНГТОН. ОКРУГ КОЛУМБИЯ

– Дэйв, – спросил президент, – можно ли доверять сводкам и сообщениям прессы? Все это звучит несколько дико. Я имею в виду... некоторые оторванные от контекста факты.

– Я тоже испытывал подобные сомнения, – согласился Портер. – Это когда телетайп отстучал первое сообщение. Тогда я обратился к первоисточнику – это газета «Трибьюн» в Миннеаполисе. Я говорил с городским редактором

– его фамилия Гаррисон, – и чувствовал себя немного глупо, словно собирался удостовериться в умственной и физической полноценности газеты. Но я понимал, что должен во всем разобраться. А Гаррисон оказался вполне приличным человеком...

– И все сообщения достоверны?

– Да. Гаррисон сказал, что сам не мог поверить, пока не увидел машины собственными глазами, когда они приземлились. Он сам боялся, что неправильно понял репортера – сидел после звонка, словно в трансе, определенно считая, что все это какая-то утка.

– Но теперь он уверен?

– Теперь он полностью уверен. Машины у него, и он сделал фотографии.

– Ты видел снимки?

– «Трибьюн» только полчаса назад начали печатать. Эта новость всех захватила врасплох. Газеты, радио, телевидение – все в шоке. Потребуется некоторое время на передачу снимков. Скоро они будут.

– Но машины... – простонал президент. – Боже мой, почему именно машины? Почему не что-то необычное, – например, бриллиантовые ожерелья, ящики с шампанским, меховые манто?

– Пришельцы хорошие наблюдатели, сэр. Они изучали нас много дней...

– И увидели массу машин. Почти у каждого есть машина, а тот, у кого ее нет, хотел бы иметь, у кого старый автомобиль, хотел бы приобрести новый. Машины стареют, ломаются и изнашиваются, разбиваются при столкновениях. Погибшие люди, покореженные машины – все это

они видели. И дали нам машины, которые никогда не изнасятся, не попадут в автокатастрофу, им не нужны дороги, бензин, техобслуживание, покраска...

— Но мы еще не знаем этого наверняка, сэр. Это только предположения.

— Машины для каждого?

— Еще неизвестно, сэр. Так думают Гаррисон и его репортер. Как я понял, в репортаже они очень осторожно высказываются на этот счет, хотя это и читается между строк.

— Даже если автомобиль будет не для каждого, все равно экономика летит к чертям. Потому что это, как ты сам сказал, явно подразумевается. Я собираюсь объявить мораторий на финансовые операции, закрыть биржу, банки, все виды финансовой деятельности. Что ты на это скажешь?

— Это даст нам лишь некоторое время. Причем всего несколько дней. Дольше тянуть не удастся.

— Если завтра утром биржа откроется...

— Да, вы правы. Нужно что-то делать. Вам необходимо посоветоваться с министерством юстиции, советником по финансам, Федеральным Резервом золотого запаса, наверно, с кем-то еще.

— Согласен, хотя это действительно ничего не даст, кроме отсрочки, — сказал президент. — Но время для нас необходимо, чтобы обратиться к людям, а люди должны иметь возможность подумать. Недавно я говорил тебе, Дэйв, что не вижу причин для паники. Черт возьми, вот теперь я чувствую, что впадаю в панику.

— По вашему виду не скажешь.

— Да у меня прямо все внутренности переворачиваются. Но подавать виду нельзя, а то все подряд займутся плотницким ремеслом, чтоб распятать нас — Конгресс, пресса, деловые круги, профсоюзные лидеры. Они будут твердить, что мы должны были это предвидеть и что-нибудь предпринять, чтобы опередить развитие ситуации.

— Страна переживет, сэр.

— Страна, но не я. Черт побери, все летит в тартарары; до сегодняшнего дня я еще рассчитывал, что смогу выиграть второй срок президентства.

— Ничего еще не потеряно.

— Тогда это будет чудо.

— Отлично, устроим чудо,

— Не думаю, Дэйв, Мы, конечно, попытаемся, но нужно выждать и сориентироваться. Скоро к нам присоединятся Аллен и Уайтсайд. Грейс попытается отыскать Хаммонда — хочу ввести его в курс дела. Это крепкий человек, он сумеет управиться с рычагами финансового моратория. Приедут Маркус и другие. Бог свидетель, сейчас мне нужны все, с как можно посоветоваться. Тебя я прошу быть рядом.

— У меня скоро пресс-конференция. Ребята уже колотят в дверь.

— Подожди пару часов, — распорядился президент. — К тому времени кое-что может проясниться. Если ты выйдешь сейчас к ним с пустыми руками, они сожрут тебя живьем.

— Они сожрут меня в любом случае, но идея подождать мне нравится — я не спешу к ним в зубы.

На столе президента загудел интерком. Когда тот ответил, раздался голос Грейс:

– Здесь доктор Аллен и генерал Уайтсайд.

– Впустите их, – распорядился президент.

Те вошли. Президент жестом велел их садиться.

– Вы уже слышали? – спросил он. – Я был слишком занят и не успел сообщить конкретно, по какому поводу вас вызываю.

Оба кивнули.

– По радио в машине, – пояснил Аллен.

– А я по телевизору, – ответил генерал. – Включил, как только вы позвонили.

– Что ты думаешь об этом, Стив? – спросил Аллена президент. – Сомнений нет, пришельцы действительно производят машины. Но что они из себя представляют?

– Как я понял, – сказал научный советник, – они наверняка изучили наши машины, но отпочкованные похожи на них лишь чисто внешне.

– Они же проглотили несколько машин в Сент-Луи? – спросил генерал.

– Я знаю только то, что пришельцы почкуются автомобилями, похожими на наши, – сказал Аллен, – но они не механические, а скорее биологические машины.

– Репортерша, нашедшая их, – сказал президент, – похоже, считает, что машины отпочкованы из благодарности – жест доброй воли по отношению к людям планеты, поставляющей им целлюлозу.

– Трудно сказать, – вздохнул Аллен. – Все зависит от того, как мыслят эти чертовы создания. А об этом я бы не стал строить даже предположения. Мы уже несколько дней изучаем умершего и пока что понятия не имеем ни о его анатомии, ни о том, как он функционировал – на чисто

физическом уровне, не говоря уже о психологическом. Ситуация эта аналогична положению средневекового человека, пытающегося разобраться в устройстве сложного компьютера – ни единого органа, аналогичного человеческому. Мы в полнейшем тупике. Я надеялся, что нам удастся выяснить причину гибели существа, но этого не удалось. Пока мы не поймем, как функционирует организм, у нас нет ни малейших шансов понять ни причину смерти, ни что-либо другое.

– Значит, вы утверждаете, – сделал вывод президент, – что нет никаких шансов вступить с ними в какой-либо контакт.

– Ни малейшего.

– Выходит, нам надо сидеть и молча принимать все, что нам дают, – сказал Уайтсайд. – Автомобильные заводы в Детройте и многое другое – на слом. А у армии есть контракты...

– Если бы только пришельцы пришли к нам и попытались дать понять, какие у них намерения...

– Вы подразумеваете правительство?

Президент лишь кивнул в ответ.

– Вот чего никто не может понять, – продолжал Аллен, – это полнейшей, искренней, крайней чуждости этих существ. Они более чужды нам, чем мы можем представить. Я считаю, что они представляют из себя что-то вроде улья: то, что видит и чувствует один, каким-то образом передается остальным. Такому обществу не нужно правительство, потому что им никогда не требовалось ничего подобного. У них просто нет такого понятия.

– Нужно что-то делать, – потерял терпение генерал. – Защищаться, приступить к каким-то действиям!

– Забудьте об этом, – сказал президент. – Всего несколько дней назад в этом кабинете вы лично сказали мне, что пришельцы могут выдержать любой удар, кроме ядерного. Это ваши расчеты. А применить ядерное оружие мы не можем...

Аллен резко выпрямился:

– Значит, все же проводились испытания оружия? Я слышал какие-то сплетни на этот счет, но искренне считал, что если таковое испытание будет проведено, меня проинформируют в первую очередь. Почему же это не было сделано? Ваши данные могли бы пролить свет на...

– Не ваше дурацкое дело, – огрызнулся генерал. Это секретные сведения.

– Но даже если так. Это могло быть важно, и вы были обязаны...

– Джентльмены, прошу прощения, что проговорился, это моя вина, – президент посмотрел на Аллена. – Конечно, вы ничего не слышали.

– Да, мистер президент, ни единого слова.

– Факт остается фактом, мы не можем прибегнуть к ядерному оружию...

– Но если бы нам удалось согнать их в одно место, – настаивал генерал, – тогда, вероятно...

– Но этого мы тоже не можем, – ответил президент. – Мы даже не знаем, где они – по крайней мере, большинство из них. Наверно, рассредоточились по всей стране, спрятались и делают машины.

– Это не известно, сэр.

– Зато логично и вполне понятно, – сказал президент. – Не могут же они сидеть у всех на виду и делать машины, иначе от желающих получить их просто отбоя не будет.

– Может, им не хватит деревьев, чтобы делать машины? – с надеждой спросил генерал.

– Едва ли, – проговорил Аллен. – В Северной Америке деревьев достаточно, в крайнем случае лесов и джунглей много на других континентах. И не забудьте, что теперь они сами намерены выращивать деревья взамен съеденных. Номер 101-й засадил в Айове целое поле.

– Это меня тоже волнует. Если они начнут использовать значительные сельскохозяйственные площади, мы можем столкнуться с недостатком продовольствия. У нас, правда, имеются большие запасы пшеницы, но ее хватит ненадолго.

– Опасно вот что: если начнутся трудности с продовольствием, пришельцы смогут начать производить и продукты питания. Мы окажемся у них на пайке.

– Все это очень интересно и даже, наверное, уместно, но мы топчемся на месте. Нам нужно обсудить ближайшие действия.

– Я сейчас вот что подумал, – вступил в разговор Портер. – Когда я говорил с Гаррисоном, он назвал одно имя – кажется, Джерри Конклин. По его словам, именно этот человек обнаружил первого пришельца и эти новые машины. Но он был против упоминания своего имени в газетах, поэтому в статье оно не фигурировало. Мне это имя показалось знакомым. Где-то я уже слышал его.

– Еще бы! – подался вперед Аллен. – Это тот парень, чей автомобиль пострадал во время посадки первого пришельца в Одинокой Сосне. Он исчез, когда мы попытались его найти. Теперь он опять возник на горизонте. Довольно странное совпадение, как мне кажется.

– Наверное, нужно доставить его сюда и поговорить, – предложил Уайтсайд. – Возможно, этот юноша сможет рассказать нам много интересного...

– Погодите минутку, – сказал Аллен. – Мы еще кое-что установили. У Конклина есть подруга, и, судя по всему, довольно близкая – репортерша из «Трибьюн». Зовут ее, кажется, Кэти.

– Кэти Фостер, – сообщил Портер. – Это она нашла машины и дала первую статью о них.

– Видимо, нужно доставить сюда обоих, – сказал Уайтсайд. – Пусть ФБР этим займется.

Президент отрицательно покачал головой:

– Не нужно впутывать в это дело ФБР. Будем действовать цивилизованно – просто пригласим их в Белый Дом как гостей. Пошлем за ними самолет.

– Но, сэр, – запротестовал генерал, – этот человек один раз уже исчез, и может скрывается снова.

– И все же рискнем. Дэйв, вы позвоните?

– С удовольствием, – сказал Портер.

47. МИННЕАПОЛИС

Помощник корректора, согнувшись от тяжести пачки, зажатой под мышкой, бросил на стол Гаррисона оттиск номера и поспешил дальше.

Гаррисон развернул газету и быстро просмотрел первую полосу. Она почти не изменилась по сравнению с первоначальным вариантом – добавилась только одна заметка. Он положил газету перед собой и с наслаждением посмотрел на новую статью, которая была снабжена заго-

ловком на два столбца и рисунком, изображавшим панель управления пришельца-машины. Гаррисон прочитал первый абзац:

Если вам повезет и вы станете владельцем пришельца-машины, можете не волноваться об управлении. Это очень просто. Чтобы включить ее, нажмите первую кнопку справа (на рисунке она помечена буквой «А»). Чтобы привести машину в движение, нажмите кнопку «Б». Скорость регулируется поворотом ручки над панелью: вправо – увеличение скорости, влево – уменьшение, до конца влево – стоп. Высота полета регулируется рычагом справа от панели: чтобы поднять машину вверх, потяните рычаг вверх, а опустить – вниз. Кнопки, рычаг и ручка не имеют никакой маркировки и разметки, поэтому вы должны как следует запомнить, что регулирует каждый из них. Но поскольку их мало, управиться с машиной нетрудно...

Гаррисон перевел взгляд на последний абзац:

Было бы разумно, если бы вы вырезали эту заметку и носили ее в сумочке или бумажнике, чтобы однажды утром, обнаружив у дома машину...

Гаррисон посмотрел на Голда:

– Это хорошая идея. Она настраивает читателя сразу на то, что он может получить машину. Это каждый захочет прочесть. Я рад, что ты об этом подумал.

– Черт побери, мне давно пора отрабатывать свое жалованье.

По проходу к ним шел Хол Рассел. Остановившись перед столом Гаррисона, он сказал:

– Засекли еще пришельцев. Одна группа в Айдахо, другая на Мейне.

– И все делают машины? – спросил Голд.

– Да, – коротко ответил Рассел.

– Они начинают вылезать из укрытия, – заметил Гаррисон. – Со вчерашнего дня их засекли довольно много.

– Дело в том, – предположил Рассел, – что люди их ищут.

– Теперь у них есть стимул, – пожал плечами Голд, – новая машина в каждом гараже.

– Следующая большая статья будет о доставке машин, – сказал Гаррисон. – Люди будут просыпаться и обнаруживать их возле своих домов.

– А возможно будет проводиться что-то вроде жеребьевки, национальной лотереи или их просто будут расставлять на большом поле, и народ станет за них драться. Машины достанутся самым быстрым и сильным.

– У тебя чертовски странные идеи.

– Лично я хотел бы голубоватую, как яйцо малиновки, – признался Голд. – Жена не давала мне ее купить – она любит только красный цвет.

– А может их будет много, и вам достанется две – тебе голубую, а жене – красную, – предположил Рассел.

– В таком случае у нас будут две красные – жена не позволит мне взять голубую. Она считает, что этот цвет для неженков.

– Кто-нибудь уже прикидывал, смогут ли пришельцы сделать столько машин? – поинтересовался Гаррисон. – Получил ли кто надежную оценку, сколько их тут?

– Я думаю, несколько тысяч, – сказал Голд. – Кэти сообщает, что пришельцы смогли сделать больше сотни машин всего за неделю. Это более тридцати машин на при-

шельца. Пять тысяч пришельцев дадут сто пятьдесят тысяч машин в неделю. Четверть миллиона в месяц, самое меньшее.

— В стране живет двести пятьдесят миллионов человек, — заметил Голд.

— Но не всем же давать машину. Детям, например, подросткам. И помните, что эти пришельцы-младенцы продолжают расти. Может, через год или около того они тоже начнут делать машины. А у каждого пришельца было по десятку детенышей. Значит, через год мы имеем несколько миллионов машин в месяц.

— Возможно, так и будет, — согласился Гаррисон.

— А потом они начнут делать пиво, — добавил Голд. — Это быстрее, чем производить машины. Ну, скажем, ящик в неделю для взрослого мужчины вполне достаточно.

— А к пиву они должны подавать сосиски и соленые сушки, — подкинул Рассел.

Тут зазвонил телефон. Трубку взяла Энни, потом передала ее Гаррисону:

— Это тебя, линия два.

Он вдавил кнопку и ответил:

— Гаррисон. Отдел городской хроники.

— Это Портер из Белого дома. Я вам уже звонил.

— Да, помню. Чем могу служить?

— Нет ли поблизости мисс Фостер?

— Сейчас посмотрю. — Он поднялся, заметил Кэти за ее рабочим столом и помахал трубкой над головой, заорав:

— Кэти, просят тебя! Вторая!

48. ТЕРРИТОРИЯ ЗАКАЗНИКА

Нортон замедлил бег каноэ и посмотрел на открывающуюся за поворотом перспективу реки. Прямо перед ним над массивом вековых сосен нависали пять черных прямоугольников.

«Пришельцы, – подумал он. – Что им делать в такой глуши?» Но, немного поразмыслив, решил, что все это не так уж страшно. Очень может быть, что многие из непонятных гигантов приземлились в таких местах, где обнаружить их совсем непросто.

Он усмехнулся про себя и глубоко погрузил весло в воду, направляя каноэ к берегу. Солнце уже клонилось к горизонту и пора было найти место для ночлега. «Это место ничуть не хуже других, – подумал он. – Сначала надо осмотреть пришельцев, потом развести костер и устроиться на ночлег». Он с удивлением отметил, что обрадовался, обнаружив пришельцев. Что-то от них исходило такое дружественное, будто он внезапно столкнулся с добрым соседом, о существовании которого и не подозревал.

Он вытащил каноэ на покрытый галькой берег и побрел в лес, к пришельцам. Нортон ощутил какую-то странность и не мог понять причины этого. Потом он сообразил, что удивила окружающая его тишина. «Они же не валят и не поглощают деревья, – подумал он. – Может, они переработали столько целлюлозы, сколько им было нужно, отпочковали свое потомство и теперь просто отдыхают от трудов праведных?»

Он выскочил на сделанную пришельцами поляну и вдруг остановился, пораженный – перед ним стоял немно-

го неряшливый, покосившийся, словно построенный неумелыми руками, но все же дом. Почти рядом стоял второй дом. Этот уже стоял прямо, но в нем не было окон.

За вторым домом сгрудились прищельцы, да так тесно, что создавалось впечатление, будто это близко построенные дома в городском квартале.

Нортон был озадачен и испытывал нерешительность. «Никто, находясь в здравом уме, – подумал он, – не отправится в чашу, чтобы выстроить там два дома – один кривой, а другой без окон – и бросить их на произвол судьбы. Если неизвестный строитель по какой-то причине хотел иметь именно такие дома, у него должен быть способ транспортировать к месту строительства необходимые материалы».

Вокруг царили покой и тишина, не считая тихого гудения сосен под ветром да щебетания яркой пичуги на противоположной стороне поляны, в зеленой конической кроне.

С некоторым усилием Нортон сдвинулся с места и направился к первому, кривому домику. Дверь была гостеприимно распахнута, но он не сразу решился войти – очень может быть, что все строение рухнет, едва он переступит порог. Но наконец он рискнул и вошел в холл, выходящий в кухню и гостиную. Нортон прошел на кухню, шагая тихо и осторожно, стараясь не потревожить ненадежную конструкцию домика. Но несмотря на кривизну внешних очертаний, кухня была вполне приемлемой. У одной из стен стояли электрическая плита и холодильник, а начиная от плиты, вдоль стен тянулись шкафы, полки, буфет, раковина и сушилка для посуды.

Нортон повернул регулятор плиты и подержал руку над кружком нагревателя – плита работала, и он выключил ее. Возле раковины он тоже задержался, отвернув немного кран – из него потекла струйка воды, но потом прекратилась. Он повернул кран еще на пару оборотов – тот зашипел, снова потекла вода, но вскоре ручеек иссяк. Нортон закрыл кран.

В гостиной все было в порядке, только окна были врезаны в стены под непривычным углом. Пройдя по коридору, он нашел три спальни, которые тоже были вполне обычными, не считая какой-то неуловимой странности, особенности, которую он, как ни старался, ухватить не мог.

Нортон с облегчением вышел из этого дома и направился к следующему, лишенному окон. По дороге он обдумывал, что же так озадачило его в кривом доме. Но что? Вроде бы не окна в гостиной, не странная планировка в спальне и не кран на кухне. Что-то другое. И важное. Вдруг он понял – в домике не было ванной комнаты и туалета, и резко остановился. Не ошибся ли он? Невероятно! Зачем строить дом, не предусмотрев в нем таких элементарных удобств? Он снова тщательно припомнил все, что видел в кривом домике. Нет, не мог он проглядеть ванную комнату, если бы она была.

Дверь второго домика была закрыта, но легко поддавалась, когда Нортон повернул и слегка нажал дверную ручку. Из-за отсутствия окон внутри было темно, но не настолько, чтобы нельзя было сориентироваться. Он быстро осмотрел комнаты, четыре спальни, кабинет, кухню, гостиную и столовую, а еще две ванны, дверь одной

из которых выходила в общую комнату. Пол в первом до-
мике был просто деревянным; здесь же он был застелен
коврами. На стенах – там, где должны были находиться
окна – висели портьеры. Нортон испытал кухонные при-
боры – они работали: плита нагревалась, из крана текла
вода, а когда он открыл дверцу холодильника, в лицо уда-
рил ледяной холод.

Все было прекрасно. Но только зачем строить такой
прекрасный дом и забыть про окна?

«Может, пришельцы построили эти дома»? – подумал
он и замер, ошеломленный этой мыслью.

Если это пришельцы, тогда все ясно: ни один человек
не станет, да и не сможет построить два странных дома в
самой чаще дикого леса.

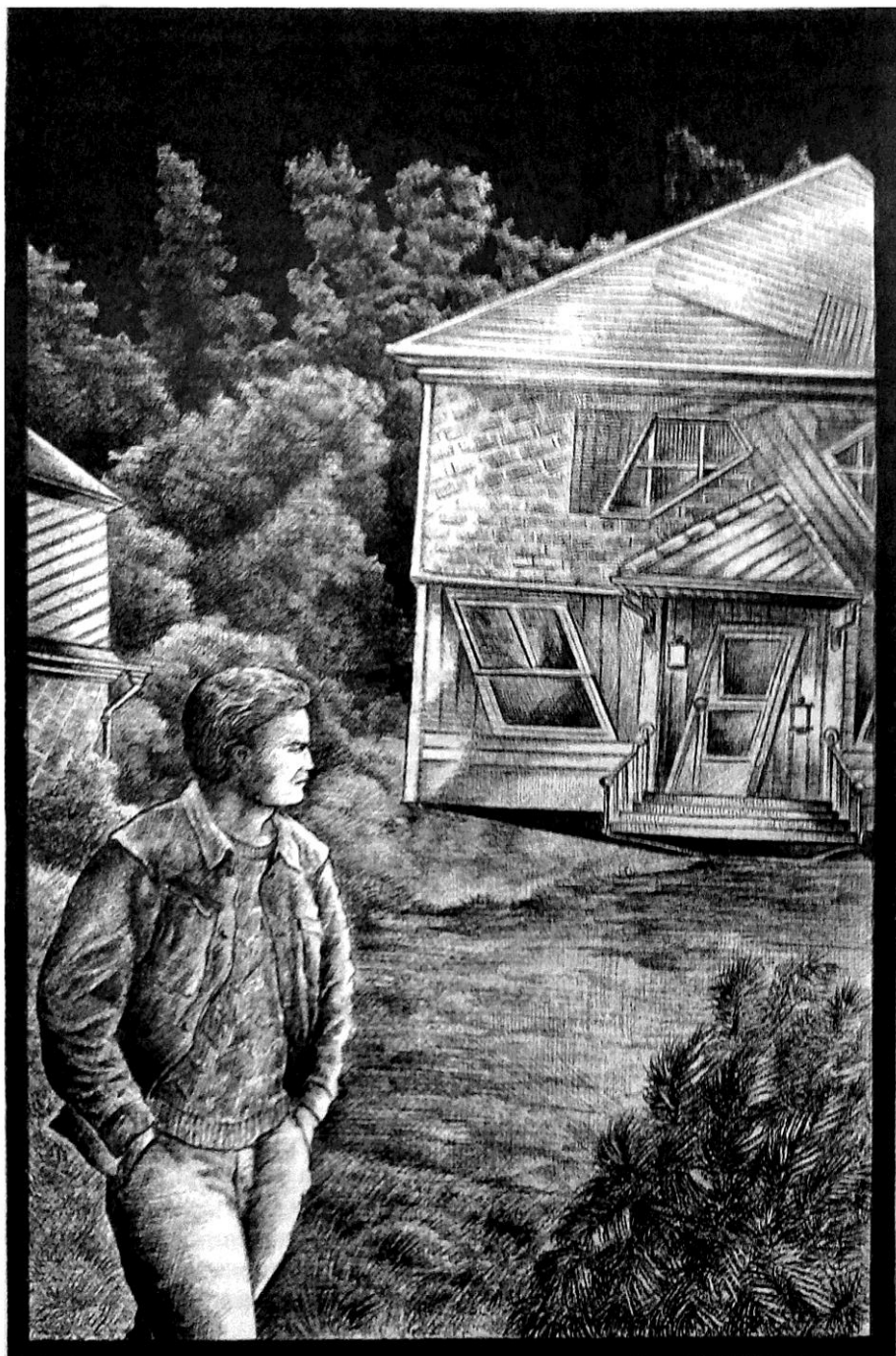
Но зачем? Или эти два странных дома были просто
опытными экземплярами? Первый получился кривым,
второй совершенно нормальным, только без окон...

Он стоял, потрясенный, посреди кухни, все еще пребы-
вая в неуверенности и терзаясь вопросами. Единственный
ответ – пусть он и не хотел принимать его – был таков:
дома созданы пришельцами. Но это приводило ко второ-
му, еще более сложному вопросу: зачем пришельцам де-
лать дома?

Он на ощупь выбрался из кухни, пересек гостиную и
вышел наружу.

На поляну напоздали длинные тени. Верхушки елей и
сосен по ту сторону чернели на фоне алого закатного
солнца неровной каймой. Начинало холодать, и Нортон
поежился от прикосновения ветерка.

Проведя ладонью по стене дома, он почувствовал что-
то непривычное. Присмотревшись, Нортон обнаружил, что

внешняя обшивка сделана не из досок, а отлита из одного куска пластика.

Он медленно попятился. В общем, если не считать отсутствия окон, этот дом был вполне обычным — точно такие же можно увидеть в любом пригороде.

Он оглядел сооружение, но не обнаружил фундамента. Эта деталь как-то ускользнула от него прежде. Дом парил в дюйме над землей.

«Висит в воздухе, — подумал Нортон, — в точности как пришельцы». Теперь вопрос, откуда появились эти дома, стал совершенно ясен.

Он обошел угол дома — вот они, пришельцы, стоят тесно, как черные блоки домов в центре большой площади какого-то города будущего. Нижняя часть их уже потонула в сумерках, а верхняя освещена слабеющими лучами закатного солнца.

Со стороны пришельцев, подплывал новый дом, плавно паря в футах от земли, призрачно белея стенами в сгущающихся сумерках. По мере его приближения Нортон отступал, готовый броситься бежать в случае опасности. Дом остановился, словно решая, куда двинуться теперь, потом величественно подплыл к остальным домам и замер. Теперь все дома стояли в ряд и были очень похожи на кусочек улицы в пригороде, хотя и располагались слишком близко друг к другу,

Нортон неторопливо шагнул к третьему дому. И в этот миг в его окнах загорелся свет. В столовой Нортон увидел стол с фарфоровой и стеклянной посудой, накрытый к ужину. На столе стояли два подсвечника, в которых стояли высокие свечи. В гостиной мерцал экран телевизора,

напротив стоял диван, по всей комнате – стулья, а у стены была горка со статуэтками,

Нортон в испуге попятился и вдруг уловил какое-то движение в окне кухни, словно там кто-то готовился нести ужин на стол.

Закричав от ужаса, Нортон бросился к реке, к поджидавшему его каноэ.

49. ВАШИНГТОН. ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Когда Портер позвонил, дверь открыла Элис. Она схватила его за руку, поспешно втащила за собой и закрыла дверь.

– Я понимаю, – начал с порога Портер, – что явился в неурочный час, я очень спешу. Но мне необходимо повидать тебя и сенатора.

– Папочка уже наполнил стаканы и ждет тебя. Он трепещет от предвкушения твоего полуночного визита. Ты ведь наверняка прибыл, переполненный очень важными новостями, не так ли?

– Слишком много суеты и разговоров, – сказал Портер. – Не знаю, даст ли это что-нибудь существенное. Ты слышала о финансовом моратории?

– В вечернем выпуске теленовостей. Папа очень расстроился.

Но когда они вошли, сенатор отнюдь не выглядел расстроенным и радушно встретил гостя. Он предложил Портеру стакан виски и сказал:

– Видите, молодой человек, я все приготовил, так как досконально изучил ваши вкусы.

– Спасибо, сенатор, – поблагодарил Портер, принимая стакан. – Это как раз то, что мне нужно.

– Ты ужинал? – спросила Элис.

Вместо ответа он лишь растерянно посмотрел на нее, словно пораженный вопросом.

– Так ты ел или нет?

– Боюсь, что нет, – наконец ответил Портер. – Мне это как-то не пришло в голову. Нам что-то присылали с кухни, но как раз в это время я занимался с прессой, а когда вернулся – ничего не осталось.

– Так я и думала. Сразу же после твоего звонка я приготовила сэндвичи и кофе. Сейчас принесу.

– Садитесь, Дэйв, – пригласил сенатор, – и выкладывайте, что там у вас. Могу я чем-то помочь Белому Дому?

– Думаю, да, но это ваше личное дело. Никто принуждать вас не будет, так что поступайте, как подскажет совесть.

– Видимо, вам пришлось трудно в последние часы. Не скажу, что я согласен с решением президента объявить мораторий, но понимаю, что нужно было хоть что-то предпринять.

– Мы боялись немедленной реакции. Мораторий даст разумным людям время справиться с ситуацией, пока остальные будут паниковать, и приспособиться к ней.

– Доллару трудно придется на международном рынке. Как ни старайся, но завтра он упадет до предела и к завтрашнему вечеру не будет стоить почти ни гроша.

– Тут уж мы ничего поделать не можем. Дайте нам выиграть раунд-другой у себя дома, и доллар снова поднимется. Сейчас реальную опасность представляют конгресс, пресса и общественное мнение.

– Вы намерены стоять насмерть? Правильно. Никаких отступлений, не отдавать ни пяди.

– Мы будем держаться и не намерены утверждать, что в ситуации с пришельцами повели неправильную политику. Никаких извинений не будет.

– Вот это мне по душе, хотя и не одобряю кое-чего из сделанного. В сложившейся обстановке вам требуется крепкое правительство.

Элис внесла поднос с сэндвичами и кофе и поставила на столик возле Портера.

– Принимайся за еду и не вздумай разговаривать, – велела она. – Говорить будем мы с папой – у нас полным-полно вопросов.

– Да, особенно у моей дочери, – усмехнулся сенатор. – Она вся бурлит. Для нее сложившаяся ситуация – вовсе не начало великих смут и потрясений. Наоборот, это начало новой эры, чуть ли не Золотого Века, в чем я с ней, конечно, не согласен.

– Ты заблуждаешься, – сказала Элис отцу. – А ты, – она повернулась к Портеру, – разумеется, с ним согласен. Но вы оба заблуждаетесь. То, что случилось – вероятно, самое прекрасное, что с нами происходило до сих пор. Это хорошая встряска, от которой проснется национальное самосознание. Мы распростимся с синдромом техники, лихорадившим нас последние двести лет. Мы увидим, что наша экономическая система очень хрупка и ненадежна. Она построена на хрупком фундаменте. И нам придется признать, что есть и другие ценности помимо хорошо работающих машин.

– Если мы станем действительно свободными и изле-

чимся от так называемой тирании техники, если получим шанс нового начала, что же тогда делать?

– Мы забудем эти тараканьи бега – блошиную возню политики и общественной жизни. Мы положим конец борьбе за выживание, потихоньку убивающей нас. Как только исчезнет необходимость в этой борьбе, вызванной особенностями технологической и экономической систем, исчезнет и необходимость рвать зубами глотку соперника ради малейших преимуществ. Вот это и делает президент, объявляя мораторий, хотя, может, сам не понимает, что творит. Он дает деловому миру и общественности передышку, чтобы те пришли в себя и хоть немного образумились. Если им хватит времени...

– Не будем спорить об этом сейчас. Давай-ка обсудим эту проблему как-нибудь после.

– Со всей твоей помпой, – заметила Элис. – Твои непоколебимые убеждения...

– Дэйва ждут в Белом доме, – напомнил сенатор. – Но к нам он пришел не просто так – его тяготит какой-то вопрос.

– Извини, дорогой, мне не стоило вмешиваться. Могу я присутствовать при разговоре?

– Ты вовсе не мешала, – ответил Портер, дожевывая второй сэндвич. – Я хочу, чтобы и ты слышала то, что я скажу... Прошу не обижаться на меня, но Белый дом хочет использовать вас, сенатор.

– Не нравится мне это, – поморщившись, ответил тот. – Я очень не люблю, когда меня используют, хотя это и является частью политики. Так что там у вас конкретно?

– Мы можем выстоять – по крайней мере, надеемся, –

если Капитолийский холм поддержит нас хотя бы на несколько дней. Нам нужно время.

– У вас ведь там есть свои люди. Почему вы обратились именно ко мне? Я, как вы помните, редко был на вашей стороне.

– Наши люди будут делать все, что в их силах. Но это будет дурно пахнуть грязной политикой. Если же сыграете вы, то все будет иначе.

– Но почему я? Я всегда сражался с Белым Домом почти по любому законопроекту. Обо мне там, бывало, отзывались крайне нелицеприятно. Какие же теперь у нас могут быть общие интересы?

– Интересы нации. Один из грозящих нам моментов в случае усиления давления на нас – требование о помощи извне. На тех основаниях, что ситуация не является чисто внутренней, а носит международный характер, и остальные страны должны работать вместе с нами. ООН вопит об этом с самого начала.

– Да, знаю, но с ООН я не согласен. Это не их вонючее дело.

– Мы не можем этого допустить – на карту поставлено слишком многое... Я могу намекнуть об одном чрезвычайном секретном деле. Хотите?

– Не знаю, стоит ли?

– Нам нужно распространить слух.

– Но это же отвратительно! – вмешалась Элис.

– Я бы не стал высказываться так резко, – сказал сенатор, – но испытываю нечто подобное. А вас я не виню – вы ведь говорите не от своего имени?

– Точнее, не только от своего, хотя лично я отнесся к этому мягче...

– Вы хотите сообщить мне нечто, чтобы я проговорился. И притом аккуратно – в нужных местах и нужным людям. Вы хотите меня использовать потому, что я знаю, где такая акция произведет максимальный эффект.

– Это несколько огрубленная формулировка, но в целом...

– Дэйв, в дискуссии без грубостей не обойтись, – отрезал сенатор.

– Я не против используемых вами выражений. Можете не смягчать их. Если вы скажете «нет», я просто встану и уйду – не буду спорить, убеждать или принуждать вас. С моей стороны в этом нет никакой злой воли. Мне даны инструкции ни в коем случае не спорить с вами. Если бы у нас даже и было желание давить на вас, то не стали бы его реализовывать.

– Папа, – снова вмешалась Элис, – хоть это и достойно презрения, но он честен с тобой. Дэйв делает грязную политику очень открытым способом.

– Несколько дней назад мы говорили о возможных преимуществах, которые могут дать пришельцы, – сказал сенатор, – в частности, по поводу возможности управлять гравитацией.

– Нет, не то, – покачал головой Портер. – Не буду вводить вас в заблуждение или расставлять ловушки. Я не пытаюсь жульничать. Все, что нам нужно – это использовать вас для утечки информации. Одно случайно оброненное вами слово кое-кому на Капитолийском холме, просто оговорка...

– Вы называете это оговоркой?

– Вот именно. В беседе с парой тщательно выбранных

людей. Мы не называем их, так что кандидатуры можете подобрать сами.

— Кажется, я понимаю. Можете даже и не говорить. А теперь ответьте на один вопрос.

— Да, конечно.

— Было ли проведено испытание оружия?

— Было. Результаты засекречены.

— В таком случае мы не должны упускать пришельцев из рук.

— Я тоже так думаю, сэр.

— Что ж, — проговорил сенатор, — теперь, после пристального рассмотрения сути проблемы, могу сказать, что совесть моя чиста, а роль ясна. Вы мне в самом деле ничего не сказали — просто небольшая оговорка, которой я не заметил.

— Ну, мне пора обратно, — сказал Портер, вставая из-за стола. — Спасибо за угощение.

— Вы оба отвратительны, — с негодованием произнесла Элис.

50. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Типичный разговор за столом во время завтрака:

— Герб, я же тебе говорила, что эти пришельцы будут нам на пользу, а ты и слушать не хотел. Теперь они будут давать нам машины задарма.

— Ничего бесплатного не бывает в этом мире, ничто даром не дается. Так или иначе, но за все надо платить.

— Но в газете написано...

— Они сами не знают; просто говорят, что это возмож-

но. Лично я рассчитывать на бесплатную машину не буду, пока не увижу, что она стоит у дверей моего дома.

– Ей не нужен бензин, она может ездить без дорог и даже летать.

– Зато в ней будут «клопы», вот увидишь. Во всех новых машинах стоят подслушивающие устройства. А то, что она летает... Попробуй полетай, сразу шею свернешь.

– Ты никогда не веришь ни во что хорошее. Ты просто циник и всегда ожидаешь наихудшего. В газете написано, что они делают это в знак благодарности.

– Подумай, Лайза, что такого я сделал для пришельцев? Почему они должны меня благодарить? Я для них и пальцем не шевельнул.

– Благодарят не лично тебя, Герб. Если ты кому-то можешь, так он тут же умрет от удивления. От тебя никто и не ждет помощи. Пришельцы благодарны вообще всем нам просто потому, что мы позволили им жить на этой планете. Они хотят для нас что-то сделать. Не для тебя лично, а для всех.

На улицах гетто можно было услышать:

– Эй, мужик, слышал про машины?

– Какие машины?

– Которые будут давать нам пришельцы.

– Никто ничего нам не будет давать.

– Так в газете написано.

– Мужик, это не про нас. Может, какие кликуши и получают машины, да только не мы. Ничего мы не получим, кроме дерьма.

– Может, в этот раз все будет по-другому. Пришельцы ведь другой народ. Может, они не станут подсовывать нам дерьмо.

– Все суют нам дерьмо. Так что, мужик, выкинь это из головы.

А в доме рабочего автозавода в пригороде Детройта:

– Джо, что ты на самом деле думаешь про эти машины?

– Почему я знаю? Так пишут в газете.

– А если это правда? Что, если машины действительно будут?

– Боже, Джейн, откуда я знаю?

– Ты потеряешь работу. Многие потеряют ее. «Форд», «Крайслер» и другие компании не смогут продолжать выпуск машин, если пришельцы будут раздавать их бесплатно.

– Эти автопришельцы могут оказаться никуда не годными. Побегают немного, и кранты – кто ж их тогда починит? Это ведь совсем свежее испеченная идея. Может, это какой-то рекламный трюк. Не думаю, чтоб их и правда делали пришельцы. Их делает кто-то другой, а какой-нибудь бумагомарака придумал эту штуку, чтобы привлечь к ним внимание. Порой эти писаки заходят чересчур далеко и, возможно, это тот самый случай,

– Тебе нельзя терять работу, Джо. Мы не можем себе этого позволить – нужно платить за дом, за машину, а детям нужна зимняя одежда.

– Да не беспокойся ты, Джейн. Уже были сверкающие заграничные машины, а конвейер как работал, так и работает.

– Но ведь это же не заграничные машины, Джо. Их раздают бесплатно!

– Бесплатно ничего не бывает.

В банках, на биржах и в брокерских конторах царила тихая паника. Курс доллара катастрофически падал. Британское и французское правительства начали поспешные консультации. Правительство Западной Германии обратилось к другим государствам с официальным призывом помочь США. Что-то шевельнулось и за кремлевскими стенами, но даже старые опытные корреспонденты в Москве так и не смогли разобраться, что же происходит у русских.

В вихре бессмысленной суеты на Капитолийском холме кто-то породил идею о законопроекте, который запретил бы принимать дары от пришельцев. Распространялись различные слухи.

— Что вам известно о сообщении насчет проведения испытания оружия против пришельцев? — спросил у сенатора Давенпорта сенатор Нокс.

— Почти ничего, — ответил Давенпорт. — Так, слышал кое-что.

— Как это могло просочиться? — удивился Нокс. — Предполагается, что это совершенно секретно.

— Возможно, это только пустые слухи.

— Трудно в это поверить, но, похоже, так оно и есть на самом деле. Я начинаю думать, что нужно поддержать правительство в вопросе о пришельцах. Наши отношения с правительством по другим вопросам сюда не относятся. Если мы сможем что-то получить против пришельцев...

— Я склоняюсь к той же мысли. Пожалуй, в этом нам надо стоять стеной. Хотя я по-прежнему не уверен в достоверности этих слухов.

— А вдруг это все-таки правда? Я постараюсь сделать все, что смогу. В вопросах национальной безопасности страну подводить нельзя.

Тем временам на маленькой речушке среди заказника в Миннесоте Фрэнк Нортон налегал на весло, направляясь к мосту, у которого оставил свою машину.

51. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

– Вы рассказали нам очень любопытную историю, мистер Конклин, – сказал консультант по науке.

– Я приехал сюда без особого желания, только чтобы рассказать ее, – ответил тот. – Если бы не Кэти и не Гаррисон из «Трибьюн», я бы не поехал. Они убедили меня, что это мой гражданский долг. И вот я здесь, рассказал вам все и теперь мне начхать, верите вы мне или нет.

– Мистер Конклин, – сказал президент, – кажется, еще никто не выражал вам недоверия. Я лично готов теперь верить практически чему угодно.

– Я бы хотел отметить, – вмешался Портер, – что этот рассказ более, чем любопытен. Я полагаю, доктор Аллен, что вы выбрали далеко не лучшее определение. Рассказ мистера Конклина разъясняет нам одну вещь – как он сумел выйти прямо к тому месту, где делались машины. Больше никто либо не знал этого, либо не мог ему сообщить. Этот старый обормот-речник знал, что пришельцы высадились на Гусином острове, но не знал, что они там делают. А уговорить его отправиться и посмотреть нельзя было ни за какие деньги. Он боялся пришельцев до потери пульса.

– Да я и не думал сомневаться в его словах, – начал оправдываться Аллен.

– А сказали так, будто сомневаетесь, – уколол его Джерри.

– Я бы сказал, юноша, – проворчал Уайтсайд, – что для того, чтоб выложить это нам, нужна изрядная выдержка. Вы решили держать язык за зубами, и я вас прекрасно понимаю. На вашем месте я поступил бы точно так же.

– По сути, вы сообщили нам, что общение с ними вполне возможно, – подытожил президент, – но общение одностороннее и проходит оно на условиях пришельца. В случае возникновения необходимости он может завести с нами некий ограниченный разговор, а мы с ним – нет.

– Я просил Сто первого говорить потише, – сообщил Джерри, – и он, очевидно, понял.

– А продолжать разговор вы не пробовали? – спросил президент.

– Конечно, сэр, Я спросил, зачем мне показывали то, что я найду в этом месте, и почему они хотят, чтобы я туда отправился.

– И он не ответил?

– Более того, он просто выбросил меня. Только теперь это было сделано гораздо осторожнее по сравнению с тем разом, когда он бросил меня на дерево.

– Очевидно, на этот раз он должен был удостовериться, что вы отправитесь именно туда, куда ему нужно.

– Я не думаю, мистер президент, что только поэтому. В первый раз я был всего лишь чуждым ему организмом, который он хотел осмотреть. Во второй раз я уже был – как бы это сказать? – старым другом, что ли, знакомым.

– И может использовать еще раз?

– Не уверен. Во всяком случае, охотиться за Сто Первым я больше не собираюсь.

– А если об этом попросим мы?

– Зачем? – спросил Уайтсайд. – Нам ведь уже пояснили, чья это игра. Разговаривают они с нами, а не наоборот.

– Были и другие случаи, когда они похищали людей, – заметил президент.

– По-моему, эти случаи можно выбросить из головы, – возразил Аллен. – Люди уже давным-давно болтают о том, что их подбирают НЛО. Насколько я могу понять, это превратилось в некое подобие культа и шито белыми нитками. Все невероятные откровения, сообщенные им на НЛО, – это настолько путано и банально, туманно и неинтересно, что сразу же инстинктивно начинаешь понимать – это человеческие выдумки. Если контакт осуществляется с настоящими пришельцами, то результат будет совершенно неожиданным. Идея подобного разговора окажется настолько потрясающей, что большая часть услышанного вообще окажется непонятной.

– Значит, вы считаете, что рассказы об этих похищениях – либо культовые измышления, либо просто низкая ложь? – спросил Портер.

– Несомненно. По-моему, только мистер Конклин был похищен по настоящему, Его рассказ подходит под представление о том, как может осуществляться настоящий контакт, – он обернулся к Джерри. – По-моему, вы сказали, что слов не было?

– Да, только картинки в моем сознании, и временами просто мысли, но я не мог понять, мои это мысли или нет.

– Предположим, вы все-таки вернетесь к Сто Первому. Как вы думаете, он может снова взять вас внутрь?

– Только если я буду зачем-то ему нужен – рассказать что-нибудь или выполнить какую-то работенку,

– Вы убеждены?

– Абсолютно, Я очень ясно почувствовал, что он меня использует.

– Однако мисс Фостер рассказала о рукопожатии Сто Первого?

– Это было нечто большее, нечто более личное, – сказала Кэти. – Может быть, вроде нашего поцелуя. Я не могла тогда понять, что произошло, и подумала о рукопожатии – как знак благодарности или признательности. Теперь я думаю, что это было как поцелуй, знак добрых чувств ко мне, что ли. И машины они делают не для того, чтобы нас напугать или произвести впечатление, чтобы мы знали, на что они способны, и боялись. Это даже не расплата за съеденные деревья. Это знак очень доброго к нам расположения. Ну, как Санта-Клаусы, что ли, или юноша, покупающий своей девушке розы.

– Вы станете для пришельцев отличным адвокатом, – заметил президент, улыбнувшись. – И тем не менее если это будет продолжаться, мы разоримся.

– Мистер президент, допустим, любящий отец покупает своему ребенку конфеты, не понимая, как вредны они для детских зубов. И здесь то же самое. Они просто не подозревают, какие будут от этого последствия, и стараются быть добрыми, чтобы мы их любили, не ведая последствий своей доброты.

– Мисс, – сказал Уайтсайд, – возможно в ваших словах есть доля истины, но меня эти пришельцы все-таки пугают. И я по-прежнему считаю, что несколько продуманно размещенных...

– Генри, – оборвал его президент, – не сейчас. Если ты настаиваешь, мы обсудим этот вопрос позже.

– Давайте вернемся к похищениям, – сказал Аллен. – Похоже, для того, чтобы поговорить с человеком, они должны взять его внутрь. Мистер Конклин, как вы думаете, есть какой-нибудь способ убедить их взять, скажем, меня или президента? – Они вас не возьмут, – ответил Джерри. – Просто не будут обращать на вас внимания, чтобы вы ни делали.

– Должно быть, вы правы, – согласился Аллен, – это дело у них налажено будь здоров! Они игнорируют нас с самого начала. Мне было бы весьма интересно понять, как они нас воспринимают. Как «видят» нас. Иногда мне кажется, что они рассматривают нас, как милых домашних животных или как достойную жалости форму жизни, с которой необходимо обращаться осторожно, чтобы ненароком не наступить и не раздавить. Но на самом деле я чувствую, что это не так. Мисс Фостер считает, что они испытывают к нам нежность. А что, в конце-то концов – мы же позволили им приземлиться на планете, где есть столь необходимая для них целлюлоза. Без нее им грозит полное вымирание, ведь они не смогут делать детей. И если мы припишем пришельцам человеческие эмоции – в чем я, правда, сомневаюсь, – тогда они должны быть нам благодарны. Но при всем уважении к точке зрения мисс Фостер, я не чувствую убежденности, что они действительно любят нас. Дело в том, что мы никак не можем помешать им вырубать наши деревья. Лично я склонен считать, что они действуют по правилам деловой этики, хотя они это воспринимают совсем иначе. Я понимаю, что это очень неуклюжее выражение, но считаю, что они стараются честно и сполна платить за все, что берут. По-моему, логика их поступков именно такова.

– Подведем итог, – сказал президент. – Итак, шансы на контакт с пришельцами у нас теперь имеются, но только это займет ужасно много времени – если мы будем бесконечно терпеливы. Но дело в том, что как раз времени-то у нас и нет! Что вы на это скажете?

– Я готов поставить под этим свою подпись, – присоединился Уайтсайд.

– Мы должны и, я почти уверен, сможем выдержать бурю, – словно самому себе сказал президент, – если не будет никаких неожиданностей, и все ограничится машинами. Я получил по телефону обнадеживающие звонки от лидеров деловых кругов, и Конгресс склонен поддержать линию правительства. По-моему, так.

Он повернулся к Портеру и спросил:

– Как я понял, вы разговаривали с сенатором Давенпортом?

– Да, – кивнул Портер, – дружеский обмен мнениями.

– Ну что ж, тогда все. – Президент поднялся и посмотрел на Кэти и Джерри: – Если только вы не хотите что-либо добавить.

Они отрицательно покачали головами, а Джерри сказал:

– Ничего, мистер президент.

– Благодарю вас за то, что пришли к нам. Вы очень нам помогли. Теперь мы гораздо лучше понимаем проблемы, с которыми столкнулись. Можете не сомневаться, что все сказанное не выйдет за пределы этой комнаты.

– Я очень благодарен вам за это – произнес Джерри.

– Ну что ж, самолет ждет. Вас отвезут в аэропорт, как только пожелаете. Ну а если хотите на день-два задержаться в Вашингтоне...

– Нам нужно возвращаться, мистер президент, – поблагодарила Кэти. – У меня работа, а Джерри нужно защищаться.

52. МИННЕАПОЛИС

– Такое впечатление, что все пришло в движение, – заметил Голд. – Мы по уши в новостях огромного значения: весь этот драный мир летит в трубу, доллар почти ничего не стоит, иностранные правительства предрекают нам гибель, дипломаты держат язык за зубами, а бизнесмены со всем с лица спали. Но где же радость репортеров, брызжащих новостями, где восторг и ликование?

– Да заткнись ты! – огрызнулся Гаррисон.

– Белый Дом уверенно заявляет, что справимся, – не унимался Голд. – Это прекрасный пример того, как можно плевать против ветра.

– Ты не знаешь, когда вернутся Джерри и Кэти? – спросил Гаррисон у Энни.

– Через пару часов – сейчас они как раз вылетают. Но у Кэти ничего нет для нас. Она сказала по телефону, что статьи не будет.

– Так я и думал, но все-таки надеялся...

– Ты кровосос, – упрекнул его Голд, – ты высасываешь людей досуха, не оставляя ни капли...

– Все идет наперекосяк, – сказала Энни,

– Ты о чем? – поинтересовался Гаррисон.

– О пришельцах. Все не так, как в картинах.

– Ты имеешь в виду кино?

– Да. Там все кончается счастливо, но в последний мо-

мент, когда все уже потеряли всякую надежду. Как вы думаете, не настал ли уже последний момент?..

– И не рассчитывай, – отрезал Голд.

– Слушай, – добавил Гаррисон, – все это происходит в действительности, а не выдуманно режиссером, верящего тайком в святость счастья. Но если бы они с нами поговорили...

– Если бы они просто убрались отсюда, – усмехнулся Голд.

Зазвонил телефон. Энни взяла трубку, послушала, потом опустила ее и посмотрела на Гаррисона.

– Это мистер Нортон из Одинокой Сосны. Линия три. Но как-то странно он говорит, словно там что-то произошло.

Гаррисон схватил трубку.

– Фрэнк, что стряслось? В чем дело?

– Джонни, я только что вернулся, – Нортон слегка заикался. – Просмотрел газеты на столе, Там все правильно? Насчет автомобилей?..

– Боюсь, что да, но ты не волнуйся. Чего это тебя заело?

– Джонни, они делают не только машины.

– Не только машины?! Что ты имеешь в виду?

– Они делают еще и дома. Пытаются делать. Практикуются в строительстве.

– Ты имеешь в виду дома, в которых могут жить люди?

– Вот именно. Такие же, как твой, и у других людей.

– А где?

– В чаще. Спрятались в глуши, и думают, что никто не увидит их упрямств.

– Фрэнк, ты отдышись и расскажи подробно и по порядку все, что ты там видел.

– Ну, плыву это я в каноэ...

Гаррисон внимательно слушал, а Голд сидел неподвижно и пристально смотрел на Гаррисона. Энни вытащила из ящика стола пилочку и занялась ногтями.

– погоди, Фрэнк, – наконец сказал Гаррисон. – Это слишком личный и хороший рассказ, чтобы передавать его кому-нибудь другому. Я бы хотел, чтоб ты сам написал его для нас – точь-в-точь, как рассказал мне. Ты же все время первый! «Я видел то-то и то-то, сделал то-то, подумал так...» Сможешь сделать это для нас? Как твоя газета?

– Моя выходит только через три дня,

– Ну так садись и пиши – столбца три-четыре или, если надо, и больше. Как будет готово, передавай по телефону – наши стенографистки будут наготове. А потом проси стол редактора городской хроники. И еще, Фрэнк...

– Да?

– Не робей, парень, и расправь крылья.

– Джонни, но я ведь не все рассказал тебе... Тот последний дом, с мебелью и светом...

– Ну и что?..

– Ну, пришельцы только что закончили его. И я заметил в окне кухни подвижные тени, словно кто-то хлопотал на кухне, готовя обед. Клянусь, Джонни – на кухне были люди! Боже милосердный, неужто они делают еще и людей?!

53. ДЕ СОТО, ВИСКОНСИН

Житель Южной Дакоты, нянчился со своей потрепанной машиной на протяжении более чем пятисот миль. Она кашляла и вздыхала, и казалось, что каждый всхлип станет для нее последним, — но все-таки дотащилась до небольшого городка Де Сото, втиснувшегося между скалой и рекой, у дороги. Дакотец попытался было найти место для стоянки, но во всем городе негде было и яблоку упасть. Улицы были плотно забиты машинами и людьми, отовсюду доносились злобные окрики. Неужто все эти люди приехали за машинами?

Только отъехав добрых полмили от последнего дома, он наконец он пристроил машину на обочине гравийной дороги, огибавшей городок с востока. Он вылез из машины, потянулся, чтобы расправить затекшие мышцы, и почувствовал, что ужасно устал и проголодался. Но отдыхать некогда — сначала он должен получить свою машину.

А вот как раздобыть ее? Он знал только, что за рекой у городка есть остров, а на острове — машины. «Может, — подумал он, — лучше было бы направиться в Причал Дика в Айове?» Но на карте туда вели только второстепенные дороги, и он решил ехать в висконсинский городок, находящийся как раз напротив. Каким-то образом нужно перебраться через реку на остров. Дакотец прикинул, во что может обойтись найм лодки — с наличными-то у него было туго. Может, переплыть реку? Он был приличным пловцом, но Миссисипи здесь уже довольно широка, да и течение было сильным.

Он шагал по дороге, спотыкаясь о рытвины и оступа-

ясь на выскакивающих из-под ног камешках. Впереди шли несколько человек, но дакотец не стал догонять их, потому что теперь, оказавшись здесь, он чувствовал себя каким-то смущенным. Может, не стоило приезжать? Но, Бог свидетель, ему необходима машина, и здесь можно было ее достать. Но теперь-то он понял, что другие приехали сюда за тем же. Утешало одно: машин множество, должно хватить на всех. По телевизору говорили, что к тому времени, когда пришельцев обнаружили на острове, они успели сделать больше сотни машин. Из сообщения можно было также заключить, что производство пришельцы не прекращали, так что теперь их, наверно, штук двести или даже больше. И будут еще. Проблема сейчас в том, как перебраться через реку.

Он уже дошел до окраины и неспешно шагал к деловому району, который выходил на реку. Может, он найдет там кого-то, кто даст дельный совет — должна же быть разработана процедура получения машины.

На тротуаре перед баром стояли несколько человек, и он побрел к ним. Дорогу перегораживали три патрульных машины, но полицейских не было и следа. Вдоль дальнего края железнодорожного полотна, пересекавшего город и реку, выстроилась цепочка людей. Все стояли спиной к городу, словно следя за чем-то, находящимся за рекой.

Дакотец робко подергал за рукав одного из стоявших на тротуаре мужчин:

— Авария? — он указал в сторону патрульных машин.

— Какая там авария? — сказал мужчина. — Утром, правда, была, но сейчас уже несколько часов как все спокойно.

— А что же здесь делает полиция?

— Вы, видать, только прибыли?

— Верно. Из самой Южной Дакоты, из Рэпид-сити, ну, не из самого Рэпид-сити, а из небольшого городка к востоку от него. Одним махом проделал все пятьсот миль, останавливался только на заправку.

— Торопитесь?

— Понимаете, хотел успеть сюда, пока все не разобрали.

— Еще не взяли ни одной. Они все там, на острове.

— Значит, я успел.

— Куда успел?

— Забрать машину.

— Никакой машины вы не возьмете — патрули оцепили реку, да еще, говорят, скоро войска придут. Реку патрулирует катер, чтобы все объезжали или выше, или ниже по течению.

— Но почему? По телеку говорили...

— Мы знаем, что говорили по телеку, и в газетах тоже — бесплатные машины для всех желающих. Вот только перебраться на остров нет никакой возможности.

— Это вон тот?

— Где-то там, точно не знаю. Здесь таких островов — тьма.

— Но что случилось? Нечему патрули...

— Какие-то болваны набились в лодку и перегрузили ее. Лодка пошла ко дну на самой середине. Большинство этих дураков потопло.

— Но ведь можно придумать какой-то безопасный способ перебраться на ту сторону и...

— Разумеется, можно. Да только ничего не выйдет. Тут

у всех мозги поотсыхали. Только и думают, как бы раздобыть машину. Полицейские правы: к реке нельзя подпускать никого, не то будут новые жертвы.

— Но разве вы не хотите машину?

— Конечно, хочу. Но сейчас нет никакой возможности. Может, потом...

— Мне машина нужна срочно, прямо сейчас, — заявил человек из Южной Дакоты. — Моя уже совсем развалилась.

Он пересек дорогу и бросился к насыпи. Достигнув людей, растянувшихся цепочкой вдоль путей, он начал расталкивать их, прокладывая себе дорогу. Внезапно нога у него подвернулась, и скользнула по насыпи. Он остушился на раскатившемся гравии, потерял равновесие и кубарем покатился вниз, задержавшись лишь у самой кромки воды. Подняв голову, он увидел, что над ним возвышается здоровенный малый в форме.

— Куда это ты так разбежался, сынок? — почти ласково спросил полицейский.

— Мне нужна машина, — сказал дакотец.

Офицер лишь отрицательно покачал головой.

— Я умею плавать, — продолжал человек из Южной Дакоты. — Я легко переплыву реку. Дайте мне попробовать!

Полицейский протянул руку, схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

— А теперь слушай, — сказал он. — На первый раз я тебя отпускаю. Мотай отсюда за полотно, но замечу, что ты околачиваешься тут — посажу за решетку.

Дакотец стал быстро карабкаться вверх по насыпи под одобрителное улюлюканье собравшихся.

54. МИННЕАПОЛИС

– Вы уверены в Нортоне? – спросил Латроп. – Он ведь не из нашей команды.

– Я готов поручиться за него своей репутацией, – ответил Гаррисон. – Мы с Фрэнком еще в школу ходили вместе и с тех пор не теряем друг друга из вида. Газетчик он талантливый! Ну а если предпочитает торчать в Одинокой Сосне, это вовсе не означает, что он плохой репортер. У нас здесь, например, разделение труда – кто-то дает сводки новостей, кто-то статьи, кто-то делает макеты, некоторые пишут передовицы. В общем, каждый занимается своим делом. Фрэнк делает всё сам. Каждую неделю начинает с нуля: собирает новости и объявления, пишет, редактирует и печатает. Если вдруг нужна передовица, он пишет и ее...

– Можешь не продолжать, Джонни, – прервал его Латроп. – Я просто хотел узнать, что ты обо всем этом думаешь.

– Если Фрэнк говорит, что видел, как пришельцы делают дома, значит, все так и есть. Я ему верю. Его статья звучит вполне правдоподобно и изобилует убедительными деталями.

– Просто невероятно, что вся эта информация проходит именно у нас: то мы сообщили о машинах, теперь – дома.

– Я вот что хочу обсудить, – сказал Гаррисон. – Мне кажется, сначала нужно уведомить Белый Дом. Я как-то разговаривал с пресс-секретарем, и он показался мне приятным человеком. Я свяжусь с ним?

– Ты хочешь их предупредить? – чуточку испугался

Латроп. – Рассказать о домах? Ну, Джонни!.. Какого черта?..

– Возможно, я неправ, но мне кажется, что администрации сейчас приходится нелегко и...

– Им это на пользу. Эти подонки получили по заслугам. Нет, с пришельцами они справляются совсем неплохо, но в большинстве других ситуаций охотно заблуждались и вели себя как твердолобые скоты. Немного унижения им не повредит. Лично я особой симпатии к ним не чувствую.

Гаррисон помолчал, собираясь с мыслями.

– Тут дело не столько в администрации, сколько во всей нации, – сказал он наконец. – Белый Дом занял непреклонную позицию и намерен пережить кризис, вызванный появлением машин. Вероятно, у них были какие-то шансы. А теперь еще дома... Это сокрушит их.

– Да, понятно. Последствия ясны: сначала автомобильная промышленность, а теперь и строительная; доллар не будет стоять ни черта, кредиты накроются... Но статью мы все равно должны дать. Хотим мы этого или нет, а такую новость в стол не положишь.

– О публикации вопрос не стоит – мы просто обязаны это сделать. Вопрос в том, дадим мы правительству возможность отреагировать или трахнем их статьей по лбу? Может, если у них будет немного времени, чтобы подготовить почву и занять более выгодную позицию, то справятся с новостями, когда те выплывут наружу.

– Главная проблема – следует ли придавать это международной огласке. По-моему, не стоит. В конце концов, мы же выдержали основной удар инопланетного вторже-

ния, и если это даст нам какие-то выгоды или преимущества, они должны принадлежать нам. Пришельцы выбрали нас; мы их не звали и не завлекали. Понятия не имею, почему они не высадились, скажем, в Европе или Африке. Но ООН подняла крик, как только это случилось...

– Мне об этом известно не больше, чем тебе, и выносить сор из избы я не намерен. Но в любом случае стоит дать правительству хотя бы несколько часов – пусть пораскинут умом и решат, как себя вести. Если у них будет время, то, может, и выкрутятся как-нибудь. Наша же задача в том, чтобы раскопать и опубликовать *истину*, а не замалчивать ее во вред национальной культуре. А если мы утаим это ради сенсации...

– Черт побери, Джонни, я хочу, чтобы была сенсация. Я их просто обожаю... Ну а почему ты считаешь, что эта информация не просочится из Белого Дома наружу?

– Маловероятно, что они проговорятся. Им это так же невыгодно, как и нам. Скорее всего, будут держать все в секрете, пока не надумают чего-нибудь. А уж тогда им не продохнуть.

– Ну, не знаю, – вздохнул Латроп. – Правда, не знаю – сообщать Вашингтону или нет?.. Я подумаю и переговорю с издателем.

55. НА БОРТУ САМОЛЕТА, ПОДЛЕТАЮЩЕГО К МИННЕАПОЛИСУ

– Они решительно намерены представить их в роли отвратительных людоедов, – сказала Кэти, – сошедших с небес, чтобы творить нам зло. Но я уверена, что это не так. Я

ведь притронулась к Сто Первому – я хочу сказать, не только к его шкуре, но и к живой душе. Это было не просто прикосновение, а как бы контакт душ. Когда я сообщила об этом президенту, он заинтересовался и даже сказал: «Это крайне любопытно». Но в действительности ему было неинтересно, да и всем остальным тоже. Они только и думают, что о своей драгоценной экономике, Разумеется, им хотелось бы узнать, есть ли способ поговорить с пришельцами, но только затем, чтобы попросить их прекратить то, что они делают.

– Но поставь себя на место президента, – возразил Джерри. – Пойми, с чем столкнулась администрация Белого дома...

– А тебе не приходило в голову, что президент, как и все люди, может ошибаться? Что наш образ жизни – это полнейшее заблуждение, которое началось давным-давно и с которым пора покончить?

– Ну да, конечно. Ошибаться могут все и каждый. Человеку свойственно заблуждаться.

– Я говорю не о тех ошибках, что мы совершаем теперь, а об ошибке, сделанной много веков назад. Если бы можно было отступить достаточно далеко вспять, то, быть может, мы сумели бы найти тот момент, когда был сделан неправильный шаг. Я слишком плохо знаю историю, чтобы точно определить, когда это случилось, но где-то в прошлом мы свернули на неверный путь. К сожалению, обратной дороги нет.

Всего несколько недель назад я брала интервью у компании свихнувшихся университетских ребяташек – настоящих придурков, называющих себя «Любящими». Они

утверждают, что основой всего является любовь, и больше ничто в расчет не идет. Они смотрели на меня большими, ясными, невинными очами, во взглядах светились их распахнутые души, а мне было тошно. Я жалела их и в то же время была вне себя. А когда по возвращении писала статью, мне становилось все более тошно — они ведь заблуждаются уже в своих предпосылках. Возможно, ошибаются они не более, чем все. Но мы-то привыкли к собственным заблуждениям и полагаем, что так и надо. Всеобъемлемость любви — это глупость, но такая же глупость — всеобъемлемость денег, жадности. Джерри, поверь мне...

— Ты думаешь, пришельцы пытаются наставить нас на путь истинный?

— Пожалуй, нет. Так я никогда не думала. Они даже не представляют, что с нами происходит. А если и знают, то, возможно, решили, что это наше личное дело. Они наверняка могут заблуждаться в своих поступках. Но правильно ли то, что они делают, могут показать наши собственные ошибки.

— По-моему, в любой ситуации, при любых условиях невозможно определить, что правильно, а что нет. Мы и пришельцы слишком далеки друг от друга. Они явились Бог весть откуда, их правила поведения — а они наверняка должны их иметь — неизбежно отличаются от наших. Если сталкиваются две культуры с равными стандартами, то неизбежно одной из них — а то и обеим — это дается немалой ценой. Даже при наилучших намерениях сторон без синяков не обойтись.

— Бедняжки, им пришлось проделать такой путь, полный опасностей!.. Они осмелились на такое... Мы должны подружиться, а вместо этого вскоре начнем их ненавидеть.

– Вот уж не знаю. Может, кое-кто и возненавидит их – например, люди, обладающие какой-либо властью, возненавидят их за то, что те лишили их этой власти. Но те, кто получит новые машины или что-нибудь еще – будут на них молиться.

– Но недолго, – отрезала Кэти. – Потом пришельцев возненавидят и они.

56. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

– Я полагаю, – сказал госсекретарь Маркус Уайт, – что получив новые данные, нам пора пересмотреть свою позицию.

– Но насколько надежна эта информация? – поинтересовался у Портера Джон Хаммонд, комендант Белого Дома. – Не следует ли ее подвергнуть дополнительной проверке?

– Возможно, этим уже занимаются, – ответил Портер.

Президент с беспокойством заметил:

– Дэйв прав: мы проверяем полученные данные и скоро узнаем, насколько они верны. наших людей в Одинокой Сосне Нортон проводит куда следует. Гвардейцы прилетят на вертолете, но пока они не знают конечного пункта. Все делается под строгим секретом.

– По-моему, мы можем положиться на достоверность информации, – заметил Портер. – Я предварительно связался с Гаррисоном в Миннеаполисе. Это достойный гражданин. Не забывайте, он мог бы ничего нам и не сообщать. У него в руках была исключительная статья, и он вполне мог попридержать язык.

– Так чего же он этого не сделал? – требовательно спросил генерал Уайтсайд.

– Чтобы дать нам время для прощупывания почвы под ногами, пока это еще не стало достоянием прессы.

– Он просил сохранить все в тайне? – поинтересовался Уайтсайд.

– Гаррисон просил лишь соблюдать его интересы. Я пообещал, ведь это также и в наших интересах; как только эти новости выплывут на поверхность, нам желательно твердо знать, что говорить и что делать. Время, которое он нам дал, просто бесценно.

– Не нравится мне это, – проворчал Уайтсайд. – Чертовски не нравится.

– Этого от тебя и не требуют, Генри, – не слишком вежливо сказал президент. – Нам тоже не все нравится.

– Я не это имел в виду.

– Знаю. Я просто интерпретировал твои слова.

– По моему мнению, – заговорил советник по науке Аллен, – нам следует признать сообщение из Одинокой Сосны истинным. На первый, поверхностный взгляд это может показаться несколько притянутым за уши, но если хорошенько подумать, то все вполне логично. Если пришельцы делают машины, то они вполне могут научиться делать дома, хотя эта работа немного потруднее.

– Но дома – это совсем другое дело! – воскликнул Уайтсайд. – Машины они могут раздать, а как быть с домами? Они что, собираются строить новые поселки, захватив под них ценные сельскохозяйственные угодья или производственные площади? Или будут сносить бараки и вместо них ставить новые дома?

– Какая, к черту, разница, что они намерены предпринять?! – заметил Хаммонд. – Неважно, что они будут делать, да и будут ли вообще, суть не в этом. Но что касается нашей страны – строительной индустрии подписан приговор.

– Я уже говорил, – объявил президент, – что мы можем как-нибудь пережить потерю автомобильной промышленности, а вот на этот счет я уже не уверен. Суть здесь в том, что в нашей экономике поселится всепоглощающих страх, разъедающая ее раковая опухоль. Если пришел конец автомобильной и строительной промышленности, то кто теперь гарантирован от того, что завтра это не случится с ним?

– Какова ситуация с этими машинами в районе Миссисипи? – спросил Хаммонд.

– Отвратительно. Гусиный остров оцеплен, но толпы людей все прибывают. Рано или поздно это приведет к инциденту. Уже около дюжины погибших – затонула лодка, перегруженная желающими получить дармовую машину. И этим не кончится, я уверен. Ничто не заставит людей отказаться от бесплатных автомобилей. Эти жадные ублюдки принесут нам еще немало бед.

– Но ведь это единичный случай, – указал Уайт, – и мы не можем терять время на его обсуждение. Что нам нужно – это сейчас же выработать определенную политику. Когда об этих новостях узнают все, нам следует иметь хоть какие-то наметки. Мы должны дать понять стране и всему миру, что же мы намерены предпринять.

– Будет трудно, – сказал президент. – Что бы мы ни сделали, это будет нелегко. Мы с самого начала были гор-

дым народом и крепко стояли на ногах. Отступать – не в нашем характере.

– Какой-то болван, – проворчал Уайтсайд, – распустил на Капитолийском холме слух, что проводились испытания оружия и мы намерены что-то предпринять. Скоро слухи дойдут до Москвы. Они, конечно, расстроятся, а ведь одно только прикосновение к кнопке...

– Этот слух, – сказал президент, – откуда бы он ни шел, послужил тому, чтобы Конгресс встал за нас стеной. Если бы не этот слух, кто знает, что они учудили бы.

– Это уже позади, – стоял на своем Уайт, – и пора об этом забыть. Что сделано – то сделано. Я с самого начала говорил, что нельзя брать все на себя. Если бы мы сначала действовали рассудительно, весь мир нас поддержал бы. Но мы еще не зашли настолько далеко, чтобы утратить добрую волю.

– Даже с Россией? – спросил президент.

– Не знаю, чем они могут помочь. Может, их помощь окажется вполне ощутимой. Но если мы будем действовать здраво, они будут держать пальцы подальше от кнопок, о которых только что упоминал Генри.

– Ну и что ты понял?

– Я считаю, мы должны признать, что пришельцы – событие, в принципе, международного масштаба, и возникшую здесь ситуацию следует обсудить с другими государствами. Думаю, ведущие государства понимают, что ни одна нация – ни мы, ни какая-либо другая – не избавлена от такой ситуации, которая пересечет любые границы и станет общемировой проблемой. Я считаю, настал час просить помощи и сотрудничества у всего мира, у всех,

кто готов пойти нам навстречу.

– Маркус, ты уже с кем-нибудь говорил?

– Неофициально – да. Говорили, в основном, они, а я слушал. Те, с кем я говорил, уверены, что потом с ними может произойти то же самое, что и у нас, если проблемы не будут разрешены.

– Что именно они могут нам предложить, какие виды сотрудничества? Надо это знать заранее. Если мы выйдем на международную арену, то должны понимать, в какой ситуации находимся и чего можем ожидать.

– Франция и Британия готовы оказать любую помощь, которую мы запросим, сделать все возможное, чтобы удержать доллар от падения. Япония также выражает готовность. Скандинавия ждет только приглашения, Западная Германия стоит наготове, если потребуется оказать финансовую поддержку.

– Ты хочешь сказать, иностранную помощь? Нам?!

– Именно это я и хочу сказать. А почему бы и нет? Мы ведь многие годы тащили на своем горбу полмира. Мы восстановили Западную Европу после Второй Мировой войны. Это будет всего лишь возвращением долга. Они в такой же заднице, как и мы. Остальной мир не может спокойно смотреть, как мы рухнем в пропасть, потому что за собой мы потащим и их. Даже представители ОПЕК проявляют заинтересованность.

Президент обвел сидящих ошарашенным взглядом и выдохнул только:

– Боже мой!

– И это еще не все, – продолжал госсекретарь. – Речь идет о выработке совершенно новой политической док-

трины, перестройке системы финансирования, возможно, всей экономической структуры. Не только для Соединенных Штатов, но и для всего мира. Пришельцы не только поставили нас на краю пропасти, они изменяли ситуацию во всем мире, и теперь мы должны учиться жить в этом изменившемся мире. По-моему, первое и самое трудное, что нам необходимо сделать – это честно проанализировать ситуацию. Без этого нам не выдержать удара.

– Вы очень красноречиво изложили нам все это, Маркус, – сказал Хаммонд. – Но сознают ли те, с кем вы официально или неофициально вели беседы, проблемы, которые вы здесь перед нами очертили?

– Я бы сказал, да, – ответил госсекретарь. – Во всяком случае, мыслят в этом направлении.

– А испытания?! – крикнул Уайтсайд. – Мы же начали что-то нащупывать. Не можем же мы все забросить! Нельзя ли как-то удержать при себе то, что мы обнаружили?

– По-моему, нельзя, – негромко сказал президент. – Ты же слышал, Генри, что говорил Маркус: новый мир, новый стиль жизни. Таким старым, покрытым боевыми шрамами волкам, как ты да я, придется нелегко. Но я вижу логику, заключенную в словах Маркуса. Наверное, кое-кто из нас – даже большинство из нас – в последнее время думали об этом, но не могли собраться с духом и высказаться.

– Понятия не имею, как с этим расхлебаться, – признался Хаммонд. – Как, черт возьми, разгрести этот завал?

– Мы не одни, – сказал госсекретарь. – С нами весь мир. Это дело не только наше, но и всего мира. Если мы дружно не возьмемся за работу, то утонем все вместе.

57. МИННЕАПОЛИС

Голд читал верстку статьи Нортонa. Подняв голову, он взглянул на сидевшего за столом Гаррисона и сказал:

– Последний абзац.

– А что с ним?

– Тут он пишет, что видел в окне кухни какие-то тени, будто там были люди, и думает, что они еще и людей делают.

– Ничего страшного! В этом самая соль. Прямо мурашки по спине.

– А Латропу ты об этом говорил?

– По-моему, нет. Напрочь из головы вылетело. И без того дел хватало...

– А Портеру?

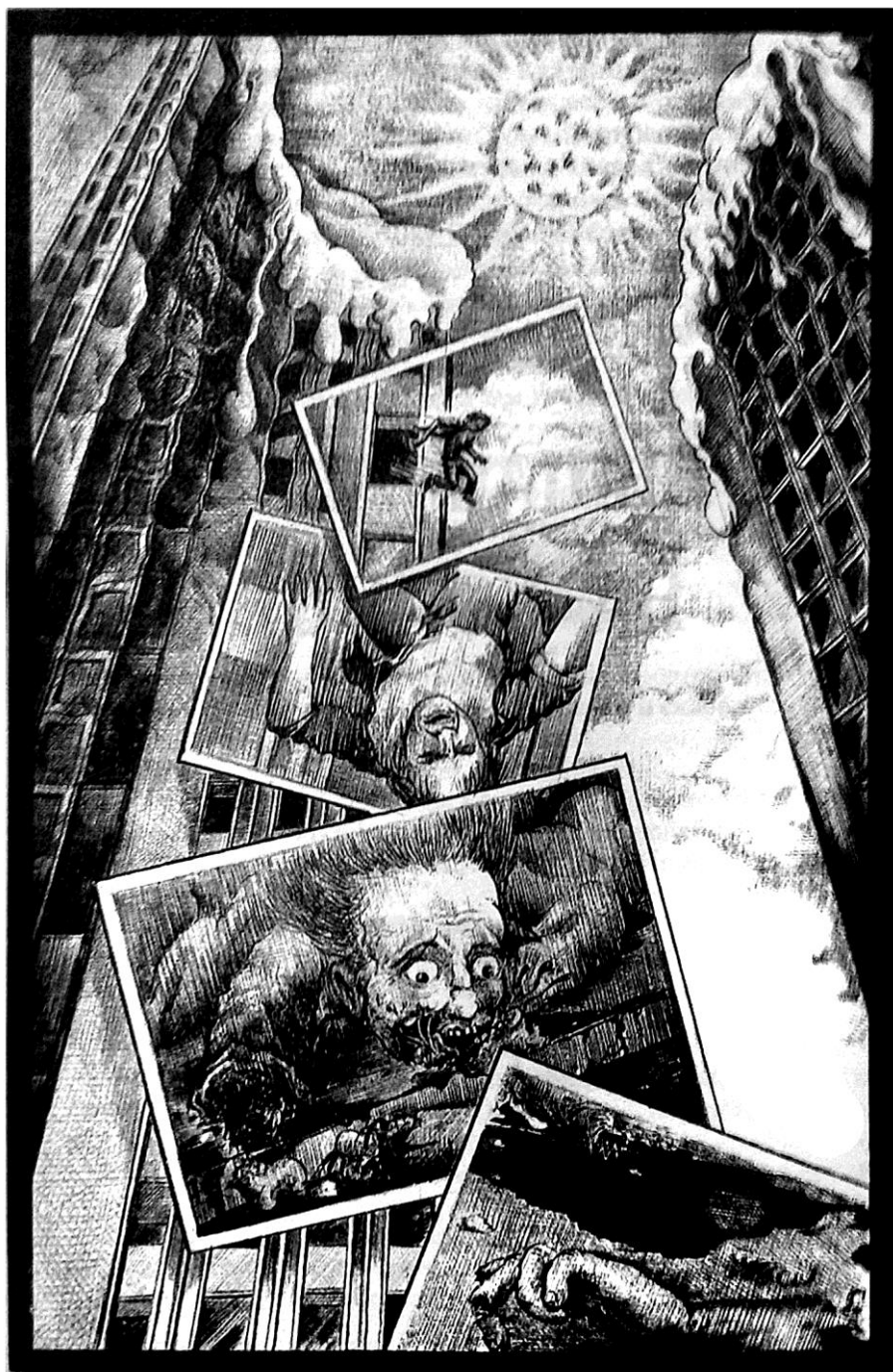
– Нет, не говорил, а то он страшно перепугался бы.

– Может, Нортону это померещилось? Ведь он, в сущности, никого и не видел. Узрел какие-то тени, а то и просто выдумал, внушил себе это.

– Дай-ка гляну, – Гаррисон протянул руку, и Голд вручил страницу ему.

Гаррисон внимательно перечитал концовку статьи, потом пробежал взглядом еще раз. Затем взял свой черный редакторский карандаш и аккуратно вычеркнул последний абзац.

БОЛЬШАЯ УБОРКА НА СОЛНЦЕ

Я ждал, когда рассыльный принесет из типографии первую пачку газет, и потому сидел совершенно без дела, закинув ноги на стол и надвинув шляпу на глаза. Чувствовал я себя довольно скверно.

У меня все еще стояло перед глазами, как этот парень вмазался в тротуар. Двадцать этажей — высота немаленькая, и когда он упал, то вроде как разбрызгался и все это выглядело довольно неопрятно.

Проклятый дурак резвился и вышагивал по карнизу с раннего утра, целых четыре часа, а уж потом сиганул.

Со мной отправились Герб Гардинг, Эл Джарви и еще парочка фотографов из «Глобуса», и мне пришлось выслушивать их рассуждения на тему, как распределить съемку. Если птичка вспорхнет, то времени каждому хватит только чтобы заснять одну пластинку, так что работу следовало спланировать заранее.

Эл должен был сделать телеобъективом первый снимок, в самом начале прыжка. Джо засечет его на полдороге. Гарри щелкнет как раз перед тем, как он ударится о тротуар, а Герб поймает момент первого соприкосновения с асфальтом.

Я слушал их, и по коже у меня бегали мурашки.

Как бы то ни было, план сработал, и «Глобус» получил замечательную серию снимков прыжка, призванную проиллюстрировать мой очерк.

Мы знали, что если «Стандарт» и заполучил снимок этого инцидента, он вряд ли воспользуется им: «Стандарт» претендовал на звание семейной газеты и делал все возможное, только бы их чтиво подходило для всех и каждого.

Но «Глобус» мог опубликовать что угодно, и не упускал никаких возможностей. Мы давали самые животрепещущие новости без всяких прикрас.

— Этот парень был просто психом, — входя, сказал Герб и уселся рядом со мной.

— Весь этот чертов мир состоит из психов, — ответил я. — За последний месяц это шестая птичка, вспорхнувшая с небоскреба. Я бы предпочел, чтобы меня засадили в отдел некрологов, или деловой хроники, или еще куда. Я сыт кровью по горло.

— Вот так всегда и бывает. Сперва не знаешь, что снимать, потому что нет ничего достойного, а потом опять же не знаешь, потому что чертовщина прет на тебя изо всех дыр.

Герб был прав. С новостями всегда так: они идут полосою. Волна преступности, волна дорожных происшествий и волна самоубийств. Но тут было что-то не то. Кроме прыгавших с высоты кретинов, было много всякого другого.

Один парень перебил всю семью, а потом направил дуло на себя. Другой зарезал невесту во время медового месяца. А третий окатил себя бензином и чиркнул спичкой.

И всякие такие бессмысленные идиотизмы.

Ни один здравомыслящий репортер не станет возражать против некоторой доли насилия, потому что без это-

го новости – не новости. Но насилие уже перехлестывало через край, и это было немного мерзко и тревожно, вполне достаточно, чтобы замутило даже заработавшегося охотника за новостями, которого подобные вещи трогать не должны.

Но тут пришел рассыльный с газетами, и, скажу без ложной скромности, вся редакция прямо-таки упивалась моим очерком. Да так и должно быть – я тщательно продумал и скомпоновал его, пока наблюдал, как эта птичка скачет по карнизу.

Снимки тоже были хороши. Отличный комплект для торговли вразнос. Я почти явственно видел, как Дж. Р. потирает руки, облизывает губы и похлопывает себя по заднице от удовольствия, что мы сделали такой выпуск.

Наш научный редактор Билли Ларсон небрежной походкой подошел к моему столу и раскинулся на нем. Билли – парень довольно-таки курьезный. Носит большие роговые очки и шевелит ушами, когда возбужден, но зато знает массу всего о науке. Может взять пересушенную, пресную научную статью и всыпать туда столько перца и соли, что даже интересно будет читать.

– У меня идея! – провозгласил Билли.

– У меня тоже, – ответил я. – Я иду к Датчмену и угощаю себя бокалом пива, а то и двумя-тремя.

– Надеюсь, – вмешался Герб, – теперь-то это не связано с доком Аккерманом и его машиной времени.

– Не-а, – ответил Билли, – другое. Машина времени теперь не диковинка, людям надоело про нее читать. Помоему, старый плут раскрыл еще не все карты, да что с того? Машина времени никому не нужна, все ее боятся,

– А что же на этот раз? – спросил я.

– Солнечные пятна.

Я попытался отмахнуться от него – очень уж хотелось пива, я почти чувствовал его на вкус, но если у Билли завелась идея, он впивается в меня, как клещ, и не выпускает, пока не выложит все без остатка,

– Как широко известно, – начал он, – солнечные пятна воздействуют на человека. Много пятен – и начинается веселая жизнь: акции и облигации поднимаются, цены лезут вверх, Но с другой стороны, растет и нервное напряжение. Растет число вспышек насилия, народ приходит в возбуждение.

– Силы зла выходят на свободу, – вставил Герб.

– Вот именно, – согласился Билли. – Русский ученый Чижевский² указал на это лет тридцать назад. По-моему, это он обнаружил, что активность на фронтах первой Мировой войны четко связана с появлением на Солнце больших пятен. А апоплексические удары в 1937-м вызваны самым быстрым взлетом кривой солнечной активности за последние двадцать лет.

Меня это как-то не тронуло, зато Билли охватил азарт. Такой уж он человек – энтузиаст своего дела.

– Народ буквально встает на голову, – восклицал он, а в глазах его пламенел огонек фанатизма, как бывает всякий раз, если Билли почует материал, от которого читатели «Глобуса» затаят дыхание.

– И не просто народ, а народы – нации, культуры, цивилизации. Если устроить экскурс в историю, легко обна-

² Чижевский Александр Леонидович (1897-1964) – биолог, один из основоположников гелиобиологии, – *прим. перевод.*

ружить параллели между циклами солнечной активности и значительными историческими событиями. Возьмем, к примеру, год 1937-й, когда было много апоплексических ударов. В июле этого года цикл активности Солнца взлетел до максимума, а индекс Вольфа³ равнялся 137-ми!

Ученые абсолютно уверены, что периоды возбуждения народных масс объясняются резким изменением нервных и психических характеристик человечества, происходящим во время максимума солнечных пятен, но никто толком не знает причин подобных изменений.

– Ультрафиолетовые лучи, – выговорил я сквозь зевоту, припомнив, как читал что-то эдакое в журнале.

Билли пошевелил ушами и продолжил:

– Очень вероятно, что ультрафиолет играет здесь немалую роль. Сами пятна не являются центрами значительной эмиссии ультрафиолета. Но они могут являться причиной изменений в атмосфере Солнца, что, в свою очередь, влечет увеличение производства ультрафиолета.

Большая часть попадающих на Землю ультрафиолетовых лучей расходуется на преобразование кислорода в озон, но на поверхности колебания его интенсивности могут достигать двадцати процентов.

А ультрафиолет вызывает определенные изменения в человеческих железах, особенно в эндокринной системе.

– Чушь собачья, – равнодушно заметил Герб, но Билли ничто не могло удержать, и он выложил свой козырь:

– Ну тогда скажем, что колебания солнечной активности, связанные с пятнами, влияют на характер психики и

³ Индекс Вольфа – показатель, связывающий число солнечных пятен и количество их групп, введенный швейцарским астрономом Рудольфом Вольфом, – *прим. перевод.*

интеллектуальный облик всех людей Земли. Иными словами, поведение людей определяется циклами солнечной активности.

Сравним, скажем, усредненные показатели Доу-Джонса⁴ с солнечными пятнами, и тогда обнаруживается, что они явно подвержены воздействию Солнца. В 1928-м и 1929-м годах было много пятен. Осенью 1929-го солнечная активность резко снизилась, и рынок лопнул. В 1932-м и 1933-м он скатился на самое дно, и то же самое случилось с пятнами. Уолл Стрит⁵ следует за солнечными пятнами.

– Ну, так давай запустим побольше этих пятен, – с издевкой сказал я, – и наступит всеобщее благоденствие. Мы будем прямо-таки купаться в богатстве.

– Ну да, – сказал Герб, – а проклятые дураки будут скакать с небоскребов.

– А что, если сделать все наоборот, – предложил я, – принять, скажем, закон против солнечных пятен?

– Ну, тогда, – надувшись, как сова, изрек Билли, – у нас будет жесточайшая депрессия.

Я встал и пошел прочь. Я все никак не мог отделаться от мысли о том, что было на тротуаре после прыжка этого парня, и потому безумно хотел пива.

Когда я уже выходил, меня окликнул Джейк, один из наших курьеров:

⁴ Статистический показатель биржевой деятельности, предложенный американским журналистом Чарльзом Генри Доу, издателем хроники биржевых новостей «Уолл Стрит Джорнел», прославившимся точностью и достоверностью сведений, – *прим. перевод.*

⁵ Улица в Нью-Йорке, где расположена фондовая биржа и правления крупнейших банков. Традиционно отождествляется с финансовым капиталом США, – *прим. перевод.*

– Майк, вас хочет видеть Дж. Р..

Мне пришлось вернуться и промаршировать к двери, за которой сидел Дж. Р., потирая руки и выдумывая новые каверзы, которые потрясут публику и заставить ее покупать «Глобус».

– Майк, – сказал Дж. Р., едва я переступил его кабинета, – хочу поздравить тебя. Нынче утром ты сделал замечательную работу. Потрясающий очерк, мой мальчик, просто потрясающий.

– Спасибо, Дж. Р., – сказал я. Старый пройдоха сам не верил тому, что говорит.

– После этого Дж. Р. взял быка за рога:

– Майк, я надеюсь, ты читал эту чепуху насчет доктора Аккермана и его машины времени.

– Ага. Но если вы решили отправить меня к этому старому пожинателю лавров за интервью, то я пас. Я видел, как утром тот парень размазлся по всей Пятой Стрит, я слышал, как Билли Ларсон рассуждает о солнечных пятнах, и теперь с меня, довольно. Так что как-нибудь в другой раз.

И тогда Дж. Р. подложил под меня бомбу.

– «Глобус», – провозгласил он, – приобрел машину времени. Ноги подо мной подкосились.

На моем веку «Глобус» немало почудил, но этот номер был почище всего остального.

– Чего это ради? – спросил я ослабевшим голосом, и Дж. Р. принял вид оскорбленной добродетели, но быстро оправился и через стол склонился ко мне.

– Майк, ты только подумай. Прикинь возможности, которые открывает для газеты машина времени. Другие га-

зеты будут рассказывать, что произошло или что происходит, но чтобы узнать, что *произойдет*, всем придется читать «Глобус».

— Могу предложить девиз: «Читайте преждевременные новости!»

Он не понял, шучу я или всерьез, и немного выждал, прежде чем продолжать:

— Допустим, началось война. Другие газеты могут сообщить, что происходит в текущий момент, но мы можем поступить лучше. Нам по силам сообщить, что будет — кто победит, кто проиграет. Какие будут битвы. Сколько война продлится...

— Но, Дж. Р., этого нельзя делать! — воскликнул я. — Неужели вы не понимаете, какую устроите чертовскую неразбериху. Если одна из сторон будет знать, что потерпит поражение...

— Это относится не только к войнам. Возьмем спорт. Футбол, к примеру. Все прямо сгорают от нетерпения узнать прямо сейчас, кто кого побьет — Миннесота Висконсин, или наоборот. А мы запрыгиваем в машину времени и отправляемся вперед, в следующую субботу. А в день перед матчем публикуем статью с фотографиями и все такое.

Дж. Р. потер руки в предвкушении и довольно мурлыкнул.

— Старик Джонсон из «Стандарт» будет просить у меня милостыню, — злорадствовал он. — Я заставлю его пожалеть о том дне, когда он впервые увидел газету. Я пущу его по ветру. Я отправлю репортеров на день вперед...

— Да на вас обрушатся все спортивные жучки! — крик-

нул я. — Неужто вам неведомо, что каждую субботу на футбольных матчах делаются ставки на миллионы долларов?! Неужто вы не ведаете, что творите?! Вы же выведете из игры все кассы, весь тотализатор. Стадионы закроются. Никто и гроша ломаного не даст за то, чтобы посмотреть игру, о которой можно прочесть заранее. Вы выведете из игры профессиональные бейсбольные и студенческие футбольные команды, боксеров, да и всех остальных. Какой смысл устраивать показательную драку, если публика и так знает, кто победит?!

Но Дж. Р. только ликуяще захохотал и потер руки.

— Ежемесячно первого числа мы будем публиковать котировку акций на будущий месяц, — не унимался он. — Эти газетки пойдут по сотне зелененьких за штуку.

При виде того, как он строит свои планы, у меня засосало под ложечкой. В его руках находились невероятные силы, а он не имел к ним никакого почтения, то ли по слепоте своей, то ли из упрямства.

Эти силы могли отнять у каждого жителя Земли последние крохи счастья. Разве может быть человек счастлив, глядя вперед и видя, как происходит неизбежное и предначертанное?

Эти силы могли повергнуть в хаос весь мир. Эти силы могли вознести или низвергнуть любого человека, вещь или организацию, вставшие на их пути.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— А что, если трюк с машиной не сработает?

— У меня есть надежные гарантии. Пока мы публиковали заявления доктора Аккермана, оценив их по достоинству, другие газеты занимались тем, что чинили над ним

насмешки. Поэтому он предоставил нам исключительное приоритетное право на приобретение и использование своего открытия. Это стоило нам немалых денег, целую кучу денег, но мы сделаем из нее две кучи.

Я пожал плечами:

— Лады, валяйте. Я только не понимаю, какого черта вам понадобился я.

— Потому, — Дж. Р. прямо-таки лучился от восторга, — что ты совершишь первое путешествие в машине времени!

— Что?! — вскрикнул я.

Дж. Р. кивнул:

— Ты и фотограф. Герб Гардинг. Тебя я вызвал первым. Вы отправляетесь завтра утром, для начала лет на пятьсот в будущее. Сделаете там снимки, а когда вернетесь, напишешь очерк, и мы пустим его в субботнем выпуске, на всю первую полосу. Как выглядит город пятьсот лет спустя? Какие произошли изменения? Кто там мэром? Что носят женщины в осеннем сезоне 2450-го?

Он осклабился.

— А еще ты можешь сообщить, что «Стандарт» больше не выходит. А так это или нет, узнаешь. Старик Джонсон прямо-таки лопнет от злости, когда прочтет это в твоём очерке.

Конечно, я мог бы отказаться, но в таком случае он послал бы кого-нибудь еще и заимел бы на меня зуб. Хорошая газетная работа не валялась на дороге даже в 1950-м, несмотря на возврат процветания, с которым не шел ни в какое сравнение высший взлет 1929-го года.

Так что я сказал, что согласен, а через полчаса обнаружил, что возможность стать первым путешественником во

времени почти не вызывает во мне трепета, потому что я не буду самым первым. Док Аккерман несколько лет разъезжал на своей машине – достаточно часто и достаточно далеко, чтобы доказать, что эта штука работает.

Но когда я пытался обдумать эту перспективу, то приходил в полнейшее замешательство. Очень уж все это было чудно. Не сама идея путешествий во времени, в ней-то я не сомневался, потому что Дж. Р., не такой уж дурак, и прежде, чем вложить денежки в эту машину времени, наверняка вытребовал железные позлащенные доказательства, что она сработает, как надо.

Нет, меня беспокоили возможные осложнения. И чем больше я об этом думал, тем больше это меня смущало и тревожило.

Ну, скажем, с помощью машины времени репортер отправляется в будущее и делает репортаж о смерти человека и фотографии с его похорон. Эти фотографии можно взять обратно и опубликовать за много лет до его смерти. А этот человек прочтет газету и будет в точности знать час своей смерти и увидит себя возлежащим в гробу.

Десятилетний мальчишка узнает, что однажды будет избран президентом Соединенных Штатов, просто прочитав «Глобус». А нынешний президент, собираясь остаться на третий срок, может узнать свою политическую карьеру, если только «Глобус» вздумает ее опубликовать.

Кто-то может прочесть, что завтра погибнет в автокатастрофе. А если он будет знать, что вот-вот умрет, то может предпринять какие-то меры против этого. Но можно ли предотвратить собственную смерть? Можно ли изменить свое будущее? Или будущее застыло в жесткой,

неизменной форме? Если, скажем, что-то предназначено в будущем, так ли обязательно этому предназначению исполняться?

И чем больше я об этом думал, тем большей дичью мне все это представлялось, но я не мог запретить себе об этом думать. А чем больше думал, тем сильнее пухла моя голова.

И тогда я взял, да и пошел к Датчмену.

Луи был за стойкой, и когда он протянул мне первый стакан пива, я сказал: — Что за чертовский у нас мир, Луи.

— Чертовски верно, Майк, — ответил тот.

Я выпил море пива, но так и не захмелел. Я был, как огурчик, и это меня огорчало, потому что по моим расчетам, я имел полное право нагрузиться. И все это время моя голова продолжала пухнуть от вопросов и неразрешимых загадок.

Мне следовало попытаться что-нибудь покрепче пива, но если я смешиваю напитки, то потом у меня бывает жуткое похмелье, так что я оставил эту мысль. Луи спросил, что меня мучит, а я сказал нет, ничего, но перед уходом пожал Луи руку и попрощался с ним. Если бы я был пьян, Луи не придал бы этому никакого значения, но тут он был явно удивлен, что я веду себя так, оставаясь трезвым, как стеклышко.

Уже в дверях я встретил входящего в бар Джимми Лангера. Джимми работал в «Стандарте» и был отличным газетчиком, но довольно подлым и способным на низкие выходы. Конечно, мы дружили, и написали вместе массу статей, но всегда пристально приглядывали друг за другом. И никогда нельзя было предсказать, что Джимми предпримет в следующий момент.

– Привет, Джимми, – сказал я.

И тут Джимми повел себя довольно курьезно. Не сказав ни слова, он поглядел на меня в упор и расхохотался мне в лицо.

Это застало меня врасплох, и я не знал, что предпринять, пока он не зашел внутрь, и тогда я просто вышел на улицу. Но на углу остановился и стал раздумывать, не лучше ли мне вернуться и расквасить Джимми нос, очень уж мне не понравилось, как он смеялся.

Машина времени была установлена на самолете, и док Аккерман сказал нам, что было бы глупо путешествовать на уровне земли. Иначе можно пропутешествовать лет на сто вперед, и потом вмазаться прямо в серединку какого-нибудь здания. А то почва могла подняться или опуститься, и тогда машина времени была бы похоронена под землей или подвешена в воздухе. Единственный безопасный способ путешествий во времени, предупредил нас док, это на самолете.

Самолет стоял в поле на городской окраине, неподалеку от лаборатории дока, а рядом с ним нес вахту крупный мордovorот с винтовкой. Самолет охранялся днем и ночью, он был чересчур дорогой вещью, чтобы позволить кому попало шлаться вокруг.

Док объяснял мне работу машины времени.

– Это просто, как падающее бревно, – сказал он.

И действительно: надо только подкрутить указатель вперед на нужное число лет, через которые хочешь перенестись. Потом нажимаешь на ручку запуска иходишь в спираль времени, или как там ее, и остаешься там, пока не достигнешь нужного времени. Тогда в ход запускается ав-

томатика, скорость хода времени замедляется, и ты уже на месте. И чтобы вернуться, надо запустить процесс задом наперед.

Действительно, просто. По выражению дока – просто, как падающее бревно. Но я-то знал, что за этой простотой стоят величайшие научные достижения из всех известных миру – знания, ум, многие годы изнурительного труда и жесточайших огорчений.

– Это будет похоже на полет в ночи, – объяснял мне док. – По времени вы будете путешествовать в одномерной вселенной. Не будет ни тепла, ни воздуха, ни гравитации – абсолютно ничего вне пределов самолета. Но самолет снабжен теплоизоляцией, так что, если замерзнете, просто включите эти обогреватели. Если понадобится воздух, его можно взять из кислородных баллонов. Но в таком коротеньком путешествии, всего на каких-то пятьсот лет, вам не потребуется ни тепло, ни воздух. Всего несколько минут – и вы на месте.

Я опоздал, и Дж. Р. дулся на меня. На Герба он дулся за то, что у того было самое грандиозное похмелье из всех, какие мне приходилось видеть. Но теперь Дж. Р. обо всем забыл и скакал на месте от нетерпения.

– Вот погодите, – ликовал он, – погодите, пока Джонсон увидит падение «Стандарта». Пожалуй, у него будет удар. Это пойдет старому тупоголовому стервятнику на пользу.

Стоявший у дверей самолета охранник беспокойно переминался с ноги на ногу, его явно что-то тревожило.

– Да что это с вами, Бенсон? – прокаркал ему док.

Парень заикаясь, попытался что-то сказать и перелом-

жил винтовку из руки в руку. Он пытался говорить, но слова замирали у него на устах. Но тут Дж. Р. опять начал злорадствовать, и мы забыли об охраннике.

Камеры Герба были уложены, и подготовка закончилась. Дж. Р. ткнул кулаком воздух и пожал руки нам с Гербом. Старый пройдоха едва не плакал.

Док и Дж. Р. вышли из самолета и я проводил их до двери. Перед тем как закрыть и загерметизировать дверь, я бросил еще один, последний взгляд на силуэт города, и увидел, как он великолепен в этой осенней голубизне: высились знакомые башни, а над индустриальным районом на севере висела полоска дыма.

Я помахал башням рукой и сказал:

— Прощайте, великаны. До встречи через пятьсот лет.

В будущем силуэт города выглядел совсем иначе. Я этого ожидал, потому что за пятьсот лет некоторые здания наверняка снесли и возвели на их месте новые. Новые идеи архитекторов и новые строительные принципы за пятьсот лет могли сделать неузнаваемым силуэт любого города.

Но он изменился по-другому.

Когда мы выныривали из спирали времени, я ожидал увидеть под крылом самолета более просторный, более великий и более совершенный город, но внизу было что-то не то.

У города был какой-то пыльный и запущенный вид.

За эти пятьсот лет он разросся, вне всяких сомнений. Рос он во всех направлениях, и был теперь втрое больше, чем тот город, что остался у нас с Гербом за спиной.

Герб подался со своего сиденья вперед,

– Неужто это старый град внизу? – спросил он. – Или это лишь мое похмелье?

– Место то самое, – уверил я его и спросил: – С чего это ты такой хороший?

– Да были мы с ребятами, с Элом и Гарри, в одном местечке. Ну и встретили ребят из «Стандарта», ну, и выпили с ними немного вечером.

Самолетов в небе не было, а я-то думал, что в 2450-м году они должны так и роиться в воздухе, ведь даже в 1950-м, становилось тесновато от них. Потом я заметил, что и на улицах нет никакого движения.

Мы кружили над городом никак не менее получаса, и горькая истина постепенно доходила до нас, хотя признать ее было нелегко.

Город под нами был просто мертв! Нам не удалось отыскать никаких признаков жизни: ни одного автомобиля на улицах, ни единого пешехода на тротуарах.

Мы с Гербом переглянулись, и недоверие было написано на наших лицах трехфутовыми буквами.

– Герб, – сказал я, – недурно бы разнюхать, чего это у них там.

Кадык Герба буквально запрыгал.

– Черт, – протянул он, – а я-то рассчитывал заскочить к Датчмену и чуточку опохмелиться.

На поиски чего-нибудь похожего на посадочную полосу ушел почти целый час, но в конце концов я нашел достаточно безопасную на вид площадку. Она поросла кустарником, но бетонные полосы были еще довольно ровными, хотя кое-где бетон пересекали заросшие травой я кустами трещины.

Я сажал самолет со всей возможной аккуратностью, но мы все равно наткнулись на вздыбившуюся бетонную плиту и едва не разбились.

Этот старик с винтовкой вполне мог явиться со страниц истории раннего освоения Запада, с той только разницей, что пионеры Запада, вероятно, все-таки стриглись.

Он вышел из кустов в миле от аэропорта, неся винтовку на сгибе локтя. Что-то в его облике подсказывало, что с этим человеком шутить не стоит.

– Здравсте, незнакомцы, – сказал он надтреснутым голосом.

– Силы небесные, – сказал Герб, – да это же Дэниел Бун⁶ собственной персоной!

– Вы, птенчики, залетели далековато от гнезда, – сказал старик, и по его голосу было ясно, что он не очень-то нам доверяет.

– Не так уж и далеко, – ответил я. – Мы здесь жили давным-давно.

– Будь я проклят, если узнаю вас, – он сдвинул старую черную фетровую шляпу на затылок и поскреб в голове, – хотя я знаю всех, кто жил в этой округе. Ведь вы не мальчишки Джейка Смита, а?

– Похоже, теперь тут обретается не очень-то много народу, – сказал Герб.

– Правду говоря, не очень, – признался Дэниел Бун. – Старуха как раз говорила мне, что завтра же надо пере-

⁶ Дэниел Бун (1734-1820) – легендарный первопроходец Запада, основатель ряда поселений, в т.ч. названного в его честь Бунсборо; проложил также т.н. Пустынную дорогу Буна, основной путь американских переселенцев на Запад на протяжении более полувека. С именем Буна связано очень много преданий, – *прим. перевод.*

браться поближе к соседям. Ей становится ужасно одиноко. А ближайший народ живет в десяти милях, во-он там.

Он указал на север, где силуэт города вырисовывался, словно далекий горный хребет, поблескивая мраморными валами и кирпичными шпилями.

— Послушайте, — сказал я, — вы хотите сказать, что до ближайших соседей отсюда целых десять миль?!

— Определенно. В паре миль к западу жили Смиты, но этой весной они выехали, отправились на юг. Утверждали, что там охотиться лучше.

Он печально покачал головой.

— Может, оно и верно насчет охоты. Я и сам немало охочусь, да только люблю еще немного покопаться в земле. А целинные земли подымать трудно. У меня в этом году вполне приличный урожай кабачков и морковки. Да и картоха не худо уродилась.

— Но раньше тут жило очень много народу, — настаивал я. — Целые тысячи человек, может, даже миллионы.

— Слышал я об этом, — согласился старик, — но не могу сказать, есть ли в том хоть крупица правды. Должно быть, это было сильно давно. Кто-то ж выстроил все эти дома, хотя чего это ради, даже не представляю.

Вид у комнат редакции «Глобуса» был запущенный, повсюду лежал толстый слой пыли, а тишина стояла чуть ли не такая же ощутимая, как и пыль.

Что-то здесь изменилось, но это по-прежнему была редакция газеты. Чтобы вернуть сюда жизнь, не хватало немого — шума голосов и торопливого бормотания типографских прессов.

Вся мебель была на месте, а вокруг большого редакционного стола кружком стояли стулья.

Пыль от наших шагов вздымалась в воздух целыми облаками, заставляя нас неудержимо чихать.

Я прошел прямо в темный угол комнаты; я был уверен, что найду там то, что нам надо.

Там были старые связки газет, такие старые, что их страницы крошились под пальцами, а бумага так пожелтела от времени, что кое-где текст читался едва-едва.

Я отнес одну из пачек к окну и посмотрел на дату. 14 сентября 2143 года – более 300 лет назад!

Броский заголовок восклицал: «Безработные бунтовщики в Вашингтоне!»

Мы торопливо перелистали страницы. И постепенно первые полосы этих газет, впервые увидевшие свет более трехсот лет назад, составились в рассказ, красноречиво объясняющий молчание города, видневшегося за разбитыми и заколоченными окнами.

«Акции рухнули до самой нижней точки за последние десять лет!» – кричал один заголовок. «Конгресс одобрял проект фонда помощи безработным» – гласил другой, а третий сообщал: «Налогоплательщики отказываются платить». После этого события развивались все быстрее и быстрее: «Объявлен мораторий на выплаты», «Банки на вынужденных каникулах», «Войска против толп голодающих», «Конгресс сдался и разошелся по домам», «На Востоке свирепствует эпидемия», «Президент объявил национальное бедствие», «Британское правительство ушло в отставку», «Во Франции свирепствуют бесчинствующие толпы», «Крах американского правительства».

А на страницах финансовой и деловой хроники, выписанные помельче и поскромнее, были отражены события,

кричавшие с первых полос. Множество историй о закрывшихся предприятиях, о рухнувших корпорациях, сообщения о спаде в торговле, растущей безработице и бездействующих заводах и фабриках.

Триста лет назад цивилизация рухнула под одним лишь давлением собственной надстройки. В пожелтевших стопках газет содержался не весь рассказ, но остальное легко было додумать.

– Весь мир свихнулся, – сказал Герб.

– Ага. Как тот парень, что сиганул.

Все было ясно, как день. Спад в экономике, растущая безработица, жестокое налогообложение, чтобы платить безработным пособие и пытаться вернуть процветание, а владельцы собственности были не в состоянии платить такие налоги. Порочный круг.

Герб рылся во мраке у картотеки. Потом снова вышел на свет, перепачкавшись пылью с головы до ног.

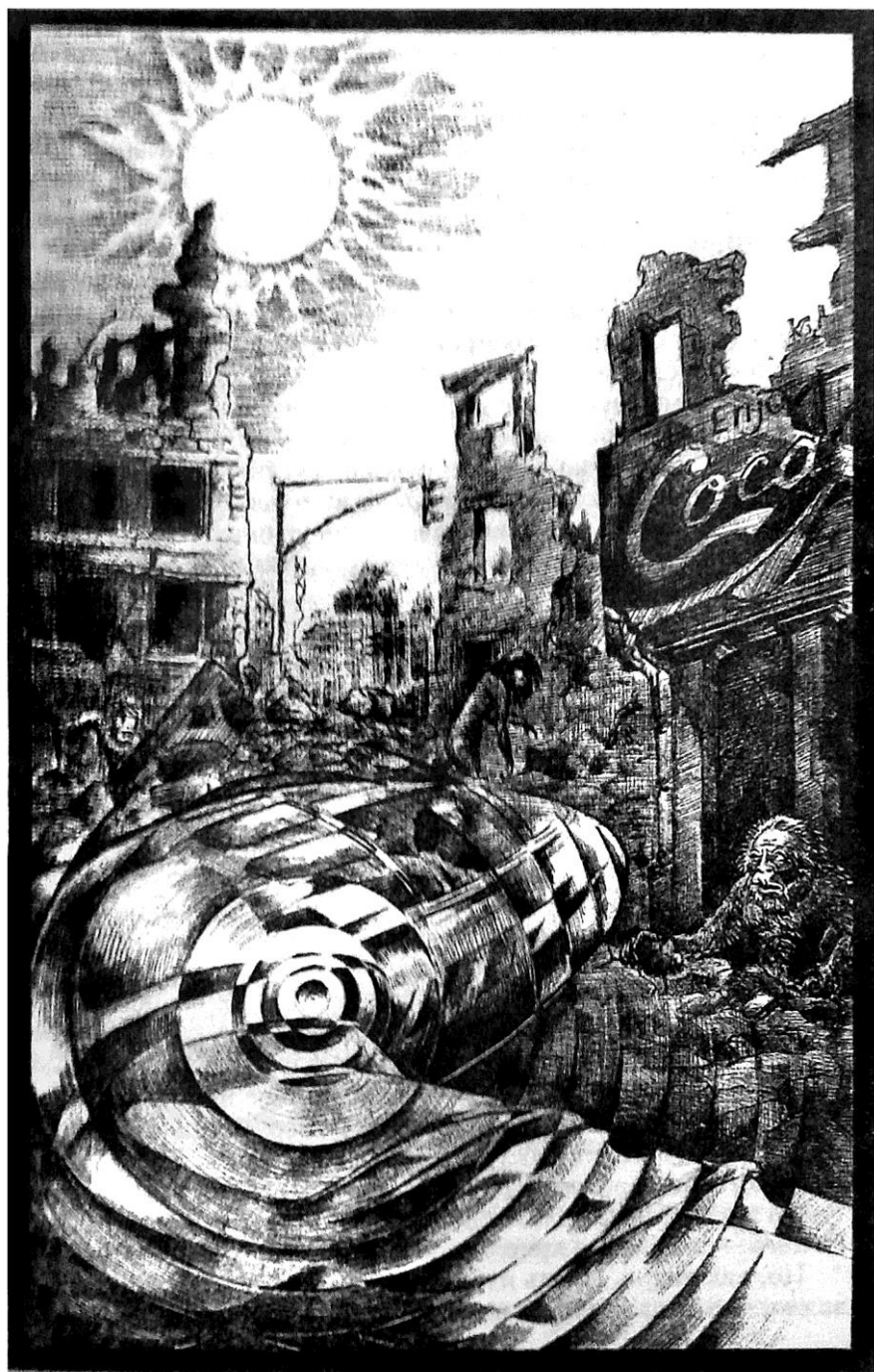
– Там пачки лет за двадцать-тридцать, – сказал он, – и мы взяли самые свежие. Но вот что я нашел позади картотечного ящика. Наверно, она туда упала, и никто не потрудился вытащить,

И протянул мне старую измятую газету, такую хрупкую от возраста, что я испугался, как бы она не рассыпалась в пыль от одного лишь прикосновения.

– За картотекой был всякий хлам, – сказал Герб, – другие газеты тоже. Тоже старые, но эта древней всех.

Я взглянул на дату – 16 апреля 1985 года.

Этой пожелтевшей газете было почти пятьсот лет! Она вышла из типографии всего лишь через тридцать пять лет после нашего с Гербом отправления в будущее!

И все эти годы она лежала позади картотеки. Ящик картотеки большой и тяжелый, а уборщики в газетных редакциях никогда не славились своей аккуратностью.

И что-то меня все время тревожило. Негромкий шепот в глубине моих мозгов, где-то у основания черепа, все твердил и твердил, что надо кое-что вспомнить.

Я отшвырнул старую газету на стол и подошел к окну. Большая часть стекол была разбита, а уцелевшие были покрыты таким слоем грязи, что стали совсем непрозрачными. Сквозь выбитую секцию я выглянул наружу.

За окном лежал город — почти такой, каким я его запомнил. Башня Джексона еще стояла — самое высокое строение там, в 1950-м, но теперь над ней возвышались три или четыре других дома. Шпиль старого собора исчез, и я пожалел об этом — шпиль был довольно-таки симпатичный. Я частенько смотрел на него через это самое окно сквозь туманную морось дождичка ранней весной иди сквозь призрачную кисею первого снегопада. Шпиля не доставало мне, но башня Джексона была на месте, равно как и многие другие узнаваемые здания.

И все они выглядели очень одинокими — одинокими и недоумевающими, словно пес, которого спихнули с кресла, а он-то считал его своим собственным. Окна их пилились на свет пустыми глазницами, не оживляемые ни единым огоньком. А краски домов выцвели и пожухли, стертые прокатившимися над ними годами!

Уж лучше бы города не было, сказал я себе, уж лучше бы бомбежки сравнивали его с лицом земли. Потому что, как это ни ужасно, разрушенный город можно понять и принять. Но невозможно ни понять, ни примириться с городом, который просто брошен умирать в одиночестве.

А люди?!

При мысли о них я почувствовал, как мороз продирает по коже. Неужто все они стали такими, как старик Дэниел Бун? Мы видели как живет его семья, и это отнюдь не привлекательный образ жизни. Эти люди скатились в прошлое, забыли печатное слово, извратили старые истины и историю человечества, превратив их в сумасбродные легенды.

Понять, как это случилось, довольно просто: вытащите из-под цивилизации ее экономические костыли, и уж тогда бед не оберешься. Сперва будет бессмысленный вандализм и еще более бессмысленное разрушение, порожденное пламенем классовой ненависти, а когда после оргии разрушения ненависть угаснет — возникнет ярость, и еще больший вандализм, и снова ненависть, но порожденная яростью.

Но как бы низко человек ни пал, он всегда вновь поднимался на ноги — такова его природа; он всегда был упрямым малым.

Но, как видно, встать на ноги человек не сумел. Та цивилизация, что была известна нам с Гербом, рухнула лет триста назад — но человек до сих пор спокойно жил в тени своего прежнего величия, не испытывая вдохновения при взгляде на блоки обработанного камня, горами вздымающиеся в небеса.

Что-то тут не то. Что-то пошло чертовски наперекосяк.

Кружащаяся в воздухе пыль щекотала мои ноздри, и я вдруг почувствовал, как горит мое пересохшее горло — мне хотелось пива. Если б я только мог по-соседски забежать к Датчмену...

И тут меня словно пыльным мешком накрыли – выплыла та штука, что весь день вертелась на грани моего сознания.

Я вспомнил лицо Билли Ларсона и его шевелящиеся от волнения уши, когда он подскакивал от нетерпения изложить свою байку про солнечные пятна.

– Боже мой, Герб, до меня дошло! – с криком отвернулся я от окна.

Герб скривился – по-моему, он решил, что я свихнулся.

– Теперь я понял, что случилось, – сказал я. – Надо раздобыть телескоп.

– Слушай, Майк, если у тебя...

Но я прервал его восклицанием:

– Это солнечные пятна!

– Пятна?! – выдавил он.

– Наверняка не осталось ни единого.

Моя догадка оказалась верной.

Пятен на солнце не было – теперь оно было огромным огненным шаром без единого темного пятнышка.

На поиски у нас ушло целых два дня, пока среди хлама на месте бывшего ювелирного магазина мы не отыскивали мощный полевой бинокль. Большинство магазинов и складов были очищены до нитки. Похоже, сперва, после падения правительства, грабительские набеги совершали только время от времени, а потом начали грабить уже систематически.

– Герб, в словах Билли что-то есть. Много пятен – и на дворе веселые времена. Пятен нет – и все идет наперекосяк.

– Ага. Билли был довольно сообразителен. Знал свою науку так, что будь спок.

Я отчетливо представил себе Билли таким, каким он был тогда утром – глаза горят, уши шевелятся, а сам он пламенно толкует о пятнах на солнце.

Он говорил, что Уолл-стрит следует за солнечными циклами. Пятен много – и наступает деловой бум, а нет их – все летит к чертям.

Я вспомнил, как спросил его, что будет, если издать закон против солнечных пятен. Сдается, кто-то таки протасил его через парламент,

В это было трудно поверить, но факты налицо. Вот она, история – лежит заплесневелыми кипами в редакции «Глобуса». В этих статьях рассказывается, как мир сошел с ума, когда бизнес сел на мель, о летящих в тартарары правительствах, об ордах голодающих, стирающих с лица земли нацию за нацией.

Я сжал голову руками и застонал. Мне бы теперь бокал пива – Луи так ловко запуская их вдоль стойки – холодненькие, покрытые пышной шапкой пены. Но пива тут уже не стало, не стало целые столетия назад. А все из-за солнечных пятен!

Ультрафиолетовые лучи, эндокринные железы и человеческое проведение – на эти ученые слова никто не обращал особого внимания – но эти штуки сыграли с человечеством весьма скверную шутку,

Герб позади меня хихикнул. Я обернулся, как ошпаренный:

– Чего там еще?!

– Бог ты мой, да этот Уош Таббс попал в прескверную переделку.

– Что это у тебя? – увидев, что он читает газету, спросил я.

– А, это? Это та древняя газета, что мы тут нашли. Ну, напечатанная в 85-м. Надо забрать ее и показать Дж. Р.. Но сейчас я читаю юмор...

Я хмыкнул, но мысли мои все еще вертелись вокруг Солнца. Все это звучало довольно-таки заумно, но другого объяснения все равно не было.

Несправедливо, чтобы жизни всего человечества зависели от удаленного на девяносто три миллиона миль куска материи, но как бы то ни было, от Солнца зависит все живое. Уберите Солнце, и жизни не станет – и правы были дикари, поклонявшиеся ему, как божеству.

Итак, допустим, солнечные пятна вышли из моды – что тогда? В точности то, что описано в этих связках пожелтевших газет: все углубляющаяся депрессия. Коммерческие провалы, с каждым днем все больше безработных, налоги ползут все выше, пока правительство панически пытается оттянуть день окончательного краха.

Услышав сдавленное мычание Герба, я резко обернулся – он уже начинал мне надоедать. Но при виде его лица я почувствовал, что готовые сорваться с моих губ слова застряли в горле: Герб был блее мела, и глаза его остеклели от ужаса.

Он совал мне газету, бормоча нечто бессвязное и невразумительное, трясущимся пальцем тыча в маленькую заметку.

Я схватил лист и прищурился, чтобы разглядеть поблекший текст, потом постепенно разобрал слова, ощущая, как ужас ледяной волной поднимается и во мне:

«СМЕРТЬ ЛАНГЕРА

Джеймс Лангер, осужденный в 1951 году за намеренную порчу машины времени, на которой корреспонденты «Глобуса» Майкл Гамильтон и Герб Гардинг за год до того отправились в будущее, сегодня скончался в тюрьме Роки Пойнт, в возрасте шестидесяти пяти лет.

На суде Лангер показал, что подкупил охранника машины, чтобы тот позволил ему войти в самолет, на котором была установлена машина. Далее он признался, что удалил часть механизма, отвечавшую за перемещение машины назад во времени.

В то время Лангер работал в «Стандарте», газете, прекратившей свое существование несколькими годами позже.

Вызванное этим инцидентом всенародное возмущение привело к принятию Конгрессом закона, запрещающего дальнейшую постройку и эксперименты с машинами времени. Изобретатель машины времени, доктор Амброуз Аккерман, умер от горя через две недели после суда».

Несколько секунд я не мог прийти в себя – просто тупо сидел, глядя в пространство, а мои пальцы помимо воли стискивали газету, перемалывая ее хрупкие пожелтевшие страницы в мелкую труху.

Потом взглянул на Герба и, увидев его перекошенное страхом лицо, вдруг кое-что припомнил.

– Так, – выдавил я, задыхаясь от ярости. – Так. Всего несколько рюмашек в ночь перед стартом. Ты встретил «стандартных» ребят и пропустил несколько рюмашек.

Я вспомнил, как Джимми Лангер расхохотался мне в

лицо, когда я выходил от Датчмена. Вспомнил, как нервничал утром охранник.

– Ты не пропил свои мозги, а? – просипел я.

– Слушай, Майк... – начал было несколько оправившийся Герб.

– Ты надрался, черт тебя дери! – заорал я. – И все, что было на уме, выплеснулось на твой поганый язык! Ты выболтал этой «стандартной» своре все, что знал. А старик Джонсон послал Лангера, чтобы тот сделал это грязное дело!

Ярость прямо-таки переполняла меня.

– Черт тебя возьми, Майк... – опять начал Герб, и уж тогда я ему вмазал. Я дал такого тумака, что он рухнул, как подкошенный, но тут же встал и пошел на меня. Наверно, он тоже был вне себя.

Он врезал мне в челюсть, а я влепил ему в глаз, а потом мы заработали, как молот и наковальня.

Герб в потасовке тоже был не лыком шит, и передохнуть мне не давал. Я бил его что есть сил, но он всегда возвращался за следующей порцией, и несколько раз приложил меня так, что в башке у меня загудело.

Но мне было наплевать – я только хотел задать ему такую трепку, чтоб он помнил до последнего издыхания.

Драку мы прервали только тогда, когда ни один из нас уже был не в состоянии нанести еще хотя бы один удар. Просто лежали на полу, отдуваясь и бросая друг на друга свирепые взгляды. У Герба заплыл один глаз, я недосчитывался пары зубов, а лицо мое словно прошло через мясорубку.

Потом Герб ухмыльнулся:

– Если б я удержался на ногах еще чуть-чуть, – пропыхтел он, – я бы тебя прикончил.

А я ухмыльнулся ему в ответ.

Пожалуй, нам следовало остаться в 2450-м году, там у нас были хоть какие-то шансы. Старый Дэниел Бун знал не очень много, но зато во многих отношениях был цивилизованным человеком. Несомненно, там еще были книги, и можно было бы подыскать много полезных вещей.

Мы могли бы организовать штаб по возрождению цивилизации, хотя тут расклад был не в нашу пользу. С этими солнечными пятнами дело доходит буквально до смеха: как только они перестали мельтешить по поверхности Солнца, то вроде как человечество лишилось чего-то важного – духа прежнего, нестигаемого человека, который пробивал свою дорогу сквозь столетия, стиснув кулаки и не отступая ни перед какими силами ада.

Но мы решили, что человек еще может вернуться. Мы были совершенно убеждены в том, что где-нибудь в будущем отыщем расу, которая начата повторное восхождение.

И отправились по времени вперед. Хотя назад двигаться мы не могли, но уж идти вперед нам никто помешать не мог.

Мы проскочили пятьсот лет и не нашли ничего, ни следа потомков Дэниела Буна. Может, они бросили разведение кабачков и перебрались и те места, где охота получше. Город еще стоял, но камни уже начали крошиться, и некоторые строения рухнули.

Мы перебрались еще на пять сотен лет вперед, и в этот раз из руин на нас набросилась орда дикарей, немногим

более развитых, чем племена, бродившие по Европе в начале каменного века. Они вопили и размахивали своими дубинами и копьями, пока мы не разгромили их наголову.

Через две тысячи лет племя исчезло, а на его месте мы заметили какие-то фигуры, крадущиеся, пригнувшись, среди груд камня на том месте, где некогда был город. Твари эти весьма напоминали людей,

А дальше мы не нашли вообще ничего. То есть, ничего, кроме скелета, напоминавшего человеческий.

И тут-то мы, наконец, остановились. Двигаться дальше смысла не было, да и горючее в баке самолета подходило к концу.

На месте города высились землистые груды, уже захваченные карабкающимися ввысь деревьями. С шорохом появлялись и вновь исчезали какие-то странные животные. Герб сказал, что это мутанты – он читал о мутациях в какой-то книжке.

К западу простираются бескрайние степи волнующихся под ветром трав, а холмы за рекой поросли густыми могучими лесами.

Но Человек исчез. Он возник, немного пожил на Земле, а теперь вновь ушел в небытие.

Там, в 1950-м, человек думал, что все зависит от него, но все это оказалось не столь уж и серьезно – солнечные пятна отправили его на свалку. Может, именно благодаря им человек и сумел в свое время встать на задние ноги и начать править бал. Билли говорил, что солнечные пятна могут выкидывать курьезные фокусы.

Но теперь все это не имеет ровным счетом никакого значения. Человек стал очередным реликтом.

Делать нам тут почти нечего. Просто сидим и раздумываем: о Дж. Р., потирающем руки; о Билли Ларсоне, шевелящем ушами – и о том, как Джимми Лангер расхохотался в ту ночь перед дверями Датчмена.

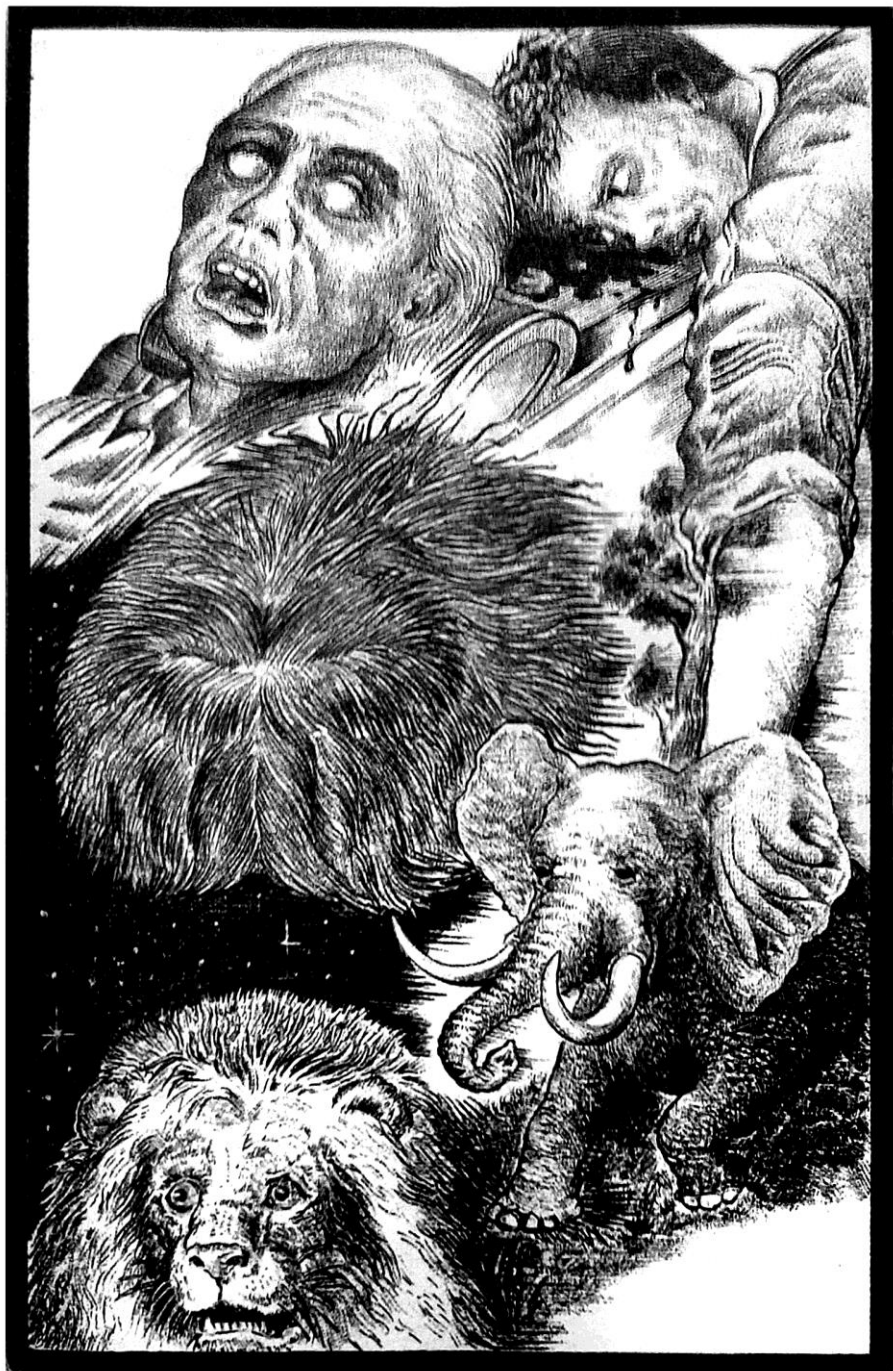
И теперь я готов был бы продать душу дьяволу, лишь бы войти туда вновь и сказать:

– Что за чертов мир, Луи!

И услышать его ответ:

– Чертовски верно, Майк!

БЕЗУМИЕ С МАРСА

«Привет, Марс – IV», первый космический корабль, сумевший добраться до Марса и вернуться назад, направлялся домой из глубин космоса. Телескопы лунной обсерватории в кратере Коперника засекли его и послали на Землю весть о местонахождении корабля, а через несколько часов и земные телескопы обнаружили во мраке пространства крохотную сияющую пылинку.

За два года до этого те же телескопы наблюдали его удаление, пока очертания серебристого корпуса не растаяли в пустоте. И с тех пор вестей от корабля не было. Но вот, наконец, лунные телескопы уловили эту мимолетную искорку и сообщили на Землю о ее возвращении домой.

Поддерживать с Земли связь с кораблем было невозможно. Мощные ультракоротковолновые станции на Луне могли посылать сообщения через разделяющие Луну и Землю четверть миллиона миль, но найти средство связи на расстоянии в пятьдесят миллионов миль людям пока, не удавалось. Так что «Привет, Марс – IV» устремился в пространство в молчании, а людям на Земле оставалось только ждать и гадать, какая же участь его ждет.

И вот Марс снова сблизился с Землей, и корабль возвращался – крохотный стальной комарик, продвигающий себя в пространстве вспышками сгорающего ракетного топлива. Он направлялся к Земле из молчаливой и таинственной области, и мили космических дорог пролетали под копытами стального скакуна. Он был победителем, и рыжая марсианская пыль все еще покрывала его корпус, но он же был лишь светлой пылинкой в объективах телескопов.

На борту корабля находилось шестеро отважных людей: Томас Дельвани, руководитель экспедиции; Джерри Купер, рыжеголовый пилот; Энди Смит, всемирно известный кинооператор; и двое космических рабочих, Джимми Ватсон и Элмер Пэйн – суровые ветераны трассы Земля-Луна.

Но было и три других корабля «Привет, Марс» – три предшественника, так и не вернувшиеся к Земле – три других полета, прерванных ударами метеоритов в миллионах миль от Луны. Второй корабль кратко сверкнул алой вспышкой на виду у сидящих за телескопами наблюдателей: взорвались топливные баки. Третий просто пропал – он мчался вперед и вперед, пока не исчез из виду; случилось это шесть лет назад, но люди до сих пор гадали, что же могло произойти.

А еще через четыре года – два года назад – взлетел «Привет, Марс – IV». И сегодня он возвращался – блестящая точка в космических просторах, сверкающий символ победы человека над иными планетами. Он достиг Марса, и теперь возвращался. Отныне по его следам пойдут другие, множество других кораблей. Некоторые вспыхнут в черноте космоса и исчезнут навеки, но остальные пойдут дальше, и человек, вслепую нащупывая путь вперед, всегда вперед, разрывая свои земные узы, ступит, наконец, на дорогу к звездам.

Джек Вудс, репортер «Экспресса», зажег сигарету и спросил:

– Как вы думаете, док, что они там раскопали?

Доктор Стефен Гилмер, директор Исследовательской Комиссии по Межпланетным Перелетам, затянулся своей

черной сигарой, выдохнул целое облако дыма и раздраженно ответил вопросом на вопрос:

– Откуда мне знать, к чертям собачьим? Надеюсь, нашли что-нибудь. Эта поездочка обошлась нам в миллион зелененьких.

– Ну, может, у вас есть какие-нибудь предположения на этот счет? – настаивал Вудс. – Какие-нибудь мысли о том, как выглядит Марс – ну, хоть какие-нибудь новые идеи.

Доктор Гилмер злобно прикусил сигару:

– А вы размажете это по всей первой полосе. Все хотите извлечь что-нибудь из моей черепушки, потому что вашему брату не хватает терпения дожидаться правдивых данных. Нет и нет, черт возьми. Ваш брат репортер порой у меня в самых печенках сидит.

– Ах, док, ну дайте же нам хоть что-нибудь, – умоляюще воскликнул Гэри Хендерсон, представитель газеты «Стар».

– Конечно, – сказал Дон Бакли, «Космические пути», – вы же ничего не теряете. Вы всегда можете сказать, что мы все переврали – это уж не впервые.

Гилмер махнул рукой в сторону официального комитета по встрече, топтавшегося неподалеку.

– Ребята, – предложил он, – а попросите-ка мэра, пусть скажи пару слов. Мэр всегда готов что-нибудь сказать.

– Конечно, – сказал Гэри, – но от этого дело с мертвой точки не сдвинется. За последнее время лицо мэра заполонило всю первую полосу; он даже решил, что газета принадлежит ему.

– Как вы думаете, почему они нам не радировали? –

спросил Вудс. — Они уже несколько часов летят в зоне приема.

Гилмер перекатил сигару из одного угла рта в другой и предположил;

— Может, они сломали радио.

Но на лице его были написаны следы беспокойства; его тоже волновало странное молчание корабля. Если радио сломалось, его можно починить.

Шесть часов назад «Привет, Марс — IV» вошел в атмосферу и до сих пор кружил вокруг Земли в отчаянной попытке погасить скорость. Весть о том, что корабль приближается к Земле, повлекла людей к космодрому. Толпа все разрасталась, шоссе и улицы были битком забиты на целые мили вокруг.

Взмокшие полицейские кордоны вели неустанную борьбу с осаждающими поле толпами. Жара стояла невероятная, и киоски по продаже безалкогольных напитков срывали огромные барыши. Женщины в толпе теряли сознание, а нескольких мужчин опрокинули и затоптали. Выли сирены «Скорой помощи».

— Уф-ф-ф, — буркнул Вудс, — мы умеем отправлять космические корабли на Марс, но не в состоянии справиться с толпой.

Он выжидающе смотрел в голубую чашу небес:

— Должны появиться с минуты на минуту.

Его слова потонули в нарастающем реве ракетных двигателей и громоподобном грохоте несущегося из-за горизонта корабля,

Рев толпы мог бы поспорить с ревом ракетных двигателей. Корабль серебряной полоской промчался над полем

и в отдалении вдруг озарился алыми сполохами: заработали носовые двигатели,

– Купер выжимает из него все возможное, – благоговейно сказал Вудс, – Если он будет так гонять двигатели, то расплавит корабль напрочь.

Вудс смотрел на запад, кораблю вслед, и совершенно забыл о своей сигарете. Она догорела и обожгла ему пальцы.

Краем глаза он заметил Джимми Эндрюса, фотографа из «Экспресса».

– Ты сделал фото?! – заорал Вудс.

– Какое фото?! – прокричал тот в ответ. – Не могу же я снять молнию!

Корабль появился снова, уже медленнее, но все еще со страшной скоростью, на мгновение завис над горизонтом, а потом помчался к космодрому.

– Он не сможет сесть на такой скорости! – завопил Вудс. – Он же разобьется к чертям!

– Смотри! – заревела дюжина голосов, а корабль был уже внизу – нос его вспарывал землю, оставляя позади дымящуюся сырую борозду, хвост угрожающе возносился высоко в воздух, словно ракета вот-вот опрокинется.

Толпа в дальнем конце поля распалась, превратившись в обезумевшее стадо спотыкающихся, царапающихся, толкающихся и пропихивающихся людей, внезапно охваченных паникой при виде вспахивающего землю, ползущего в их сторону корабля,

Но «Привет, Марс – IV» остановился почти у самого полицейского кордона и все-таки не опрокинулся. Израненный, истерзанный корабль, наконец-то возвративший-

ся из космоса домой, первый корабль, сумевший достичь Марса и вернуться.

Газетчики и фотографы лавиной ринулись вперед, толпа завопила, воздух прорезали автомобильные гудки и сирены. С городских окраин донеслись свистки и отдаленный колокольный звон.

Вудс бежал, а в его сознании, на самой грани восприятия, билась тревожная мысль: что-то тут не то. Если бы у штурвала был Джерри Купер, он нипочем не посадил бы корабль на такой скорости. Такое приземление под стать только умалишенному – а Джерри был мастером пилотажа и не любил испытывать судьбу. Джек видел его пилотаж во время лунного дерби⁷ лет пять назад, и Джерри управлялся с кораблем так, что любо-дорого посмотреть.

Люк рубки управления корабля медленно откинулся, с лязгом ударившись о металл обшивки, и оттуда выбрался человек. Сделал неверный шаг вперед, споткнулся и рухнул.

Доктор Гилмер бросился вперед и поднял его с земли.

Голова упавшего безвольно моталась из стороны в сторону, и пока Гилмер подымал его, Вудс успел бросить взгляд на лицо этого человека. Это было лицо Джерри Купера, но искаженное и изменившееся до неузнаваемости, и это лицо отпечаталось в мозгу у Джека Вудса, вытравив неизгладимый след, и даже спустя многие годы это воспоминание заставляло Джека содрогнуться: изможденное лицо с глубоко запавшими глазами, щеки ввалились, слюнявые губы лепечут бессвязные звуки, не произнося ни единого осмысленного слова.

⁷ Соревнования на главный приз года (по имени лорда Дерби, впервые организовавшего подобные скачки) – *прим. перевод.*

Чья-то рука оттолкнула Вудса.

– Прочь с дороги! – пронзительно крикнул Эндрюс. – Я не могу снимать!

Джек услышал негромкое жужжание камеры и клацанье, когда фотограф менял пластинки.

– Где остальные? – закричал Куперу Гилмер.

Тот взглянул на него пустым взглядом и лицо его исказилось гримасой боли и страха.

– Где остальные? – снова закричал Гилмер, и его голос далеко разнесся над внезапно притихшей толпой.

Пилот дернул головой в сторону корабля.

– Там, – прошептал он, и было в этом шепоте что-то пугающее.

Он забормотал невразумительные слова, не означающие ровным счетом ничего. Затем с мучительным усилием выдавил из себя:

– Мертвые.

И добавил в наступившей вслед за этим тишине:

– Все мертвые.

Остальных нашли в жилом отсеке позади запертой рубки управления. Все четверо были мертвы уже много дней.

Череп Энди Смита был разбит могучим ударом. Джимми Ватсон был удушен, и на горле до сих пор виднелись синяки от сжимавших его пальцев. Тело Элмера Пэйна громоздилось в углу, и хотя на нем не было следов насилия, лицо его было искажено отвратительным выражением, превратившись в маску боли, страха и страдания. Тело Томаса Дельвани вытянулось у стола: горло его было перерезано старомодной опасной бритвой. Сама бритва,

ржавая от почерневшей крови, была смертельной хваткой зажата в правом кулаке покойника.

В углу каюты стоял большой деревянный упаковочный ящик. На гладких белых досках ящика кто-то трясущейся рукой написал черным карандашом единственное слово: «Животное». Очевидно, пытались написать и еще что-то: под этим единственным словом виднелись странные нечеткие знаки, выписанные тем же карандашом. Сплошные каракули, не означавшие ровным счетом ничего. Каракули расползались и прерывались без всякого смысла и толка.

В ту же ночь Джерри Кулер скончался в припадке буйного помешательства.

Банкет, назначенный отцами города в честь прибытия героев-завоевателей, пришлось отменить: чествовать было уже некого.

А что же было в упаковочном ящике?

– Насколько я могу судить, – сообщил доктор Гилмер, – это живое существо, и вроде бы действительно живое, хотя трудно сказать наверняка. Если поставить его рядом с улиткой, она покажется просто-таки молниеносной.

Джек Вудс посмотрел сквозь толстую стеклянную стенку камеры. В камере находилось обнаруженное доктором Гилмером существо из упаковочного ящика.

Существо напоминало меховой шар.

– Оно свернулось клубком и спит, – сказал Вудс.

– Да уж, свернулось! – возразил Гилмер. – Просто эта тварь такой формы. Она сферическая и вся покрыта мехом. Если вам нужно определение, то Меховой Помпон звучало бы подходяще. В такой шубе вам будет легко и уютно даже самой лютой зимой на Северном полюсе. Как вы помните, на Марсе чертовски холодно.

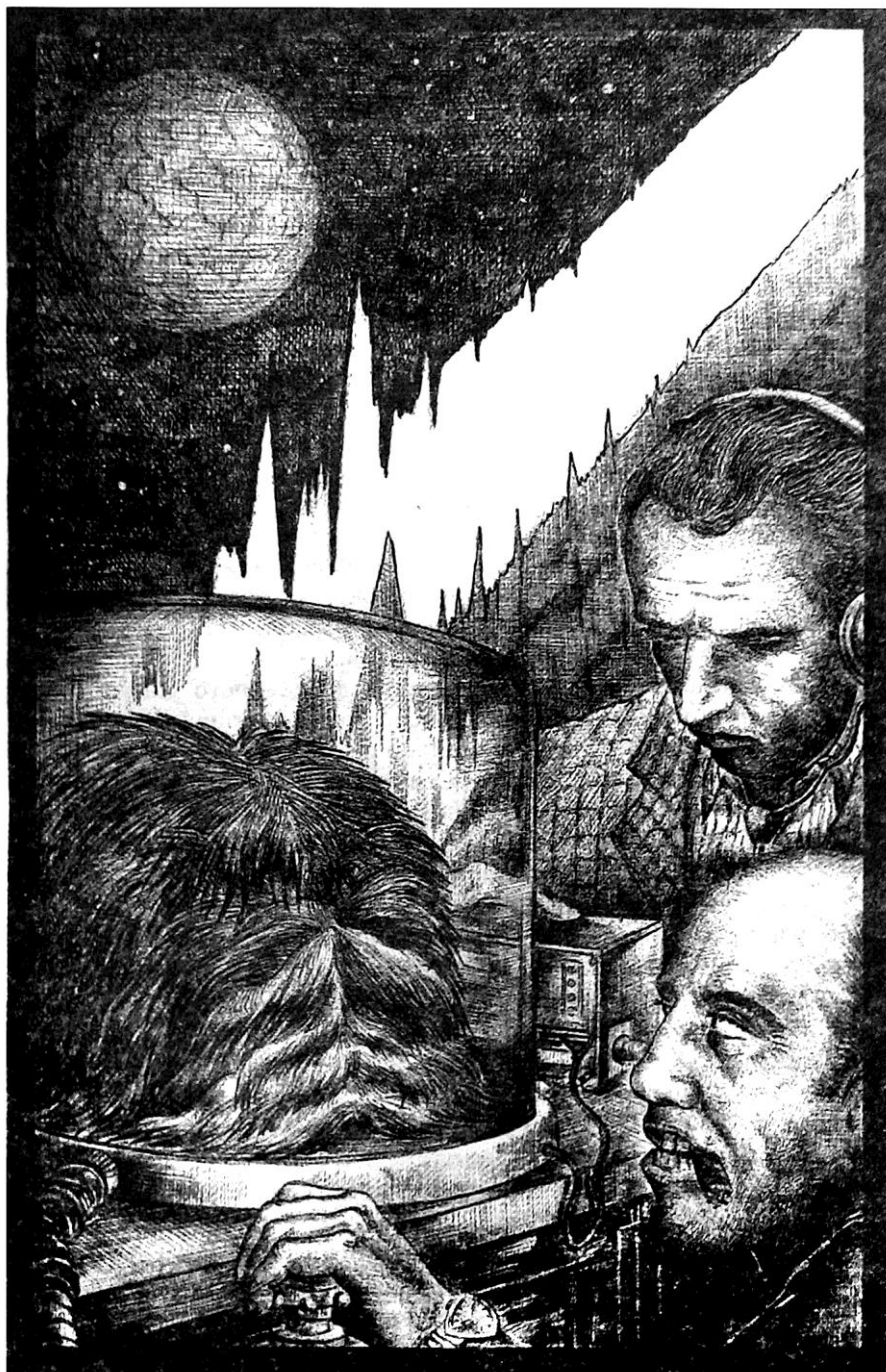
– Быть может, мы организуем на Марсе меховой промысел? – предложил Вудс. – Будем отправлять на Землю большие караваны марсианских мехов и торговать ими по баснословным ценам.

– Если до этого дойдет, то их перебьют в один момент, – заметил Гилмер. – Хотя эта детка и способна двигаться, но не быстрее фута в день. Кислорода на Марсе чрезвычайно мало, энергию раздобыть крайне трудно, и этот парнишка не может бездарно тратить их на то, чтобы просто валандаться по округе. Он только и знает, что сидит на месте да отмахивается от всего, что может отвлечь его от нелегкого труда элементарного выживания.

– Что-то я не вижу ни глаз, ни ушей – вообще ничего такого, что обычно бывает у животных, – заметил Вудс, напряженно вглядываясь сквозь стекло.

– Вероятно, он способен воспринимать нечто такое, что нам и в голову не взбредет, – сообщил Гилмер. – Как вы понимаете, Джек, он является порождением совершенно иной среды обитания. Полагаю, у них там совершенно иной стиль жизни, чем у нас, на Земле. Нет совершенно никакого повода думать, что на столь отдаленных мирах, как Земля и Марс, эволюция должна идти параллельными курсами.

– Как ни мало мы знаем о Марсе, – он покатал сигару губами, – наши сведения дают нам основания для предположения, что на Марсе должны обитать именно такие животные. На Марсе чересчур мало воды, а по земным меркам, так и вовсе нет. Это безводный мир. Кислород там есть, но атмосфера так разрежена, что на Земле ее называли бы вакуумом. Марсианским тварям приходится обходиться минимальными количествами воды и кислорода.

А когда мы заполучили Помпон, мы, разумеется, захотели его сохранить в живых. Сферическая форма дает ему минимальное отношение поверхности тела к объему и позволяет экономить воду и кислород. Наверно, внутри него почти сплошные легкие. мех защищает его от холода – на Марсе порой бывает чертовски холодно, достаточно для того, чтобы по ночам углекислый газ вымораживался из воздуха. С его-то помощью они и упаковали Помпон на корабле.

– Только без шуток, – сказал Вудс.

– Какие уж тут шутки. Внутри деревянного ящика был стальной контейнер, а в контейнере этот парнишка. Они откачали оттуда большую часть воздуха и создали частичный вакуум; а контейнер обложили сухим льдом – замороженным углекислым газом. Снаружи, между контейнером и ящиком, была бумага и войлок, чтобы замедлить испарение льда. Наверно, во время обратной дороги им пришлось несколько раз обновлять упаковку и менять воздух.

Очевидно, последние несколько дней перед прибытием им было не до Помпона – концентрация кислорода значительно снизилась, а лед почти весь испарился. По-моему, Помпону пришлось довольно туго, даже тошно – слишком много углекислого газа и невероятно жарко.

– Ну, теперь-то вы все устроили. – Вудс указал на стеклянную камеру. – Кондиционер и все такое.

Гилмер хмыкнул;

– Ему это должно напоминать родной дом. Воздух внутри сильно разрежен и много озона. Не знаю, нужно ли ему это, но изрядная часть кислорода на Марсе должна

существовать в состоянии озона, тамошние условия весьма способствуют его образованию. Температура минус двадцать по Цельсию. Цифру мне пришлось взять с потолка, ведь нам неоткуда узнать, из какой области Марса взято это животное, а температура зависит от места.

Он перекинул сигару в другой угол рта и резюмировал?

— Маленький персональный Марс.

— На корабле не нашли никаких записей? Хотя чего-то об этом животном?

Гилмер покачал головой и яростно закусил сигару:

— Мы нашли бортовой журнал, но его кто-то намеренно уничтожил, окунул в кислоту, так что оттуда уже ничего не выудишь.

Репортер уселся на стол и бездумно забарабанил пальцами.

— Ну черт возьми, для чего только это им понадобилось?

— Черт возьми, для чего им понадобилось делать многое другое? — буркнул Гилмер. — Зачем кто-то, — вероятно Дельвани, — убил Пэйна и Ватсона? Зачем после этого Дельвани убил себя? Что случилось со Смитом? Почему безумный Купер перед смертью кричал и вопил так, будто его режут? Кто нацарапал на ящике это единственное слово и попытался писать дальше, но не сумел? Что ему помешало?

Вудс кивнул в сторону стеклянной камеры.

— По-моему, тут причастен наш маленький друг.

— Это полнейший нонсенс, — оборвал его Гилмер. — Какая, к чертям собачьим, причастность? Это всего лишь

животное, да к тому ж на довольно низкой стадии интеллектуального развития. Дела на Марсе таковы, что он чересчур занят простым выживанием и не успел отрастить себе побольше мозгов. Я, конечно, еще не успел это проверить. На следующей неделе здесь будут доктор Винтерс из Вашингтона и доктор Латроп из Лондона, тогда-то мы и попытаемся в чем-нибудь разобраться.

Вудс подошел к окну лаборатории и выглянул на улицу.

Здание стояло на вершине холма, а снизу его окружали, придавая сходство с парком, зеленые лужайки, загоны, окруженные рвами вольеры среди скал и обезьяньи островки. Все вместе это называлось «Метрополитен-зоопарк».

Гилмер шумно и нетерпеливо затыкнулся.

— Это доказывает, что на Марсе есть жизнь, — продолжил он свои возражения. — А больше это ни черта не доказывает.

— Ну, проявите же хоть немного воображения, — пожурил его Вудс.

— Если бы я проявлял воображение, — фыркнул тот, — я был бы непригоден ни к какой работе, кроме репортерской.

А около полудня, в зоопарке, главный смотритель львиной вольеры Пол Андерсон горестно потрянул головой и поскреб подбородок.

— Чего-то котята жутко волнуются, — сообщил он. — Будто чего-то их мучает. Они вообще едва поспали, все шлялись и шлялись.

Эдди Риггс, репортер «Экспресса», сочувственно хмыкнул и предположил:

– Может, им не хватает каких-то витаминов, Пол?

– Не-а, эт не то, – не согласился тот. – Они жрут то же, что и всегда – кучу сырого мяса. Но они беспокоятся, словно чего-то не по-ихнему. Кошки твари ленивые, и дрыхнут полдня, а потом все время дремлют. А теперь совсем не то. Вовсе чудные стали, дерутся друг с дружкой. Вчерашнего дня пришлось мне хорошенько наподдать Нерону, когда тот хотел побить Перси. А тогда он перекинулся на меня – на меня, который морочился с ним, когда он еще на ногах не стоял.

Нерон подошел к наполненному водой рву и угрожающе зарычал.

– Он еще держит на меня зуб, – сказал Пол. – Если не уймется, я ему покажу, где раки зимуют. Нет такого льва, чтоб со мной шутки шутить.

Он озабоченно посмотрел на львиную площадку:

– Я сильно надеюсь, что они успокоятся. Нынче суббота, и после обеда будет большая толпа народу. А с этого они всегда психуют, с толпы то есть, а если они будут в таком настроении, то тут их не удержать.

– А что еще слышно? – спросил Риггс.

Пол поскреб подбородок.

– Сьюзен утром сдохла, – сообщил он.

Сьюзен была жирафой.

– Я не знал, что Сьюзен больна.

– Да она и не болела. Просто откинула копыта, и все.

Риггс обернулся к львиной площадке. Нерон, крупный зверь с черной гривой, балансировал на краю заполненного водой рва, словно собирался нырнуть. Перси затеял отнюдь не доброжелательную потасовку с другим львом.

– Похоже, будто Нерон собирается перебраться сюда, к вам, – сообщил репортер.

– Пусть только попробует, – фыркнул Пол. – Ничего не выйдет – ни он, ни другие какие львы на это не способны. Ну, это самое, кошки боятся воды хуже чумы.

Толстокожие в удаленном на милю слоновнике внезапно злобно затрубили, затем донесся вопль слоновьей ярости.

– Похоже, это самое, слоны тоже зашевелились, – спокойно заметил Пол.

На огибающей клетки кошачьих дорожке послышался чей-то тяжелый топот, и мимо пронесся человек без шляпы, с выражением дикого ужаса в глазах, крикнув на бегу:

– Слон сошел с ума! Бежит сюда!

Нерон заревел. Пума взвизгнула.

Из-за кустов вихляющимся аллюром выбежала серая громадина. Несмотря на свои вихляния, слон быстро выскочил на ровный парковый газон и направился к клеткам кошачьих. Хобот зверя был высоко поднят, он яростно трубил на бегу, болтая ушами.

Риггс развернулся и отчаянно помчался к административному зданию, позади него пыхтел Пол.

Воздух зазвенел от пронзительного визга разбегающихся в поисках укрытия ранних посетителей зоопарка.

Общую сумятицу усиливал рев животных.

Слон поменял направление и, сметая по пути ограду, деревья и кусты, понесся сквозь двухакровый вольер, в котором содержались три пары волков.

Взбежав на ступеньки административного здания, Риггс оглянулся.

Нерон, лев, *был в воде* – хотя теоретически вода должна была удержать его в загоне так же надежно, как стальные прутья!

К Риггсу бросился вооруженный винтовкой смотритель.

– Все силы ада вырвались на свободу! – кричал он.

Белые медведи затеяли кровавый бой; двое уже погибли, еще двое подышали, а остальные были так истерзаны, что надежды на их спасение почти не было. Два оленя-самца скрестили рога в схватке не на жизнь, а на смерть. На Обезьяньем острове царил невероятный гвалт, половина этих мелких тварей таинственно погибла. Смотрители говорили, что обезьяны погибли от чрезмерного возбуждения и нервного перенапряжения.

– Ненатурально все это, – запротестовал Пол, когда они вбежали внутрь, – не дерутся звери так.

Риггс уже кричал в телефонную трубку.

Снаружи грохнул выстрел.

Пол вздрогнул и простонал;

– Наверно, это Нерон. Нерон, которого я vyhаживал сизмальства. Из бутылочки кормил, да.

На щеках старика заблестели слезы.

Это действительно был Нерон. Но перед смертью лев успел броситься на человека с винтовкой и убить его, одним могучим ударом сокрушив ему череп.

В тот же день доктор Гилмер в своем кабинете разглаживал на столе раскрытую газету.

– Вы это видели? – обратился он к Джеку Вудсу.

Репортер угрюмо кивнул:

– Видел. Я это писал. Я работал над этим весь вечер. Дикие звери разбежались по всему городу. Бешеные звери, обезумевшие от желания убивать. Госпитали забиты умирающими, морги – изодранными телами. Я видел, как слон втоптал человека в землю, перед тем, как полиция успела подстрелить зверя. Весь зверинец обезумел, как в кошмаре джунглей.

Он утер лоб рукавом пиджака и трясущимися руками зажег сигарету.

– Я могу вынести почти все, но это было выше моих сил. Док, это было жутко. Да и зверей мне тоже жаль. Бедные твари, они просто сами не свои. Жаль, что пришлось устроить такую бойню.

Доктор перегнулся через стол:

– И почему же вы явились именно сюда?

Вудс кивнул в сторону стеклянной камеры, в которой было марсианское животное:

– У меня есть мысль. Сегодняшний разгром напомнил мне кое-что другое...

Он сделал паузу и открыто взглянул на Гилмера:

– Это напомнило мне то, что мы обнаружили в «Привет Марс – IV».

– Почему? – резко бросил Гилмер.

– Люди на борту корабля были сумасшедшими, – пояснил Вудс. – Подобное могли совершить только сумасшедшие. И Купер скончался в маниакальном бреде. Ума не приложу, как ему удалось сохранить здравый рассудок достаточно долго, чтобы посадить корабль.

Гилмер вытащил исковерканную сигару изо рта и сосредоточенно принялся очищать обугленный конец. Затем сунул ее обратно в угол рта.

– Итак, вы решили, что животные сегодня сошли с ума?

Вудс кивнул и добавил:

– К тому же без всякого повода.

– И тогда вы насторожились и заподозрили марсианское животное. Но как, к чертям собачьим, мог маленький беззащитный Помпон заставить людей и зверей сойти с ума?

– Слушайте, док, не надо. Вы напали на какой-то след. Вы отменили сегодняшнюю партию в покер и остались в лаборатории, вы затребовали два баллона угарного газа, вы заперлись здесь на весь день, вы одолжили у Эйплмана из акустической лаборатории какое-то оборудование. Все одно к одному, лучше признавайтесь во всем.

– Черт вас побери, вы все узнаете, даже если я не пророню ни слова.

Гилмер уселся, закинул ноги на стол, выбросил изломанную, помятую сигару в корзинку для бумаг, взял из коробки новую, немного пожевал ее и зажег.

– Сегодня вечером, – сказал он, – я хочу произвести казнь. Мне это ужасно неприятно, но, по-моему, это будет актом милосердия.

– Вы хотите сказать, – выдохнул Джек, – что хотите убить Помпона?

Гилмер кивнул:

– Для этого-то и нужен угарный газ. Я хочу ввести его в камеру. Он даже не узнает, что случилось – просто почувствует сонливость, уснет и не проснется. Вполне гуманный способ убийства.

– Но почему?

– Вот послушайте. Вы ведь слышали об ультразвуке, не так ли?

– Это звук, чересчур высокий для человеческого слуха, используется для множества целей – для подводной связи и локации, для контроля высокооборотных станков, для выявления дефектов структуры.

– Люди немало поработали с ультразвуком, – сказал Гилмер, – заставили его вытворять самые разные фокусы, создали ультразвук частотой до двадцати миллионов герц. Частоты в один миллион герц уничтожают микробов. Некоторые насекомые общаются между собой в диапазоне 32000 герц. Человеческий слух заканчивается где-то в районе двадцати тысяч. Но вообще-то человек еще почти ничего не знает об ультразвуке. Потому что маленький Помпон изъясняется ультразвуком частотой около *тридцати миллионов герц*.

Сигара пропутешествовала слева направо.

– Высокочастотный звук можно направлять узким лучом, отражать, как свет, управлять им. Большинство наших инструментов имеют дело с жидкостью, и мы знаем, что для распространения ультразвука нужны плотные среды. Направьте высокочастотный звук в воздух, и он быстро затухнет и рассеется, Это верно для частот до двадцати миллионов герц, а выше мы еще не забирались.

Но, по-видимому, звук частотой в тридцать миллионов герц может распространяться и в воздухе, и даже в более разреженных средах. Я понятия не имею, из-за чего возникает это различие, но какое-нибудь объяснение обязательно существует. Для акустической связи на Марсе, где атмосфера разрежена почти до вакуума, нужно что-то подобное.

– И Помпон пользуется звуками в тридцать миллионов герц, – сказал Джек. – Это ясно. А какая же тут связь?

– Самая прямая. Хотя звуки такой частоты невозможно услышать в том смысле, что ваши слуховые нервы примут их и передадут в мозг, они, очевидно, могут воздействовать на мозг непосредственно. А это должно как-то на него влиять. Должно быть, такой звук дезорганизует мозг, вносит в него комплекс разрушения, доводит мозг до безумия.

Джек подался вперед, едва дыша;

– Так вот, что случилось на корабле «Привет, Марс – IV»! Так вот, что случилось сегодня в парке!

Гилмер медленно и печально кивнул:

– В этом не было злого умысла, я уверен. Помпон не хотел вреда никому. Просто он был одинок и напуган, и пытался найти контакт с кем-нибудь разумным, поговорить с кем-нибудь. Когда я взял его с корабля, он спал, или находился в состоянии прострации. Наверно, он погрузился в сон как раз вовремя, чтобы спасти Купера от воздействия ультразвука в полном объеме. Может, Помпон много спит – это хороший способ сохранения энергии.

Похоже, вчера он время от времени просыпался, но, наверно, на полное пробуждение ему нужно какое-то время. Вчера я заметил исходявшие от него на протяжении всего дня слабые вибрации. Сегодня утром вибрации усилились. Я положил в камеру несколько различных видов пищи, в надежде, что он поест чего-нибудь и даст мне ключ к выбору диеты для него, но он ничего не стал есть, хотя и подвигался немного. Крайне медленно, хотя, по моему, для него это была просто-таки бешеная скорость.

Вибрации все усиливались. Вот тогда-то в зоопарке и воцарился сущий ад. Похоже, он снова задремал, и все утихомирилось.

Гилмер взял в руки ящичек с присоединенными наушниками.

— Это я одолжил у Эйплмана в лаборатории акустики. Сперва вибрации поставили меня в тупик, я не мог понять их природы. Затем мне пришло в голову, что это может быть звук. Вот это одна из игрушек Эйплмана. Они еще пребывают в стадии разработки, но уже позволяют «слышать» ультразвук. Конечно, слышать не по-настоящему, а только создавать впечатление о природе звука, психологически исследовать его, перевести ультразвук в подобие того, что можно услышать.

Он протянул наушники Вудсу, поднес ящичек к стеклянной камере, установил на ней и подвигал взад-вперед, чтобы поймать исходящий от марсианского животного ультразвук.

Вудс надел наушники и, затаив дыхание, стал ждать.

Он ожидал услышать высокий, тонкий писк, но звука не было. Взамен его охватило чувство жуткого одиночества, недоумения, непонимания и отчаяния. Постепенно в его сознании крепло ощущение беззвучных жалоб страшного одиночества и беспомощности — надрывающий душу стон по утраченному дому.

И Вудс понял, что слышит, как причитает марсианский зверек, как он плачет, словно потерявшийся в бурю щенок.

Вудс вскинул руки, сорвал наушники и воззрился на Гилмера чуть ли не с ужасом.

— Ему одиноко. Он плачет о Марсе, как заблудившийся ребенок.

Гилмер кивнул:

– Теперь он не пытается ни с кем заговорить, просто лежит там и выплакивает боль своей души. Теперь это не опасно. То есть, не слишком, но опасно все равно.

– Но вы были здесь весь вечер, – воскликнул Вудс, – и с вами ничего не стало, вы не сошли с ума.

Гилмер покачал головой:

– Нет, не сошел. Только животные, да и то через некоторое время этот зверек перестал бы представлять угрозу для них – потому что Помпон разумен. Его отчаянные попытки – поговорить хоть с кем-нибудь – раз за разом касались моего мозга... но не задерживались. Он уклонялся, он игнорировал меня.

Видите ли, еще на корабле он понял, что человеческий мозг не в состоянии общаться с ним, он распознал в нас чуждые ему существа – и потому больше не тратит время на попытки общения с человеком. Но взамен он обратился к мозгу обезьян, слонов и львов, в отчаянной надежде отыскать кого-нибудь, с кем можно переговорить, кого-нибудь разумного, кто сумел бы объяснить, что же случилось, рассказать, куда он попал и утешить, дать ему надежду, что еще можно вернуться на Марс.

По-моему, он лишен зрения и других чувств, и может знакомиться с окружением только при помощи ультразвукового голоса. Наверно, на Марсе он мог общаться со своими собратьями и другими тварями. Двигается он мало – наверно, у него почти нет врагов, и много чувств ему просто ни к чему.

– Он умен, – сказал Вудс. – Умен настолько, что уже нельзя считать его животным.

Гилмер кивнул;

– Вы правы. Быть может, он столь же разумен, как мы с вами. Быть может, он является плодом деградации некогда правившей Марсом великой расы...

Он выхватил сигару изо рта и в ярости швырнул ее на пол:

– К чертям собачьим, что толку гадать?! Наверно, мы с вами этого не узнаем. Может, человечество никогда этого не узнает.

Гилмер подхватил баллон с угарным газом и покатил его к стеклянной камере.

– А надо ли убивать его, док? – прошептал Вудс. – Обязательно ли его убивать?

Гилмер яростно развернулся в его сторону:

– Ну конечно, я обязан его убить! – заорал он. – А что, если всплывет история насчет того, что Помпон прикончил ребят на корабле, а сегодня еще и этих зверей? А что, если он еще кого-то доведет до помешательства? В ближайшие годы рейсов на Марс не будет, общественное мнение сделало это невозможным. А когда на Марс полетит следующий корабль он получит инструкцию не привозить никаких Помпонов и приготовиться к воздействию ультразвука.

Он повернулся к баллону, затем снова к Вудсу:

– Вудс, мы старые друзья, вместе мы выпили немало пива. Вы не растрезвоните об этом, Джек, а?

Гилмер расставил ноги пошире и рявкнул:

– Если да, то я вас прикончу!

– Нет, – сказал Джек, – только крохотную историю: Помпон скончался, не перенес земной жизни.

– И еще одно: и мне, и вам известно, что ультразвук в тридцать миллионов герц способен превратить человека в бешеного зверя. Мы знаем, что этот звук распространяется в воздухе, вероятно, на большие расстояния. Подумайте, какое оружие могут заполучить разжигатели войны! Наверно, со временем они узнают об этом, но только не от нас!

– Поторопитесь, – с горечью сказал Вудс. – Поторопитесь, пожалуйста. Не заставляйте Помпона страдать дальше. Люди его в это впутали, людям и расхлебывать. Если бы он знал, он был бы вам только благодарен за эту смерть.

Гилмер снова взялся за баллон.

А Вудс потянулся к телефону и набрал номер «Экспресс».

Мысленно он еще слышал детский плач, тот безысходный, беззвучный крик одиночества, отчаянный стон тоски по дому, исходивший от бедного съездившегося звереныша, которого завезли за пятьдесят миллионов миль от родного дома. Он вопил, он молил, чтобы услышал хоть кто-нибудь, чтобы в ответ донеслось хоть слово – но так и не дождался отклика.

– «Ежедневный экспресс», – послышался в трубке голос ночного редактора Вилла Карсона.

– Это Джек, – сказал репортер. – Мне казалось, что тебе нужно что-нибудь для утреннего выпуска. Помпон только что умер – ага, Помпон с «Привет, Марс – IV» – ну да, постреленок не смог этого вынести.

Позади себя он услышал шипение: Гилмер открыл вентиль баллона.

– Да, Билл, – добавил Вудс. – Я тут думал, как подать. Можешь сказать, что этот малый умер от одиночества... ага, вот именно, горевал о Марсе... Ну да, пусть мальчишки напишут трогательную душещипательную историю...

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

Роман. Пер. А. Григорьева

ПОСЕТИТЕЛИ

Роман. Пер. А. Филонова

БОЛЬШАЯ УБОРКА НА СОЛНЦЕ

Рассказ. Пер. А. Филонова

БЕЗУМИЕ С МАРСА

Рассказ. Пер. А. Филонова

© Исправленный перевод ТПО „ИНТЕРФЕЙС”

ЛР № 090046 от 27.01.93. Подписано в печать 27.01.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офс. № 1. Объем 28 п. л.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 9 — 1993 г. Зак. № 40.

ИПЦ «Вазар-Ферро». 1993 г.

125047, Москва, 4 Тверская-Ямская, д. 14, стр. 3, кв. 37.
ТПО «Интерфейс»

Отпечатано в АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

